МАРШАЛЫ СТАЛИНА

МИХАИЛ

КАТУКОВ

КАК Я БИЛ ГУДЕРИАНА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Имя Маршала бронетанковых войск Михаила Катукова сейчас не очень известно. Зато каждый, кто интересовался ходом Берлинской операции, помнит, что такое Зееловские высоты. А ведь именно танки Катукова ломали там оборону противника.

А началось все осенью 1941 года, когда вражеские танки рвались к Москве. Но в решающий момент в числе других соединений им преградила путь 4-я танковая бригада под командованием Михаила Ефимовича, автора этой книги. Танкист, который смог встать на пути у самого Гудериана и дойти через все знаменитые битвы Великой Войны до вражеской столицы. Он сам рассказал о себе и о войне.

- Михаил Катуков
  -
  - Глава 1. Трудный урок
  - Глава 2. Бригада идет в бой
  - Глава 3. Самый длинный день
  - Глава 4. На новые рубежи
  - Глава 5. Удар по выступу
  - Глава 6. Ни шагу назад!
  - Глава 7. Вперед, только вперед!
  - Глава 8. И с фланга, и с тыла
  - Глава 9. На двух фронтах
  - Глава 10. Еще одна задача
  - Глава 11. Рождение армии
  - Глава 12. А выстояв – победили
  - Глава 13. Открылась дорога на Днепр
  - Глава 14. С плацдарма – в прорыв
  - Глава 15. Там, где начинали войну
  - Глава 16. Армия пробивает брешь
  - Глава 17. У старых границ рейха
  - Глава 18. Бутылка морской воды
  - Глава 19. И грянул залп победы

Михаил Катуков
Как я бил Гудериана

© Катуков М.Е., 2015
© ООО «ТД Алгоритм», 2015

* * *

Глава 1. Трудный урок

После тяжелых почти двухмесячных боев выдалось пять суток затишья. Пять дней мы приводили себя в порядок: ремонтировали покалеченные орудия и машины, подвозили из тыла боеприпасы, запасались продовольствием, чинили обмундирование и обувь. За эти пять суток удалось отоспаться.

Как всякий поворотный день в жизни, 18 августа 1941 года запомнилось мне со всеми подробностями.

Вот уже несколько дней сильно поредевшие части дивизии удерживали высоты в районе Малина. Дрались мы отчаянно, иногда контратаковали и вот теперь вынудили гитлеровцев перейти даже к обороне.

На смену ливневым дождям в Полесье пришла жара. В бледно-голубом небе – ни облачка. Ветерок гонит волны по безбрежным просторам колосящейся пшеницы. Гнутся ветви яблонь под тяжестью богатого урожая. По утрам сверкает на траве обильная роса, но взойдет солнце и опять сушь, опять небо по-прежнему дышит зноем. И в этом бездонном, высоком небе хорошо видны серебряные крестики самолетов-корректировщиков, слышен их надсадный гул.

Согнувшись, мы пробираемся с подполковником П. В. Перерва по ходу сообщения на наблюдательный пункт. Наверное, кто-то из нас неосторожно высунул голову из-за бруствера – тотчас же тишину прорезала пулеметная очередь, и несколько раз тявкнула малокалиберная пушка. Дрогнула земля, и тонкими струйками посыпался песок со стенок хода сообщения. Противник держал наши позиции под неусыпным наблюдением.

Пробравшись наконец на НП и рассматривая передний край обороны противника, мы пытались разгадать его замысел.

Из донесений нашей разведки мы знали, что против нас действуют части 40-й, 42-й и 44-й пехотных дивизий противника. Кроме того, гитлеровское командование перебрасывало в этот район 98-ю и 99-ю пехотные дивизии. Ясно, что пауза, предоставленная нам, нужна была врагу для перегруппировки сил и подтягивания резервов. Нужно ждать удара. Но где и когда он последует? А в том, что фашисты его нанесут в ближайшее время, мы не сомневались.

Отсюда, с высотки, поросшей кустарником, передний край обороны врага просматривался хорошо. Всего каких-нибудь четыреста метров отделяют нас от его окопов. Видны холмики свежей земли, слышен гул моторов, заметно передвижение пехоты.

– Что они затевают? – спрашивает меня Перерва, отрываясь от бинокля. У него загорелое, почти коричневое лицо, на котором выделяются большие серые глаза. Худощавую фигуру туго перехватывают ремни. Плечо оттягивает трофейный автомат.

– Они собираются перерезать шоссе, – ответил я, – чтобы помешать отходу наших частей к Киеву.

– Но это же невероятно! – вырвалось у Перервы. – Немцы – в Киеве! Вы можете себе это представить?

– Не могу. Фрицы гуляют по Крещатику… Черт знает что такое! Но разве мы могли себе представить, что они возьмут Житомир?

Перерва не успел ответить. ««Воздух!» – подал сигнал тревоги наблюдатель. И мы тут же услышали тяжелый, медленно нарастающий гул моторов.

– Ну вот, – усмехаясь, проговорил Перерва, – «отпуск» кончился. Приступаем к работе…

С запада наползало несколько звеньев фашистских бомбардировщиков. Они шли на нас. Пригибаясь, мы с Перервой побежали по ходу сообщения. Не успели добраться до КП, как воздух наполнился стрекотней пулеметов – это заработала счетверенная зенитная установка.

«Юнкерсы» неторопливо перестраивались – теперь они образовали цепочку. От передних самолетов отделились тяжелые капли бомб. Над передовыми окопами брызнули комья, земля содрогнулась. Хотя было раннее утро, но казалось, что наступили сумерки: пыль и гарь заволокли наши позиции. Земля ходила ходуном.

Больше всего меня беспокоили наши батареи, замаскированные на опушке леса. Если лишимся артиллерии, значит, лишимся всего. Я приказал телефонисту соединить меня с подполковником Цикало. Голос того был спокоен.

– Лупят мимо, – доложил он.

Из мотострелкового полка сообщили, что и там налет пока не причинил существенных потерь. Большую часть бомбового груза гитлеровцы сбросили на ложные окопы, отрытые пехотинцами два дня назад.

Немцы бомбили нас с полчаса, а когда грохот бомбежки прекратился, и самолеты противника гуськом потянулись на запад, мы увидели, как внизу, среди дымившихся хлебов, появились танки. За ними черными точками рассыпалась пехота. Танки шли немного левее наших позиций.

– Не иначе как метят в стык нашей дивизии с соседями, – высказал предположение Перерва, отряхивая гимнастерку от пыли.

– Так оно и есть, – согласился я, глядя в бинокль на лесистый взлобок, где оборонялась 45-я стрелковая дивизия генерал-майора Г. И. Шерстюка.

Танки противника открыли бешеный огонь. Взлобок заволокло пылью. Видно было, как передние машины ворвались на позиции стрелковой дивизии и как цепочка наших бойцов, выбравшись из окопов, побежала. Видно было также, что под огнем немецких автоматчиков, эта цепочка редела.

– Почему же молчат их орудия?! – закричал Перерва.

Я не успел ответить: на КП появился запыхавшийся командир, весь в пыли и копоти.

– Я от генерала Шерстюка, – заговорил он, еле переводя дыхание. – Плохо дело, товарищ полковник… Фрицы ворвались на батарею. Перебили всех людей и захватили орудия. Генерал Шерстюк просит помощи.

Не успел я выслушать посланца соседа, как Перерва доложил мне, что гитлеровцы смяли боевое охранение нашей дивизии и ворвались на позиции мотострелкового полка. А самое неприятное в этом сообщении было то, что, потеснив наши части, противник перерезал шоссейную дорогу, идущую от станции Чеповичи через село Владовка на север.

Нужно было принимать срочные меры. Я попросил телефониста связать меня с начальником штаба полковником Н. Д. Чухиным и приказал ему поставить в строй всех – от работников штаба до шоферов. Это был мой последний резерв.

Между тем танки противника, стреляя на ходу, миновали низину и устремились к нашим окопам. Много ли могли против них сделать наши бойцы, вооруженные бутылками с зажигательной смесью да гранатами?

– Смотрите! – вдруг крикнул Перерва, дергая меня за рукав.

В боевых порядках гитлеровских машин взметнулись султанчики разрывов. Один, другой, третий…

– Кто это стреляет? – удивился я, оглядываясь. – Ведь наши пушки у шоссе!

И вдруг слева от нас, в кустарнике, увидел батарею противотанковых орудий. Около нее суетились артиллеристы. Это было похоже на чудо. Откуда взялась эта батарея? Кто так неожиданно поспел нам на выручку?

На поле уже горело несколько машин. Пехота противника залегла: батарейцы дали несколько залпов картечью. Огонь наших случайных спасителей был исключительно меток, и гитлеровцы, оставив на поле боя с полдюжины машин, повернули вспять.

Уже после боя посланный мною командир побеседовал с

артиллеристами и выяснил, что выручила нас батарея, пробиравшаяся из окружения. Увидев, насколько положение стало для нас угрожающим, артиллеристы выбрали удобную позицию и вступили в бой.

Но временный успех под станцией Чеповичи не облегчил положения дивизии. Выйдя на шоссе, противник по-прежнему угрожал нашим тылам.

В полдень ко мне на КП прибыл генерал-майор Г. И. Шерстюк, пожилой, морщинистый, бритоголовый человек. На его темном от загара и пыли лице щурились маленькие светлые глаза.

Комдив говорил с сильным украинским акцентом. Несмотря на пережитое, он не утратил ни бодрости, ни чувства юмора.

– От нимцы, бисовы дети! Шуганули меня! – Он снял фуражку, вытер взмокший лоб. – Эх, мама ридна, хоть бы дюжинку танков. Так я бы их…

Я сообщил, что с танками и у меня положение не лучше, хотя и считаюсь командиром танковой дивизии.

Г. И. Шерстюк особенно горевал, что лишился конной тяги. Орудия отбили их еще можно привести в порядок, но лошади… Что делать без лошадей?

Посоветовались мы с Гавриилом Игнатьевичем и решили действовать так. От местных жителей было известно, что немцы засели в селе Владовке силами до полка мотопехоты, перекрыв нам дорогу на север. Выбить их – наша главная задача. В противном случае мы опять окажемся в окружении.

Село полукольцом охватывала дубовая рощица. В ней-то мы и сосредоточили свои скромные силы. После первых же выстрелов в селе начались пожары. Темные клубы дыма потянулись к небу. Мотострелковый полк Перервы и остатки дивизии Шерстюка с трех сторон окружили село и под прикрытием артиллерии и пулеметного огня поднялись в атаку.

Я сел в броневик и двинулся за наступающими частями. Неподалеку от села меня встретил офицер связи. Он доложил, что Владовка взята, и немцы спешно отступили на запад.

Час спустя уже в селе я опять встретил генерала Шерстюка. Он стоял в саду у околицы и гладил приземистого гнедого битюга. Вокруг него толпились бойцы.

– О, добрый конь! – говорил он, поглаживая гриву лошади. – Вот это сила!

Я подошел к генералу. И тот крепко стиснул мне руку. Оказалось, что бойцы нашего мотострелкового полка захватили в селе целый артдивизион на конной тяге. Боеприпасов к немецким орудиям было мало. Так что вряд ли орудия нам могли

пригодиться. Но вот лошади… Для Шерстюка и его дивизии они были необходимы в первую очередь. Ему мы их и оставили. А орудия я тут же приказал вывести из строя…

После боя решил умыться, почиститься – словом, привести себя в порядок. Но в это время в хату вбежал адъютант и подал телефонограмму из штаба корпуса. Мне предписывалось сдать командование дивизии подполковнику П. В. Перерве и срочно явиться в штаб корпуса.

С недоумением вертел я листок бумаги. Что бы это могло означать? То ли дивизию собирались перебросить на другой участок, то ли меня ожидало что-то другое? Ознакомил своих товарищей с телефонограммой. Накоротке переговорил с подполковником Перервой, Лишних слов не требовалось: он и сам знал обстановку не хуже меня. Я был уверен, что он справится с должностью командира дивизии, и, как потом показали события, не ошибся в этом офицере.

Проводить меня собрались почти все командиры штаба. Как-никак, а за два месяца непрерывных боев мы привыкли друг к другу, сработались. Нас связывала та молчаливая и прочная дружба, которая рождается только в боевых условиях. На прощание обнялись, расцеловались. Кто знает, придется ли еще свидеться? Начальник медико-санитарной службы дивизии Ефим Абрамович Бурштейн сунул мне на дорогу сверток с сухарями и консервами.

Переваливаясь с боку на бок, «эмка» выехала за околицу. Я оглянулся: товарищи махали мне вслед. К горлу подкатил комок. В глазах водителя Кондратенко я заметил слезы. Да, тяжело прощаться с людьми, с которыми тебя прочно связывают нити фронтовой дружбы.

…В штабе 9-го механизированного корпуса меня принял генерал-майор технических войск А. Г. Маслов, сменивший ушедшего на повышение К. К. Рокоссовского.

– Ну что ж, Катуков, – сказал он, пожимая мне руку, – дрались вы неплохо. Мы представили тебя к ордену боевого Красного Знамени…

Я сказал приличествующие случаю слова, а Маслов между тем продолжал:

– А сейчас собирайся в Москву. Тебя вызывает начальник Главного автобронетанкового управления генерал-лейтенант Федоренко. Насколько я понял, речь идет о новом назначении. Пусть в твоем новом соединении будет побольше современных танков… Желаю успеха!..

Побольше танков! Кто тогда из танкистов не мечтал об этом? Мы тепло простились с командиром корпуса, и я отправился в

путь. Предстояло еще заехать в штаб Юго-Западного фронта, чтобы получить открытый лист на заправку машины и проездные документы. Он располагался тогда в небольшом местечке Бровары, севернее Киева, по дороге на Чернигов. Прямую дорогу Житомир – Киев немцы уже успели к тому времени перерезать. Пришлось добираться кружным путем – через Полесье, Чернигов, через дремучие леса. Мы добрались в Бровары на следующий день.

В селе сновали машины, броневики, на каждом шагу часовые требовали документы. Не терпелось получить из первых рук информацию о положении на фронте. К кому пойти? Знакомых тут у меня не было. Время горячее – все заняты по горло. Однако набрался храбрости и зашел в хату, где размещался штаб фронта.

В маленькой, приземистой хатке с цветами на подоконниках и фотографиями в самодельных рамках на стенах меня принял генерал – высокий человек с тонким интеллигентным лицом. Это и был, как выяснилось из дальнейшей беседы, начальник штаба фронта генерал-майор В. И. Тупиков.

Он спросил о положении дивизии, о силах немцев на нашем участке. Чувствовалось, что ему интересно было беседовать с человеком, который только что с передовой, из самого пекла. И получилось, что рассказывать пришлось мне. Правда, через несколько минут в комнату вошел старший лейтенант и передал начальнику штаба какую-то бумагу. Начальник штаба прочитал ее и нахмурился.

– Вот, ознакомьтесь, – он передал бумагу мне. Это был только что переведенный текст приказа командующего 6-й гитлеровской армией фельдмаршала Рейхенау. Смысл его заключался в том, что верховное командование вермахта поставило задачу уничтожить 5-ю армию до того, как ей удастся отойти за Днепр. Для этого гитлеровцы намеревались ударить по нашей армии смежными флангами групп армий «Центр» и «Юг».

– Как видите, – сказал начальник штаба фронта, когда я кончил читать приказ, – гитлеровцы уделяют пятой армии особое внимание. Они собираются разгромить ее флангами двух своих сильнейших группировок. Но нам придется их разочаровать, – добавил генерал-майор В. И. Тупиков усмехаясь. – Мы выведем ее из-под удара.

И действительно, впоследствии 5-я армия, совершив искусный марш-маневр, без существенных потерь вырвалась из полуокружения и отошла в район Чернигова.

– Так вот, – продолжал начальник штаба, сворачивая приказ Рейхенау, – вернемся к нашим делам. Решено вашу дивизию свести в двадцатый мотострелковый полк, а танковые экипажи

отправить в тыл – в пункты формирования новых частей.

– Что ж, – согласился я. – Как ни жаль дивизии, а решение правильное. В строю осталась треть личного состава, а вместо положенных трехсот семидесяти пяти танков – ни одного.

Начальник штаба фронта обрисовал мне ситуацию, сложившуюся на участке, занимаемом 5-й армией. Она стойко оборонялась в Коростеньском укрепрайоне, который доставил немало хлопот командованию групп армий «Юг» и «Центр». Находясь между этими группами армий, он создавал для них постоянную угрозу.

Впоследствии, когда усилиями участников боев, историков и мемуаристов удалось восстановить картину героических боев 5-й армии, стало очевидно, что она сыграла важную роль в срыве вражеского замысла по захвату Киева с ходу. В результате многократных контрударов этой армии противник понес большие потери. Командование группы армий «Юг» было вынуждено оттянуть крупные силы с киевского направления, ослабив тем самым главный удар.

Но все это стало известно после войны. А тогда после короткой беседы мы простились с генералом Тупиковым, договорившись при удобном случае встретиться в Москве. Конечно, мне и в голову не приходило, что я вижусь с этим обаятельным человеком в последний раз.

К сожалению, 5-я армия разделила трагическую судьбу Юго-Западного фронта. Как известно, командующий фронтом генерал-полковник М. П. Кирпонос и начальник штаба фронта генерал-майор В. И. Тупиков погибли. Тяжело раненный, член Военного совета дивизионный комиссар Е. П. Рыков попал в плен. Подвергнув пыткам и не добившись от него ничего, гитлеровцы расстреляли Е. П. Рыкова. Что касается командующего 5-й армией М. И. Потапова, то он тоже испытал все ужасы фашистского плена. Но командарм с честью вышел из этого испытания. Уже после войны он работал заместителем командующего войсками Одесского военного округа.

И чтобы закончить далеко не полное повествование о тех, с кем мне пришлось встретиться и воевать в августе сорок первого, хочу сказать несколько слов о подполковнике П. В. Перерве. Вместе с остатками бывшей 20-й танковой, а затем 20-го мотострелкового полка ему удалось вырваться из окружения и выйти к своим. Об этом я узнал весной сорок пятого. Уже будучи командармом 1-я гвардейской танковой армии, я встретил в Саксонии, в Дрездене, генерала, лицо которого показалось мне знакомым. Это был П. В. Перерва. Мы обнялись. Из рассказа моего бывшего боевого товарища я узнал о дальнейшей судьбе

воинов 20-й танковой дивизии.

Но это было в сорок пятом. А тогда, жарким августовским днем сорок первого, после беседы с начальником штаба фронта я зашел в управление кадров Юго-Западного фронта, оформил документы, открытый лист на заправку машины и, сев в свою пропыленную «эмку», поспешил в Москву. Мысли невольно возвращались к боевым товарищам, оставшимся на высотах у Житомирского шоссе. Преграждая путь врагу к Киеву, они остались, как указывалось в приказе, «вплоть до смены другими частями». Как они там? Выстоят ли?

Мой путь лежал через Конотоп, Глухов, Севск, Дмитровск, Орел, Тулу. Мог ли я тогда предположить, что пять недель спустя по этим же местам пойдут и танковые колонны Гудериана, которые мы сильно потреплем у Орла и Мценска?

…Так закончился первый период моей военной биографии. А начался он, как и для большинства людей моего поколения, двадцать второго июня.

Война застала меня в Киевском окружном военном госпитале. Она ворвалась в тихую палату грохотом взрывов и звоном разбитого стекла. Только к полудню мы, пациенты, узнали, что бомбежка украинской столицы немецкими бомбардировщиками – не просто провокация, как думали тогда многие, а начало настоящей воины.

Хотя шов после операции еще как следует не зарубцевался, а температура часто держалась на отметке «тридцать восемь», мне все же удалось уговорить лечащего врача выписать меня из госпиталя.

На попутной машине добрался до городка, в окрестностях которого тогда дислоцировалась 20-я танковая дивизия, входившая в состав 9-го механизированного корпуса К. К. Рокоссовского. Ехал со щемящей тревогой на душе. Уж я-то хорошо знал, что дивизия еще находится в стадии формирования и не готова к серьезным боям. По штату нам полагались танки последнего выпуска Т-34 и КВ. Их обещали поставить в июле сорок первого. А пока весь наш парк состоял из 33 учебных подержанных и побитых БТ-2, БТ-5. Другие части дивизии тоже были недоукомплектованы.

В артиллерийском полку имелись только гаубицы. Мотострелковый полк вообще еще не получил артиллерию, а понтонный батальон – понтонный парк. Батальон связи располагал лишь учебной аппаратурой. Словом, дивизия еще была далеко не укомплектована людьми и техникой.

Когда вечером 23-го я добрался наконец до городка, гитлеровцы непрерывно бомбили железнодорожную станцию.

Длинные языки пламени обвивали станционное здание, и клочья черного дыма тянулись в высокое вечернее небо. В воздухе висела пыль и гарь. На повозках, тарахтевших по мостовым, на автомобилях везли раненых и убитых, война уже открыла свой кровавый счет.

В штабе дивизии выяснил, что два танковых полка под командованием моего заместителя полковника В. М. Черняева уже выступили по направлению к Лупку. После неоднократных попыток мне удалось связаться по телефону с К. К. Рокоссовским. Я доложил о прибытии и просил уточнить обстановку. Голос комкора был ровен и спокоен. Впоследствии мне пришлось воевать с Константином Константиновичем не один месяц, приходилось бывать и сложнейших ситуациях, и всегда я не переставал удивляться исключительной выдержке этого человека, его безукоризненной вежливости со всеми – от рядового солдата до маршала.

К сожалению, комкор располагал пока скудными сведениями. Мне удалось выяснить, что корпус подчинен 5-й армии генерал-майора танковых войск М. И. Потапова. Вместе с другими подвижными соединениями Юго-Западного фронта механизированный корпус получил приказ нанести удар во фланг прорвавшейся группировке противника. Но каковы силы этой группировки, каков замысел ее командования – этого Рокоссовский сообщить пока не мог.

Необходимо было срочно перебросить к Луцку, отстоявшему от городка на 200 километров, и другие части дивизии. Эвакуировать семьи комсостава.

Мы собрали все имеющиеся машины и начали марш. К сожалению, было их немного, поэтому пришлось перебрасывать войска перекатом. Автомобилисты выбрасывали две-три роты километров на тридцать вперед, а дальше эти роты двигались в пешем строю. Грузовики же торопились назад, чтобы подтянуть другие подразделения.

Так перекат за перекатом двигались мы навстречу противнику.

Первый бой произошел 24 июня у местечка Клевань. Разведка сообщила, что по соседству расположились на отдых моторизованные части 13-й танковой дивизии противника. После изнурительного марша солдаты валились с ног от усталости, но времени на отдых не было. Дивизия получила приказ атаковать врага.

Основной огневой силой нашего соединения был артиллерийский полк (24 орудия). Он состоял из двух дивизионов: один – из 152-миллиметровых, другой – из 122-

миллиметровых гаубиц. Командовал полком майор С. И. Юрьев. Поставив орудия на прямую наводку, артиллеристы расстреливали танки и пехоту противника. Отважно сражались в этом первом бою мотострелковый полк подполковника П. В. Перервы и наш понтонный батальон, превращенный в стрелковый. По нескольку раз в этот день поднимались в атаку и переходили в рукопашную герои-пехотинцы.

Но в этом первом неравном бою мы потеряли все 33 наши учебные «бэтушки». Наши БТ не представляли собой грозной силы, к тому же использовали мы их неправильно. С такими быстроходными, но слабобронированными и легковооруженными машинами нельзя было ввязываться в открытый бой. Но горький урок не прошел даром: и не только потому, что за каждый наш танк немцам пришлось заплатить по нескольку танков, – опыт боев на Украине, и в частности именно этот бой под Клеванью, впервые заставил меня задуматься над вопросом широкого использования тактики танковых засад. Эта тактика впоследствии в боях под Орлом помогла нам с малыми силами нанести серьезный урон 24-му танковому корпусу Гудериана.

Под Клеванью понесли мы первые потери. Погиб в этом бою командир 40-го танкового полка майор Л. Г. Третьяков. Он сгорел в танке, возглавляя атаку полка. Меня связывали с ним годы совместной службы. Военная судьба разлучала неоднократно, пока снова не свела в 20-й танковой.

Рослый, широкоплечий, с красивым открытым лицом, Третьяков любил военную службу. Для него она была призванием. Не помню его праздным, скучающим. Энергия в нем била через край. Он всегда был в заботах и хлопотах.

Первая победа под Клеванью обошлась нам дорого. Но она ободрила нас, укрепила уверенность в своих силах. Мы захватили богатые трофеи: много автоматов, винтовок, пулеметов, боеприпасов и пистолетов «парабеллум». Были захвачены первые пленные.

Из допроса пленных и захваченных документов мы выяснили, что 13-я танковая дивизия противника переброшена на советско-германский фронт из Франции. Об этом свидетельствовали и найденные у фашистов французские духи, вино, шоколад, открытки с видами Парижа.

Обойдя сожженные и подбитые танки врага, я увидел, что они сделаны не только в Германии. Кроме немецких Т-II, Т-III, Т-IV здесь были и чехословацкие машины завода «Шкода», и французские – «Шнейдер-Крезо», «Рено», и даже захваченные в Польше танкетки английских заводов «Карден-Лойд». Я воочию убедился, что на Гитлера работала вся промышленно развитая

Европа. Не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы прийти к выводу: борьба с вторгнувшимся на нашу территорию противником будет ожесточенной, и наш успех под Клеванью пока временный.

И действительно, в течение трех следующих дней – 26–28 июня – наша дивизия, как, впрочем и вся 5-я армия, вела тяжелейшие бои в районе Дубно, сдерживая ожесточенный натиск частей 3-го моторизованного корпуса противника. Враг непрерывно бросал в бой крупные танковые и авиационные силы. Но соединения 5-й армии – 9-й, 22-й и 19-й механизированные корпуса – не только отразили все атаки врага, но и по приказу командующего фронтом 29 июня нанесли контрудары с рубежа Луцк-Гоща в общем направлении на Дубно. В результате этого удара 5-я армия осуществила глубокий прорыв на юг, на несколько дней задержав наступление противника. Это обстоятельство зафиксировал в своем дневнике Гальдер: «I июля западнее Ровно последовало довольно глубокое вклинение русских пехотных соединений из района Пинских болот во фланг 1-й танковой группы».

Но, к сожалению, все это были временные успехи.

6-я полевая немецкая армия, та самая, что впоследствии была окружена и разгромлена под Сталинградом, совместно с 1-й танковой группой Клейста продолжала наносить удары южнее нас, в стык наших 6-й и 5-й армий. Гитлеровцы ввели в прорыв моторизованные части и устремились к Житомиру. Нам ничего не оставалось, как отойти. Мы отступали дорогами Южного Полесья с тяжелыми боями, но организованно, нередко сами переходили в контратаки.

Сверху требовали: «Ни шагу назад!». Но этот казавшийся на первый взгляд волевым приказ диктовался часто полнейшей неосведомленностью о реальном положении дел.

Тяжелое положение сложилось для 20-й танковой дивизии в районе бывшей немецкой колонии Гринталь. Мало того, что мы потеряли связь со штабом корпуса и отступали под непрерывным воздействием танковых колонн противника. Неожиданно мы услышали грохот канонады у себя в тылу. Выяснилось, что соседняя 35-я дивизия, тоже танковая, отошла, не успев предупредить нас, и наши фланги остались открытыми. Мы оказались почти в окружении. Для отхода в тыл оставался коридор шириной каких-нибудь несколько сотен метров. Так и не связавшись с корпусом, на свой страх и риск я принял решение отступать. Не мог же я допустить, чтобы дивизия стала легкой добычей противника.

Коридор, по которому мы отходили, уже простреливался

вражеской батареей, а у нас не было огневых средств, чтобы подавить пушки противника. Оставшаяся у нас артиллерия сдерживала своим огнем наседавшие с фронта танки гитлеровцев. К счастью, к нам присоединились сильно потрепанный в боях танк Т-26, экипаж которого выходил из окружения, да еще счетверенная зенитная установка. Появился, вернувшись из очередного рейда, и наш разведчик В. С. Катушев на своем броневичке.

Этот человек словно в рубашке родился. Работа у него была горячей. Бывало, отступим на новые позиции, и Катушев отправляется по моему приказу устанавливать связь с соседями. Ситуация в те дни, как известно, менялась ежечасно. Приезжает он в село, где, по нашим сведениям, должны быть советские части, а там уже передовой отряд противника.

Из стычек с фашистами Катушев не только выходил победителем, но и трофеи привозил. Его тяжелый броневик с башней от танка БТ, 45-миллиметровой пушкой и пулеметом был словно заговорен. Ни один фашистский снаряд не мог его подбить. Правда, однажды болванка угодила в капот, прошила броню, пролетела между водителем и сидевшим рядом Катушевым и с шипением ударила в снарядницу. Казалось, катастрофа неминуема. Но Катушев метнулся к снаряднице и выбросил снаряды в открытый люк.

Впоследствии мне не раз приходилось встречать таких счастливчиков. Каким-то образом им удавалось выходить из труднейших ситуаций. Катушев принадлежал к их числу. О его ловкости и везучести в дивизии ходило немало разговоров.

Понятно, как обрадовались мы в эту тяжелую минуту его появлению. Подкрепления невелики, но они помогли нам подавить батарею противника и благополучно выйти из окружения. Позже мои действия были одобрены командованием корпуса, хотя, по правде говоря, я ожидал за отход нагоняй.

Сложная обстановка тех трудных дней научила нас военной хитрости. Каждый день начальник артиллерии дивизии подполковник К. И. Цикадо намечал план действий «кочующих» орудий. Батареи дивизионов меняли позиции днем и ночью. У немцев создавалось впечатление, что они имеют дело с крупными артиллерийскими силами. К тому же непрерывная смена позиций позволяла нам уберечь орудия от обстрела и бомбежек.

Прослышали мы, что гитлеровцы боятся наших танков Т-34 и КВ. Но где их взять? Не помню уж, у кого в дивизии родилась мысль сделать макеты тридцатьчетверок. Обшили мы несколько транспортных машин фанерой, приделали деревянные пушки, покрасили в защитный цвет. Слоят такие пугала,

замаскированные, в кустарнике или на опушке леса, а рядом ведут огонь настоящие пушки. На пехоту противника это производило впечатление, и на этих участках она не лезла напролом…

Даже теперь, спустя тридцать с лишним лет, я не могу не поражаться тому мужеству, той боевой активности, которые ежедневно, ежечасно проявляли воины 20-й танковой в то трудное для нас время. В лесах и болотах Полесья мы прошли настоящую боевую школу. Несмотря на огромное превосходство врага на земле и в воздухе, нам удалось сохранить воинскую дисциплину. Не припомню в дивизии случая паники. Отходя с боями в составе девятого мехкорпуса, дивизия выполнила главную задачу – вместе с другими частями и соединениями она сдержала продвижение фашистских войск и помешала им осуществить молниеносный выход к Днепру.

* * *

В Главном автобронетанковом управлении меня немедленно принял генерал-лейтенант танковых войск Яков Николаевич Федоренко. Мы были знакомы по совместной службе в Киевском военном округе, а еще раньше по той же Шепетовке, где Федоренко командовал бригадой тяжелых танков.

Яков Николаевич пришел в бронетанковые войска с флота. Во время гражданской войны довелось ему воевать на бронепоезде, что в конечном счете и определило его судьбу. Он стал танкистом. Перед войной Федоренко немало сделал для укрепления боеспособности наших танковых и механизированных войск. Этому делу он отдавал все свои силы.

Но для меня он был еще и товарищем, всегда отзывчивым и приветливым. Бывало, по какому делу ни зайдешь к нему, он тут же усадит тебя, подробно расспросит обо всем и непременно напоит чаем. Большой медный чайник был неизменным его спутником. Всегда в нем дымился кипяток.

Будучи загружен огромной работой и занимая ответственный пост, Федоренко оставался в душе простым, жизнерадостным украинским парубком. В запасе у него была бездна забавных историй, баек, анекдотов, которые он рассказывал с великолепным украинским юмором.

Но в этот раз, войдя в его кабинет, я не мог не обратить внимания на то, что Яков Николаевич за последнее время постарел и осунулся. Мешки под глазами, красные прожилки на белках, серый цвет лица. Видимо, сказалось нервное напряжение

последних месяцев. Но, несмотря на тяжелые известия, поступавшие с фронта, и загруженность, Яков Николаевич не утратил ни своей приветливости, ни сердечности.

– Вот что, Катуков, – сказал он, едва мы успели обменяться рукопожатиями, – принимай четвертую танковую бригаду.

– Бригаду? – удивился я.

– Да, бригаду. Механизированные корпуса и танковые дивизии расформировываются, поскольку многие заводы эвакуируются на восток и выпуск машин временно сократится. Машин для крупных соединений не хватает, поэтому решено спешно создать соединения меньших масштабов – бригады.

Из дальнейшей беседы выяснилось, что бригады, которой мне предстояло командовать как таковой еще не существует, что она находится пока в процессе формирования.

– Выезжай под Сталинград, – заключил нашу беседу Я. Н. Федоренко. – Готовь соединение к тяжелым боям.

Вряд ли стоит доказывать, что новое назначение – всегда большое событие. Ехал я в Москву и думал: как сложится дальнейшая судьба, где будет мое место в той огромной, поистине всенародной битве, которая развертывалась от берегов Белого моря до побережья Черного? И вот конец неизвестности. Впереди – ясная, четкая цель. Если назначили командиром нового формирующегося соединения, значит, предстоит – и в самое ближайшее время – трудная боевая работа. От тебя, во многом только от тебя зависит то, как будет она выполнена.

Сотни километров отделяли Сталинград в августе сорок первого от фронта. В то время город был еще глубоким тылом. Добираться решил на машине – способ наиболее падежный, особенно если за рулем такой человек как Кондратенко. До войны он возил директора одной донбасской шахты, а после мобилизации прикатил к нам в дивизию на директорской «эмке». Не знал я тогда, что с этим человеком меня накрепко свяжет фронтовая судьба. Был Кондратенко ловок, находчив, смел. Во время отступления не раз выручал он меня из тяжелых положений. Я уже рассказывал, как мы вырывались из окружения под Гринталем. Так сложились обстоятельства, что мы с начальником штаба выходили с последней группой, когда гитлеровские автоматчики буквально наседали нам на пятки. Вокруг рвутся снаряды, автоматчики простреливают дорогу, отрезая нам путь. И вдруг смотрю – метрах в двухстах от проселочной дороги нас ждет в кустарнике Кондратенко со своей «эмкой». Она вся изрешечена осколками, но ходовая часть в порядке. Нырнули мы в машину, шофер дал газ – и благополучно выскочили из-под обстрела.

И вот теперь, запасшись продовольствием, мы с Кондратенко пылим по Рязанскому шоссе. Не терпится добраться до места назначения поскорее и поэтому едем без остановок. Глубокой ночью прибыли в Борисоглебск.

Город в глубокой, непроглядной тьме – действует суровый закон светомаскировки. Кондратенко приходится буквально пробираться на ощупь. Надо бы передохнуть после утомительной дороги, но кругом ни души. Тишину нарушает только рокот мотора «эмки» да лай встревоженных нашим вторжением собак. И вдруг видим: на одном из перекрестков в угловом доме из-под неплотно задернутой шторы пробивается свет. Я вышел из машины и постучал. Дверь открыл высокий молодой человек в военной форме. Я предъявил документы, рассказал, кто такой и куда еду.

– Можете ночевать у меня, – предложил молодой человек. – Квартира у меня большая. Дома никого нет. Да и машину есть где поставить. Работаю я в городском отделе НКВД. Фамилия моя Синицын.

Из разговора выяснилось, что наш хозяин – родной брат Ивана Васильевича Синицына, помощника командира роты 235-го Невельского стрелкового полка, того самого, в котором в 1922 году, по окончании 23-х Могилевских курсов комсостава, я был назначен на первую командирскую должность.

В ту борисоглебскую ночь просидели мы с Михаилом Васильевичем Синицыным до третьих петухов. С большой теплотой вспоминал я его брата, а также своего ротного Александра Михайловича Серебрякова – моих первых наставников, учивших меня, молодого взводного, наверное, самому сложному из всех искусств – искусству работать с людьми.

В ту ночь я узнал, что брат его умер, а вдова живет в Сталинграде, куда мы и направлялись. Поэтому по прибытии в город остановились у нее.

Сталинград еще жил мирной жизнью. Разумеется, тогда никому и в голову не приходило, что всего через год он станет ареной жесточайшего сражения, и что именно здесь, на берегах великой русской реки, армия гитлеровской Германии столкнется с поразительным мужеством советского народа и получит такой удар, от которого уже не сможет оправиться.

Но в тот сентябрьский день сорок первого над Сталинградом было мирное, хотя и жаркое, мутное от зноя небо. Деревья в скверах бросали прохладную тень. С Волги доносились гудки пароходов. Война напоминала о себе бумажными крестами на окнах да присутствием госпиталей – изредка встречались

раненые.

В обкоме партии нас познакомили со строителями танков и сообщили адрес формирования бригад.

8 сентября мы наконец добрались до цели. Приехали поздно ночью, когда кроме наряда все спали. Тишина стояла удивительная. Кругом простиралась бескрайняя степь. Решили до утра никого не беспокоить. Спать легли прямо на траве, у машины. Поднялись, когда взошло солнце, и горнист сыграл «Подъем», и пошли знакомиться с людьми.

Народ у нас подобрался хороший, много коммунистов и комсомольцев. И очень ценно то, что обстрелянный: бригада формировалась из экипажей 15-й танковой дивизии, судьба которой схожа с нашей, 20-й. Так же как и наша, она имела на вооружении мало танков, но оказала немцам упорное сопротивление и приобрела ценный опыт боев.

До моего приезда обязанности командира бригады исполнял заместитель по строевой части полковник Рябов, энергичный, знающий офицер. Начальником штаба был назначен подполковник П. В. Кульвинский, комиссаром – полковой комиссар М. Ф. Бойко, начальником политотдела – старший батальонный комиссар И. Г. Деревянкин, опытный политработник, бывший до войны инструктором Горьковского обкома партии. Очень повезло мне с помощником по технической части капитаном П. Г. Дынером. До войны он работал на одном из киевских заводов инженером и впоследствии благодаря усилиям возглавляемой им службы подбитые танки быстро становились в строй.

Всю войну прослужил со мной начальником оперативного отдела бригады, затем корпуса и армии капитан М. Т. Никитин, ныне генерал-полковник. Никитин всегда прекрасно разбирался в обстановке и в совершенстве владел искусством штабной работы. Не удивительно, что он вырос в крупного военачальника.

Познакомившись с командирами бригады, дня через два после прибытия я приказал собрать весь личный состав бригады неподалеку от лагеря, прямо в степи. Ни трибун, ни скамеек, конечно, не было. Скрестив по-восточному ноги, люди расселись прямо на траве. Загорелые, в большинстве молодые лица. Взгляды устремлены на меня. Оценивающие, любопытные.

Я знаю: пройдет совсем немного времени и все мы встретимся лицом к лицу с врагом; знаю также, что передо мной не новички, а люди, уже прошедшие через горнило военных испытаний.

Я представился танкистам. Рассказал, как сложилась моя судьба в Красной Армии, где и как воевал в первые дни войны.

Конечно, к тому времени я еще не мог похвастаться большим боевым опытом, но и тот, которым располагал, уже позволял мне говорить об излюбленных тактических приемах врага, о том, как лучше организовать противодействие наступающим танковым силам противника. Я считал своим долгом подготовить личный состав к тому, что в ближайшее время нам придется воевать с превосходящими силами противника, и поэтому от нас потребуется максимум изобретательности, выучки – словом, максимум военного мастерства.

В тот сентябрьский день я еще не знал, что военные пути-дороги сроднят меня с командирами и политработниками бригады и что многие из тех, с кем я познакомился 8 сентября 1941 года, станут прославленными героями. А с некоторыми из них мне доведется дойти по трудным фронтовым дорогам до Берлина.

Незадолго до меня в лагерь прибыла специальная комиссия из Москвы, в задачу которой входило отобрать наиболее опытных и проверенных механиков-водителей, башенных стрелков, радистов, командиров и политработников. Товарищи из Москвы оказали нам большую помощь. В течение двух недель перед членами комиссии проходили бойцы и командиры бывшей 15-й танковой. С волнением вступали они в просторную, светлую комнату, отвечали на вопросы комиссии, а затем с нетерпением ожидали ее решения.

Мы получили огромное количество патриотических заявлений, в которых танкисты клялись сражаться за Родину до последнего дыхания на любом порученном им посту.

Так, впоследствии прославленный танкист П. А. Заскалько в 15-й танковой командовал батальоном. Не помню, из каких соображений комиссия предложила ему должность командира роты.

– Да хоть командиром танка, – заявил он. – Лишь бы на фронт.

Вскоре бригада стала получать материальную часть со Сталинградского Тракторного завода. Первый батальон получил тридцатьчетверки. Мощная броня, легкость управления, подвижность и маневренность – вот что привлекало в этом танке. Эта машина во всех отношениях превосходила немецкие T-II, T-III, T-IV, которые имели на вооружении соответственно 20, 37, 50 и 75-миллиметровые пушки и по своим боевым качествам значительно уступали новым советским машинам. Однако в первые дни войны наша промышленность не имела возможности в достаточном количестве оснастить армию этими великолепными машинами.

Поскольку времени на подготовку и овладение новой материальной частью нам было отпущено мало, помощники командиров подразделений по технической части, механики-водители и солдаты роты технического обеспечения вместе с рабочими участвовали в сборке деталей и агрегатов, изучая машины прямо в цехах.

Нелегко приходилось рабочим Сталинградского Тракторного. На заводе уже тогда были трудности с питанием. Но, не считаясь ни со временем, ни со здоровьем, люди неделями не выходили из цехов. Страна была в опасности. Фронту нужны были машины, и люди трудились самозабвенно.

Такую же самоотверженность проявляли и танкисты. Шла подготовка к решительным боям. И танкисты учились по четырнадцать-шестнадцать часов в сутки.

Совместно с начальником штаба Павлом Васильевичем Кульвинским, комиссаром Михаилом Федоровичем Бойко мы учили экипажи, взводы, роты и батальоны действовать в различных видах боя. Мы стремились ставить людей в наиболее сложные, приближенные к боевой обстановке условия.

Уже после боя под Клеванью, видя преимущество врага в танках и авиации, я стал задумываться над тем, как с максимальной эффективностью применять танковые засады в обороне. Постепенно сложилась такая схема. Мотострелки располагаются в обороне, предварительно отрыв настоящие окопы и ложные. В ложных ставятся макеты душек и пулеметов. Часть этих окопов занимают небольшие группы бойцов с настоящими пулеметами. На их долю выпадает роль «актеров», инсценирующих передний край. Сзади, на небольшом расстоянии, идут настоящие окопы, а дальше, на танкоопасных направлениях, ставятся танки – иногда взвод, иногда просто одна машина. Для маскировки танки используют местные укрытия: кустарники, деревья, скирды хлеба, стога сена, обратные скаты высот. Каждый экипаж готовит себе не одну позицию, а две-три, которые можно менять незаметно для противника. Экипажи заранее определяют ориентиры и расстояния до них. С пехотой, артиллерией, саперами заблаговременно организуется взаимодействие и устанавливается связь или по радио, или специальными сигналами, или посыльными. Все танковые экипажи должны находиться в поле зрения друг друга, готовые прийти на помощь соседу.

Противник начинает вести наземную и воздушную разведку. Засады не обнаруживают себя. Противник боем прощупывает передний край. В действие вступают «актеры» в ложных позициях, артиллерия и минометы с запасных позиций. Танки молчат.

Авиация врага начинает бомбить ложные окопы. «Актеры» незаметно отступают ходами сообщения. И наконец, противник пускает танки в сопровождении пехоты. Наступают самые критические минуты боя.

Стрелки, артиллеристы, минометчики расстреливают пехоту противника. Засады молчат. И только тогда, когда вражеские машины подходят на 200–300 метров, засады выходят на огневую позицию и открывают огонь по атакующим в упор, наверняка. В то же время экипажи засад не выпускают из поля зрения соседей и бьют в борта прорвавшихся танков противника. Получается косоприцельный, перекрестный, губительный огонь.

Командир засады выходит на огневую позицию только в случае крайней необходимости. Откуда-нибудь из окопчика или из-за кустарника следит он за полем боя, намечает цели, определяет прицел и лишь после этого садится в танк, и машина выскакивает, чтобы открыть огонь. Прицел поставлен, пушка приблизительно наведена на цель. Сделав три-четыре выстрела, танк задним ходом отползает в укрытие. Долго стоять на позиции нельзя: экипаж станет жертвой прицельного огня.

Из укрытия командиры снова ведут наблюдение и снова выскакивают на позицию, но теперь уже на другую. Так повторяется несколько раз.

Бой – это целый комплекс сложных проблем, часто настолько связанных друг с другом, что порой трудно разобраться, где причина, а где следствие. Наверняка лишь можно сказать, что успех всегда зависит от правильного решения многих, зачастую косвенных вопросов. Далеко не всегда победа достается стороне, обладающей превосходством в силах. Но почти всегда – стороне, превосходящей в организации боевых действий. Нас, например, волновал вопрос эвакуации танков с поля боя. Вопрос жизненно важный в то время, когда каждая боевая машина была на счету.

По довоенной инструкции вытаскивать с поля боя покалеченные машины должны были сильные тягачи. Но где их взять? Тягачей нам не дали. Пришлось, как говорится, по ходу дела вносить в инструкцию поправки. Мы испробовали в качестве тягачей тридцатьчетверки, КВ, и они справились с этой задачей.

Та же инструкция запрещала десантировать на тридцатьчетверках и других машинах пехоту. Разумеется, эта инструкция была написана для своего времени, с учетом возможностей техники тех дней. Но уже по опыту боев на Украине я пришел к выводу, что успех боевых действий непосредственно зависит от взаимодействия родов войск, в том числе танков с пехотой. В лагере мы убедились, что тридцатьчетверки, а тем более КВ без каких-либо осложнений

несли на броне пехотный десант. Прекрасные сталинградские машины выдерживали дополнительные нагрузки без поломок и аварий.

Незадолго перед отправкой на фронт мы получили новые автомашины, еще не прошедшие обкатку. Каждый грузовик должен был пропылить по степным дорогам вхолостую до тысячи километров.

– Обидно гонять порожняком, – сказал мне П. Г. Дынер, – тем более что окрестным колхозам транспорт нужен до зарезу.

Действительно, в селах наступили страдные дни. На токах молотили хлеб, а вывозить его было не на чем.

Эти мысли я впоследствии изложил в брошюрах «Танковые бои» и «Боевые действия танков», оперативно выпущенных Воениздатом в 1942 году.

Подобрали водителей – в них у нас недостатка не было, – снарядили автоколонну и перебросили хлеб с полей в закрома.

23 сентября бригада погрузилась на платформы. Провожали нас по-праздничному. Колхозники завалили подарками: белым хлебом, арбузами, дынями. Желали возвратиться с победой.

Запомнилось мне выступление на прощальном митинге старого партизана Матросова. Два его сына, Михаил и Александр, отправлялись на фронт в рядах бригады.

– Если надо будет умереть, – говорил он, обращаясь к сыновьям и ко всем воинам бригады, – умрите, но не дайте проклятым фашистам увидеть Москву!

Поезд пошел на северо-запад, к Москве. Скорее всего, сражаться нам придется на подмосковных рубежах. В пути следования несколько раз налетали гитлеровские бомбардировщики. Но дежурившие у зениток артиллеристы встречали их дружным огнем. Сброшенные стервятниками бомбы вреда нам не причинили.

Через пять суток бригада выгрузилась западнее Москвы, на станции Кубинка. Штаб расположился у деревни Акулово. Здесь мне передали 3-й батальон, оснащенный танками БТ. Не успел я познакомиться с его командиром Кожановым, как батальон этот у меня отобрали, перебросили его, видимо, в какую-то горящую точку. Неприятно было сознавать, что бригада ослабела на одну треть. Но что делать – приказ есть приказ.

Глава 2. Бригада идет в бой

Теперь, по прошествии тридцати с лишним лет особенно четко представляешь себе замысел гитлеровского командования на четвертом месяце войны. Командование вермахта планировало главный удар нанести на московском направлении группой армий «Центр» (9, 4 и 2-я полевые армии, 2, 3 и 4-я танковые группы). Немецкие дивизии должны были, прорвав оборону советских частей на брянском и вяземском направлениях, окружить и уничтожить войска Западного и Брянского фронтов, охватить Москву с севера и юга, отрезать ее от восточных баз снабжения и таким образом вынудить советские войска сдать столицу.

Для этой цели Гитлер к концу сентября значительно усилил группу «Центр», доведя ее до 77 дивизий, в их числе было 14 танковых и 8 моторизованных. Примерно 1700 танков сосредоточилось в трех мощных компактных группировках на направлениях главных ударов. На некоторых участках фронта противнику удалось достичь восьмикратного превосходства в танках.

Нашей бригаде впоследствии пришлось воевать против частей 2-й танковой группы генерала Гудериана. Она должна была нанести главный удар в направлении Орел – Тула – Серпухов. Танковая группа генерала Гудериана имела в своем составе около 600 бронированных машин.

После войны мне пришлось прочитать немало мемуаров, всевозможных трудов по истории второй мировой войны. Многие западные авторы приписывают генералу Гудериану теорию массированного применения танков. Правда же заключается в том, что еще задолго до Гудериана эту теорию выдвинули и обосновали М. Н. Тухачевский, В. К. Триандафиллов, К. Б. Калиновский. «Отец танковых войск», как называют Гудериана на Западе, всего лишь тщательно изучил и обобщил наш опыт.

У каждого события своя предыстория. Если говорить о боях под Орлом и Мценском в первой декаде октября, то, вероятно, надо начать с совещания под Смоленском, в группе армий «Центр». На этом совещании, состоявшемся 24 сентября, присутствовали не только командование группы армий и танковых групп, но и главнокомандующий сухопутными войсками вермахта, а также начальник генерального штаба. Гитлеровцы планировали нанести удар южнее Москвы из района Глухова на Орел и Тулу. Операция намечалась на 2 октября, но, как стало известно из архивных документов, Гудериан решил начать

наступление на два дня раньше. При этом он руководствовался двумя соображениями: во-первых, длительная подготовка к операции сведет на нет внезапность удара; во-вторых, если он начнет действовать раньше, то ему будет обеспечена хорошая авиационная поддержка. Надо сказать, что последний довод действительно подтвердился. Прорыв Гудериана сопровождался мощным прикрытием с воздуха.

Первоначально командование Брянского фронта расценило удар Гудериана в районе Глухова как «отвлекающий» и полагало, что главный удар противник будет наносить на брянском направлении. Однако моторизованные колонны противника за два дня наступления пробили 60– и 15-километровые бреши в полосе обороны 13-й армии (командующий генерал А. М. Городнянский) и группы генерала А. Н. Ермакова и, продвинувшись дочти на 100-километровую глубину, угрожали охватом всего левого крыла фронта. Правда, ослабленные части 13-й армии и группы Ермакова предприняли контрудар по флангам и тылам группы Гудериана в направлении хутора Михайловский, но это не изменило общего критического положения. Группа Гудериана частью сил устремилась на Карачев и Брянск, а другой частью – на Орел.

3 октября, на пятый день наступления, один из самых боеспособных корпусов Гудериана – 24-й моторизованный, пройдя с боями 250 километров, неожиданно – и для командования Брянского фронта, и для Орловского военного округа – ворвался в Орел.

Впоследствии командующий округом генерал-лейтенант А. А. Тюрин рассказал мне, что он находился в штабе на южной окраине города, когда совершенно неожиданно вбежал посыльный и сообщил ему, что в Орел с запада ворвались вражеские танки. Сам Гудериан пишет в своих воспоминаниях: «Захват города произошел для противника настолько неожиданно, что, когда наши танки вступили в Орел, в городе еще ходили трамваи».

Все это привело к тому, что войска Брянского фронта оказались охваченными с флангов и тыла. Они были вынуждены с тяжелыми боями под непрерывным воздействием гитлеровской авиации выходить из окружения.

Таким образом, гитлеровские механизированные армады вырвались на дорогу, ведущую к Москве. «По мнению главного командования сухопутных войск, создавшаяся выгодная обстановка благоприятствовала дальнейшему развертыванию операции в направлении на Москву», – писал Гудериан. Путь врагу в столицу в первых числах октября по существу был открыт.

В районе Орла создалось угрожающее положение. И это прекрасно понимали в Ставке Верховного Главнокомандования. Сюда срочно перебрасывались боевые соединения. В районе Мценска развертывалась группа войск (5-я и 6-я гвардейские стрелковые дивизии, 11-я танковая бригада, части 5-го воздушно-десантного корпуса, Тульского военного училища, 36-й мотоциклетный полк и полк пограничников). Эта группа была объединена в 1-й гвардейский стрелковый корпус, командиром которого назначили генерал-майора Д. Д. Лелюшенко. В состав этого корпуса вошла и наша 4-я танковая бригада.

На войне, как, впрочем, и в других сферах человеческой деятельности, фактор времени часто решает все. Сам Лелюшенко прибыл в Мценск 3 октября. А части его 1-го гвардейского корпуса еще находились в пути. 4-я танковая бригада оказалась первой прибывшей в Мценск воинской частью и по существу наиболее боеспособной. В ее состав входили танковый полк (примерно 49 боевых машин), которым командовал майор Еремин, мотострелковый батальон, зенитно-артиллерийский дивизион (16 орудий), транспортная, ремонтная роты и другие специальные подразделения. Вслед за нами под Орел прибыли 32-й пограничный полк полковника И. И. Пияшева, а также добровольческий батальон Тульской оружейной школы под командованием капитана В. И. Проняева. Остальные войска подошли несколько позже.

Поскольку враг стремительно наступал, и жизненно необходимо было немедленно остановить его продвижение на север, бригаде практически с ходу пришлось вступить в бой.

Итак, 2 октября я получил приказ Я. Н. Федоренко срочно погрузиться в эшелоны и двинуться в Мценск, а оттуда своим ходом на Орел. Нам ставилась задача – закрыть танковым колоннам Гудериана дорогу на Тулу.

Рано утром того же числа бригада погрузилась на станции Кубинка. Как водится, состоялся короткий митинг. Проводить нас на фронт приехал член Военного совета бронетанковых войск Красной Армии армейский комиссар 2 ранга Н. И. Бирюков. Он напомнил, что мы идем выполнять специальное задание И. В. Сталина, и что мы входим в гвардейский корпус, поэтому должны драться по-гвардейски.

Грузились в полной темноте, без какой-либо подсветки. Едва только экипажи закрепляли тросами последний танк на платформе, как железнодорожники давали сигнал к отправлению. На всем пути нам была открыта зеленая улица. Мчались на юг без задержки.

Мценск встретил холодным дождем и пронзительным ветром.

На улицах уже кое-где торчали на пепелищах прокопченные трубы и зияли воронки – следы недавних бомбежек. Война, словно смерч, переворошила и разметала размеренный быт тихого городка, летом утопавшего в садах и зарослях бузины.

Выбравшись из привокзальной сутолоки, выехали с Кондратенко на Симферопольское шоссе. Со стороны Орла непрерывным потоком тянулись машины и подводы.

Остановили трехтонку с военными. Из кабины вышел высокий человек в мокрой шинели с петлицами генерал-лейтенанта. Познакомились. Оказалось, что передо мной командующий Орловским военным округом А. А. Тюрин. Вместе со своим штабом он направлялся в Мценск. Что происходит в Орле, каковы силы немцев, и где они сосредоточены – ни сам Тюрин, ни его штабисты толком сказать не могли. Твердо они знали только одно: город занят врагом. Там наблюдается большое скопление танков и бронетранспортеров. Вероятнее всего, крупные механизированные силы неприятеля вот-вот двинутся на север.

Вернулся я в свой штабной автобус в большой тревоге. Решил, не дожидаясь прибытия остальных эшелонов бригады, выслать в район Орла разведку.

Уже заканчивалась разгрузка первого эшелона, когда на станции появился приземистый, широкоплечий человек в плащ-палатке и каске, с которой струилась вода.

– Чьи танки? – спросил он, подойдя к командиру батальона капитану В. Г. Гусеву.

Командир окинул незнакомца подозрительным взглядом.

– С кем имею дело? И как вы здесь оказались?

– Генерал Лелюшенко, – представился незнакомец. – Проведите меня к командиру.

Гусев привел командира корпуса в мой штабной автобус. Так мы познакомились с Дмитрием Даниловичем Лелюшенко. Тут же, в автобусе, провели первое совещание. Командира корпуса, как и меня, беспокоила полная неясность обстановки.

Я всегда придавал разведке первостепенное значение. Любые усилия, затраченные на выяснение действительных сил противника, всегда оправдывали себя. Поэтому на первом совещании с Лелюшенко мы решили прежде всего прощупать силы гитлеровцев в Орле и организовать оборону.

Утром 4 октября я отдал устный боевой приказ. Этим приказом комбату-1 капитану В. Гусеву и командиру роты средних танков старшему лейтенанту А. Бурде ставилась задача – двумя группами с десантом мотопехоты установить силы противника в Орле. Утром в Мценск прибыл батальон Тульского

военного училища, и группе капитана Гусева была придана рота из этого батальона, а с группой старшего лейтенанта Бурды отправилась рота мотострелкового батальона нашей бригады.

В половине одиннадцатого 4 октября обе разведгруппы направились к Орлу.

Оставив в Мценске начальника штаба бригады П. В. Кульвинского руководить разгрузкой эшелонов, я отправился вслед за разведкой в сторону Орла. Нужно было срочно выбрать рубеж обороны. Рассчитывать, что нам удастся разгромить врага контратаками, даже организованными искуснейшим образом, не приходилось. У нас было слишком мало сил. Все, чем я располагал, – это два батальона: 46 танков, включая батальон танков БТ-7 со слабой броней и вооружением.

Хотя точных данных о силах противника в тот момент не было, я исходил из предположения, что враг располагает на нашем участке фронта многократным превосходством в танках, артиллерии и, безусловно, в авиации. Так оно и оказалось.

Вместе с начальником оперативного отделения Никитиным мы выбрали рубеж обороны на северном берегу реки Оптуха, неподалеку от села Ивановское. К вечеру сюда подтянулись все части бригады. Тщательно изучив местность, расставили засады таким образом, чтобы не дать противнику пройти по шоссе на Мценск. Всю ночь укрепляли рубеж обороны. Солдаты рыли окопы полного профиля, а на отдельных участках и ложные окопы.

Все это время меня беспокоила судьба разведывательных групп. Если от Гусева время от времени поступали сообщения, то Бурда как в воду канул. Наши попытки связаться с ним по радио ни к чему не привели. Бурда молчал. Неужели нарвался на засаду и погиб?

Все стало ясно, когда обе группы вернулись в расположение бригады. Что касается Гусева, то его 13 танков с сотней десантников вскоре подошли к селу Ивановское. Отсюда Гусев выслал в сторону Орла взвод средних танков младшего лейтенанта Г. Ф. Овчинникова. На окраине города взвод наткнулся на немецкую засаду. Немецкими снарядами на всех трех машинах были подожжены бачки с запасным топливом. Но, выведя танки из-под огня противника, экипажи не растерялись: сбросив запасные бачки на землю, они потушили огонь. К сожалению, при внимательном осмотре машин выяснилось, что в танке Овчинникова два верхних поддерживающих катка оказались разбитыми. Овчинников пересел в танк младшего лейтенанта И. Н. Полянского, а ему приказал вести подбитую машину в ремонт. Танки Овчинникова и младшего лейтенанта И.

Г. Дракина обошли засаду и ворвались на окраину Орла, после чего связь с ними была потеряна.

Помочь товарищам вызвался командир роты средних Панков старший лейтенант В. И. Раков. Это был рискованный шаг, поскольку система обороны противника была нам неизвестна. Но все же Ракову удалось прорваться через немецкие заслоны и, маскируясь в дыму горящего переулка, ворваться в город. Волнуясь за судьбу подчиненных, Гусев направил им подмогу – два тяжелых танка КВ. Но и эти машины, прорвавшись в город, не давали о себе знать.

Оставшиеся танки капитан Гусев поставил в засаду по левую сторону шоссе. Обстановка складывалась неблагоприятная. Все попытки связаться с ушедшими экипажами оказались тщетными.

Ночь выдалась темная, дождливая. Тьму прорезало только зарево пожарищ под Орлом, да изредка в разрывах облаков светила луна. И вдруг со стороны шоссе, идущего на Болохов, послышался лязг гусениц и шум моторов. Неужели это возвращаются разведчики? Осторожный Гусев все же дал команду: «Приготовиться к бою!». Экипажи замерли в напряженном ожидании. Танки были совсем близко. Свои или чужие? Вынырнувшая в этот момент из-за туч луна осветила местность, и Гусев с товарищами увидел десять быстро приближающихся машин. По силуэтам нетрудно было определить, что это танки противника.

– Огонь! – скомандовал Гусев, и на шоссе взметнулись взрывы. Над двумя танками сразу же заплясало пламя Немцы заметались по шоссе, а экипажи Гусева но прекращали огня, все время меняя позиции. Вспыхнули еще два танка, озаряя все вокруг багровым заревом. Остальные машины противника, отстреливаясь, скрылись во тьме.

И все же я был не удовлетворен действиями капитана Гусева. Практически он не смог добыть столь необходимые нам сведения о противнике. Я приказал комбату вернуться к селу Ивановское, где основными силами намерен был занять рубеж обороны.

Значительно успешнее действовал старший лейтенант Александр Бурда. Но прежде чем говорить о его разведке, хотелось бы несколько слов сказать об этом танкисте, ставшем потом одним из самых прославленных в бригаде.

Александр Федорович Бурда родился в семье донецкого шахтера. Рано потеряв отца (он погиб в гражданскую войну), Александр пошел в пастухи, затем выучился на электротехника и стал работать на шахте. Любовь к знаниям, к технике заставила его учиться. Он освоил профессии машиниста, слесаря-инструментальщика, потом механика. Не удивительно, что,

будучи призванным в армию, он попал в танковую часть. За два года прошел путь от механика-водителя до командира учебного радиовзвода. Война застала его в Станиславе уже в должности командира линейной роты. В нашу бригаду А. Бурда пришел обстрелянным, получив первое боевое крещение в Винницкой области, где он, прикрывая отход 15-й танковой дивизии, разгромил немецкое танковое подразделение. К тому времени, когда он был зачислен к нам, на его боевом счету уже числилось восемь уничтоженных танков и четыре колесные машины противника. Спокойный, дружелюбный, с открытым широкоскулым лицом, Александр Бурда стал любимцем бригады.

Утром 4 октября, получив мой приказ, Бурда проявил себя опытным и находчивым командиром. Он продвигался к Орлу с исключительной осторожностью, выслав вперед хорошо проинструктированный разведдозор во главе с лейтенантом Ивченко. Благодаря этому его группе удалось незаметно для противника подойти к юго-восточной окраине Орла и замаскировать танки в зарослях орешника.

Неожиданно в орешнике объявился парнишка лет одиннадцати в драном ватнике и лихо надвинутой шапке.

– Что тебе здесь надо? – спросил его Бурда.

– Я предупредить вас пришел, дяденька, – быстро заговорил мальчонка. – Там у немцев две пушки. – И мальчик указал в сторону сарая, видневшегося у дороги в город.

Мальчика звали Гришей. Отец его ушел на фронт, а мать погибла во время бомбежки. Гриша искал своих: он хотел отомстить фашистам.

Бурда накормил парнишку и отправил его в тыл. Высланная вперед пешая разведгруппа во главе с заместителем политрука Евгением Багурским подтвердила сведения неожиданного помощника. Более того, она установила, что единственная дорога в город с юго-востока в районе завода № 9 и товарной станции охраняется дивизионом противотанковых орудий, тщательно замаскированных в сараях и стогах сена. Разведка Багурского установила также, что главные силы противника расположились вдоль шоссе, идущего на Мценск.

Бурда вполне резонно решил, что в этих условиях прорываться в город бессмысленно: напоровшись на засаду, можно потерять и людей, и машины. Теперь самое главное – не обнаружить себя. Бурда принял строжайшие меры маскировки и установил тщательное наблюдение за шоссе.

Ночь прошла спокойно, а серым, дождливым утром из Орла по направлению к Мценску выползла колонна немецких войск. Впереди грохотали бронетранспортеры с прицепленными

противотанковыми орудиями. За ними ползли танки и опять бронетранспортеры с пехотой. Колонну замыкали три тяжелых танка. По подсчетам Бурды, по дороге двигалось до полка моторизованной пехоты.

Старший лейтенант выждал, когда колонна поравняется с засадой, и только тогда дал команду открыть огонь. Сначала разведчики били по танкам и бронетранспортерам. Сразу же вспыхнуло несколько машин. Другие, пытаясь повернуть назад, подставляли борта и сейчас же получали снаряд. Полетели в воздух колеса и обрывки гусениц.

Гитлеровцев охватила паника.

А в это время из засады выскочил взвод лейтенанта А. М. Кукаркина с десантом и принялся давить и расстреливать метавшихся вдоль дороги гитлеровцев. Заместитель политрука Багурский, стоя на танке Кукаркина, расстреливал бегущих фашистов сначала из винтовки, а потом из пистолета. Взгляд его упал на толстого офицера, который, шумно дыша, пытался удрать от танка. Багурский соскочил с брони и, прицелившись, выстрелил в фашиста. Тот упал. Обыскав труп, политрук обнаружил в кармане офицера важные документы, которые впоследствии очень пригодились нам. В них назывались номера частей, сосредоточенных в Орле.

Почти вся вражеская колонна была разгромлена. Правда, часть гитлеровцев попыталась скрыться в лощине. Но там они наткнулись на стоявший в засаде танк Петра Молчанова. И здесь враг понес тяжелые потери.

Как обычно в подобных случаях, гитлеровцы запросили помощи у своих летчиков. Но когда в воздухе появились девять «Юнкерсов», Бурда уже увел свою группу с места боя в лесочек неподалеку от села Кофаново. Сбросив свой груз на кустарники, в которых полчаса назад стояли танки Бурды, самолеты направились в сторону Орла. Но, благополучно уйдя от немецких пилотов, разведчики чуть было не стали жертвой своих. Перейдя в район Кофаново, группа по-прежнему оставалась в тылу противника. Неудивительно, что пилоты шестерки наших штурмовиков приняли танки Бурды за гитлеровские. Разостланное на траве полотнище, означавшее «мы свои», охладило пыл летчиков. Они приветливо помахали крыльями и ушли.

Проведя день в лесу, группа ночью по проселочным дорогам совершила марш и присоединилась к нам в районе села Первый Воин. Из беседы с Александром Бурдой и его комиссаром Александром Степановичем Загудаевым выяснилось, что их молчание, доставившее нам столько волнений, объяснялось очень

просто. С самого начала рейда у них из строя вышла рация.

Результаты разведки Бурды подняли настроение всего личного состава бригады. Боевой счет группы был внушительным: 10 средних и легких танков, 2 тягача с противотанковыми орудиями, 5 автомашин с пехотой, 2 ручных пулемета и до 90 гитлеровцев.

Учеба в лагере не прошла даром. Она приносила свои плоды.

Но особую ценность представляли пленные, а также трофейные документы. Они помогли установить, что перед нами находится 24-й моторизованный корпус Гудериана в составе двух танковых и одной моторизованной дивизий. Пленные показали также, что с запада, из района Болохова, стремясь выйти нам в тыл, движется еще одна танковая дивизия. Вся эта лавина бронированных машин, артиллерии и мотопехоты имела целью развить успех вдоль шоссе Орел – Мценск – Тула и выйти к Москве с южного направления.

Теперь позволю себе пояснить читателю, не сведущему в военных вопросах, что такое немецкие танковые и моторизованные дивизии тех времен. Ибо само понятие «дивизия» – растяжимое.

Готовясь к походу на Восток, Гитлер создал довольно мощные бронированные силы. Каждая полностью укомплектованная танковая дивизия состояла из танковой и мотопехотной бригад, моторизованного артиллерийского полка и дивизиона противотанковых орудий. В дивизии насчитывалось до 566 танков, из них 180 средних. Они имели легкую броню и слабое вооружение, но зато обладали быстроходностью и маневренностью.

Что касается моторизованной дивизии, то она состояла из двух моторизованных полков, одного моторизованного артиллерийского полка, дивизиона противотанковых орудий. По штатному расписанию ей полагалось 14 тысяч солдат и офицеров, 37 бронемашин, 1473 мотоцикла, 1353 грузовика.

Следует, правда, уточнить, что к осени сорок первого ударная мощь гитлеровских танковых соединений резко упала. Ожесточенное сопротивление нашей армии, меткий огонь советских артиллеристов и бронебойщиков нанес дивизиям врага огромный урон. Парк их машин сократился. Тысячи танков остались лежать на русских полях грудой бесформенного металла. В октябре сорок первого немецкая танковая дивизия уже состояла только из одного танкового полка, одной мотобригады, моторизованного артиллерийского полка, дивизиона противотанковых орудий и специальных частей. Количество танков сократилось до 209.

Я привел эту статистику, чтобы дать хотя бы общее представление о тех крупных силах противника, которым нам предстояло преградить путь на Москву. Допустим, что все дивизии в Орле и на подходе к нему понесли серьезные потери, и все-таки, по самым заниженным подсчетам, нам противостояло 350 танков, сотни орудий и до 20–25 тысяч мотопехоты, вооруженной автоматическим оружием.

Напомню, что вся эта бронированная армада поддерживалась мощной авиацией. Как ни грозен сам по себе танк, но он может добиться успеха только при тесном взаимодействии с другими родами войск, и прежде всего с артиллерией и авиацией.

Надо ли говорить, что в те октябрьские дни, приняв все эти соображения в расчет, я отнюдь не чувствовал себя спокойным. В то время у нас еще были отдельные командиры, которые считали, что сражение можно выиграть на одном героизме солдата, на безапелляционном, зачастую нереальном приказе «волевого командира». Я не принадлежал к их числу. Как ни важен героизм воина, силе может противостоять только военное искусство – этот драгоценный сплав знаний, опыта и изобретательности.

К октябрю сорок первого я уже достаточно изучил приемы наступления немцев. Обычно в боях на Украине гитлеровцы бросали против нас массы танков, которым предшествовало появление мотоциклов и автоматчиков. Вслед за мотоциклистами и автоматчиками шли в небольшом количестве легкие танки. Иногда, если мотоциклисты и автоматчики не появлялись, танки несли на себе десант пехоты. Попадая под наш обстрел, фашисты спешивались, рассредоточивались и, открывая беспорядочный огонь, пытались создать видимость действий крупных сил.

Если этот прием не удавался, и легкие танки наталкивались на стойкое сопротивление, то через некоторое время немцы бросали против нас средние и тяжелые танки, ведущие за собой пехоту. Танки, имея, как правило, на прицепе противотанковые пушки, заскакивали на фланги – за стога, дома, в высокую рожь – и, отцепив пушки, вели огонь по нашим войскам. Описанный прием особенно часто применялся, когда немцы ожидали контратаку наших танков.

Высылая вперед небольшие группы танков, немцы пытались отвлечь внимание наших боевых машин и артиллерийских средств от своих главных сил. Выбрасывая вперед противотанковые орудия, они стремились уничтожить наши зазевавшиеся танки, которые увлекались борьбой с отдельными прорвавшимися машинами противника.

Немецкие наступающие танковые части, как правило, сопровождаются «кривой ногой» – так называли наши бойцы

немецкий разведывательный самолет «хеншель», который корректировал огонь артиллерии и маршруты автоматчиков и танков, пытавшихся проскочить через наше боевое охранение.

Если это противнику удавалось, то он продолжал двигаться вперед, ракетами (обычно зелеными и голубыми) давая знать своей артиллерии и авиации о своем местонахождении.

На сей раз немцы действовали иначе. Но расскажу все по порядку.

В ночь на 5 октября 4-я танковая бригада заняла оборону на широком фронте по берегу реки Оптуха, в пяти километрах северо-восточнее Орла. Впереди, оседлав шоссе Москва-Орел, расположился мотострелковый батальон под командованием капитана Д. А. Кочеткова, а танковый батальон стоял в засаде во втором эшелоне на опушке рощи южнее села Казнаусево. В резерве я оставил один танковый взвод.

Учитывая, что соседи бригады еще не заняли свои позиции, для прикрытия флангов выделил несколько танков с десантом.

Ночь прошла сравнительно спокойно. На КП поступали донесения о мелких стычках разведывательных групп с обеих сторон.

Больше всего меня беспокоили правый фланг и тыл бригады, упиравшиеся в Болоховское шоссе. С этого направления я ждал атаки свежей дивизии Гудериана. Ее неожиданное появление могло поставить бригаду в тяжелейшее положение. Поэтому здесь нужно было организовать тщательную разведку.

Но с самого утра зарядил мелкий, по-осеннему затяжной дождь. Проселочные дороги превратились в сплошное месиво. Разведгруппам на мотоциклах по ним не пробраться. Пришлось просить лошадей в окрестных селах и выслать конные дозоры.

Часам к десяти дождь прекратился, небо расчистилось. И вдруг ударили немецкие орудия, а в воздухе появились гитлеровские самолеты. После 15-минутной артиллерийской и авиационной подготовки со стороны Орла в низине перед линией нашей обороны появились танки с крестами на броне. За ними виднелась темная россыпь мотопехоты.

Танки ползли медленно, неуклюже переваливаясь на кочках с боку на бок. Гитлеровцы, видимо, не знали системы нашего огня и двигались осторожно. Мы с Кульвинским насчитали примерно 40 танков, множество бронемашин и бронетранспортеров. По спине пробежал неприятный холодок. Как поведут себя мои танкисты и артиллеристы? Не дрогнут ли перед этой армадой?

Но вот напряженную тишину разорвал первый выстрел, затем второй, третий. В гуще танков врага взметнулась в воздух земля. Это открыли огонь малокалиберные пушки мотострелкового

батальона.

Атака противника застала меня на переднем крае. Пригнувшись, бегу на КП, оборудованный в трех щелях. Рядом со мной оказались двое связистов, тянувших провод. Кого из нас приметили гитлеровские артиллеристы – не пойму. Но только снаряды ложатся все ближе и ближе. Кинулся на обочину, прижался к земле и в ту же секунду увидел, как двое связистов упали – снаряд разорвался рядом с ними. Кустарниками добрался до КП и почувствовал, что, несмотря на холодный, промозглый ветер, с меня ручьями льет пот.

На КП начальник оперативного отдела М. Т. Никитин надрывается в трубку полевого телефона, пытаясь перекричать грохот орудий.

– Что?! Что там у вас?! Громче – не слышу! – Через минуту он опускает трубку и оборачивается ко мне, – Товарищ полковник, противник подавил батареи мотострелкового батальона.

В бинокль с командного пункта поле боя просматривалось хорошо. Видно было, как танки противника ворвались на позиции батальона и, стреляя, утюжили его окопы. Несколько машин горели, окутанные пламенем и шлейфом черного дыма.

Наступили критические минуты… Прорвав нашу оборону, танки противника могут выйти нам в тыл, и тогда…

Даю команду по радио ввести в бой танковые засады. В бинокль вижу, как из-за пригорка выскочило несколько тридцатьчетверок. Сверкает пламя выстрелов. Одна за одной, словно наткнувшись на невидимую преграду, застывают гитлеровские машины. А юркие, стремительные тридцатьчетверки выскакивают и выскакивают из-за стогов сена, из-за сараев, из-за кустарников, делают несколько выстрелов и так же стремительно меняют позиции.

Грохот стоял невообразимый. Неумолчно трещали пулеметы и автоматы, хлопали винтовки. Цепи гитлеровских автоматчиков залегли.

В такие напряженные минуты время словно спрессовывается. Три часа длилась эта вражеская атака. А мне показалось, что прошло всего несколько минут.

Мне доложили, что мотострелковый батальон понес существенные потери. Но и танки противника, остановленные засадами, не смогли продвинуться сколько-нибудь существенно вперед. Под Казнаусевом гитлеровцев удалось остановить.

В тот же день гитлеровцы предприняли еще несколько атак, но так и не сумели прорвать нашу оборону. Вечером, когда была отбита последняя атака, мы подвели итоги первого боя: гитлеровцы потеряли 18 танков, 8 орудий и несколько сотен

солдат и офицеров.

«При неудаче наступления или в том случае, когда на успех его рассчитывать нельзя, целесообразно оторваться от противника и снова организовать наступление в другом месте», – говорилось в одной из директив гитлеровского командования.

Согласно этой директиве и поступил на сей раз Гудериан. Получив отпор на главном направлении, он двинул часть сил на Болохов и Новосиль, оставив на мценском направлении значительные силы. В связи с этим нашей бригаде пришлось занять новый рубеж. На сей раз, оседлав шоссе Орел-Мценск, мы заняли оборону в районе Нарышкино – Первый Воин.

Новые позиции давали нам преимущества перед врагом. С высоток открывался хороший обзор местности в южном направлении, откуда мы ожидали подхода новых колонн противника. Кустарник, стога сена, небольшие рощи закрывали наш район от наблюдения противника и позволяли маскировать танки и орудия.

Мотострелковый батальон занял оборону вблизи шоссейной дороги. Танки я поставил в засаду в роще юго-западнее Первого Воина. Шесть засад организовали на позициях мотострелков. Левый фланг прикрыли тремя машинами и взводом мотопехоты, а за правый фланг отвечал сосед. Комкор усилил бригаду дивизионом противотанковой артиллерии.

Рано утром 6 октября, когда я находился на командном пункте, поступило донесение от дозоров, что со стороны Орла движется крупная колонна танков и мотопехоты противника. Прочитав донесение, нанес на карту данные о движении колонны и отправился на опушку рощицы, где стоял в засаде 1-й батальон под командованием майора А. А. Рафтопулло.

Об этом замечательном танкисте мне хочется сказать особо. Невысокого роста, проворный в движениях, Анатолий Анатольевич обладал завидной храбростью. За его плечами был опыт боев на советско-финляндском фронте. Об этих днях его боевой биографии напоминал орден Красного Знамени. Летом сорок первого он воевал на Украине, и воевал умело: семь танков под его командованием два дня удерживали железнодорожный узел. Воспитанник трудовой колонии, он с детства любил технику, мечтал стать летчиком, но судьба решила иначе – он попал в танковые войска.

И вот, стоя на опушке леса, мы наблюдали, как до 100 танков с противотанковой артиллерией лавиной двигались на боевые позиции бригады. Ползли бронетранспортеры с пехотой. Стрекотали мотоциклы с автоматчиками.

Гитлеровцы открыли ураганный огонь по позициям

мотострелкового батальона и противотанкового дивизиона.

Подавив наши орудия, танки ворвались в наше расположение и начали утюжить окопы мотострелков.

На помощь пехотинцам я выслал группу из четырех танков под командованием старшего лейтенанта Лавриненко. Тридцатьчетверки выскочили из лесу наперерез танкам противника и открыли ураганный огонь. Гитлеровцы никак не ожидали появления танков. Они рассчитывали на безнаказанность. Со своего НП я видел, как вспыхнуло несколько машин противника, как остальные остановились и затем, огрызаясь огнем, в замешательстве попятились. Танки Лавриненко исчезли так же внезапно, как и появились, но через несколько минут показались левее, из-за пригорка. И снова из их пушек сверкнуло пламя. За несколько стремительных атак 15 гитлеровских машин остались на поле боя, охваченные оранжевыми языками пламени.

Прорыв ликвидирован.

Солдаты мотострелкового батальона стали собираться вокруг своих танков. Получив приказ на отход, Лавриненко посадил раненых на броню и вернулся на место засады – на опушку леса.

Немцы пытались прорвать нашу оборону и на других участках, но, натыкаясь на танковые засады, вынуждены были отступить. Однако противник не успокоился. Из донесений разведки я знал, что справа от шоссе Орел-Мценск сосредоточились группа до 200 вражеских танков и большое количество мотопехоты. Ясно, что противник готовит новую атаку. Но сумеем ли мы ее отразить?

Сгущались ранние осенние сумерки. Артиллеристы противника продолжали обстреливать наши позиции. Небо прочерчивали светящиеся трассы снарядов. Тягачи вытаскивали с поля боя поврежденные танки. Скрипели повозки с ранеными. Ревели застрявшие в грязи машины с боеприпасами.

Неожиданно на КП появился мой порученец и доложил, что меня разыскивает капитан Чумак.

– Кто такой? – удивился я.

– Говорит, от генерала Лелюшенко.

Передо мной предстал рослый смуглолицый артиллерист в походной накидке и заляпанных грязью сапогах.

– Командир дивизиона гвардейских минометов, – скороговоркой выпалил он. – Приказано подбросить на вашем участке огоньку. К вашим услугам, товарищ полковник. – И капитан лихо козырнул.

Мне еще тогда не приходилось видеть в действии новое оружие, но о его огромной разрушительной силе я уже слышал.

Рассказывали, что немцев оно приводило в панику. И неудивительно: от одного залпа РС все горело вокруг на сотни квадратных метров. Такого оружия военная техника еще не знала.

– Мне приказано дать один залп, – сказал Чумак, кратко охарактеризовав боевые данные установки.

– Почему так мало? – вырвалось у меня.

– Не волнуйтесь, – усмехнулся капитан. – И этого хватит. Только вот что: нужно предупредить людей на переднем крае. Грохот поднимется страшный. Может возникнуть паника. Танкисты за броней, глядишь, и не услышат, а вот пехота…

Я приказал Кульвинскому принять необходимые меры, и в окопы были отправлены посыльные.

Чумак между тем попросил, чтобы ему точно указали границы района сосредоточения противника. Я расстелил карту и очертил контуры лощины, где противник накапливал силы.

Когда с группой офицеров штаба мы подошли к установкам, то были разочарованы их видом. Они вовсе не производили грозного впечатления. Обыкновенные грузовики, только ряды стальных рельсов упирались в небо.

– Подождите, – предупредил капитан, услышав наши замечания, – вот увидите, как «играет», тогда поймете, что это такое.

Установки вывели на позиции. Мы укрылись в щели. Капитан Чумак подал команду. Ослепительные космы пламени прочертили ночное небо, осветив все вокруг голубоватым пламенем. Воздух прорезал пронзительный свист. Земля задрожала, как от раскатов грома.

Когда несколько минут спустя мы вылезли из щели, то увидели внизу, в лощине, пляшущие языки огня. С каждой секундой пламя ширилось, разливалось, и вскоре перед нами бушевало огненное море. Пораженные невиданным зрелищем, мы стояли не в силах произнести ни слова. И не сразу до нашего сознания дошло, что снизу доносится гул сотен моторов. Потом мы услышали взрывы – это рвались машины с боеприпасами. Я взглянул в бинокль – там в языках пламени метались тени.

Но вот оцепенение прошло, и среди командиров поднялось радостное возбуждение. Многие просто не знали, как выразить свой восторг. Капитана Чумака дружески хлопали по спине, пожимали ему руку. А он, довольный произведенным эффектом, только улыбался. Многим казалось, что новое оружие вызовет коренной перелом в войне.

Примерно через час, когда пламя над лощиной стало гаснуть, выслали разведку. В низине дымились десятки танков, грузовиков, тягачей, мотоциклов; валялось много обгоревших

трупов. Залп Чумака оказался точным.

Поздно ночью мы подвели итог дня. Главное – нам удалось отбросить гудериановцев на исходные позиции, и с большими потерями. Они недосчитались 43 танков, 16 противотанковых орудий, 6 автомашин и до 500 солдат и офицеров. У нас же сгорело на поле боя только два танка. Четыре подбитых удалось вернуть в строй. Серьезные потери в людях понес мотострелковый батальон.

И все же противник по-прежнему превосходил нас в силах. Поэтому рассчитывать мы могли только на танковые засады, целиком оправдавшие себя в минувших боях. Но повторять приемы на тех же позициях было нецелесообразно. Противник теперь хорошо знал местность и расположение наших сил. Поэтому в ночь на 7 октября мы отошли на новый оборонительный рубеж Ильково – Головлево – Шеино.

Непрерывные бои, бессонные ночи, слякоть и холод вконец вымотали людей. Бойцы падали от усталости. А тут еще этот мокрый снег: шинели, комбинезоны промокли насквозь, а обсохнуть негде и некогда.

Но все мы понимали, что впереди тяжелые бои. Поэтому снова рылись окопы и траншеи, снова устраивались засады. В короткие часы между атаками были проведены партийные и комсомольские собрания. Комиссар Бойко, начальник политотдела Деревянкин, комиссары батальонов Загудаев и Лакомов беседовали с людьми. Они разъясняли, что, сосредоточив под Орлом огромные силы, Гитлер намерен прорваться к Москве. Наша задача – не пропустить гитлеровцев к столице. Политработники ежедневно выпускали на ротаторе боевой листок. В нем последняя сводка Совинформбюро, рассказы о наиболее отличившихся. Должен особо подчеркнуть, что мы старались говорить бойцам только правду о нашем положении, как бы горька она ни была. Ничто так не действует на моральное состояние бойца, как сладенькая полуправда, которая потом трещит по швам под напором реальных фактов. Мы старались воспитывать своих воинов так, чтобы они понимали: победа или поражение – это не результат указаний свыше. Это твоя победа, твое поражение.

Но именно в те дни был особенно большой приток в партию. Партийные собрания тех дней были короткими и волнующими. Люди подавали заявления, зная, что, возможно, через несколько часов они не вернутся с поля боя. Реальный вклад в победу, в общее дело – вот что было главным критерием при приеме в партию.

Рано утром 7 октября на мой КП приехал Д. Д. Лелюшенко.

Он сообщил, что Ставка осведомлена о действиях бригады и оценивает их высоко. Кроме того, он порадовал еще одной вестью: бригаде передается полк пограничников под командованием полковника И. И. Пияшева. Я приказал командиру одного из батальонов пограничников майору Дрожженко оседлать шоссе Орел – Мценск на рубеже Головлево – Ивлево. Слева от него окопался еще один батальон Тульского военного училища под командованием Проняева. Артиллерийские подразделения разместились за боевыми порядками пехоты. На направлениях возможного появления противника организовал танковые засады кинжального действия.

Очевидно, удар «Катюш» произвел на противника сильное впечатление: 7 и 8 октября он вел себя осторожно. Прощупывая наши силы мелкими разведгруппами, он считал, что наткнулся на крупные танковые силы. На сей раз гитлеровцы не хотели лезть напролом, полагаясь на свое численное превосходство. Они готовились к наступлению тщательно, убежденные, как показывали пленные, что столкнулись с крупной танковой группировкой.

Вскоре мне пришлось убедиться, что в лице пограничников И. И. Пияшева я получил ценное пополнение. Дрались они геройски. Подпускали танки противника прямо к окопам и били по ним из противотанковых ружей. За два дня пограничники подожгли 25 танков.

Пияшев создал небольшие диверсионные группы, которые ночью переходили нейтральную полосу, бесшумно подползали к окопам противника и брали гитлеровцев в плен, а если это не удавалось, пускали в ход своп кинжалы.

Решительное наступление противник предпринял с утра 9 октября. С полсотни пикировщиков, выстроившись звеньями, повисли над нашими позициями. Сбросив бомбы, пилоты включили сирены и с душераздирающим воем снова пикировали на наши окопы. Хорошо, что мы успели отрыть ложные окопы и траншеи. Они-то сейчас и привлекли внимание гитлеровских летчиков. Минут пятнадцать стервятники «обрабатывали» пустые позиции.

Зенитчики батареи действовали дружно и активно, хотя фашистские асы пикировали прямо на их головы, рассчитывая запугать пулеметными очередями и воем сирен. Пять самолетов сбили зенитчики бригады, шестой, угодив под траекторию снаряда, выпущенного пашей пушкой по наземной цели, развалился в воздухе; горящие обломки его упали на наши окопы.

Едва смолк грохот бомбежки и вой пикировщиков, как послышался хорошо знакомый рокот танковых моторов.

Наблюдатель, сидевший на дереве рядом с моим КП на опушке леса у деревни Подлоктево, объявил:

– Вижу прямо танки – двадцать! – И через мгновение: – Танки справа шестнадцать!

Телефонист, принимавший донесение от пограничников, доложил, что на позиции полка Пияшева движутся еще 20 машин и до полка мотопехоты. От старшего лейтенанта Лавриненко, стоявшего в засаде, поступило сообщение, что на левом фланге бригады у деревни Шеино ринулись в атаку до 50 немецких танков. Итого, значит, гитлеровцы бросили в бой около 100 машин.

Донесения поступают непрерывно, и на основе их я пытаюсь разгадать замысел врага. Совершенно очевидно, что он намеревается обойти нас с открытых флангов, нанося главный удар слева через Шеино на Мценск. Поэтому к ним-то сейчас и приковано все мое внимание. Именно на фланги я направляю разведчиков на мотоциклах, а также отдаю приказ установить там дополнительные засады.

Трудная складывалась ситуация в районе деревни Шеино, где стоял в засаде взвод Лавриненко. Гитлеровцам удалось обнаружить машины. Рота фашистских автоматчиков с переданной ей батареей противотанковых орудий скрытно подобралась к советским танкам. Гитлеровцы, видимо, пытались поджечь их. Дело в том, что за каждый сожженный Т-34 немецкое командование предоставляло солдатам две недели отпуска, а за КВ – даже три. Но экипажи Лавриненко вовремя обнаружили автоматчиков и расстреляли их из пулеметов. Правда, противотанковым орудиям противника удалось подбить танк политрука А. С. Исаченко. Своим ходом с поля боя уйти он не мог. Тогда сержант М. И. Бедный под разрывами снарядов и градом пуль прицепил к танку Исаченко трос и отбуксировал его на сборный пункт аварийных машин.

Между тем фашисты снова атаковали Шеино. На сей раз левее засады Лавриненко, на участке, где занимала оборону рота танков БТ-7 лейтенанта Самохина. Часть машин лейтенант закопал в землю, другую держал в укрытии в качестве резерва. Полтора часа длилась танковая дуэль. Стволы пушек раскалились. Факелами горели на поле боя фашистские танки.

На позициях Самохина находился командир батальона майор А. А. Рафтопулло со своей машиной. Он руководил боем, стоя возле танка. Неожиданный взрыв мины ожег ему спину. В горячке Рафтопулло не обратил на это внимания. В это время пуля пробила ему левое плечо. Санитар перевязал его и предложил отправиться в санчасть. Но Рафтопулло категорически отказался

покинуть поле боя. Только после моего приказания капитан позволил увезти себя в санчасть.

– Никуда я не поеду, – твердил он врачам в санчасти. – Все равно сбегу. Вот перевяжете – и все равно сбегу.

Но вскоре из-за большой потери крови Рафтопулло потерял сознание, и его срочно отправили во фронтовой госпиталь.

Противник продолжал атаковать Самохина. Пришлось направить к нему на помощь танки под командованием начальника штаба 1-го батальона лейтенанта Воробьева, старшего лейтенанта Бурды и старшего сержанта Фролова. Они скрытно вышли во фланг вражеской колонны.

Занятые боем с Самохиным, гитлеровцы не заметили появления резерва. Между тем наши танкисты подошли на расстояние прямого выстрела.

Атака была столь неожиданной и стремительной, что гитлеровские танкисты не успели даже развернуть башни произвести хотя бы один выстрел. 11 вражеских машин запылали, остальные повернули назад и скрылись в лесу.

Потерпев неудачу в районе Ильково – Шеино, фашисты попытались обойти нас с правого фланга в районе села Думчино. Но сюда подоспел взвод танков лейтенанта Кукаркина из трех машин. Уверенные, что здесь нет наших войск, гитлеровцы вплотную подошли к селу, где за сараями были замаскированы наши тридцатьчетверки.

Взвод открыл прямой кинжальный огонь. Сразу же вспыхнули два танка и несколько бронетранспортеров. Гитлеровцы попытались развернуть противотанковые пушки, но были уничтожены метким огнем. Расчеты даже не успели соскочить с бронетранспортеров, когда взорвались бензобаки. На вражеских артиллеристов плеснуло горящим бензином. Дико крича и размахивая руками, они носились по поляне, катались по траве.

И здесь немецкая атака была отбита.

В 22 часа 9 октября я приказал отойти на новый рубеж обороны. Противник прорвался на Болоховское шоссе, и корпусу грозило окружение.

Глава 3. Самый длинный день

Новый рубеж обороны бригады – это, по существу, окраины Мценска. Всего 4 километра отделяют наши передовые позиции от южного обвода города. Несколько дней назад Мценск казался глубоким тылом, а теперь вот он – видны крыши домов, водонапорная башня, силуэт элеватора.

Стоит промозглая, осенняя погода, дует пронзительный ветер, косо летит мокрый снег. Опять, в который раз, роем окопы и траншеи, оборудуем артиллерийские позиции, командный и наблюдательный пункты.

Утром 10-го немцы вели себя как-то странно: небольшими группами танков и пехоты несколько раз атаковали передний край нашей обороны, но атаковали вяло, без прежней напористости.

– Что с ними? Что они затевают? – спросил я стоявшего рядом Кульвинского, водя биноклем по переднему краю, где в это время взлетала черными фонтанами земля и ползли танки с крестами на броне.

– Может, выдохлись, – ответил тот. Но тут же поправился: – Нет, сил у них достаточно. Не то. Тут что-то другое.

Загадочное поведение противника вскоре объяснилось. Оказалось, что атаки гитлеровцев по фронту всего-навсего отвлекающий маневр. Основной удар противник нанес нам слева, во фланг. Сбив с позиций батальон Тульского военного училища, немцы двинулись по левому берегу Зуши к городу.

Но самое неприятное известие получили часам к одиннадцати дня. Я находился на командном пункте в Подмонастырской слободе, на северо-западной окраине левобережной части Мценска, когда доложили, что прибыл сержант В. М. Рындин. Этого отважного механика-водителя я знал в лицо – он хорошо зарекомендовал себя в минувших боях.

Едва Рындин переступил порог, как я понял, что он принес скверную весть. Вид его говорил о том, что сержант побывал в переделке: из-под бинтов на голове сочилась кровь, прокопченное лицо в ожогах, порванный комбинезон заляпан грязью.

– Товарищ полковник, в городе немцы! – выпалил он, едва переводя дыхание.

Наверно, на моем лице отразилось недоверие, поэтому механик-водитель поспешил добавить:

– Своими глазами видел! Честное слово, товарищ полковник!

Из дальнейших расспросов сержанта выяснилось следующее. Во время одной из атак Рындин был ранен в голову и получил

тяжелые ожоги. Однако он не только вывел из-под огня танк, но и по пути вытащил застрявший в грязи грузовик. Едва державшийся на ногах, Рындин все же сдал ремонтникам поврежденную машину и пешком направился в санитарную часть.

На просторной площади колхозного рынка сержант вдруг услышал лязг гусениц и рокот моторов. Прямо впереди него, метрах в двухстах по улице, медленно покачивая пушками, ползли четыре вражеских танка. Рындин застыл на месте. Гитлеровцы в городе! Сержант оглянулся вокруг: у магазина как ни в чем не бывало переговаривались женщины, стоявшие в очереди за хлебом. Сновали мотоциклы и машины. Двое солдат спокойно набирали из колонки воду для полевой кухни. На вражеские танки никто не обращал внимания.

И вдруг грохнул взрыв, другой, третий. Послышались звон разбитых стекол, крики и стоны раненых. Гитлеровцы били из пушек по очереди у магазина.

Рындин кинулся в ближайший двор, выскочил на соседнюю улицу и, остановив проезжавший мимо мотоцикл, помчался на командный пункт.

– Сволочи! – яростно шептал он. – Из пушек… по женщинам и детям!

Приказав отправить Рындина в санчасть, я принялся обдумывать сложившуюся ситуацию. Прежде всего нужно связаться с командованием корпуса. После нескольких неудачных попыток начальник связи капитан Подосенов связал меня с генералом Лелюшенко. Я доложил обстановку и пояснил, что бригада едва ли сможет долго продержаться на левом берегу Зуши. Разведка доносила: со стороны Болохова движется свежая танковая дивизия противника. Если мы не сумеем вовремя переправить бригаду и переданные ей части на правый берег, то можем оказаться в полном окружении, потерять людей и всю материальную часть.

– Держитесь до наступления темноты! – приказал Лелюшенко. – Приказ на отход получите позже.

Обстановка между тем продолжала ухудшаться с каждой минутой. Противник усиливал нажим с фронта. Перед передним краем обороны появлялись все новые и новые танки. Командиры частей и подразделений докладывали, что держатся из последних сил. Все просят подкреплений. Я и сам знаю, что им трудно. За семь дней непрерывных боев части сильно поредели, а оставшиеся в живых выбились из сил. Но пока могу отдать только один приказ: «Ни шагу назад!».

Свой последний резерв я бросаю в город. Прежде всего нужно ликвидировать угрозу в тылу. Тем более поступило сообщение:

немцы подтянули к мосту через Зушу несколько батарей и держат его под непрерывным обстрелом. Приказываю группе из трех КВ ликвидировать угрозу у моста. В одном из танков на выполнение боевого задания отправляется комиссар 1-й танковой роты 1-го танкового батальона старший политрук Иван Алексеевич Лакомов. Это был прекрасный политработник, любимец батальона, простой и скромный человек. Лакомов воевал на озере Хасан и был награжден орденом Красного Знамени.

Но не успел танк Лакомова стать в засаде у моста, как в башню угодили два тяжелых снаряда. Машина вспыхнула. Водитель Сергеев успел вытащить тяжело раненного радиста Дубровенко, а раненый и обожженный комиссар Лакомов остался у орудия, чтобы подавить фашистскую батарею. Так он и погиб, ведя огонь по врагу. Впоследствии на дне танка мы нашли оплавленный и закопченный орден.

Но два других танка успели подавить батарею противника, дав тем самым возможность эвакуироваться тыловым частям из города.

Не могу не сказать несколько слов о моем помпотехе П. Г. Дынере, фамилия которого еще не раз встретится на страницах этой книги. В тот октябрьский день он показал образец оперативности и распорядительности. Прямо под носом у засевших в городе немцев он собрал имевшиеся в его распоряжении тягачи и под артиллерийским огнем противника увел за реку всю материальную часть, находившуюся в ремонте.

Обстановка в городе продолжала оставаться неясной. Там не смолкали канонада и треск пулеметов. Я направил три танка под командованием Самохина, Столярчука и Самойленко. Вскоре они доложили мне, что противник оборудовал на колокольне наблюдательный пункт и пулеметные гнезда и держит значительную часть города под обстрелом. Выполняя мой приказ, танкисты огнем из пушек сбили колокольню. «Звонари» погибли под грудой обломков. Вскоре Самохин обнаружил четыре вражеских танка, которые, не рискнув ввязываться в открытый бой, замаскировались за церковной оградой. Два из них удалось уничтожить, а два других, подминая ограды садов и огородов, скрылись.

Но, разумеется, те небольшие танковые силы, которыми мы располагали в занятой части города, не могли выбить противника. Все основные силы были брошены на то, чтобы сдержать наступление гитлеровцев с фронта и правого фланга. И тут нас снова спасла тактика танковых засад. Притаившиеся в кустах, лощинах, за пригорками машины 1-го и 2-го батальонов при появлении противника неожиданно выскакивали из своих

укрытий, делали несколько выстрелов, как правило, в упор и так же неожиданно исчезали.

Однако во второй половине дня немцам все же удалось подтянуть к единственному в городе автомобильному мосту, соединявшему обе части Мценска, крупные артиллерийские силы. Противник открыл такой губительный огонь, что стало ясно: вывести бригаду этим путем не удастся. Пришлось срочно послать несколько разведывательных групп с заданием найти другие пути отхода.

Надо сказать, что Зуша в районе Мценска не так уж и широка. Но вся беда в том, что берега ее круто обрываются, а течение стремительное, словно у горной речки. Правда, восточнее города мы еще утром заметили удобный брод, но сейчас там уже хозяйничали фашисты.

Оставался узкий железнодорожный мост. На него мы и возлагали все надежды. Но пройдут ли колесные машины?

Сгущались осенние сумерки. Набухшее дождем небо висело так низко, что, казалось, рваные, стремительно мчавшиеся тучи задевали крыши домов. Сейчас эти тучи были нашими союзниками: они мешали противнику пустить в ход штурмовики и бомбардировщики. Можно было уже начать постепенный отход, но приказа из штаба корпуса еще не поступало. И это было тем более тревожно, что, по данным разведки, передовые части свежей дивизии Гудериана находились в 30 километрах от Мценска и стремительно продвигались к нам.

Часов около шести вечера посланный на поиск пути отхода заместитель политрука Завалишин принес первую в этот день ободряющую весть.

– Товарищ полковник, – торопливо докладывал он, – танки по железнодорожному мосту пройдут.

– Почему ты так решил?

– Я не решил, товарищ полковник. Я прошел на своей тридцатьчетверке. Только вот беда, – продолжал Завалишин, – на том берегу я заметил передвижение каких-то войск. Я бы выяснил, что это за войска, но в конце моста у меня свалилась гусеница, и мне пришлось вернуться. Но танк еще можно починить.

Час от часу не легче! Какие войска могут быть на том берегу? Неужели немцам удалось переправиться через Зушу и выйти нам в глубокий тыл? Кидаюсь к рации, но штаб корпуса не отвечает.

Пришлось высылать разведку. Вскоре комиссару разведывательной роты политруку Юнанову удалось благополучно перебраться на танке через мост и вернуться назад. Он доложил, что передвигающиеся войска на том берегу – это

части нашей, как впоследствии выяснилось, 13-й армии А. М. Городинского. С тяжелыми боями она пробилась из окружения через шоссе Севск-Глухов. Первый эшелон ее занимал вдоль берега оборону.

В то горячее время трудно было ориентироваться в обстановке. Вышестоящим штабам далеко не всегда удавалось наладить взаимодействие даже соседних частей и соединений. Иногда мы даже не знали, какая часть сражается рядом с нами. Уже позже мне стало известно, что северо-западнее Мценска рядом с нами дрались 11-я танковая бригада полковника П. М. Армана и прибывшая из-под Ленинграда 6-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора К. И. Петрова. Севернее Мценска развертывалась 201-я воздушно-десантная бригада, входившая в состав нашего корпуса.

Узнав, что на том берегу наши, мы облегченно вздохнули. Путь на противоположную сторону реки был свободен. А вскоре удалось соединиться по радио со штабом корпуса. Оттуда последовал приказ: «Бригаде с приданными ей частями отойти за реку Зуша и сосредоточиться в районе расположения второго эшелона армии».

Но в штабе все прекрасно понимали, что переправить через узкую горловину моста огромную массу людей и техники – задача не из легких. Тем более что враг наседает превосходящими силами. Все, кто был свободен, уже делали на мосту настил. Вместе с Кульвинским мы разработали план отхода частей бригады. Прежде всего необходимо переправить колесные машины и артиллерию, затем стрелковые подразделения. Прикрывать же отход будут танкисты.

Часов в восемь вечера, когда переправа через мост уже началась, я собрал всех работников штаба и скомандовал:

– Независимо от званий и должностей – в колонну по два становись! Приготовить гранаты!

Я объяснил, что каждый работник штаба обязан всеми силами содействовать организованной переправе через мост. Если нужно, вместе с солдатами вытаскивать застрявшие грузовики и пушки.

Вместе с комиссаром М. Ф. Бойко я повел колонну к мосту.

За семь дней непрерывных боев бригаде пришлось пережить немало драматических часов. Но сегодня – и это понимали все, от рядового солдата до командира, – придется выдержать тяжелейшее испытание. Тем, кому удалось остаться в живых, переправа через железнодорожный мост, наверно, запомнилась навсегда. Недаром танкисты прозвали этот мост «чертовым».

Дело в том, что за отсутствием времени саперы соорудили

настил наспех, и это очень осложняло переправу. Доски выдерживали тяжесть орудий, но расползались, образуя широкие щели. Артиллерийские битюги ломали ноги и падали, преграждая дорогу. Образовывались пробки и заторы. Лошадей приходилось пристреливать и сбрасывать в воду. В щелях застревали колеса орудий и трехтонок. Солдаты и работники штаба тащили машины и орудия на руках.

Но все же полк Пияшева переправился сравнительно благополучно. Этому в немалой степени способствовали низкая облачность и проливной дождь, пришедший на смену снегу и скрывавший нас от наблюдения противника. Правда, гитлеровцы, привлеченные шумом, постреливали из орудий, но их бессистемный и неприцельный огонь не причинил нам особого вреда.

Обстановка резко изменилась не в нашу пользу, когда часов в одиннадцать вечера дождь неожиданно прекратился, тучи расползлись, и выплыла полная луна, ярко осветив мост.

Немцы открыли остервенелый огонь. На фоне лунного неба силуэт моста и двигавшиеся по нему люди были хорошо видны противнику. Снаряды стали рваться у быков моста, поднимая фосфоресцирующие при лунном свете фонтаны воды. Одно-два попадания в опоры моста – рухнут пролеты, и путь бригаде будет отрезан. Неожиданно к артиллерийскому огню прибавился автоматный.

На мосту возникло замешательство. Рвались из постромок запутанные кони. Слышались стоны раненых.

Ко мне подошел Кульвинский:

– Товарищ полковник! Немцы прорвались к вокзалу. Автоматчики ведут огонь из станционных зданий.

Неподалеку от меня стоял танк сержанта Капотова. Я приказал сержанту скрытно пробраться в район вокзала и выкурить автоматчиков.

– И вот еще что, сержант, – добавил я, неожиданно вспомнив немудреную военную хитрость. – Подожгите в районе вокзала несколько деревянных зданий.

Невысокий курносый Капотов козырнул и кинулся к танку. Минут через двадцать автоматные очереди прекратились, а вскоре, зловеще осветив редкие тучи, вспыхнули пристанционные здания. Видимо, танкисты их полили соляркой: пламя окантовывали черные космы дыма.

Сейчас это пламя пожара было для нас спасительным. Отсюда, от моста, мы хорошо различали врага в свете яркого зарева. Но, ослепленный пламенем, противник не видел нас.

Так под зарево пожарища и продолжалась переправа. Огонь

немецких орудий стал неприцельным и, стало быть, неэффективным. Примерно к часу ночи удалось перебросить на другой берег все части, кроме двух танковых батальонов, которые продолжали сдерживать врага.

Во втором часу ночи я отдал приказ на отход и танковым батальонам. Они подходили к мосту, все еще отстреливаясь от наседавшего противника. Многие тащили на прицепе подбитые боевые машины или грузовики. Не оставлять врагу ничего – таков был приказ, и танкисты выполняли его с честью.

Вместе с первыми машинами переправился на другой берег и я. Отсюда хорошо был виден горящий город. Нам пришлось сдать его врагу, но за высокую цену. 4-я танковая бригада выполнила свою задачу. За семь дней боев Гудериан потерял до полка пехоты, 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, 6 минометов и много другой военной техники. Его мечта пройти победным маршем по шоссе Орел – Москва вплоть до стен столицы не осуществилась и уже не осуществится. На правом берегу Зуши заняла оборону 13-я армия. Сюда подходили все новые части. Фронт, преграждающий путь к Москве, начинал стабилизироваться.

Впоследствии Гудериан признавал в своих мемуарах, что его армия понесла под Москвой тяжелые потери, в результате чего «исчезли перспективы на быстрый и непрерывный успех».

Но, приближаясь вместе со своими дивизиями к Мценску, Гудериан еще не знал, что именно здесь, у этого древнего русского города, окончится его карьера как военачальника. Уже после войны стало известно, что всю вину за проигранную битву под Москвой Гитлер возложил на Гудериана и сместил его с должности командующего танковой группой.

Была создана специальная комиссия, которой поручалось «собрать материалы в целях изучения русских танков и конструирования на основе этого новых немецких танков и более мощного противотанкового оружия».

Но на этом события того трудного дня не закончились. Дождавшись, когда последний танк переберется на левый берег, я отдал приказ саперам взорвать мост. Уже светало, когда пролеты моста рухнули в воду. Можно наконец и отдохнуть.

В тот же день 11 октября мы заняли оборону во втором эшелоне 50-й армии. Впервые за восемь суток личный состав получил возможность отдохнуть и привести себя в порядок.

Глава 4. На новые рубежи

Вечером 12 октября с группой командиров и политработников я сидел в избе, которую занял наш штаб, и слушал радио. Передавали последнюю сводку Совинформбюро. Упорные бои шли уже на подступах к столице. Диктор сообщал о собрании партийного актива Москвы, на котором обсуждались меры по обороне города.

И вдруг хорошо знакомый торжественный голос Левитана:

– Указ Президиума Верховного Совета СССР «О награждении орденами и медалями СССР начальствующего и рядового состава танковых войск Красной Армии».

Мы прильнули к приемникам. 32 фамилии воинов нашей бригады перечислил Левитан. Орденом Ленина награждались Багурский, я и Бойко. Орденами Красного Знамени и Красной Звезды – Бурда, Дуванов, Ивченко, Кукаркин, Лещишин, братья Матросовы, Молчанов, Загудаев, Сафонов, Соломянников и другие.

Специальным указом старшему сержанту Ивану Тимофеевичу Любушкину присваивалось звание Героя Советского Союза. Кинулись поздравлять награжденных. Разыскали Любушкина. Ему жали руку, а он краснел и растерянно повторял одно и то же:

– А почему мне одному… Все воевали.

Отличный командир танка, Любушкин был еще и прекрасным стрелком из танковой пушки. Его всегда приглашали, чтобы продемонстрировать точность стрельбы. 6 октября в бою под селом Первый Воин он лично уничтожил девять танков и до роты пехоты противника.

Застенчивый от природы, Любушкин очень любил плясать. И надо сказать, что делал это умело и красиво. Тут, как и в стрельбе, ему не было равных.

Но торжества торжествами, а нужно было готовить бригаду к новым боям. Обстановка под Москвой ухудшалась с каждым днем, и мы знали, что отдых наш будет непродолжительным. Так оно и оказалось.

16 октября меня вызвали в штаб 50-й армии и предупредили, что я буду разговаривать с Верховным Главнокомандующим. До этого мне еще ни разу не приходилось говорить со Сталиным, и, признаться, прижав трубку ВЧ к уху и прислушиваясь к ровному гудению аппарата, я волновался.

– Здравствуйте, товарищ Катуков, – раздался в трубке хорошо знакомый голос с характерным кавказским акцентом.

Осведомившись о боеспособности бригады, Сталин сказал:

– Вам надлежит немедленно погрузиться в эшелоны, чтобы как можно быстрее прибыть в район Кубинки. Будете защищать Москву со стороны Минского шоссе.

Я доложил, что перебрасывать бригаду поездами в сложившихся условиях нецелесообразно. Грузиться с подсветкой нельзя: в воздухе непрерывно висят фашистские бомбардировщики. Чуть мелькнет огонек – тут же налетают. А при погрузке в темноте танки могут свалиться с платформы.

– Прошу разрешения идти к Москве своим ходом.

– А как же с моторесурсами? Ведь надо будет пройти триста шестьдесят километров…

– Это не много, – ответил я. – Для ведения боевых действий моторесурсов хватит с избытком.

– Ну, раз вы ручаетесь, двигайтесь своим ходом.

Собрались в дорогу. В Кубинку перебрасывалась только сама бригада. Части усиления остались под Мценском. Тепло простились мы с командирами пограничного полка И. И. Пияшева. На память о совместных боевых действиях они подарили мне маузер в деревянной кобуре. Сейчас он хранится в Музее Советской Армии.

Триста шестьдесят километров прошли без единой аварии и поломки. До Кубинки добрались благополучно. Но на окраине этого поселка произошел инцидент, который испортил мне немало крови. Встречать бригаду прибыл генерал из штаба фронта. Ему было поручено вывести бригаду на отведенные позиции.

Он зашел на мой КП, что был развернут тогда у разъезда Татарка, и, передав приказ командованию фронта выйти в район Чисмены, расстелил на столе карту.

– На Чисмену бригада пойдет вот по этой дороге. – Его карандаш прочертил жирную линию.

– Здесь не пройдут не только грузовики, но и тридцатьчетверки, – возразил я.

Дело в том, что обычно по прибытии на новое место мы в первую очередь изучали состояние дорог и мостов, чтобы в случае приказа выступить в новый район, точно зная маршруты следования. Так было и на этот раз. Вот почему с полным знанием реальной обстановки я возразил генералу, что двигаться напрямую из Кубинки в район Чисмены нельзя, и что выход один – отправлять машины через Москву, по шоссейным дорогам.

Но генерал стоял на своем. Ошибочное решение может принять каждый. Никто не застрахован от промаха. Но самое неприятное всегда, и особенно на войне, когда начальник упорствует в своей ошибке, упорствует во имя чести мундира,

«авторитета», уязвленного самолюбия. Как дорого иногда это обходится!

– Кончайте разговоры! Выполняйте приказ! – закончил нашу беседу генерал.

Правда, вопреки указаниям генерала транспортные колесные машины я все-таки на свой страх и риск отправил кружным путем, через Москву. И они прибыли в Чисмену намного раньше танковой колонны. Танки и штабные машины с трудом пробирались по разбитым проселочным дорогам. Даже тридцатьчетверки садились днищем на междуколейные бугры.

Это был тяжелейший марш. Танки, густо коптя, надсадно ревели, выбираясь из глубоких колдобин. Экипажи прилагали нечеловеческие усилия, чтобы вытащить застрявшие боевые машины из грязи. Только вытащат одну – увязнет другая. Штабные автомобили шли на буксире у танков: иначе бы им не пробиться.

Днем генерал еще находился с колонной, а в полночь куда-то исчез.

С трудом добрались до Истры. Но тут снова задержка. Кончилось горючее. Кое-как раздобыли дизельного топлива для тяжелых танков, авиационного бензина для легких. И снова осенние непролазные дороги. Не удивительно, что при таких темпах движения мы опоздали в район сосредоточения.

И вдруг из штаба фронта приходит телефонограмма: за невыполнение боевого приказа командира бригады полковника Катукова предать суду военного трибунала. Тотчас приехал военный прокурор, и дело завертелось. Правда, присутствовавшие при нашем споре с генералом подтвердили, что маршрут движения был навязан сверху, волевым путем. Но тем не менее дело принимало неприятный оборот.

– Да как они могут! – возмущался мой начальник политотдела майор И. Г. Деревянкин. – Разве это случилось по нашей вине? Это их представитель впутал нас в эту историю. Нет, я этого так не оставлю!

Признаться, я даже не ожидал от своего всегда уравновешенного начальника политотдела такого бурного взрыва чувств. Поздно вечером он сел в легковушку и отправился в Москву.

Во втором часу ночи Иван Григорьевич прорвался к генералу Федоренко. Тот позвонил Сталину, и инцидент был улажен.

К вечеру 19 октября 4-я танковая бригада прибыла наконец на станцию Чисмена, что в 60 километрах от Москвы по Волоколамскому шоссе. Танкисты стали готовиться к бою. Мы не сомневались, что приказ из штаба 16-й армии, в распоряжение

которой, как мы уже знали, нас должны передать, последует с часу на час.

Утром 20-го ко мне подошел Деревянкин. Он был явно расстроен.

– Михаил Ефимович, один экипаж пропал!

– То есть как пропал?

– Как в воду канул. И чей бы вы думали? Лавриненко. Ума не приложу, куда они делись!

Я рассказал Ивану Григорьевичу, что когда бригада пошла на Москву, то по просьбе командования 50-й армии я оставил Лавриненко для охраны се штаба. Командование армии обещало долго не задерживать его. Но с этого дня прошло уже четверо суток.

Кинулись звонить во все концы, но следов Лавриненко найти так и не смогли.

Только перед походом в Москву Лавриненко приняли кандидатом в члены партии. В боях под Мценском он проявил себя отважным и грамотным командиром. И вдруг такое ЧП!

К полудню к штабу, лязгая гусеницами, подкатила тридцатьчетверка, а за ней – штабной автобус немецкого производства.

Люк башни открылся, и оттуда как ни в чем не бывало вылез довольный, веселый Лавриненко, а следом – Борзых и Федотов. За рулем штабного автобуса сидел четвертый член экипажа – Бедный.

– Где вы были?! – зашумел было первым подбежавший Деревянкин.

– Да вот немного подзадержались, – улыбаясь, проговорил Лавриненко.

– Где? Почему так долго?!

Вместо ответа Лавриненко вынул из нагрудного кармана гимнастерки бумагу и подал начальнику политотдела.

«Полковнику Катукову! – прочел Деревянкин. – Командир машины Лавриненко Дмитрий Федорович был мною задержан. Ему была поставлена задача остановить прорвавшегося противника и помочь восстановить положение на участке фронта в районе Серпухова. Он не только с честью выполнил эту задачу, но и геройски проявил себя. За образцовое выполнение боевой задачи Военный совет армии всему личному составу экипажа объявил благодарность и представил к правительственной награде. Комбриг Фирсов».

Подошел к танку Лавриненко, и я, прочитал записку Фирсова, обнял старшего лейтенанта, поблагодарил за службу и попросил рассказать о случившемся подробнее.

Дело, оказывается, было так. Штаб армии отпустил Лавриненко вслед за нами. Дорога была забита автотранспортом, и, как ни торопился Лавриненко, нагнать бригаду ему не удалось.

Прибыв в Серпухов, экипаж решил побриться: как-никак направлялись в Москву. Лавриненко уселся в кресло, мастер намылил ему щеки и только приступил к бритью, как в парикмахерскую вбежал запыхавшийся красноармеец:

– Товарищ лейтенант, вас просит срочно прибыть комендант города комбриг Фирсов.

Лавриненко сорвал салфетку, вытер со щек мыльную пену и побежал к танку.

Комбриг Фирсов принял командира машины немедленно.

– Вот что, лейтенант, – сказал он ему, – по дороге из Малоярославца идет колонна гитлеровцев численностью до батальона. Под рукой у меня сейчас никого нет. Вот-вот подойдут наши части. Необходимо задержать врага.

В рощице у Высокиничей Лавриненко стал в засаду. Дорога в обе стороны просматривалась хорошо. Лейтенант сам сел за пушку. Стрелял он, как правило, без промаху.

Через несколько минут на шоссе показалась немецкая колонна. Впереди тарахтели мотоциклы, потом шла штабная машина, за ней противотанковые орудия и три грузовика с пехотой. Гитлеровцы в те времена были настолько уверены в своей силе, что иногда даже не высылали вперед разведку.

Подпустив фашистов на 150 метров, Лавриненко расстрелял колонну в упор. Два орудия были сразу же подбиты, третье вражеские артиллеристы пытались развернуть, но танк выскочил на шоссе и врезался в грузовики с пехотой, а затем раздавил орудие. Оставшиеся в живых гитлеровцы разбежались, но вскоре подошла наша часть и добила противника. Экипаж Лавриненко сдал коменданту Серпухова 13 автоматов, 6 минометов, 10 мотоциклов с колясками и противотанковое орудие с полным боекомплектом. Штабную машину Фирсов разрешил забрать в бригаду. Ее своим ходом повел Бедный. В автобусе оказались важные документы и карты, которые мы немедленно отправили в Москву.

Подвиг Лавриненко был отмечен специальным приказом по бригаде. В нем говорилось: «За отличное выполнение боевого приказа, проявленную находчивость и разумную инициативу экипажу лейтенанта Лавриненко объявляю благодарность и его действия ставлю в пример всему личному составу бригады».

Глава 5. Удар по выступу

В районе Чисмены бригада восемь суток находилась в резерве Западного фронта. На новое место мы прибыли без мотострелкового батальона: по приказу командования фронта он был выделен на помощь частям, сражавшимся под Наро-Фоминском. Прибыл батальон позднее. Возглавил его старший лейтенант И. М. Передерни, а комиссаром к нему был назначен лейтенант К. С. Большаков.

Но и находясь в резерве, бригада частью сил продолжала вести боевые действия. 19–20 октября три танка, переданные в распоряжение штаба 16-й армии генерала Рокоссовского, прикрывали звенигородское направление. Юго-западнее Звенигорода, в районе Палыцино – Колюбакино, произошел встречный бой экипажей танков Лугового, Евтушенко и Тимофеева с танками противника. В ходе боя гитлеровцам удалось поджечь две наши машины. Но и сами они понесли тяжелые потери: 250 человек мотопехоты, танк, 2 орудия и 30 повозок.

На окраине Пальцино к танку Евтушенко, отчаянно жестикулируя, подбежал подросток.

– В чем дело? – спросил Евтушенко, заглушив мотор и открыв люк.

Сбиваясь и торопясь, мальчишка рассказал, что в одной из изб собралось много немецких «начальников». Евтушенко посадил мальчика в танк, чтобы тот показал дорогу. Незаметно подъехав к указанному дому, Евтушенко выпустил несколько снарядов. Изба рухнула, погребя немецких офицеров.

29 октября наша бригада наконец получила приказ штаба фронта – выйти в район станции Чисмена, восточнее Волоколамска, в полосу обороны 16-й армии К. К. Рокоссовского, в подчинение которого мы и передавались.

В нашу задачу входило оборонять рубеж к северу от шоссе Волоколамск-Москва, проходивший через села Моисеевка, Ченцы, Большое Никольское, Тетерино, разъезд Дубосеково, вместе с частями 316-й стрелковой дивизии генерал-майора И. В. Панфилова и кавалерийской группой генерал-майора Л. М. Доватора.

Во второй половине октября здесь сложилось угрожающее положение. Именно в этом районе гитлеровское командование стремилось прорвать оборону Западного фронта и выйти к Истринскому водохранилищу, а затем на ближние подступы к столице. Реализация этого замысла грозила бы войскам 16-й

армии окружением.

Впоследствии на основании данных разведки и опроса пленных было установлено, что в состав немецкой группировки на волоколамском направлении входили четыре танковые, одна моторизованная и две пехотные дивизии 4-й танковой группы. Плюс к этому на теряево-клинском направлении действовали еще две дивизии 3-й танковой группы.

Сразу же по прибытии на указанный рубеж я получил приказ из штаба армии, в котором говорилось, что противник на нашем участке готовит решительное наступление.

Вместе с начальником штаба разработали подробный план организации обороны. Прибывшие наконец-то мотострелки отрыли окопы полного профиля, оборудовали ложный передний край, подготовили группы истребителей танков. Боевые машины укрыли в засадах.

Люди работали под проливным дождем днем и ночью. Проверяя с комиссаром Бойко ход оборонительных работ, мы обращали особое внимание на то, чтобы солдаты делали в траншеях стоки для отвода воды.

Работы шли полным ходом. Противника ждали несколько минных полей, десятки завалов, фугасы. Десять закопанных танков усиливали противотанковую оборону и были в готовности к проведению контратак.

Я связался с генералами И. В. Панфиловым и Л. М. Доватором. Мы организовали взаимодействие и обменялись офицерами связи. Не раз мы встречались с Панфиловым и Доватором на моем КП в Чисмене, тщательно изучали все возможные варианты наступления противника. Иван Васильевич произвел на меня большое впечатление. Немногословный, энергичный человек, он был волевым командиром, прекрасно разбирающимся в сложной боевой обстановке. Лев Михайлович Доватор удивил меня своей молодостью. В кубанке и неизменной бурке он выглядел настоящим лихим кавалеристом. Да так оно и было: незадолго до нашей встречи ему удалось без существенных потерь вывести свой корпус из окружения.

Панфилов и Доватор попросили выделить на их участки по нескольку танков. Хотя у меня самого каждая машина была на счету (всего в бригаде было 15 танков: 2 тяжелых, 7 средних и 6 легких), все же во имя общих интересов пришлось расставить и на их участках танковые засады.

316-я стрелковая дивизия обороняла рубеж Малеевка – Ченцы – Большое Никольское – Тетерино. Заняв Волоколамск, немцы готовили удар по правому флангу дивизии и для этой цели сосредоточили свои силы в деревне Калистово, северо-восточнее

Волоколамска. Панфилов решил нанести удар по этому селу и попросил поддержать его танками. Я выделил группу во главе со старшим лейтенантом П. П. Воробьевым, командиром 2-го батальона, который сменил выбывшего из строя по ранению майора А. А. Рафтопулло. Воробьеву только что исполнился двадцать один год. С гитлеровцами у него были свои личные счеты. В занятом Орле у Воробьева остались жена и сынишка. Не имея от близких вестей, он очень тревожился за их судьбу.

Группа Воробьева ворвалась в Калистово неожиданно для гитлеровцев и уничтожила несколько танков и орудий. Но машина командира, получив повреждение, остановилась. Фашистские автоматчики окружили танк. Члены экипажа благополучно выбрались через нижний люк, а Воробьев попытался вылезти через верхний, но был прошит автоматной очередью. Атака Калистово, проведенная без достаточной подготовки, имела только местный успех. Наткнувшись на упорное сопротивление в районе Чисмены, противник несколько ослабил нажим. Но мы знали, что за наступившим затишьем последуют новые бои, и поэтому вели тщательную разведку.

В условиях бездорожья мотоциклы оказались непригодными для этих целей. Пришлось на время сдать их в тыл бригады. Мой командир разведроты старший лейтенант П. Б. Павленко, добыв каким-то образом коней с седлами, организовал конную разведывательную группу, которая пробиралась в тыл противника и приносила ценные сведения. Ту же задачу выполняли и наши танки. Они углублялись на оккупированную территорию на десятки километров, нападали на гарнизоны немцев, захватывали пленных, штабные документы, а заодно доставляли населению советские газеты.

Нашим разведчикам удалось установить, что в деревне Осташево – штаб немецкой дивизии и 50 танков, в Шаболово – 20 танков и 2 батальона пехоты, в Чертаново – аэродром. Все эти сведения были переданы в штаб 16-й армии.

Днем 6 ноября к нам в гости приехали рабочие и работницы столичных заводов и фабрик. Привезли подарки, в каждом – теплое письмо. В лесу собрали танкистов, организовали небольшой митинг. Запомнилось мне выступление нашего старого знакомого – седоусого машиниста Маслова, который вел эшелон с танками бригады к Мценску:

– Вот вам мой наказ, сынки: не пускайте фашистов к Москве, стойте насмерть, как стояли наши деды и прадеды!

В ответ выступили старший лейтенант Заскалько, старший сержант Любушкин, полковой комиссар Бойко. Они заверили делегатов, что готовы выполнить любую боевую задачу и не

пропустить врага к Москве. Надо сказать, что подобные встречи с рабочими столицы имели большое моральное воздействие на бойцов. Каждый чувствовал, что в борьбе с гитлеровцами он не одинок, что за ним – вся страна.

Едва успели проводить гостей, как у КП остановилась легковая машина, которую сопровождал броневик. Из машины вышел высокий, стройный генерал в шинели и папахе. Я сразу узнал Рокоссовского. Кинулся было докладывать по-уставному, но Константин Константинович скомандовал «Вольно».

– Здорово, Катуков! Давненько не виделись, – сказал он, обнимая меня. – Рассказывай, что ты там натворил с Гудерианом под Орлом…

Прошли в избу. Мой адъютант быстро накрыл стол. За импровизированным ужином я рассказал Рокоссовскому о том, как бригада готовится к боям. Не раз возвращались в разговоре к летним событиям. Вспомнили, как впервые познакомились осенью сорокового в вагоне, по пути в Москву. Нас обоих вызывали в ЦК партии. Его, тогда генерал-майора, назначили командиром механизированного корпуса, а меня – дивизии.

Командарм подробно ознакомил меня со сложившейся обстановкой, поставил задачу бригаде.

– Ну что ж, – сказал на прощание Рокоссовский, – будем опять воевать вместе.

Встреча с командармом оставила отрадное впечатление. Как хорошо, что в эти трудные дни мне пришлось воевать под началом такого человека!

Я много раз думал, почему все, кто так или иначе знал Рокоссовского, относились к нему с безграничным уважением. И ответ напрашивался только один: оставаясь требовательным, Константин Константинович уважал людей независимо от их звания и положения. И это главное, что привлекало в нем.

Противостоявшая нам 2-я танковая дивизия противника занимала так называемый скирмановский плацдарм (30 километров юго-западнее Волоколамска), клином врезавшийся в полосу обороны 16-й армии. Острие этого клина было нацелено на север и служило исключительно выгодным рубежом для прорыва на шоссе Истра-Волоколамск.

Разведкой было установлено, что с этого плацдарма гитлеровцы собираются ударить на Ново-Петровское и, заняв его, окружить 16-ю армию. Необходимо было срезать этот клин и сорвать замысел немецких генералов. Эту задачу и поставил перед нашей бригадой и другими соединениями командующий армией.

Но, вероятно, и гитлеровцы предвидели, что мы можем

ударить по их плацдарму. Поэтому они тщательно укрепили населенные пункты Скирманово, Козлове, Марьино. Особенно много дзотов и блиндажей было у скирмановского кладбища. В районе Марьино – Скирманово противник сосредоточил 35 танков и батальон пехоты, на соседних высотках окопались автоматчики и стояли в засадах танки. В Козлове – 10 танков и рота пехоты. Но главное – в ближайшем тылу гитлеровцы располагали крупными резервами, которые они могли быстро бросить против контратакующих частей Красной Армии.

Утром 12 ноября я собрал командный состав бригады, и мы провели рекогносцировку местности и наметили план будущего боя. Только убедившись, что командиры хорошо ориентируются на местности и понимают свои задачи, я отпустил всех, приказав еще раз проверить готовность подразделений к бою. Сам же вместе с Кульвинским отправился в штаб армии, находившийся тогда в деревне Устиновка, чтобы уточнить вопросы взаимодействия в предстоящем бою.

В просторной избе меня встретил начальник штаба армии генерал-майор М. С. Малинин. Весь его вид говорил, что у него для меня приготовлен сюрприз.

– Ты еще ничего не знаешь? – спросил он меня, улыбаясь.

– Нет, а что?

– Ну, тогда читай, – и он протянул мне сложенный вчетверо номер «Правды».

На первой полосе я прочел:

«Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР о присвоении звания генерал-майора танковых войск Катукову М. Е.

Совет Народных Комиссаров постановляет:

Присвоить Катукову Михаилу Ефимовичу звание генерал-майора танковых войск.

Председатель Совета Народных
Комиссаров СССР И. Сталин.
Управляющий Делами Совета
Народных Комиссаров СССР Я. Чадаев.
Москва. Кремль. 10 ноября 1941 г.».

Все начали меня поздравлять. Член Военного совета армии дивизионный комиссар А. А. Лобачев, тепло пожав руку, расспросил, где формировалась и воевала бригада. Едва я успел ответить на его вопросы, как вошел генерал Рокоссовский и сказал:

– Поздравили? Но это еще не все. Вот – читай.

«ВСЕМ ФРОНТАМ, АРМИЯМ, ТАНКОВЫМ ДИВИЗИЯМ И БРИГАДАМ

ПРИКАЗ Народного Комиссара Обороны Союза ССР

11 ноября 1941 г.

№ 337

г. Москва

О переименовании 4-й танковой бригады в 1-ю гвардейскую танковую бригаду.

4-я танковая бригада отважными и умелыми боевыми действиями с 4.10 по 11.10, несмотря на значительное численное превосходство противника, нанесла ему тяжелые потери и выполнила поставленные перед бригадой задачи прикрытия сосредоточения наших войск.

Две фашистские танковые дивизии и одна мотодивизия были остановлены и понесли огромные потери от славных бойцов и командиров 4-й танковой бригады.

В результате ожесточенных боев бригады с 3-й и 4-й танковыми дивизиями и мотодивизией противника фашисты потеряли: 133 танка, 49 орудий, 8 самолетов, 15 тягачей с боеприпасами, до полка пехоты, 6 минометов и другие средства вооружения. Потери 4-й танковой бригады исчислялись единицами.

Отличные действия бригады и ее успех объясняются тем, что:

1. Бригадой велась беспрерывная боевая разведка.

2. Осуществлялось полное взаимодействие танков с мотопехотой и артиллерией.

3. Правильно были применены и использованы танки, сочетая засады с действиями ударной группы.

4. Личный состав действовал храбро и слаженно. Боевые действия 4-й танковой бригады должны служить примером для частей Красной Армии в, освободительной войне с фашистскими захватчиками.

Приказываю:

1. За отважные и умелые боевые действия 4-ю танковую бригаду именовать: «1-я гвардейская танковая бригада».

2. Командиру 1-й гвардейской танковой бригады генерал-майору Катукову представить к правительственной награде наиболее отличившихся бойцов и командиров.

3. Начальнику ГАБТУ и Начальнику ГАУ пополнить 1-ю гвардейскую танковую бригаду материальной частью боевых машин и вооружением до полного штата.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

И. СТАЛИН

НАЧАЛЬНИК ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА Б. ШАПОШНИКОВ».

Нас с П. В. Кульвинским окружили работники штаба, поздравляли, обнимали словом, радовались от души. Мы были очень взволнованы оказанной честью и теплыми поздравлениями товарищей.

– Готовьтесь, товарищ Катуков, бить врага по-гвардейски, – напутствовал Рокоссовский.

Заверив командующего, что не пожалеем сил для выполнения боевой задачи, мы поспешили в бригаду. Собрали политработников, поделились с ними новостью. Комиссар М. Ф. Бойко, начальник политотдела И. Г. Деревянкин, секретарь парторганизации А. Т. Ружин и другие политработники отправились в подразделения. Они рассказывали солдатам об истории гвардии, о революционных традициях Красной гвардии, воспитавшей прославленных пролетарских полководцев – Фрунзе, Чапаева, Щорса, Пархоменко, Лазо и многих других.

Политрук А. Ф. Ростков срочно напечатал на ротаторе боевой листок «Памятка гвардейца», в котором, в частности, говорилось: «Волею партии, Советской власти, волею многомиллионного народа мы названы гвардейцами. Мы получили это звание за горячую любовь к матери-Родине, за жгучую ненависть к врагу, за мужество и бесстрашие, проявленные в боях».

В этот день перед решительной атакой на Скирманово и Козлове мне тоже не раз приходилось выступать на коротких митингах. Я стремился, чтобы каждый человек бригады понял, что гвардеец должен быть образцом дисциплины, героизма и организованности, в совершенстве владеть воинским мастерством.

Присвоение бригаде гвардейского звания оказало в тяжелые ноябрьские дни сорок первого огромное мобилизующее влияние на ее солдат и командиров.

Вечером 11-го поступил приказ из штаба армии. В нем говорилось: «Части армии с утра 12.11.41 г. уничтожают противника в районе Скирманово – Козлове – Марьино и выходят на рубеж реки Гряда. 1-я гвардейская танковая бригада – ближайшая задача: ударом в направлении Ново-Рождествено – Скирманово уничтожает противника в Скирманово, в дальнейшем, наступая вдоль шоссе, уничтожает противника в районе Козлове».

В приказе говорилось также, что атаку бригады будут поддерживать четыре дивизиона артиллерии. Правый фланг прикрывали две другие бригады – 27-я и 28-я, на левом действовала 18-я стрелковая дивизия полковника П. Н. Чернышева.

Исходной позицией для атаки была выбрана опушка леса южнее деревни Ново-Рождествено. Именно сюда к шести утра 12 ноября были стянуты бойцы мотострелкового батальона в маскировочных халатах и выкрашенные в белый цвет танки.

Совместно с П. В. Кульвинским и другими командирами штаба мы разработали следующий план действий. Для атаки выделялось 17 танков, которые вводились в бой четырьмя группами. Первая группа – взвод (три машины) старшего лейтенанта Лавриненко. Ведя боевую разведку, эта группа должна была вызвать огонь противника и засечь огневые точки. Два танка КВ (командиры Заскалько и Полянский) поддерживают маневрировавшего Лавриненко огнем. Затем следует группа из шести тридцатьчетверок под командованием капитана Гусева. Их главная задача – подавить противотанковую оборону противника. Атаку завершала группа тридцатьчетверок под командованием старшего лейтенанта Бурды. Ей предстояло обеспечить продвижение следовавшего сзади мотострелкового батальона. Впоследствии эту задачу выполняли самоходные артиллерийские установки, но в ноябре сорок первого мы их еще не имели.

Утро выдалось солнечное. Слепя глаза, искрился на полях только что выпавший снег. В лесу косо лежали голубые прозрачные тени. Морозный воздух приятно пощипывал щеки. С КП, расположенного на опушке леса в погребе полуразрушенного дома лесника, я мог наблюдать бой: от Скирманово нас отделял только один километр.

Ровно в девять часов тридцать минут тишину разорвал грохот артиллерийской канонады. С сосен посыпались сухие иголки. Взметнулись снежными фонтанами взрывы. После тридцатиминутной артподготовки заревели моторы, и, оставляя на снежной целине зубчатые колеи, танки устремились к видневшимся вдали избам Скирманово. Оттуда сразу же засверкали орудийные выстрелы. Гитлеровцы били из противотанковых орудий, из блиндажей, расположенных за оградой кладбища. Огрызались огнем закопанные в землю танки. Часть вражеских машин стояла в сараях и амбарах и била через амбразуры.

Танки Лавриненко, Заскалько, Полянского попали под шквальный огонь. Тяжелый снаряд ударил в башню КВ. Танк загорелся. Но экипажу Заскалько удалось сбить пламя, и танкисты продолжали вести разведку и подавлять огневые точки. КВ удалось разбить несколько противотанковых орудий, но новый удар снаряда снова вызвал пожар. Экипаж впоследствии подсчитал, что это было тридцать первое попадание в их КВ. На сей раз сбить пламя не удавалось: заклинило люк, огонь

перекинулся на снаряды. Осколками убило водителя Макарова, а Заскалько, Кожина и Семенчука ранило. Помогая друг другу, окровавленные танкисты с трудом выбрались из машины.

Танку Полянского удалось подойти к самой окраине Скирманово. Командир увидел немецкий танк, замаскированный в сарае. Выстрелы из обеих машин раздались одновременно, оба снаряда попали в цель. Гитлеровский танк охватило пламя, а у Полянского вышла из строя пушка, но он не покинул боя, а продолжал обстреливать из пулемета вражеские блиндажи.

В этот момент я ввел в бой группу Гусева. Огневые точки противника теперь были засечены, и прицельный огонь тридцатьчетверок оказался для гитлеровцев губительным. Я видел в бинокль, как взлетали в воздух колеса противотанковых орудий, бревна блиндажей, стволы минометов. Но все же и этой группе не удалось до конца подавить огневую систему противника. Когда комбат Передерий и комиссар Большаков повели мотострелковый батальон в атаку, гитлеровцы открыли плотный пулеметный и минометный огонь, и батальону пришлось залечь.

И вдруг со стороны Скирманово появились цепи немецких пехотинцев. Они шли во весь рост, на ходу стреляя из автоматов. Это была «психическая» атака. Гитлеровцы рассчитывали запугать солдат мотострелкового батальона и вынудить их отступить.

Танки Гусева расстреляли наступающих гитлеровцев. Осколочные снаряды и пулеметные очереди тридцатьчетверок быстро скосили передние цепи, остальные фашисты бежали в свои укрытия. Но и после этого мотострелки не могли поднять голову. Особенно силен был огонь противника со стороны кладбища. Он-то и мешал продвижению нашего мотострелкового батальона.

Я связался с командиром артгруппы и, приказав дать залп по району кладбища, ввел в бой танки Бурды. Огонь со стороны кладбища стал слабее. Стремительно продвигаясь вперед, тридцатьчетверки били по блиндажам и дзотам. Но вдруг по рации раздался голос Бурды:

– В районе кладбища вижу людей в красноармейской форме…

Что за чертовщина? Откуда там могли взяться наши?

– Там нет наших частей, – ответил я. – Это провокация.

Действительно, приблизившись к кладбищу, Бурда увидел, что «красноармейцы» обстреливают пехоту мотострелкового батальона. Сомнений не было: устроив маскарад, немцы пытались нас дезориентировать. Подавив два противотанковых орудия, Бурда ворвался на скирмановское кладбище и, давя гусеницами

блиндажи, поливал из пулемета отступающую пехоту противника. Только экипаж Бурды раздавил семь блиндажей.

Мотострелковый батальон поднялся и с криками «ура» пошел в атаку на село. Я облегченно вздохнул, вытер потное лицо. Но в этот момент наблюдатель, сидевший на дереве, доложил:

– Вижу танки! Слева!

Я приставил к глазам бинокль. Действительно. Слева, из сипевшего вдали лесочка, взметая снежную пыль, двигалось десять фашистских танков. Они открыли бешеный огонь. Еще один снаряд угодил в танк Полянского, и он был поврежден. Но экипажу удалось вывести машину из боя.

На окраине Скирманово завязалась танковая дуэль. Группа Гусева и Бурды дралась геройски. Оставив на поле боя пять машин, фашисты отступили.

Только к концу дня мотострелковый батальон прочно закрепился в Скирманово, полностью очистив этот населенный пункт от гитлеровцев. Защищались они с невероятным упорством.

За двенадцать часов боя 1-я гвардейская танковая бригада уничтожила 21 танк противника, 8 противотанковых орудий, 5 минометов, 30 дзотов, 7 пулеметных гнезд и около 50 солдат и офицеров противника.

Среди трофеев наше внимание привлекли тяжелые орудия. На их щитах красной краской был нарисован танк КВ, и стояла подпись: «Стрелять только по КВ». Снаряды к этим орудиям были необычной формы, потом они получили название подкалиберных. Наружная оболочка их была сделана из мягкого металла. Он облегал закаленный сердечник. Эти-то снаряды и пробивали мощную броню КВ. Мы отправили орудие и снаряды в Главное артиллерийское управление, а найденный на подбитых танках незнакомой конструкции прицел – в Главное управление бронетанковых войск. К сражению на Курской дуге советская промышленность успела наладить выпуск подкалиберных снарядов, и они сыграли немаловажную роль в успешном для нас исходе танковых сражений летом сорок третьего.

Впервые за всю короткую историю своего существования бригада понесла значительные потери. Да это и понятно: мы впервые участвовали в наступательных боях. Но мы нанесли противнику гораздо больший урон.

Однако, выбив немцев из Скирманово, бригада только частично выполнила поставленную перед ней задачу. Необходимо было не дать противнику передышки и выбить его из Козлове.

В три часа утра 13 ноября гвардейцы ликвидировали последний очаг сопротивления в Скирманово, а уже в шесть утра мотострелковый батальон под командованием капитана Лушпа

(он сменил убывшего по ранению старшего лейтенанта Передерия) повел наступление на Козлове. Но взять с ходу этот населенный пункт не удалось. Наткнувшись на плотный огонь противника, батальон вынужден был залечь в 200 метрах от села.

На помощь Лушпе я направил три танка под командованием лейтенанта Самохина. Подойдя на своей машине к пехоте, Самохин открыл люк и крикнул;

– За мной, вперед!

Пехота с криками «ура» поднялась, но огонь противника из блиндажей и дзотов мешал ей продвигаться вперед.

Уже рассвело, и я видел в бинокль, как солдаты, то вскакивая, то припадая, спешат за нашими тридцатьчетверками.

Самохин заметил, что наиболее интенсивная стрельба идет из подвала большого дома, под которым гитлеровцы оборудовали блиндаж. Три точных выстрела – и дом был разрушен. Самохин ринулся на развалины и принялся давить уцелевших гитлеровцев.

«Увлекшись боем, – рассказывал он потом, – я продвинулся в глубь села и начал уничтожать пулеметы и автоматчиков. Меня обстреливали противотанковые орудия, но я не обращал на них внимания.

В это время кончились снаряды.

Я крикнул башенному стрелку Лещишину: «Давай гранаты», а затем открыл люк и стал бросать в немецкую пехоту гранаты. Вдруг вражеский снаряд ударил в башню, и меня контузило. Тогда я поехал на пункт боепитания, заправился снарядами и снова вернулся в бой».

Большую роль сыграл в этом бою экипаж лейтенанта Луппова. В бригаду лейтенант пришел перед боями за Скирманово уже опытным, бывалым воином из 18-й дивизии народного ополчения Ленинградского района Москвы. Луппову довелось участвовать в финской войне. За бесстрашие и мужество ему присвоили звание Героя Советского Союза.

Танк Луппова атаковал Козлове в паре с машиной Самохина. Когда тот уезжал за боеприпасами, огонь вел Луппов, когда тридцатьчетверка Самохина возвращалась, уезжал за боеприпасами Луппов. В бою за Козлове лейтенант воевал как настоящий патриот и герой. Семь танков, пять минометов, два противотанковых орудия, три пулеметных гнезда и до роты пехоты уничтожил Луппов в Козлове.

Отважно дрались в этом бою и братья Матросовы. Но, ворвавшись в Козлове, они попали под огонь противотанкового орудия, стрелявшего прямой наводкой. Снаряд пробил носовую часть их тридцатьчетверки. Осколок впился Михаилу Матросову прямо в сердце. Тяжело ранило и его брата – Александра. Но,

теряя сознание, он все же сумел вывести танк из-под огня.

Тридцать восемь часов вела бригада бой за Козлове. Танки пять раз пополнялись боеприпасами. Геройски дрались все. Под интенсивным огнем быстро налаживали связь сержанты Вавилов и Угольков. Санинструктор Выдоборец не только вынес с поля боя 12 человек, но и неоднократно ходил в атаку. За одну ночь ремонтники Дынера отремонтировали и ввели в строй пять танков.

К восьми вечера гитлеровцы были выбиты из Козлове. За три дня ожесточенных боев они потеряли 34 танка, 25 противотанковых орудий, 8 тягачей, 26 минометов, 5 тяжелых орудий. Выполнив приказ, бригада утром 15-го сдала позиции стрелковым частям и вернулась в хорошо знакомую Чисмену. Наконец мы получили возможность привести себя в порядок, отдохнуть, отремонтировать технику.

Когда мы покидали Козлове, мне доложили, что на наш участок вышла из окружения группа командиров во главе с генералом И. В. Болдиным.

Он рассказал мне о судьбе войск Западного и Резервного фронтов, попавших в окружение в районе Вязьмы. Потеряв связь с вышестоящим штабом, части с боями пробивались на восток.

Чувствовалось, что вышедшей группе пришлось немало пережить за несколько недель блужданий по лесам. Мы накормили гостей, дали им автобус и отправили в Москву. Вскоре генерал-лейтенант И. В. Болдин возглавил 50-ю армию, воевавшую на левом крыле Западного фронта.

Глава 6. Ни шагу назад!

«Генеральное», «последнее», «решительное» – так называла гитлеровская пропаганда предпринятое 15–16 ноября наступление на Москву. Фашистское командование пополнило изрядно поредевшие дивизии людьми и боевой техникой, а также перебросило в Подмосковье новые, полностью укомплектованные части, в том числе из Ливии. Это последнее значительно облегчило положение англичан в Северной Африке и даже позволило им предпринять наступление. Всего для захвата Москвы была выделена 51 дивизия, в том числе 13 танковых и 7 моторизованных.

Все мы тогда понимали, что война, по крайней мере на данном этапе, достигла своего апогея. Нетрудно было заметить, что вражеские войска выдыхаются. Темп их продвижения резко снизился. Каждый населенный пункт доставался им ценой тяжелых потерь. Но и нам приходилось сдерживать противника с огромным напряжением сил. Мы видели, что партия и правительство предпринимают колоссальные усилия, чтобы остановить продвижение врага к столице. Из районов Сибири, Дальнего Востока, Средней Азии спешно перебрасывались свежие дивизии. Жители столицы днем и ночью строили оборонительные сооружения. На Урале и в Поволжье в результате невероятной самоотверженности рабочих вводились в строй эвакуированные оборонные заводы. В Москве формировались добровольческие батальоны и дивизии.

Благодаря организационным усилиям партии все силы страны были собраны в крепкий кулак.

Гитлеровцы не сомневались, что стоит им прорвать линию обороны – и столица падет. Они не знали тогда, что в тылу каждый день вырастали, вооружались и готовились к боям новые резервные дивизии.

Однако 15–16 ноября враг возобновил наступление. На правом фланге Западного фронта особенно ожесточенные бои развернулись на клинско-солнечногорском направлении в полосе обороны 30-й и 16-й армий.

Итак, в восемь часов утра 16 ноября войска 4-й танковой группы после мощной артиллерийской и авиационной подготовки нанесли удар по левому флангу 16-й армии, на стыке 316-й стрелковой дивизии И. В. Панфилова и кавалерийской группы Л. М. Доватора, и вдоль Волоколамского шоссе, которое прикрывала 1-я гвардейская танковая бригада.

Мы были предупреждены о готовящемся наступлении

гитлеровцев и поэтому предприняли все необходимые меры. Уже после первых атак противника стало ясно, что он пытается прорваться к Волоколамскому шоссе с юго-запада, овладеть Ново-Петровским и выйти к нам в тыл.

Севернее шоссе противнику удалось потеснить подразделения панфиловцев и овладеть населенными пунктами Ширяево, Морозове, Данилково.

Необходимо было срочно остановить противника. Я приказал выдвинуть на станцию Матренино две роты мотострелкового батальона и взвод танков под командованием старшего лейтенанта Бурды. Взаимодействуя с конниками Доватора, эта группа должна была отбросить прорвавшиеся на позиции 316-й стрелковой дивизии части 5-й танковой дивизии фашистов. И действительно, совместными усилиями конников и танкистов к исходу 16 ноября удалось выбить противника из Морозове, Ширяево, Горюны и восстановить положение.

Но, разумеется, гитлеровцы на этом не успокоились. После непрерывных атак 17 ноября им удалось занять села Матренино, Язвище и Горюны и перерезать шоссейную дорогу. Группа Бурды, защищавшая железнодорожную станцию Матренино, оказалась отрезанной от основных сил бригады.

Бурда попал в тяжелейшее положение. Возможно, другой бы и растерялся. Но Бурда был прирожденным командиром, как бывают прирожденные музыканты, архитекторы, инженеры, врачи.

Пробиваться к своим ему предстояло по шоссе через деревню Горюны, уже занятую противником. Это был единственный путь в Чисмену, где стояли основные силы бригады. Единственный потому, что гитлеровцы успели заминировать участки слева и справа от дороги.

Попробовали атаковать село силами мотострелков, но атака захлебнулась под мощным пулеметным и минометным огнем фашистов. Тогда пехотинцы свернули в лес и по бездорожью начали пробиваться к Чисмене. Танкисты же, включив моторы на полную мощность и стреляя на ходу, ворвались в деревню. Но гитлеровцы оказались изобретательными: они зажгли окраинные дома. Пламя пожаров ослепило оптику. Двигаться в таких условиях, да еще под огнем противотанковых орудий было невозможно.

Танки свернули в кюветы, и экипажи открыли люки, корректируя огонь. Снаряды противника рвались совсем рядом. Один из них ударил в броню танка Бурды и заклинил башню.

Неожиданно из темноты в нескольких десятках метров от танка Бурды вывалился немецкий танк. Сверкнуло пламя

выстрелов. Танк Бурды загорелся, но экипаж благополучно выбрался через верхний люк. Гитлеровцам удалось поджечь и машину лейтенанта Ивченко. Когда ее подбили, командир открыл люк, но тут же был скошен автоматной очередью.

Стояла морозная ночь. Бурда с товарищами отполз от места боя метров на пятьсот и оглянулся. Тридцатьчетверки жарко горели, отбрасывая на снег желтоватые отблески.

В боях роднятся не только люди. И танкисты привыкают к своим машинам. Потерять полюбившийся танк – тяжелое горе.

На окраине Горюнов Бурда собрал оставшихся в живых людей своей группы – 26 человек. Падая с ног от усталости и голода, они стали пробиваться через лес к своим.

Только 20 ноября группа Бурды догнала бригаду в районе Ново-Петровского.

Однако вернемся к событиям, происходившим 18 ноября. В тот день гитлеровцы пытались проникнуть через Язвище в Гряды, чтобы оседлать Волоколамское шоссе, на сей раз в районе Чисмены. Гряды и Чисмену обороняла наша бригада. Часть танков бригады находилась в боевых порядках 316-й стрелковой дивизии и кавалерийской группы Л. М. Доватора. Танки, как и под Мценском, действовали из засад.

Этот район обороняли приданный нам батальон пограничников капитана Самойленко, два танка, стоявшие в засаде – Афонина и Лещишина, и две батареи зенитного дивизиона Афанасенко.

Утром на КП позвонил командир приданного мне батальона пограничников капитан Самойленко!

– На наши позиции двигаются танки.

– Отразить атаку! Ввести в действие засады!

Через час Самойленко доложил, что танковая атака отбита. Но меня беспокоит донесение Кульвинского, по имеющимся у него данным, на направлении главного удара, в тылу у немцев, скопилось до 200 танков.

– Что будем делать? – спрашивает меня Кульвинский.

Выход один – выслать разведку. Направляем в тыл противника броневик под командованием Горохова. Через некоторое время от него поступает сообщение, что он подбил два легких танка противника, но углубиться в тыл ему не удалось: нарвался на плотный огонь врага.

Усилился шум боя в районе позиции пограничников. Пытаюсь связаться с Самойленко, но тот не отвечает. Когда связь удалось наладить, выяснилось, что батальон не выдержал танковой атаки противника и, стараясь избежать окружения, стал отходить к деревне Гряды. Правда, стоявшие в засаде танки

Афонина и Лещишина не отступили. Окруженные со всех сторон автоматчиками, они, меняя позиции, продолжали отстреливаться. Обнаглев, гитлеровские пехотинцы взобрались на танки и, стуча прикладами автоматов по броне, кричали: «Рус, сдавайсь!».

Но гвардейцы нашли выход из положения. Повернувшись друг к другу бортами, танки Афонина и Лещишина пулеметными очередями срезали облепивших их автоматчиков. Для брони танков пулеметный огонь не страшен, зато танкисты разогнали гитлеровцев. Мотострелковый батальон подтянулся на свои позиции.

Положение в районе Гряды удалось восстановить. Но тут раздался сигнал воздушной тревоги. Над станцией Чисмена появилось 27 «Юнкерсов». Глухие взрывы сотрясали землю. Над станционными зданиями заклубились темные облака дыма. Правда, КП наш остался невредимым. Гитлеровцев интересовало что-то другое.

– Товарищ генерал, – послышался в трубке полевого телефона взволнованный голос Кульвинского, когда бомбардировщики, отбомбившись, ушли, – немцы разбили железнодорожное полотно. Повредили бронепоезда.

Два бронепоезда, стоявшие на станции, очень помогли нам во время наступления фашистов. Они не только отражали налеты вражеской авиации, но и обстреливали район села Лысцево, где скапливались крупные силы противника. На окраине Лысцево находился наш артиллерист-наблюдатель, который корректировал по телефону огонь бронепоездов.

Я срочно направил людей из ремонтной роты в район станции. Оказалось, что сами бронепоезда целы, но, поскольку полотно было разбито, один из них сошел с рельсов, боевые площадки его наклонились так, что пушки их уперлись в землю.

Железнодорожный путь удалось восстановить довольно быстро, и бронепоезда, отведенные в укрытия, снова открыли огонь по Лысцево.

Но, видимо, немецкое командование отводило Чисмене серьезную роль в своих планах. Немцы не прекращали атак.

Подмерзшие болота и проселочные дороги помогли противнику легко перебрасывать танковые и моторизованные части с одного участка на другой. Гитлеровцы стали просачиваться лесами, отсекая наши опорные пункты и танковые засады. Мы вынуждены были пятиться, чтобы не попасть в окружение.

17 ноября они бросили на правый фланг дивизии Панфилова 30 танков. Им удалось потеснить оборонявший этот район 1073-й стрелковый полк и занять Голубцово, Ченцы, Шишкине, Лысцево.

Панфилов приказал полку восстановить положение и выбить гитлеровцев прежде всего из Лысцево.

Задача – не простая. Противник успел сосредоточить в этом селе массу мотопехоты, танков и артиллерии.

Поддерживал панфиловцев на этом участке командир 1-го танкового батальона капитан Гусев. Везучий был он человек! С первых дней существования бригады он командовал батальоном и побывал во многих переделках. Но на капитане не было даже царапины. А ведь во 2-м танковом батальоне за это время уже был третий комбат!

Для выполнения задачи, поставленной генералом Панфиловым, Гусев сколотил небольшую группу под командованием старшего лейтенанта Лавриненко. Комиссаром группы был назначен политрук Карпов. В нее вошли три танка Т-34 и три БТ-7.

Договорившись с командиром стрелкового полка о взаимодействии, старший лейтенант Лавриненко решил построить свою группу в два эшелона.

В первом шли БТ-7 под командованием Заики, Пятачкова и Маликова. Во втором эшелоне – тридцатьчетверки Лавриненко, Томилина и Фролова.

До Лысцево оставалось с полкилометра, когда Маликов заметил на опушке леса у села гитлеровские танки. Подсчитали – восемнадцать! Немецкие солдаты, толпившиеся до этого на опушке леса, побежали к своим машинам: они заметили наши танки, идущие в атаку.

Началась дуэль шести советских танков с восемнадцатью немецкими. Продолжалась она, как мы узнали потом, ровно восемь минут. Но чего стоили эти минуты! Немцы подожгли машины Заики и Пятачкова, подбили тридцатьчетверки Томилина и Фролова. Однако наши танкисты нанесли гитлеровцам еще больший урон. Семь фашистских машин горели на поле боя, охваченные пламенем и копотью. Остальные уклонились от дальнейшего боя и ушли в глубь леса.

Напористость и меткий огонь советских танкистов внесли замешательство в ряды гитлеровцев, чем немедленно и воспользовались два наших уцелевших танка. Лавриненко, а за ним и Маликов на большой скорости ворвались в селение Лысцево. Вслед за ними туда вошли и наши пехотинцы. В селе остались лишь немецкие автоматчики. Укрывшись в каменных строениях, они пытались было оказать сопротивление, но наши танкисты и стрелки быстро ликвидировали очаги вражеской обороны.

Стрелковый полк занял Лысцево. Не теряя времени,

пехотинцы стали окапываться на окраинах населенного пункта.

Дмитрий Лавриненко доложил по радио в штаб генерала Панфилова, что танковая группа поставленную ей задачу выполнила. Но в штабе было уже не до того. Пока Лавриненко и его товарищи вели бой за Лысцево, немцы, занявшие деревню Шишкине, осуществили на правом фланге панфиловской дивизии новый прорыв. Развивая успех, они выходили в тыл 1073-му стрелковому полку, тому самому, с которым взаимодействовал Д. Ф. Лавриненко. Больше того, глубоким обходным маневром гитлеровцы угрожали захлестнуть и другие части панфиловцев. Из коротких переговоров со штабом Лавриненко узнал, что танковая колонна противника уже движется в тылу боевых порядков дивизии.

Как Дмитрий Федорович рассказывал потом, такое известие сначала ошеломило его. Что же получается? Одну брешь заткнули дорогой ценой, а тут же сразу другая обозначилась, да, как видно, еще более серьезная.

Что делать? Танковой группы, по существу, не стало. В строю всего два танка. В таких условиях единственный выход из положения – применить испытанный гвардейцами способ боевых действий: стать в засаду.

Дмитрий Федорович скрытно вывел свою тридцатьчетверку оврагами, перелесками навстречу танковой колонне гитлеровцев. В экипаже вместе с ним, как всегда, были товарищи Бедный, Федотов, Шаров.

Встала тридцатьчетверка неподалеку от дороги. Лавриненко открыл люк, осмотрелся. Удобных укрытий нет. Но тут же сообразил, что и снежная целина для танка, выкрашенного в белый цвет, может служить хорошим укрытием. На выбеленных снегами полевых просторах фашисты не сразу заметят тридцатьчетверку, и она обрушится на гитлеровцев орудийным и пулеметным огнем прежде, чем враг сообразит что-либо.

Немецкая колонна вскоре выползла на дорогу. Насчитал Дмитрий Федорович в колонне 18 танков. Под Лысцево было 18, и теперь столько же. Правда, соотношение сил изменилось, но опять не в пользу Лавриненко. Тогда был один танк к трем, а теперь гвардейскому экипажу выпало в одиночку сражаться с 18 фашистскими машинами.

Но раздумывать некогда. Ударил Лавриненко по бортам головных немецких танков, перенес огонь по замыкающим, а затем, не давая противнику опомниться, дал несколько пушечных выстрелов по центру колонны. Три средние и три легкие вражеские машины подбил гвардейский экипаж, а сам незаметно, опять же овражками, перелесками, ускользнул от преследования.

Ускользнул невредимый. Отважный гвардейский экипаж застопорил дальнейшее продвижение фашистских танков и помог нашим частям планомерно отойти на новые рубежи, избавив их от окружения.

18 ноября Лавриненко прибыл на своем танке в деревню Гусенево, куда к этому времени перебрался штаб генерала Панфилова. Там Дмитрий Федорович встретился с Маликовым. Экипаж БТ-7 накануне тоже действовал с полной боевой нагрузкой. Всю ночь он прикрывал отход артиллерийских подразделений на новые позиции, непрерывно отбивая атаки наседавших гитлеровцев.

У панфиловцев в те дни произошли события, принесшие им всенародную славу. На всю страну прогремел подвиг 28 бойцов, преградивших путь немецким танкам у разъезда Дубосеково. О беспримерном мужестве героев-панфиловцев написано много, поэтому не стану повторять того, что ярко, с полной достоверностью рассказано в книгах, брошюрах другими участниками подмосковных боев. Скажу только, что подвиг 28 воинов у разъезда Дубосеково раскрыл во всем величии замечательную душу, неистребимые моральные силы советского человека, ставшего грудью на защиту родной земли, его непоколебимую верность социалистической Отчизне, своему народу.

«Велика Россия, а отступать некуда, позади Москва!» – надо ли говорить, что эти суровые слова политрука В. Г. Клочкова обрели в те дни и для бойцов-панфиловцев, и для танкистов 1-й гвардейской, и для конников Доватора силу приказа, продиктованного революционной совестью коммуниста, комсомольца, советского гражданина.

17 ноября мы узнали о награждении 316-й стрелковой дивизии орденом Красного Знамени, а на следующий день – о присвоении ей звания гвардейской.

Мы горячо поздравляли своих товарищей, с которыми сроднились за эти горячие дни. Времени для торжественных митингов не было: дивизия – теперь уже 8-я гвардейская – не вылезала из окопов, с предельным напряжением сил сдерживая наседавшего врага.

Утром 18 ноября два десятка танков и цепи мотопехоты снова стали окружать деревню Гусенево. Здесь в это время находился КП Панфилова – наспех отрытая землянка рядом с крестьянской избой. Немцы обстреливали деревню из минометов, но огонь был неприцельным, и на пего не обращали внимания.

Панфилов принимал группу московских корреспондентов. Когда ему сообщили о танковой атаке противника, он поспешил

из землянки на улицу. За ним последовали другие работники штаба дивизии. Не успел Панфилов подняться на последнюю ступеньку землянки, как рядом грохнула мина. Генерал Панфилов стал медленно оседать на землю. Его подхватили на руки. Так, не приходя в сознание, он умер на руках своих боевых товарищей. Осмотрели рану: оказалось, крошечный осколок пробил висок.

Сообщение о смерти Ивана Васильевича потрясло и дивизию, и бригаду, особенно тех, кто хорошо его знал. Для меня это была тяжелейшая утрата. Я успел полюбить отважного генерала и сработаться с ним. Единственное, к чему нельзя привыкнуть на войне, – это к гибели близких людей.

В тот трагический час Дмитрий Лавриненко находился как раз неподалеку от КП Панфилова. Он видел, как штабные командиры, обнажив головы, несли на шинели тело генерала, слышал, как выскочивший из-за избы, пожилой красноармеец из охраны штаба закричал, схватившись за голову: «Генерала убили!».

И в этот момент на шоссе у села появилось восемь немецких танков.

– В танк! Быстро! – крикнул Лавриненко механику-водителю Бедному.

То, что произошло дальше, могло случиться только, в момент наивысшего эмоционального накала. Танкисты были настолько потрясены гибелью Панфилова, что действовали, вероятно, в этот момент не по тактическому расчету, а скорее повинуясь инстинкту мщения. Как одержимые помчались они навстречу гитлеровским машинам. Танкисты противника на какое-то мгновение растерялись. Им показалось, что советский танк идет на таран. Но вдруг машина остановилась в нескольких десятках метров от колонны противника как вкопанная. Семь выстрелов в упор, семь чадных факелов. Лавриненко опомнился, когда заело спусковой механизм, и он никак не мог сделать выстрел по удиравшей восьмой машине.

В триплекс было видно, как выскакивают из торящих машин фашисты, катаются на снегу, гася пламя на комбинезонах, и удирают к лесу. Открыв рывком люк, Лавриненко выскочил из танка и погнался за гитлеровцами, стреляя на ходу из пистолета.

Крик радиста Шарова «Танки!» заставил Лавриненко вернуться. Едва успел захлопнуться люк, как рядом разорвалось несколько снарядов. По броне дробно застучали осколки. Десять вражеских машин мчались по снежной целине от леса. Водитель взялся за рычаги, но тут в танке раздался взрыв. В боковой броне зияла рваная дыра. Когда дым рассеялся, Лавриненко увидел, что

по виску Бедного течет кровь. Водитель был мертв. Другой осколок попал радисту Шарову в живот. Его с трудом вытащили через верхний люк. Но Шаров тут же скончался. Бедного вынести не удалось: в пылающей машине начали рваться снаряды.

Лавриненко тяжело переживал гибель боевых друзей, с которыми прошел через столько испытаний на мценских рубежах, на заснеженном Волоколамском шоссе.

Бывают дни, которые зарубцовываются в памяти, как старые раны, – на всю жизнь. Одним из таких дней было 20 ноября сорок первого. Справа от нас получили приказ на отход части 8-й гвардейской дивизии, слева – 3-го кавалерийского корпуса. Мы же остались на месте, противник стал обтекать наши фланги, и бригаде грозило окружение.

В довершение всего я сильно простудился и еле держался на ногах. Обстановка тех дней была такова, что иногда приходилось не спать по нескольку суток. Разве что по пути в машине урвешь часок-другой.

Бригада была обескровлена, потрепана в боях, и держаться становилось с каждым часом все труднее. Враг непрерывно атаковал, и в результате бригада оказалась расколотой на две части.

Получив наконец приказ генерала Рокоссовского отойти на Федюково, я распорядился правофланговым частям отступить в этот населенный пункт. Сразу это сделать было невозможно: гитлеровцы тотчас бы смяли нас. Но когда наступила очередь отходить правому флангу, я получил из штаба армии уже другой приказ: сосредоточиться в Ново-Петровском. Противоречивость приказа отражала сложность обстановки. Немцы направляли острие удара в район Истры, пытаясь оттеснить 16-ю армию к окраинам Москвы.

Переход через Калистово в Ново-Петровское проходил в очень трудных условиях. Гитлеровцы следовали по пятам. Шоссе Волоколамск-Москва непрерывно обстреливалось. Немецкие связисты включались в телефонную линию и провокационными приказами пытались дезориентировать действия бригады.

В тот момент, когда я получил второй приказ, 11 танков бригады вышли в район Федюково и вступили в бой с наседающим противником. Остальные силы бригады – мотострелковый батальон, зенитный дивизион и 6 танков – пробивались через узкий, семикилометровый коридор. В Чисмене еще оставались батарея зенитного дивизиона и несколько колесных машин. Я вызвал командира роты управления:

– Кто у вас хороший бегун?

Командир роты на минуту задумался:

– Пожалуй, лейтенант Лукьянов.

Лейтенанта Лукьянова вызвали ко мне.

– Вот что, Лукьянов. Беги в Чисмепу. Сроку тебе – тридцать минут. Всех, кто там остался, выводи сюда.

Лукьянов в точно назначенный срок вывел в район Колпаки все оставшиеся подразделения, и через лесной коридор мы вышли в Ново-Петровское. За образцовое выполнение задания я представил Лукьянова к правительственной награде.

Единственным радостным событием в этот день было известие о том, что к нам прибыло пополнение – пять тридцатьчетверок под командованием лейтенанта Коровинского. Они прибыли в Истру. Но встретиться с лейтенантом и его экипажами мне так и не удалось. Политрук одной из танковых рот Самойленко и мой зампотех Дынер встретили танки, пополнили их экипажи опытными, обстрелянными танкистами – из тех, кто потерял в бою свои машины, и тут же отправились с пополнением на передовые позиции в район Федюково.

По пути на фронт их встретил конник с группой кавалеристов. В черной бурке, с перевязанной правой рукой, он был очень молод, хотя на петлицах виднелись знаки различия генерал-майора. Диалог сторон мне стал потом известен из рассказа Дынера.

– Чьи танки? – спросил генерал-майор.

– Бригады Катукова, товарищ генерал, – доложил Самойленко.

– Так вот, танки ваши я задерживаю.

– Но как же так? – попробовал возразить политрук. – Я должен довести сначала танки в бригаду и доложить генералу Катукову.

– Подождите. Никуда вы не поедете. Я генерал Доватор. Надеюсь, Катуков меня поймет. А чтобы вы не беспокоились, я сейчас договорюсь с командующим армией. Пойдемте со мной.

Дынер и Самойленко пошли за спешившимся генералом. В землянке, отрытой в лесу, Доватор тут же соединился с Рокоссовским. Командарм разрешил использовать танки для обороны участка кавалерийского корпуса, но категорически запретил посылать их в контратаки.

Закончив разговор с Рокоссовским, комкор написал записку и передал ее Самойленко. В ней говорилось:

«Генерал-майору Катукову! Командующий армией приказал мне в связи с угрожающим положением на участке Федюково – Деньково и возможностью прорыва противника в направлении шоссе подчинить себе пять танков, которые направлялись в ваше

распоряжение.

Командир 3-го кавкорпуса генерал-майор *Доватор».*

В Доваторе мне нравилось его умение быстро и точно оценивать обстановку и принимать верные решения. В данном случае я не мог не согласиться с его приказом направить танки в Федюково. Он отвечал интересам не только его корпуса, но и нашей бригады и всей армии. Прорыв гитлеровцев на участке Федюково – Деньково дал бы им возможность перерезать шоссе и выйти в тыл передовым частям 16-й армии.

Прочитав записку, доставленную Самойленко, я приказал ему немедленно вернуться к «пятерке» Коровянского и проследить, чтобы танки использовали правильно.

Получив отпор у Федюково, немцы двинулись на Язвище, где в это время находился штаб корпуса Доватора. Под давлением танков и мотопехоты врага конники начали отходить. Штаб оказался полуокруженным. Узнав о бедственном положении соседа, я направил ему на помощь танк КВ под командованием Петра Молчанова. Помощь оказалась весьма своевременной. Едва Молчанов доложил комкору, кто он и откуда прибыл, как на снежном поле за околицей деревни появилось 18 танков противника.

– Ну, танкист, – сказал Доватор, – выручай! Подобьешь четыре штуки – представлю к ордену.

Гитлеровцы шли маршевым порядком, в колонне, не открывая огня. Вероятно, они были уверены, что наши войска оставили Язвище.

Молчанов приказал водителю поставить КВ за крайнюю избу и, подпустив танки на короткую дистанцию, открыл огонь прямой наводкой. Первый же снаряд попал в головной танк, и он зачадил. Немцы открыли беспорядочную стрельбу. Молчанова поддерживали два противотанковых орудия, охранявшие штаб.

Доватор с интересом следил за боем. Штабные командиры уговаривали его уйти в укрытие, но он отказался.

– Не уйду, пока норму не выполнит.

Молчанов бил по вражеским танкам в упор. Когда на поле пылали уже три машины, нервы у гитлеровцев не выдержали, они стали пятиться назад, разворачиваться. Молчанов послал вдогонку еще два снаряда и поджег четвертый танк.

Когда, возбужденный боем, он подъехал к штабу и вылез из люка, Доватор обнял танкиста:

– Молодец! Спасибо тебе от красных конников! – И тут же распорядился подготовить материал для награждения Молчанова орденом Красного Знамени.

В Ново-Петровском задержались недолго. В непрерывных

семидневных боях части бригады понесли значительный урон, и держать дальше оборону на широком фронте нам уже было явно не под силу. Командующий армией К. К. Рокоссовский учел это и приказал 1-й гвардейской танковой в ночь на 21 ноября отойти на новый рубеж и подготовить оборону в районе населенных пунктов Назарове, Медведки, Филюкино.

А днем 21 ноября в деревню Назарове, где расположился штаб бригады, приехал член Военного совета 16-й армии дивизионный комиссар А. А. Лобачев с тем, чтобы вручить нам Гвардейское знамя. Обстановка складывалась так, что на торжественную церемонию весь личный состав бригады мы собрать не могли. Многие экипажи, да что там многие, почти все, находились на позициях, в засадах. Поэтому для приема Гвардейского знамени подразделения выделили своих представителей. Среди них были особо отличившиеся воины, те, кто показали подлинно гвардейское мастерство в боях под Мценском и закрепили, развили его на оборонительных рубежах Подмосковья. Это товарищи Бурда, Загудаев, Самохин, Капотов и другие.

На церемонии вручения Гвардейского знамени Алексей Андреевич Лобачев тепло поздравил танкистов. Принимая из его рук Знамя, комиссар бригады М. Ф. Бойко от имени воинов-гвардейцев поклялся беспощадно бить врага, срывать его коварные замыслы, беречь в боях славные гвардейские традиции.

Мне не довелось присутствовать на этой церемонии. Тяжелая простуда свалила меня с ног.

Между тем ситуация на фронте менялась каждый час. Минул короткий зимний день, а ночью мы снова в походе. По приказу штаба армии занимаем новый рубеж обороны Ананово – Саввино-Железниково. Впредь наша задача – оборонять западный берег реки Истра и Истринское водохранилище. Но это еще не все. На нашу бригаду возложили и другую задачу – во взаимодействии с двумя стрелковыми дивизиями удерживать рубежи в районе Холуяниха – Ябедино, не дать гитлеровцам прорваться к Волоколамскому шоссе на север и северо-восток.

За неделю непрерывных боев бригада понесла серьезные потери как в людях, так и в технике. Фронт ее растянулся на 20 километров. Естественно, создать сплошную линию фронта мы не могли.

На новом рубеже мотострелковый батальон бригады и пограничники, а также полученный нами в подкрепление кавалерийский полк из корпуса Доватора организовали очаговую оборону. По огромному полукружью Синево – Мартюшино Семенково – Филатове – Глебово – Букарево – Зенькино

расставили танковые засады, в тех местах, где ожидали удара противника.

Вечером 22 ноября получили приказ Г. К. Жукова, краткий, тревожный: «Ни шагу назад, позади Москва». Да, это было так. До столицы оставалось всего 60 километров. Над Москвой нависла смертельная угроза. Эту мысль старались донести до каждого бойца политработники бригады Деревянкин, Ружин, Боровицкий и другие.

Под огнем врага оси обходили окопы, танковые засады, доводя до каждого бойца суровую правду.

Между тем события развивались стремительно. Противник, продолжая теснить части нашей армии, прорвал фронт обороны севернее нас, в полосе 30-й армии, и одновременно нанес удар в районе Теряевой Слободы. Обходя Истринское водохранилище с севера, немецкие танки и пехота двигались к Солнечногорску. Снова создалась угроза флангам и тылам 16-й армии.

Два дня бригада и наши соседи справа и слева упорно обороняли занятый рубеж, давая возможность частям 16-й армии отойти в полном порядке на восточный берег Истры и Истринского водохранилища. Переправа была сложной. Хотя лед и сковал реку, но из-за оттепели сверху его покрывал слой воды.

Противник атаковал непрерывно. 22 ноября он бросил на село Чаново до 30 танков и полк пехоты и выбил оттуда оборонявший село кавалерийский полк. Чаново имело важное тактическое значение: оно находилось на фланге 16-й армии.

Необходимо срочно ликвидировать угрозу. Я приказал ввести в бой резерв из пяти танков под командованием Александра Бурды и взвод автоматчиков Красильникова. На рассвете 23 ноября с помощью деревенских мальчишек, хорошо знавших места, Бурда, автоматчики и подразделение кавалеристов лесом вышли к Чаново и внезапной атакой выбили немцев из села. Но к вечеру того же дня противник, поняв, что имеет дело с небольшими силами, предпринял контратаку. Село пришлось оставить. Развивая успех, фашисты захватили Глебово.

В довершение всего противнику удалось вклиниться в нашу оборону в районе села Мартюшино и отрезать от основных сил танки Гусева. С большим трудом Гусев пробился через село и соединился с нами в деревне Саввино.

На левом фланге бригады держал оборону батальон пограничников под командованием уже известного читателю капитана Самойленко. С наступлением темноты 24 ноября гитлеровцы предприняли атаку. Танки и автомашины шли с включенными фарами. Взлетали разноцветные ракеты, освещая тьму дрожащим светом. Вся эта иллюминация сопровождалась

стрельбой из автоматов и танковых пулеметов, дикими криками, треском барабанов.

Но немцы напрасно разыгрывали «психическую». Нервы у нашей пехоты оказались крепкими. Навстречу танкам поползли истребители с гранатами и зажигательными бутылками. Дружный и точный огонь открыли наши танки и зенитный дивизион. Гитлеровцы погасили фары и отступили.

Когда 26 ноября последние части армии переправились через Истру, поступил приказ и бригаде отойти на восточный берег реки, в район Лисавипо Небогатково – Адуево – Алексино.

Бригада сильно поредела. Многие машины давно нуждались в ремонте. Я обратился к Военному совету армии с просьбой предоставить бригаде два-три дня для ремонта материальной части. Командующий ответил незамедлительно:

«Обстановка сейчас такая, что не приходится думать о передышках, формированиях и т. д.

Сейчас ценность представляет каждый отдельный боец, если он вооружен.

Деритесь до последнего танка и красноармейца. Этого сейчас требует обстановка.

Налаживайте все в процессе боя и походов.

Рокоссовский.

26.11.41 г.».

Разумеется, по-своему командующий был прав. Его ответ диктовался чрезвычайно тревожной обстановкой, сложившейся на всем Западном фронте, и особенно на волоколамском направлении. Враг находился в пригородных поселках столицы. Но вместе с тем на сборном пункте аварийных машин бригады, в Снегирях, в 6 километрах от передовой скопилось 35 боевых машин и грузовиков – практически половина парка бригады. Ремонтники работали круглые сутки.

Что делать? Посоветовались с комиссаром бригады М. Ф. Бойко и написали письмо-обращение к воинам ремонтно-восстановительной роты. Призвали восстановить танки в предельно сжатые сроки.

Воентехник 1 ранга Саранцев обсудил с ремонтниками наше письмо. И мы получили такой ответ: «Для социалистической Родины, для защиты родной Москвы мы приложим все силы, чтобы еще быстрее и качественнее восстанавливать наши грозные танки. Мы будем работать день и ночь в любых условиях, но поставленные задачи выполним».

Ремонтники сдержали свое слово. Ни сильные морозы, ни обстрел, ни бомбежки – ничто не помешало им. А надо учесть, что

близость переднего края заставляла ремонтников нести еще и службу охранения.

За пять суток воины ремонтно-восстановительной роты вернули в строй 11 танков. По тому времени это была большая поддержка для нашей бригады.

Ремонтники изыскивали, изобретали способы, приемы, позволявшие ускорить темп работ. Так, старшина Петров стал подтягивать коренные и шатунные подшипники мотора Т-60, не снимая его с машины, и примерно в три раза быстрее обычного выполнял эту операцию.

Пока в тылу восстанавливали танки, мы продолжали вести активные боевые действия. Как уже говорилось, в ночь на 26 ноября бригада отошла во второй эшелон, а к утру того же дня к нам на КП пришел приказ – помочь панфиловцам вернуть утраченные ими позиции. Накануне гитлеровцы потеснили части дивизии, и дальнейшее продвижение врага на этом направлении ставило под удар не только фланг, но и тылы 16-й армии.

На помощь панфиловцам мы направили две группы. В каждую группу включили пять танков и роту мотострелкового батальона, которым теперь командовал капитан Иван Васильевич Голубев, сменивший раненого старшего лейтенанта Передерия.

Интересный человек был комбат Голубев. В бою – изворотливый, смелый до дерзости, а в часы передышек – занятный рассказчик, балагур, – качество, всегда привлекающее людей. А историй – смешных и грустных – у него в запасе был полный короб.

Утром 26 ноября группа капитана Голубева повела наступление на Сысоево Никольское – Максимовку.

Другая группа во главе с начальником химической службы капитаном И. И. Морозовым во взаимодействии с панфиловцами пошла в наступление в направлении населенных пунктов Духанино, Степаньково, Куртасово. Кроме того, три танка в боевых порядках пехоты пошли на Андреевское. Две боевые машины расположились в засаде у Ивановского. Засады прикрывали левый фланг бригады. Остальные танки, преимущественно тяжелые – их тоже было совсем немного, – составили наш резерв.

Контратака проводилась на фронте 10–12 километров. Как будто такой размах был и не по силам 15 боевым машинам и нескольким ротам пехотинцев. Но нельзя забывать, что непрерывной линии фронта ни у нас, ни у гитлеровцев не было. Боевые действия велись отдельными группами по направлениям. Мы придерживались под Москвой активной обороны.

Первый успех обозначился у группы капитана Морозова.

Танки сломили сопротивление небольшого гитлеровского гарнизона в Духанино, стремительно пошли дальше, с ходу ворвались в Степаньково и заняли северную окраину селения. Первым был танк старшего сержанта Лещишина. Но, еще продвигаясь к сожженному фашистами селу, командир экипажа сообразил, что на рожон здесь лезть не следует: он укрыл машину за скирдой соломы, немедля изготовился к встрече с противником.

Сделано это было своевременно. Немецкая батарея обнаружила советский танк и открыла по нему огонь. Лещишин отвечал, выскакивая то с одной, то с другой стороны прикрытия.

В танке вместе с Лещишиным находился комиссар 2-й роты политрук Ищенко, человек у нас новый: только что пришел в бригаду, и контратака 26 ноября, по существу, была для него боевым крещением. Ищенко подавал снаряды, а старший сержант Лещишин стрелял. Четыре фашистских орудия уничтожили они, маневрируя около скирды.

Нелегко пришлось молодому политруку. Как потом Ищенко рассказывал, от скопившихся в машине пороховых газов он угорел. Но все же снаряды продолжал подавать. Когда же поединок с батареей успешно закончился, танк вышел на деревенскую улицу, нагнал немецкую машину с пехотой и раздавил ее.

Удачно действовал в огневой схватке на окраине деревни и экипаж Петра Молчанова. Того самого Молчанова, что несколько дней назад выручил штаб генерала Доватора. Этому экипажу тоже пришлось вступить в бой с противотанковой артиллерией врага. На боевом счету Молчанова и его товарищей прибавились три уничтоженные вражеские пушки и две грузовые автомашины, разнесенные в щепы.

Противотанковый заслон был разгромлен, и немцы побежали из Степаньково. Но задача, поставленная группе Морозова, еще не была выполнена. Впереди Куртасово. Прежде чем атаковать эту деревню, капитан Морозов решил разведать, каковы там силы фашистов. Вскоре разведка донесла, что в Куртасово немцы сосредоточили до 30 танков и не менее батальона пехоты. Судя по всему, гитлеровцы накапливали силы с тем, чтобы вернуть Степаньково.

Ясно, что лезть в атаку пятью танками против тридцати – бессмысленно. Капитан Морозов доложил о результатах разведки на КП, а сам принял меры к отражению вероятных атак гитлеровцев. На подступах к Степаньково, на наиболее танкоопасных направлениях, он выставил танковые засады. Подразделения бригадного мотострелкового батальона и

стрелкового полка, взаимодействующего с танкистами, заняли круговую оборону.

Решение Морозова мы одобрили. Тут же в помощь Морозову я послал из своего более чем скромного резерва три тяжелых танка КВ под командой старшего лейтенанта Александра Бурды.

Подкрепление подняло настроение бойцов морозовской группы, но кто-то сострил: «Эх, ежели бы у танкистов на прицепе была еще и походная кухня». Дело в том, что наша кухня задержалась, и за сутки боя у танкистов и пехотинцев крошки во рту не было.

Выручил всегда находчивый Александр Бурда. Ведя наблюдение за противником, он заметил, что на опушке леса, неподалеку от Куртасово, расположилась немецкая походная кухня. Оттуда соблазнительно тянуло запахом свежего варева.

Александр Бурда подошел к Морозову:

– Разрешите, товарищ капитан, накормить бойцов из местных ресурсов?

– Из каких местных ресурсов? – удивился Морозов. – Кругом голо, картофелины мерзлой не сыщешь. В разрушенной, выжженной деревне торчат лишь остовы.

Бурда поделился с капитаном своими наблюдениями и объяснил, что он задумал. Затем собрал группу автоматчиков и по лощинке отправился с ними к опушке леса, к той самой, где стояла походная кухня немцев. Автоматчики подобрались по кустарнику к немецким поварам почти вплотную и дружно открыли огонь. Повара в панике разбежались.

Автоматчики притащили немецкую походную кухню в расположение морозовской группы. В котле оказался суп со свининой.

Закончилась «кухонная операция», немало повеселившая бойцов, а утром 28 ноября гитлеровцы обрушили на Степаньково сильный минометный огонь, а затем пустили 27 танков, сопровождаемых пехотой и противотанковыми орудиями. Наши танкисты, притаившись в засадах, как всегда, сохраняли выдержку. Только когда до вражеских машин осталось метров сто пятьдесят-двести, открыли огонь из пушек по фашистским «крестам». Завязался жесточайший бой.

Случилось так, что в центре напряженной схватки оказался КВ командира роты тяжелых танков лейтенанта Стрижевского. Сам Стрижевский в бригаду пришел совсем недавно – он заменил опытного и смелого старшего лейтенанта Заскалько. Но членами экипажа танка были испытанные бойцы Аристов, Ващенко, Кульдин, Вахромеев. Дрались они уверенно, дерзко и нанесли гитлеровцам немалые потери. Разбили восемь противотанковых

орудий и сожгли два фашистских танка.

Не случайно немцы организовали охоту за КВ Стрижевского: переключили на него огонь двух противотанковых батарей. Били остервенело, беспощадно, но танк продолжал маневрировать от укрытия к укрытию и обстреливать врага то из-за полуразрушенного сарая, то с опушки леса, примыкающего к деревне. Все же в конце концов гитлеровцам удалось поджечь боевую машину, и лейтенант Стрижевский приказал экипажу покинуть танк.

Последним выпрыгнул из машины механик-водитель Кульдин. Посмотрел: мотор горящего танка еще работает. И тут осенило механика-водителя, не раз бывавшего в сложных переделках. Мотор работает, – значит, не все еще потеряно, можно выручить машину, на которой прошел сотни огненных верст. Кульдин снова забрался в танк, стал гасить бушевавшее в нем пламя, но безуспешно. Огонь подбирался к боеприпасам, вот-вот произойдет взрыв – и тогда конец машине и механику-водителю.

Но Кульдин и в эту минуту сообразил, что надо делать. Он сел за пушку и все оставшиеся в машине снаряды выпустил по врагу. Затем пересел за рычаги управления, включил третью скорость и повел танк вслед за ушедшим в лес экипажем. Вскоре нагнал товарищей и вместе с ними снегом загасил пламя, подбиравшееся к мотору КВ.

Отлично дрался с фашистами и экипаж другого танка, командиром которого был небезызвестный читателю Петр Петрович Молчанов. Но ему не повезло: в танк угодил вражеский снаряд, пробил борт, из бака потекло и загорелось горючее. Осколком снаряда ранило самого Молчанова.

Получил повреждение и танк Лещишина, но он остался на позиции. Так и не удалось гитлеровцам сломить нашу оборону, и они ни с чем откатились обратно в Куртасово.

Не добившись успеха, немцы ввели в дело авиацию. И получаса не прошло после того, как была отбита танковая атака немцев, как 18 вражеских самолетов пикировали на степаньковский лес, где находились наши танковые засады. В этот момент пехотные подразделения получили приказ на отход, а танковые засады временно оставались на месте как прикрытие.

Фашистские пикировщики отбомбились, отстрелялись, и немецкие танкисты, видимо, надеясь, что авиация расчистила им дорогу, снова пошли в атаку на Степаньково. Однако опять напоролись на сокрушительный огонь наших танкистов, оставшихся в засаде, но сменивших к этому времени свои позиции. Экипаж Лещишина сжег еще два вражеских танка, и вся

морозовская группа благополучно отошла в Духанино.

Неудачные танковые атаки взбесили гитлеровцев, и они решили нанести еще один удар с воздуха. На этот раз 30 пикировщиков обрушились на боевые порядки бригады. Однако зенитчики 1-й гвардейской танковой бригады встретили огнем фашистскую воздушную эскадру, когда она появилась над деревнями Адуево, Лисавино, и первыми же снарядами сбили три немецких самолета.

Само собой понятно, что в те дни, когда у фашистов было превосходство в воздухе, мы всякий раз испытывала особый восторг, видя, что фашистский «Юнкерс» или «Мессер» падает на землю. К сбитым самолетам обычно бежали не только зенитчики, но танкисты и пехотинцы. Разгребая обломки, советские воины первым долгом искали планшеты фашистских летчиков с картами и другими документами, зная, что они могут пригодиться нашей разведке.

На этот раз зенитчики принесли мне документы и пистолет фашистского аса майора. На обгоревшем трупе солдаты нашли два Железных креста. Но рано или поздно приходит час возмездия. Третий, последний крест воздушный вояка нашел, как и многие тысячи фашистов, на подмосковных рубежах.

Первая гвардейская танковая бригада выдержала массированные танковые атаки и бомбовые удары врага. В ночь на 29 ноября по приказу командующего 16-й армией она заняла новый оборонительный рубеж.

Отходили мы с болью в сердце: каждый километр, отданный врагу, приближал бои к Москве. Уже остались позади километровые столбы с цифрами «60», «55», «53»… Легко ли сознавать такое?!

Новый рубеж обороны проходил по линии Каменка – Баранцево – Брехово… До Москвы оставалось 40 километров…

Бои на подмосковных рубежах шли упорные, кровопролитные и приближались к наивысшей точке накала. Весь ход событий показывал, что у гитлеровцев уже нет той победной самоуверенности, которой отличались их действия в начале наступления. С каждым днем они все чаще и чаще допускали ошибки в управлении войсками. Потрепанные фашистские дивизии, полки утратили и былую стойкость.

Позволю себе привести отрывок из своей статьи «Искусство побеждать врага», опубликованной в «Комсомольской правде»: «Важно уловить момент, когда в сознании противника наметится моральный надлом. 2–3 декабря в бою в районе Бакеево был отмечен, на первый взгляд, малозначительный эпизод: 3 наших танка пошли в контратаку, немцы обратились в паническое

бегство. Надо учесть, что это было в период, когда немцы еще наступали. Мы проанализировали этот эпизод. Были возможны три варианта: либо немцы шли на провокацию, заманивая нас в ловушку, либо на этом участке находилось нестойкое вражеское подразделение, либо, наконец, немцы стали выдыхаться. Послали группу в 8 танков под командованием лихого танкиста Самихина. Немцы дрались вяло, допуская грубые тактические ошибки. Стало окончательно ясно, что в рядах противника в связи с затяжной операцией возникло замешательство».

Да, враг выдыхался. Не добившись решающего успеха на нашем участке фронта, гитлеровцы от наступления перешли к оборонительным работам. И это не удивительно. Советские войска, ведя активную оборону, нанесли фашистам колоссальные потери. Достаточно сказать, что только наша гвардейская танковая бригада за две недели немецкого наступления уничтожила 106 вражеских танков, 16 тяжелых и 37 противотанковых орудий, 16 минометов, 3 минометные батареи, 8 тягачей, 55 автомобилей, 51 мотоцикл, до трех полков противника, разбила 13 дзотов, 27 пулеметных гнезд.

Теперь сопоставим потери гитлеровцев с уроном, понесенным нашей бригадой. За две боевые недели у нас вышло из строя 33 танка, то есть в 3 раза меньше. Причем безвозвратно мы потеряли 7 машин. Они сгорели. Остальные 26, подбитые, поврежденные, пришли сами или были вытянуты тягачами на сборный пункт, а затем отремонтированы, восстановлены и возвращены на передний край обороны.

Не скрою, на подмосковных рубежах сильно поредели ряды бойцов 1-й гвардейской. Многие товарищи, с кем мы сколачивали бригаду в Прудбое, а затем вступили в первый бой на орловском направлении, погибли под Москвой смертью храбрых или получили тяжелые ранения и были отправлены в глубокий тыл. На смену им пришли новые люди. Они быстро восприняли гвардейские боевые традиции и в первых же схватках стали наравне с ветеранами бить гитлеровцев.

Неистребимые моральные силы советских воинов, сознание ответственности за судьбу Отчизны принесли им успех в кровавой борьбе с фашистами. Конечно, по-разному танкисты решали боевые задачи. Такие как Бурда, Самохин, Лавриненко, Молчанов, сочетали в своих решениях и действиях здравый расчет с исключительной стремительностью, дерзостью и лихостью. Другие вели себя на поле боя осторожно, подчас избегали рискованных ситуаций, но все же поставленные им задачи выполняли точно и четко.

За эти грозные дни мы не знали, что такое трусость, паника.

За все это время не было у нас случая, чтобы части, подразделения и даже отдельные экипажи отошли с занимаемого рубежа без приказа командования.

Наши командиры и политработники в дни тяжких испытаний завоевали большой авторитет среди воинов. И объяснялось это прежде всего тем, что они не только принимали самое активное участие в организации боя и политической работы, но и действовали сами в составе боевых экипажей, наносили противнику удары из засад, ходили в контратаки, были, как правило, на самых тяжелых участках и личным примером воодушевляли бойцов на подвиги.

Материальная часть бригады, и в первую очередь танки, показали необыкновенную живучесть. В этом заслуга экипажей, старавшихся во что бы то ни стало сохранить свои машины, и ремонтников, восстанавливавших танки под бомбежками и обстрелами в предельно сжатые сроки. Это помогло бригаде сохранить полную боеспособность на всех этапах подмосковного сражения.

Сплоченному, дружному боевому коллективу бригады было под силу вести бои с противником, превосходившим и по количеству активных штыков, и по техническому оснащению. Сплоченность помогала нам совершенствовать и применять тактические приемы борьбы с врагом, строить по-настоящему активную маневренную оборону. Свои излюбленные засады мы применяли не по какому-нибудь шаблону, а всякий раз изыскивали новые варианты.

Иной раз обстановка складывалась так, что гитлеровцы, стремительно развивая успех, были уверены, что они уже достигли цели. И вдруг совсем неожиданно на них обрушивались коротким, но решительным ударом танковые группы бригады, укрывавшиеся до этой поры в засадах. Спасая положение, гитлеровцы стремительно откатывались назад, а на другой день им приходилось начинать все сначала. Так в активной обороне мы перемалывали живую силу и технику фашистов, обескровливали их наступающие полки и дивизии. Как показал ход событий, войска 16-й армии добились главного – сорвали планы молниеносного прорыва к северо-западным окраинам Москвы, заставили германские полчища на этом направлении перейти к обороне.

Глава 7. Вперед, только вперед!

Закончился еще один этап в жизни 1-й гвардейской танковой. Но надо было решать новые, не менее трудные боевые задачи. Войска Западного фронта готовились к наступлению.

Именно на волоколамском направлении гитлеровцам удалось вбить наиболее острый клин в пашу оборону и выйти на ближние подступы к столице. В итоге двухнедельных боев фашисты овладели районом Крюково – Каменка, очень выгодным плацдармом для броска на Москву. Здесь соединились фашистские войска, действовавшие против нашей 16-й армии, с войсками, развивавшими ранее наступление против 30-й армии на клинском направлении.

Немцы придавали крюковскому плацдарму большое значение. В надежде, что, отсидевшись в обороне и сосредоточив силы, им снова удастся перейти в наступление, они держали в этом районе 35-ю пехотную и 5-ю танковую дивизии. В самом Крюково, по данным нашей разведки, у них было 60 танков. К тому же гитлеровцы за короткий срок создали в населенном пункте довольно прочную оборону. Приспособили каменные постройки под многочисленные доты, соорудили сеть дзотов. Окопали танки, а в подвалах зданий и в оконных и дверных проемах каменных строений (их, кстати, в Крюково было немало) расставили противотанковые орудия и тяжелые пулеметы. В общем, оборудовали крупный и, по их расчетам, неприступный противотанковый район.

В начале декабря войскам 16-й армии Военным советом Западного фронта была поставлена задача – наступать на Истру и далее на северо-запад, чтобы во взаимодействии с правым соседом – 20-й армией – окружить противостоящего противника, овладеть Истрой, а в дальнейшем и Волоколамском. Но для успешного выполнения этой задачи необходимо было во что бы то ни стало ликвидировать крюковский плацдарм противника, обрубить по самую рукоятку острие вражеского кинжала, занесенного над Москвой. Для решения этой задачи была создана группировка в составе 8-й гвардейской стрелковой и 44-й кавалерийской дивизии, 17-й стрелковой и 1-й гвардейской танковой бригад.

3 декабря мы получили приказ генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского. Персональную ответственность за проведение наступления на крюковском направлении командующий армией возложил на командира 8-й гвардейской стрелковой дивизии. После гибели И. В. Панфилова ею командовал генерал-майор В.

А. Ревякин. Москвичи ранее знали его как военного коменданта города.

Панфиловцы наносили главный удар, а наша бригада и другие соединения должны были поддерживать их. В составе 1-й гвардейской танковой к этому времени произошли некоторые изменения. Батальон пограничников, плечом к плечу с которым мы сражались на подмосковных рубежах, ушел от нас. Но зато бригаде придали отдельный танковый батальон, имевший на вооружении английские тихоходные средние танки «матильда» (МК-II). Командовал батальоном капитан Герасименко.

Приказом командующего армией на бригаду была возложена как бы двойная задача – и наступательного, и оборонительного плана. Мы должны были оборонять участок, что находился левее крюковского плацдарма гитлеровцев и одновременно частью сил поддерживать атаку 8-й гвардейской на Крюково – Каменка.

Считанные часы отводились на подготовку весьма серьезного боя. Как я уже говорил, приказ на наступление был получен 3 декабря, а утром 4-го во весь голос заговорила наша артиллерия. Как только пушки и минометы перенесли огонь вглубь обороны противника, пехотинцы 8-й гвардейской стрелковой дивизии в сопровождении танков, рассредоточенных по всему фронту атаки, пошли вперед.

Но атакующим частям и подразделениям удалось продвинуться всего на сотню-другую метров, они не дошли даже до окраины Крюково. Гитлеровцы засыпали их снарядами, минами, прижали к земле свинцовым ливнем. Пришлось отойти в исходное положение.

Казалось, после этого следовало пересмотреть план штурма крюковского плацдарма гитлеровцев. Было ясно, что лобовой атакой, да еще в жестокий мороз и по глубокому снегу, здесь ничего не сделаешь. Не принесла должного эффекта и артиллерийская подготовка, предшествовавшая атаке. Верно, снарядов тогда было выпущено изрядное количество, но точного удара по целям, мешавшим продвижению атакующих, не получилось. И лишь потому, что у нас не было полного представления о расположении вражеских огневых средств в районе Крюково-Каменка.

Однако командир 8-й гвардейской стрелковой дивизии все же решил повторить атаку в ночь на 5 декабря. Атаку повторили, но успеха опять не добились. Подразделения нашей бригады понесли значительные потери. Из строя вышли два КВ, четыре тридцатьчетверки и три Т-60. Семь танков тут же эвакуировали в тыл, а две машины остались на поле боя.

В тяжелые условия попал экипаж тридцатьчетверки

лейтенанта Платко. Танк подорвался на мине перед самым передним краем немецкой обороны. Ходовая часть вышла из строя, но люди, находившиеся в боевой машине, проявили исключительное мужество и выдержку. Они не покинули танк, хотя вражеские пушки непрерывно били по нему. Танкисты продолжали вести огневой бой с гитлеровцами, пока в тридцатьчетверке оставались боеприпасы. А в следующую ночь экипаж с помощью саперов, проделавших проход в минном поле, вытянул машину из-под немецкого огня и отвел в ремонтно-восстановительную роту.

Две неудачи, последовавшие одна за другой, заставили командование 8-й гвардейской дивизии, взаимодействующих с ней кавалеристов и нас, танкистов, изменить тактику.

Перед рассветом 6 декабря командиры и штабные работники стрелковых частей и нашей бригады собрались в штабе панфиловцев в жарко натопленной избе. Всех волновал один вопрос: как выполнить приказ командарма?

– Ясно, – говорит генерал В. А. Ревякин, водя карандашом по карте, – что причины наших неудач – отсутствие маневра, недостаточно четкая организация взаимодействия, плохое знание огневой системы противника. Ваши предложения, товарищи командиры?

Слово взял я. Суть моего предложения сводилась к следующему. Рассредоточение танков по всему фронту атаки не принесет желаемого результата. Что значит при наступлении одна машина на роту, а то и на батальон?

– Не лучше ли, – сказал я, – сосредоточить основные силы бригады в мощный кулак и нанести им удар по наиболее уязвимому месту вражеской обороны? Танки должны не сопровождать пехоту, а вести ее на штурм укреплений противника.

Дебаты разгорелись жаркие. В результате решили взять группировку противника в клещи. Но прежде всего необходимо было организовать тщательную разведку.

Помощник начальника штаба бригады по разведке капитан Лушпа направил в тыл врага группу добровольцев под командованием старшего сержанта Устьяна. Вооруженные автоматами и противотанковыми гранатами, в белых халатах, разведчики прошли по тылам гитлеровцев, нанося на карту их огневые точки и изучая маршруты предстоящего наступления. На обратном пути у села Каменка они устроили засаду. Вскоре на дороге появился грузовик с гитлеровцами. Уничтожив врага и взяв «языка», разведчики взорвали машину и вернулись в бригаду. Показания пленного помогли уточнить сведения о

системе огня противника и слабых местах его обороны.

Наступление по новому плану началось утром 7 декабря после тринадцатиминутной артиллерийской подготовки. Генерал Ревякин спланировал охват крюковского узла основными силами при одновременном фронтальном ударе частью подразделений. Несколько танков по приказу командира дивизии мы все же выделили в поддержку пехотинцам. Так, 1073-му стрелковому полку, действовавшему на решающем направлении, передали четыре тридцатьчетверки и пять Т-60; 17-й стрелковой бригаде полковника Г. А. Куталева – два танка Т-34 и шесть танков Т-60. Остальные машины сосредоточили в ударный отряд.

Готовясь к боям, важно было добиться, чтобы танки ударного отряда могли наступать в стремительном темпе. Этот отряд состоял из двух групп. Первой командовал Д. Лавриненко, второй – А. Бурда. Танки Лавриненко поддерживали 1077-й гвардейский стрелковый полк, Бурды – 45-й кавалерийский полк. Оставшиеся танковый батальон капитана Герасименко и мотострелковый батальон капитана Голубева действовали на левом фланге дивизии. Для этого я приказал начальнику инженерной службы бригады капитану Замулле заблаговременно разминировать дорогу, ведущую в обход фашистской обороны. Капитан с саперным взводом отправился на это задание. Минеры пробрались в тыл гитлеровцев, работали на минных полях всю ночь и к рассвету открыли «зеленую улицу» наступающим танкам.

Ночью в подразделениях бригады были проведены короткие партийные и комсомольские собрания. Восемь командиров и красноармейцев были приняты в партию, десять стали комсомольцами.

Призыв «Ни шагу назад!» сменился боевым кличем «Вперед! Гнать врага без передышки, не давая ему закрепиться в населенных пунктах!».

Итак, утром 7 декабря на Крюково и Каменку обрушился шквал артиллерийского огня. На сей раз орудия били по разведанным целям, и потому огонь их оказался более эффективным. Взлетали в воздух бревна блиндажей, щитки и колеса орудий, рушились дома, в подвалах которых были оборудованы дзоты. Первые же донесения свидетельствовали о том, что атака проходит успешно. Но, заняв первую линию траншей и опорных пунктов на восточной окраине Крюково, подразделения были остановлены ураганным огнем противника.

Тогда командир 8-й гвардейской стрелковой дивизии из-за правого фланга ввел в бой 1077-й гвардейский полк, который начал обходить Крюково с северо-востока. Поддерживала этот полк группа Лавриненко. Одновременно командир 44-й

кавалерийской дивизии полковник П. Ф. Куклин бросил в атаку 45-й кавалерийский полк, который начал обходить Крюково с юго-востока. В боевых порядках кавалеристов шли танки группы Бурды. Часть кавалеристов спешилась и была превращена в танковый десант.

Подавив несколько противотанковых орудий противника, группа Бурды в сопровождении спешившихся конников ворвалась в Каменку. Немцы стойко обороняли каждый дом, каждую улицу. В небе над Каменкой появилось несколько звеньев фашистских пикировщиков, но оказать существенной помощи своим наземным войскам они не смогли – отогнали наши подоспевшие истребители.

Одним из первых в Каменку ворвался КВ лейтенанта Каландадзе. Заметив, что из двухэтажного кирпичного дома в панике выбегают немецкие офицеры, лейтенант приказал водителю-механику таранить дом. Тяжелая машина врезалась в дом, и он завалился. Осколки кирпичей застучали по броне. Черный от гари и пыли, покрытый вмятинами КВ носился по селу, уничтожая огнем и гусеницами огневые точки врага. Десантники, соскочив с танка, выкуривали гитлеровцев из дотов и дзотов. На броне остался только красноармеец-узбек с ручным пулеметом. Когда немецкая противотанковая пушка, стоявшая за забором, с близкого расстояния изготовилась поразить КВ, пулеметчик короткой очередью уничтожил ее расчет и спас танк. Однако вскоре Каландадзе заметил, что пулемет замолчал. Он остановил машину, вылез через люк и увидел, что его спаситель мертв. Он был убит осколком снаряда. Поцеловав героя, Каландадзе накрыл его тело брезентом, и танк медленно выехал из села.

Геройски дрались на улицах Каменки танки лейтенанта Матяшина и Балсуновского. Прямым попаданием снаряда пробило башню танка Матяшина, и осколком командиру оторвало три пальца правой руки. Наспех замотав руку бинтом, лейтенант продолжал бой до тех пор, пока сопротивление врага не было сломлено.

Не менее успешно действовала в Крюково группа Лавриненко. Когда во второй половине дня 8 декабря гитлеровцы, подтянув резервы, начали яростные контратаки, в бой был брошен находившийся в резерве танковый батальон Герасименко в составе шести машин. Атаки врага были отбиты. Опасаясь окружения, гитлеровцы бежали поспешно из Крюково, оставив на улицах много боевой техники, оружия, боеприпасов. Надо сказать, что и пехотинцы, и кавалеристы, и танкисты – все дрались с огромным воодушевлением. Кстати, замечу: в этом бою участвовали воины многих национальностей. Я уже упоминал

грузина Каландадзе, пулеметчика-узбека, имя которого восстановить, к сожалению, не удалось. В кавалерийских частях можно было услышать и таджикскую, и узбекскую, и татарскую, и украинскую речь.

Итак, 8 декабря Крюково было полностью очищено от противника. Враг отступил на запад. Острие клина, грозно нависавшего над столицей с севера, было обрублено.

Боевой счет бригады теперь имел две графы. В первую из них «уничтожено» мы занесли: 10 танков, 10 легковых машин, 10 легких пушек, 2 тяжелых орудия, 2 грузовые машины, 2 тягача и до 170 человек пехоты. Во вторую «захвачено» занесли: 12 легких и средних танков, 4 тягача, 6 грузовых машин, 5 легковых и многое другое.

За эти же два дня боев бригада потеряла три тридцатьчетверки, один КВ и пять Т-60. Только одна тридцатьчетверка была потеряна безвозвратно; она сгорела на поле боя. Остальные в скором времени удалось отремонтировать и ввести в строй.

Наступательные бои на крюковском плацдарме обогатили наш боевой опыт.

Мы заметили, что суровая зима загоняла плохо одетых гитлеровцев в дома, но на окраинах населенного пункта они всегда выставляли охранение, размещая его в блиндажах. Собственно, в большинстве случаев это были не блиндажи, а окопы, перекрытые сверху накатником толщиной 15–20 сантиметров да еще полуметровым слоем земли. Понятно, что в таких окопах в морозную погоду гитлеровцы долго оставаться не могли и через каждые три-четыре часа сменялись. Одни шли греться, другие заступали на их место.

Обратили внимание и на такие детали. Обычно в домах, особенно угловых, немцы углубляли подполье, проделывали отверстия в завалинках изб и вели из этих амбразур огонь. Танки и пушки гитлеровцы, как правило, укрывали в сараях, амбарах и стреляли тоже через проделанные в стенах амбразуры. Фашистские автоматчики большей частью располагались на чердаках строений или на водонапорных башнях, колокольнях. Повторяю, жестокие морозы заставляли гитлеровцев жаться к населенным пунктам. В открытом поле они тогда редко строили оборону.

Организуя уличные бои, мы учитывали, что в населенном пункте боевые действия ограничиваются узким пространством – улицей. Поэтому здесь нельзя вводить на одном направлении крупные силы. Убедились, что выбивать врага из деревни, поселка следует в самом тесном взаимодействии танков с

пехотой и противотанковыми орудиями. Пренебрежение последними, как показал опыт, грозило тяжелыми потерями.

Обычно по одной улице вели наступление три-четыре танка с десантом пехоты на броне. Но как только боевые машины врывались в селение, стрелки немедленно спешивались и, двигаясь по обеим сторонам улицы, вели боевую разведку, прочесывали дворы, огороды, задворки. Пехотинцы имели при себе ручные гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Нередко они выручали танкистов. Подобравшись к огневым позициям противотанковых батарей, уничтожали расчеты огнем и гранатами, прежде чем вражеские артиллеристы успевали взять на прицел наши боевые машины. Гранатами они выбивали гитлеровцев из укрытий. Противотанковые пушки, в свою очередь, не только вели борьбу с фашистскими танками, но и в упор расстреливали вражеские дзоты и другие огневые точки.

Танки обычно наступали по разным сторонам улицы, на дистанции огневой и зрительной связи. Здания, приспособленные противником к обороне, разбивали осколочными снарядами. Причем танк, шедший по левой обочине улицы, бил по правой ее стороне, и, наоборот, идущий по правой – держал под огнем левую. Такое огневое перекрестие как нельзя лучше гарантировало боевые машины от всяких неприятных неожиданностей. Кроме того, каждому идущему сзади танковому экипажу вменялось в обязанность охранять боевую машину, наступающую впереди. То же самое возлагалось и на пехоту, сопровождавшую танки.

Связь с танковыми подразделениями и группами, действовавшими в других районах населенного пункта, мы осуществляли по поперечным улицам и проулкам, через проломы и задворки, от рубежа к рубежу. Для связи использовали все имеющиеся средства: посыльные машины, пеших связных, радиостанции и даже специально выделенные танки.

Особенно упорное сопротивление противник оказывал на перекрестках улиц, площадях, в каменных зданиях. Прежде чем атаковать эти узлы обороны, мы проводили тщательную пешую разведку, затем пушечным огнем танков обрабатывали все выявленные и вероятные, но не обнаружившие себя огневые точки противника. Тут нередко на помощь танкистам и пехотинцам приходили наши саперы-подрывники.

Во время атаки населенного пункта часть танков и пехоты выделяли в особую группу. На эту группу возлагалась задача – парировать возможные фланговые контрудары противника, лишить гитлеровцев возможности расстреливать из укрытий наши машины, ведущие борьбу внутри населенного пункта.

Резерв танков и пехоты обычно находился вне населенного пункта в полной готовности немедленно помочь атакующим частям или отразить контратаку врага с любого направления. Надо ли говорить, какая громадная ответственность возлагалась на командира, возглавлявшего резерв. Он должен был с молниеносной быстротой реагировать на малейшие изменения обстановки, не теряя секунды, идти на выручку товарищам. Связь с ударной группой резерв осуществлял опять же по радио, танками и пешими посыльными.

Обычно боевая работа у танковых и мотострелковых подразделений не прекращалась и после захвата населенного пункта. Им приходилось самым тщательным образом прочесывать как жилые помещения, так и чердаки, погреба, сараи. И не напрасно. Нередко они уничтожали автоматчиков, а то и целые группы гитлеровцев, не успевших уйти из селения и не прекративших сопротивления.

Впервые за многие месяцы войны мы шли по родной земле как освободители. Из лесов, из землянок возвращались в очищенные от врага села мирные жители. Собирались вокруг танкистов и рассказывали об ужасах оккупации. У одних гитлеровцы расстреляли родственников, у других увели скотину, у третьих сожгли дом и двор…

Пытки, расстрелы, тюрьмы, грабежи, насилия – вот о чем нам пришлось услышать. Но гитлеровцы просчитались. Пытаясь запугать мирное население карательными операциями, они не учли одного: их варварское обращение с мирными жителями оккупированных сел наполняло сердца воинов ненавистью, и эта ненависть придавала им дополнительные силы в бою…

После взятия Крюково соединения 16-й армии по всему фронту перешли в наступление. Согласно данным разведки, противник поспешно отступал на северо-запад, стремясь оторваться от авангардных частей нашей армии. Замысел врага разгадать было не так уж и трудно: он намеревался переправиться через Истру и Истринское водохранилище и использовать этот естественный рубеж для создания устойчивой обороны.

Командарм решил не только не дать закрепиться гитлеровским дивизиям на выгодном рубеже, но и, обойдя истринскую группировку противника с севера и юга, полностью разгромить ее. С этой целью генерал Рокоссовский создал подвижные группы: одна под командованием генерала Ф. Г. Ремизова наступала на правом фланге армии, две другие, возглавляемые генералом А. П. Белобородовым и мною, – на левом.

В нашу группу кроме 1-й гвардейской танковой бригады

вошли еще 40-я отдельная стрелковая бригада В, Ф. Самойленко и 89-й отдельный танковый батальон. Несколько позднее мне придали 17-ю танковую бригаду полковника Н. А. Черноярова. Заместителем по технической части у него был бывший преподаватель танковой техники в Академии механизации и моторизации Красной Армии полковник В. Д. Иевлев, хорошо знавший свое дело и много сделавший для подготовки слушателей академии.

Вскоре из штаба армии мы получили приказ на наступление: оперативной группе переправиться через реку Истра в районе Павловской слободы и наступать в направлении Петровское – Давыдковское – Буньково – Ябедино – Мыканино Зенькино, во взаимодействии с 9-й гвардейской стрелковой дивизией уничтожить противника в районе Глебово – Избищи – Зенькино – Мыканино – станция Ново-Иерусалимская. В дальнейшем наступать вдоль шоссе на Ядремино – Румянцеве с задачей к исходу 13 декабря овладеть районом Румянцеве – Бутырки – Рубцево. Выполнив эту задачу, мы, таким образом, создавали угрозу окружения немецко-фашистских войск, оборонявшихся в районе Истринского водохранилища с юго-запада.

Когда мы приступили к выполнению приказа, передовые части армии уже вели бои на подступах к истринскому рубежу. Здесь противник оказывал ожесточенное сопротивление. Отступая, гитлеровцы взрывали мосты, минировали дороги, дома, колодцы.

Они взорвали плотину водохранилища и заминировали правый берег Истры. Разлившаяся вода создала дополнительные трудности для наших войск. О том, чтобы форсировать широкий водный рубеж с ходу, не приходилось и думать. Поэтому все надежды на успех операции командование 16-й армии возлагало на наши подвижные группы.

Исходные позиции для прорыва в тылы противника мы заняли в районе Нахабино. Глубокие снега и тридцатиградусные морозы, на которые впоследствии столько раз жаловались гитлеровские генералы, создавали трудности не только для противника, но и для нас. Вместе с начальником штаба подполковником Кульвинским мы решили повести наступление силами стрелковых батальонов. Стрелки на лыжах, одетые в маскировочные халаты, должны были проникнуть в боевые порядки отступающих частей противника, дезорганизовать их и не дать закрепиться на выгодных рубежах. Танки с десантами автоматчиков двигались вдоль шоссе Истра – Волоколамск, чтобы именно здесь нанести врагу главный удар.

Сорок километров снежной целины отделяли нас от тылов

противника. В каждой из 17 деревень, расположенных на маршруте наступления, стояли немецкие гарнизоны. Учитывая это, я приказал частям, не ввязываясь в бои с ними, обходить опорные пункты врага.

Первыми в тыл врага прошли разведчики под командованием командира взвода разведывательной роты лейтенанта Антимонова. Взводу удалось незаметно выйти к деревне Киселеве. Из рассказов местных жителей стало ясно, что в соседней деревне Телепнево – немцы, и что они ведут оборонительные работы. Не теряя времени, Антимонов оврагами и низинами провел танки с десантом автоматчиков к окраине деревни и внезапной атакой выбил противника из деревни. Гитлеровцы бежали, оставив много машин, мотоциклов и три зенитных орудия.

Путь к Волоколамскому шоссе был открыт. Взвод Антимонова оседлал шоссе, поджидая подхода главных сил. Успешно продвигались и другие подразделения. Еще засветло 13 декабря передовой отряд бригады, которым командовал капитан Герасименко, подошел к селу Лукино. Но дальнейшему продвижению мешала заминированная дорога, причем в некоторых местах мины были установлены в два яруса. Надо сказать, что, пытаясь задержать наступление нашей группы, немцы широко применяли мины и всевозможные взрывные ловушки. Чтобы сбить саперов с толку, они устанавливали их то в строгом шахматном порядке, то бессистемно.

Дорога под Лукино была начинена минами очень густо. Разминирование ее заняло бы много времени и замедлило продвижение нашей группы.

Командир танкового полка, в который входил батальон Герасименко, майор И. Г. Черяпкин, действовавший в передовом отряде, еще не обладал достаточным опытом наступательных боев, поэтому-то и задержался у Лукино. Связавшись с полком по радио, я приказал Черяпкину: «Не топчитесь на месте. Ищите обходные пути. В лоб не атакуйте, а смело маневрируйте».

Действительно, как только танки и пехота начали обходить Лукино, немецкий гарнизон, опасаясь окружения, сам покинул село. Постепенно прямо на плечах отступающего противника части подвижной группы одна за другой выходили на участок шоссе Истра – Волоколамск. Путь врагу на запад по шоссе был отрезан.

Выход подвижных групп в тыл врага с севера и юга вылудил немецкое командование отступить с истринских рубежей на Волоколамск. Еще 12 декабря из сводки Совинформбюро мы узнали, что «войска генерала Рокоссовского, преследуя 5-ю, 10-ю

и 11-ю танковые дивизии, дивизию СС и 35-ю пехотную дивизию противника, заняли город Истру…».

В дальнейшем войска, наступавшие в центре оперативного построения армии, переправились на западный берег Истринского водохранилища и погнали врага.

Теперь, вспоминая события тех лет, должен признать, что, хотя в наступательных боях в районе Волоколамского шоссе мы часто применяли тактику окружения врага, реализовать ее удавалось далеко не всегда. Не хватало нам и подвижных средств, и опыта боев на окружение. К тому же глубокие снега сковывали работу тылов. Но так или иначе задача, поставленная подвижной группе командованием, была выполнена: враг, огрызаясь, отходил на запад.

Мы часто называем минувшую войну народной. И она действительно была таковой. В период оборонительных и наступательных боев на Волоколамском шоссе мы часто опирались на помощь местных жителей. Они помогали нам разведывать силы гитлеровцев, указывали дороги, по которым мы незаметно выводили части в тыл врага.

Сейчас уже многое стерлось в памяти, но один из ярких примеров помощи советских людей своей армии удалось воскресить спустя двадцать три года. Объезжая памятные места боев на волоколамском направлении, комиссар танкового полка, ныне полковник запаса, Яков Яковлевич Комлов побывал в селе Ново-Петровское и вспомнил забытый нами эпизод.

17 декабря во второй половине дня передовой отряд танкового полка с боем ворвался в село Ново-Петровское и, продвигаясь вперед, подошел к виадуку по железнодорожному мосту, перекинутому через Волоколамское шоссе. И тут перед нами возникло непреодолимое препятствие: гитлеровцы успели виадук взорвать.

Что делать? Попробовали растащить бетонные глыбы танками – ничего не получилось, слишком трудоемкая операция. Вдобавок выяснилось, что метрах в пятидесяти за виадуком протекает узенькая речка Маглуша, не более шести метров шириной. Но мост, соединяющий ее берега, гитлеровцы тоже успели взорвать.

Положение частей бригады осложнилось: они вынуждены были остановиться. Преследование врага невозможно, а он совсем рядом, на том берегу. Мы еще успели заметить хвост немецкой колонны, отходившей от Ново-Петровского. Необходимо было во что бы то ни стало догнать ее и разгромить.

Попробовали искать объезд. Слева от виадука – крутая железнодорожная насыпь. Танкам не преодолеть ее. Справа тоже

насыпь, но более пологая. Упирается она в дорогу, мощеную булыжником. Эта дорога, ответвляясь перед виадуком от Волоколамского шоссе, ведет к железнодорожной станции. Здесь танки без особых затруднений могут перебраться через железнодорожное полотно, спуститься к речке и перейти вброд. Судя по разбитой колее, ведущей к берегу Маглуши, у немцев в этом месте тоже был объезд. Главное – быстрее перемахнуть через водную преграду и, не теряя ни минуты, мчаться вдогонку за уходящей немецкой колонной.

Три наших танка идут по правому берегу. Но как только танкисты, перевалив железнодорожную насыпь, стали спускаться к броду, им наперерез бросились пожилая женщина и мальчик. Они кричали: «Стойте, стойте, там мины!».

Конечно, за гулом двигателей и грохотом трансмиссий танкисты не слышали, что им кричат, но все же остановились. Женщина подбежала к переднему танку и рассказала командиру машины: укрываясь от немцев, она с сыном сегодня утром пряталась на правом берегу Маглуши в окопе. Из этого окопа они видели, как гитлеровцы, прежде чем взорвать виадук, разрушили временный мост, находившийся на месте брода, и минировали подходы к нему. Много противотанковых мин они заложили на обоих берегах речки и в выемке, ведущей в том же направлении к шоссейной дороге.

– Где же нам переправиться? Может быть, ниже? – спросил я женщину, показывая рукой вправо.

– Лучше у моего дома, – ответила женщина. – Там речка узкая-узкая. Переправитесь, потом пройдете через мой двор и выйдете на шоссейку.

Мы пошли вслед за женщиной, чтобы осмотреть место переправы. Верно, речка узкая, ширина не более четырех метров, но берега крутые, и танкам здесь вброд не пройти. Единственный выход из положения – построить мост. Но где взять бревна? Услышав разговор командиров, женщина потянула Комлова за руку:

– Что ж стоите? Вон у меня под домом лежат бревна, дрова. Берите. Не хватит – разбирайте двор, сени. Для такого дела ничего не пожалею.

– Ну хорошо, – сказал Комлов, – построим мы мост, пройдем через ваш двор. А со двора куда? Ведь там, за двором, немцы тоже заминировали дорогу. И опять нарвемся. Саперов-то пока с нами нет.

– Не все они заминировали, – успокаивает женщина. – Мой Петя поведет танки, покажет дорогу. Он знает, где немцы закладывали мины, а где нет.

В это время к речке подошла рота из нашей мотострелковой части. Комлов договорился с комиссаром батальона старшим политруком Олизаренко, и пехотинцы вместе с танкистами начали строить мост. Они отобрали толстые и длинные бревна, перетаскали их к речушке и уложили впритирку от одного берега к другому. Поперек соорудили настил из коротких бревен и больших поленьев, затем опять – длинные бревна, а поверх настил. За какие-нибудь 25–30 минут бойцы соорудили четырехрядную клетку, связали ее телефонными проводами, используя остатки разрушенной телефонно-телеграфной линии.

Мост, конечно, получился примитивный, но вполне годный для переправы танков. Первой на настил вошла тридцатьчетверка одного из лучших наших командиров-танкистов Дмитрия Федоровича Лавриненко. Перевалила она через речку удачно и двинулась через двор к шоссе… Впереди танка, показывая экипажу дорогу, побежал Петя.

Когда же тридцатьчетверка Лавриненко добралась наконец до шоссе, мальчишка вернулся обратно, чтобы перевести через двор вторую боевую машину. И тут вдруг ударила автоматная очередь. Петя упал в снег. Кто-то крикнул: «Убили парнишку!». Но, как оказалось, мальчик показал лишь хорошую солдатскую сноровку. Прошло несколько секунд, и он поднялся с сугроба невредимый и побежал впереди второго танка.

Снова свинцовая очередь, за ней другая, а мальчик, не страшась выстрелов, бежал впереди тридцатьчетверки и рукой подавал знак экипажу: «Держитесь правее, правее, слева мины».

Второй танк тоже благополучно вышел на шоссе, за ним двинулась мотострелковая рота. На мосту оставалось лишь одно отделение на случай, если четырехъярусная клетка не выдержит тяжести танков и придется ее восстанавливать. Лавриненко между тем уже вступил в бой с противником – с прикрытием гитлеровцев, задержавшихся в селе.

Лейтенант увидел, как из-за дома, стоявшего на бугорке, справа от шоссе, выскочил фашистский тягач-вездеход с автоматчиками в кузове. Как видно, это и было немецкое прикрытие, охранявшее брод и объездную дорогу. Лавриненко моментально взял его на прицел и первым же выстрелом из пушки разбил.

Переправился на другой берег Маглуши и тяжелый танк КВ техника-лейтенанта С. Г. Корсуна. Правда, он поломал пастил, но все же переправился. А вот двор пройти ему не удалось. Известно, что КВ не такой маневренный танк, как тридцатьчетверка, И если первые машины прошли по узкому коридору двора почти впритирку к дому, то КВ, выходя со двора, накренился немного

влево и зацепил угол дома. Бревенчатая стена завалилась, следом за ней упали и верхние венцы другой стены, и крыша хаты повисла – вот-вот рухнет.

Хозяйка дома, выручившая нас в этот день, сначала перепугалась, даже закричала. Шутка ли в жестокие морозы остаться без крова?! Но потом пришла в себя и сказала:

– Чему быть, того не миновать. Берите, детки, сруб, тащите его на мост. Он попрочнее поленьев.

Мы стали было возражать. Война войной, но и в положение человека войти надо: сруб пригодится для ремонта пусть немудреного, но все-таки жилья. Однако женщина ничего и слушать не хотела.

– Берите, все берите. Помост сейчас нужнее, чем моя изба. – И сама за бревно берется, тащит его к речке.

До сердца тронул тогда танкистов патриотический поступок простой советской женщины.

– Не печальтесь, мамаша, – сказал Комлов Александре Григорьевне. – Мы дадим вам бумагу с печатью. Объясним в этой бумаге, как все было. Советская власть поможет вам восстановить дом.

– И на том спасибо, – ответила женщина и продолжала вместе с пехотинцами таскать бревна к реке.

Мост усилили, скрепили железными скобами. Нашли их в брошенной немецкой двуколке, которая стояла неподалеку от разрушенного виадука. И тут же стали пропускать через речку остальные танки. Выходили они на шоссе тем же путем через двор Александры Григорьевны Кузнецовой, и проводником их по-прежнему был Петя.

Но, видно, не зря говорят в народе, что беда за бедой ходит. Неожиданное несчастье свалилось на Петю, юного проводника. Когда мальчик бежал вдоль дороги, предостерегая танкистов от вражеских взрывных заграждений, одна машина все же наскочила на небольшую мину. Мина взорвалась, танк не повредило, но Петю взрывной волной отбросило в сторону и сильно контузило.

Танкисты подняли мальчика и внесли в полуразрушенный дом. Врачи санитарной службы полка оказали Пете помощь. Но юный проводник танкистов, сделавший для нас так много, не приходил в сознание. Над ним склонились, рыдая, мать и старшая сестренка Катя. Ей было тогда тринадцать лет, а Пете одиннадцать.

Горько было узнать заключение нашего полкового врача. Он сказал, что трудно рассчитывать на полное выздоровление мальчика. Как ни печально, но не исключено, что Петя может остаться инвалидом на всю жизнь.

А тем временем наши танки, переправившиеся через мост, сложенный из бревен и досок дома Александры Григорьевны, дошли по шоссе до деревни Антоновка и разгромили там часть отходившей немецкой колонны. Помню, в кабине каждой фашистской машины лежали снопы ржаной соломы. Гитлеровцы прихватили их с собой для того, чтобы в случае безвыходного положения сжечь автомашины. Но они не успели этого сделать. Увидев, что их настигают советские танки, водители бросили машины и, спасаясь от губительного огня, пустились наутек в лес. Разгромив эту колонну, передовой отряд бригады продолжал продвигаться по Волоколамскому шоссе на Деньково – Чисмену.

Наступила пора и нам с командиром полка майором И. Г. Черяпкиным покинуть Ново-Петровское. Нужно было догонять ушедшие вперед подразделения, руководить боем. Прощаясь с Александрой Григорьевной, мы оставили ей документ, скрепленный нашими подписями и полковой печатью. В нем кратко излагалось все, что произошло 17 декабря 1941 года на берегу реки Маглуша, подробно говорилось о подвиге, совершенном А. Г. Кузнецовой и ее сыном. В том же документе мы просили органы Советской власти помочь этой женщине восстановить дом, вылечить мальчика и представить мать и сына к правительственной награде.

Вздохнув, Александра Григорьевна взяла у нас бумагу. Глаза ее наполнились слезами:

– Отомстите, милые, проклятому фашистскому зверю. Отомстите за все наше горе, за все наши страдания.

– Мы выполним ваш наказ, Александра Григорьевна, – взволнованно ответил майор Черяпкин и, поклонившись женщине, поспешил за танками.

Пока саперы не расчистили шоссе под виадуком, мимо полуразрушенного дома А. Г. Кузнецовой целые сутки шли части 16-й и 20-й армий, наступавших по Волоколамскому шоссе.

И вот двадцать три года спустя Яков Яковлевич Комлов снова встретился с А. Г. Кузнецовой в Ново-Петровском. Александра Григорьевна проживала в том же доме, что и до войны, на Колхозной улице. Комлов подошел к обрывистому берегу Маглуши и посмотрел вниз. Речка пересохла и превратилась в ручеек. Но раскопанные берега подсказали, что именно здесь гитлеровцы заминировали брод.

Комлов переправился по кладке через Маглушу и подошел к дому Кузнецовой. Стены, разрушенные танком, были восстановлены, но бревна, видимо, те самые, из которых мы строили мост, сложены неумело. Изба покосилась, вросла в землю и напоминала скорее деревенскую баню, которую топят по-

черному.

Дверь Комлову открыла сгорбленная старушка. Трудно было узнать в ней ту энергичную женщину, которая так самозабвенно помогала нам в сорок первом навести переправу.

– Почему же, Александра Григорьевна, вы не добились, чтобы вам поставили новый дом? – спросил Комлов.

Она ответила с тяжелым вздохом:

– Пока шла война, неудобно было обращаться. Не я одна бедовала. Дом кое-как отремонтировали своими силами. Вот и живу с сыном Петей. Он инвалид, работать не может. А бумага, что вы мне дали, где-то затерялась.

Тяжело было Комлову слышать эти слова. Обидно было, что так неудачно, безрадостно сложилась судьба этой мужественной русской женщины и ее сына.

– Вы же подвиг совершили! – воскликнул он. – Большой подвиг!

Подумав немного, словно вспоминая прошлое, старушка ответила:

– Кто его знает, может, и был тогда подвиг. Но мы-то с Петей побежали навстречу вам не из-за подвига какого, а из жалости. Люди-то наши, и машины могли на минах подорваться. А зачем же им гибнуть? И так ведь сколько материнских слез пролито, сколько хорошего народа в войну погибло.

Рассказала Александра Григорьевна в тот вечер и о своей семье. Ее муж, Иван Дмитриевич Кузнецов, до революции был безземельным крестьянином. Батрачил на помещиков и кулаков. Воевал в первую империалистическую, вернулся с германского фронта с простреленной рукой и больным сердцем. Работал на шорной фабрике, есть такая неподалеку от Ново-Петровского, а в сороковом году умер.

Три дочери Александры Григорьевны участвовали в Великой Отечественной войне. Анна выносила раненых с поля боя, Мария была связисткой, Татьяна водила бензозаправщик в батальоне аэродромного обслуживания. Так что вся семья Кузнецовых в грозные для Родины дни встала на ее защиту.

Добавлю к этой истории, что вскоре появилась в газете «Известия» статья Я. Я. Комлова, в которой было описано все, что сказано выше. Потом мне позвонил по телефону начальник Главного управления кадров Министерства обороны СССР и передал распоряжение Министра обороны СССР Маршала Советского Союза Р. Я. Малиновского о том, чтобы я написал наградные листы на Александру Григорьевну и ее сына Петра Ивановича Кузнецовых и представил их к награждению орденом Отечественной войны I степени.

Указ Верховного Совета СССР об их награждении последовал через несколько дней – 23 сентября 1965 года.

Министр обороны СССР Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский выделил роту саперов и строительные материалы. Кузнецовым был построен новый дом. Мебель, телевизор, радио – все им дало Министерство обороны СССР. Ключи от нового дома поручено было вручить мне. Состоялся митинг, на который собрались жители не только Ново-Петровского, но и окрестных деревень. Было торжественно, празднично. Жаль только, что недолго пришлось Александре Григорьевне пожить в новом благоустроенном доме. Тяжелые годы подорвали ее здоровье, и не так давно она скончалась.

Моя «эмка» подъезжала к деревне Бели, где теперь разместился КП бригады. Низенькие бревенчатые избы с нахлобученными снежными крышами увязали в сугробах. Впрочем, избы можно было пересчитать по пальцам: из сугробов частоколом торчали печные трубы. Знакомая картина. Такие деревни встречались на всем пути наступления. Звериная злоба фашистов меня всегда удивляла. Какая военная необходимость вынуждала их превращать деревни в пепелище? Объяснить это невозможно. Ведь в этом селе жили старики, женщины, грудные дети. Куда же теперь им деваться в такой трескучий мороз?

Всякий раз при виде таких деревень в душе вскипала ярость. Неужели все это сойдет фашистам с рук? Нет, возмездие настигнет преступников!

У околицы гомонит небольшая толпа, в основном старушки в ватниках, в рваных полушалках. Лица закутаны, руки засунуты в рукава. Пританцовывает инвалид на деревянной ноге в сдвинутом набекрень треухе. Прошу водителя А. Ф. Кондратенко остановить машину. Следовавший за мной броневик со штабными командирами тоже останавливается, и мы направляемся к толпе.

Старушки расступаются, и теперь мне становится виден небольшой глиняный холмик с грубо сколоченным крестом. На нем серенькая поношенная детская кепка.

– Ироды проклятые, убили, – запричитали старушки.

– Прямо, значит, из автомата их, – поясняет инвалид, обращаясь ко мне.

– Да что случилось-то? Расскажите толком, – вмешивается в разговор Кондратенко.

– Ну, значит, как пришли они… – начинает инвалид. Но тут загомонили старушки: всем хотелось поведать нам о случае, который потряс жителей.

С трудом удалось восстановить картину происшедшего. Позавчера немцы отступали из деревни. Гитлеровский

автоматчик вывел со двора корову колхозницы Акимовой. Дом хозяйки немцы подожгли, и семья ее оказалась на улице. Тринадцатилетний сын Акимовой Шура схватил камень и кинулся на солдата. Тот вскинул автомат и дал длинную очередь. На помощь другу бросился другой подросток – Витя Шильников, но и его автоматная очередь пригвоздила к земле.

Впрочем, возмездие не заставило себя долго ждать. В тот же день под вечер в село Бели доставили группу пленных гитлеровцев. Когда их вели по улице, в щупленьком остроносом ефрейторе жители опознали убийцу двух подростков. Собравшиеся женщины чуть не растерзали ефрейтора. Узнав об этом инциденте, я приказал доставить пленного в штаб. Хотелось собственными глазами увидеть этого выродка.

И вот он передо мной. Узкогрудый, в потрепанной шинели, с красным от мороза носом. Мелкие черты узкого лица не выражают ничего, кроме животного страха.

На все мои вопросы, заданные через штабного переводчика, он ничего вразумительного ответить не может. Только пожимает плечами да испуганно озирается по сторонам: знал, что его ждет, и, видимо, от страха потерял дар речи.

Война убедила меня, что самые жестокие люди обычно и самые трусливые. Ефрейтор принадлежал к такому типу фашистской нечисти.

Штаб разместился в одной из немногих уцелевших изб. Печь была жарко натоплена, и мы с Кульвинским сбросили полушубки, склонились над картой.

После освобождения Истры, Солнечногорска, Клина путь отступления противника на этом участке Западного фронта лежал через Волоколамск. Только через этот город противник мог отвести свои войска на запад. Гитлеровцы прекрасно понимали оперативное значение старинного русского города и, как сообщала разведка, превратили его в крупный узел сопротивления. Тот, кто бывал в Волоколамске, помнит, что город расположен на холмах и господствует над окружающей местностью. Гитлеровское командование изо всех сил пыталось удержать Волоколамск и прилегающий к нему район, надеясь перезимовать здесь и собрать силы для летнего наступления.

Часов в девять вечера, когда мы с Кульвинским и начальником оперативного отделения Никитиным изучали донесения, поступившие из частей, дверь избы распахнулась, впустив облако морозного пара. Связные, толпившиеся у входа, расступились, и ко мне подошел командир из штаба армии. В пакете, который он вручил, был приказ, гласивший, что оперативной группе Катукова во взаимодействии с соединениями

20-й армии в самое ближайшее время необходимо овладеть Волоколамском.

На словах командир добавил, что есть распоряжение Верховного Главнокомандующего доложить ему, какие части первыми войдут в город.

– Да, – задумчиво проговорил Кульвинский, – немного времени отпущено нам на подготовку штурма.

– Надо еще учесть, – сказал я, – что противник может использовать опорные пункты, укрепления, возведенные нами, когда мы обороняли Москву.

– Думаю, что застрять им здесь не дадим, – усмехаясь, сказал Никитин.

Немедленно приступили к разработке боевого приказа. От Волоколамска нас отделяло теперь только 38 километров, Мы вышли в тот район, откуда еще месяц назад отступали с тяжелыми боями. Знакомые названия деревень: Скирманово, Чисмена, Язвище, Матренино, Горюны, где А. Бурда бился с превосходящими танковыми силами врага, Дубосеково, где стояли насмерть 28 панфиловцев. Но тогда мы отходили по 5–6 километров в сутки, а сейчас продвигаемся вперед в три раза быстрее.

На следующий день начались бои на подступах к Волоколамску. Отступая, фашисты изо всех сил пытались задержать наше продвижение, чтобы дать возможность отойти своим главным силам. Особенно ожесточенные бои разгорелись в районе деревень Сычево, Покровское, Гряды, Чисмена.

В тот же день танковая рота старшего лейтенанта Д. Ф. Лавриненко действовала в передовом отряде подвижной группы в районе Гряды – Чисмена. Роте было передано отделение саперов, которые расчищали от мин маршруты движения танков. В деревню Гряды наши танкисты нагрянули на рассвете, застигнув гитлеровцев врасплох. Они выбегали из изб кто в чем и попадали под огонь пулеметов и пушек наших боевых машин.

Успех, как известно, всегда будоражит кровь, и Дмитрий Лавриненко решает, не дожидаясь подхода главных сил оперативной группы, атаковать гитлеровцев, засевших в селе Покровское.

Но тут произошло непредвиденное. Фашисты подтянули к шоссе десять танков с пехотным десантом и противотанковыми орудиями. Продвигаясь к деревне Горюны, вражеская танковая группа стала заходить в тыл нашему передовому отряду. Однако Дмитрий Лавриненко вовремя разгадал, какую ловушку готовят ему гитлеровцы, и немедля повернул свои танки им навстречу.

Как раз в этот момент к Горюнам подошли и главные силы

нашей подвижной группы. В итоге немцы сами попали в клещи.

Разгром им был учинен полный. Отличился в бою опять же Д. Ф. Лавриненко. Он уничтожил тяжелый вражеский танк, два противотанковых орудия и до полусотни фашистских солдат. Спасая свою шкуру, немецкие танкисты и пехотинцы, те, кто уцелел в короткой схватке, побросали машины, оружие и бежали.

Потерпев неудачу, гитлеровцы обрушили на Горюны шквальный огонь тяжелых минометов. Осколком вражеской мины был сражен Дмитрий Федорович Лавриненко.

А случилось это так. Командир 17-й танковой бригады полковник Н. А. Черноярoв, входивший в состав нашей подвижной группы, вызвал к себе старшего лейтенанта Лавриненко для уточнения обстановки и увязки дальнейших действий. Дмитрий Федорович, находясь в это время на окраине деревни Горюны, изучал расположение огневых точек врага на следующем рубеже.

Доложив обстановку полковнику Черноярову и получив приказ двигаться вперед, Лавриненко, не обращая внимания на разрывы мин, направился к своему танку. Но, не дойдя до него всего несколько шагов, вдруг упал в снег. Водитель его экипажа красноармеец Соломянников и командир танка старший сержант Фролов мгновенно выскочили из машины, бросились к командиру, но помочь ему уже ничем не могли.

Когда я услышал о гибели Лавриненко, у меня потемнело в глазах. Лавриненко и смерть – эти два понятия не умещались в сознании. Лавриненко казался неуязвимым: из скольких схваток выходил он победителем!

Большой болью отозвалась эта весть в сердце каждого, кто знал этого чудесного человека и танкиста. С именем Лавриненко до сих пор был связан каждый километр боевого пути 1-й гвардейской танковой бригады. Не было ни одного серьезного боевого дела, в котором он бы не участвовал. И всегда показывал пример личной храбрости, мужества и отваги, командирской сметливости и расчетливости. С каждым боем оттачивалось его незаурядное командирское мастерство.

Двадцать восемь кровопролитных боев с противником было на его счету. Трижды горела машина Дмитрия Лавриненко, но отважный танкист из самых тяжелых ситуаций выходил невредимым. Он уничтожил 52 фашистских танка. История минувшей войны не знает другого такого примера. Причем пятьдесят второй танк он уничтожил за какой-нибудь час до смерти в деревне Горюны.

Всего двадцать семь лет прожил замечательный танкист, сын кубанского казака-бедняка из станицы Бесстрашная. Да, станица

оправдала свое название. Она дарила Родине бесстрашных сыновей. Отец Дмитрия Федоровича в годы гражданской войны был красным партизаном и пал смертью героя в боях с белогвардейцами. Сын его отдал жизнь в смертельной схватке с проклятым фашизмом.

Похоронили мы Дмитрия Лавриненко по всем правилам воинского ритуала неподалеку от Волоколамского шоссе, близ деревни Горюны.

А наступление продолжалось. Войска подвижной группы шли вперед. Считанные километры остались до Волоколамска. Наш командный пункт перемещался через Горюны на новое место. В последний раз увидел я в вечерней мгле одинокий могильный столбик под березкой…

19 декабря в два часа пополудни мы получили боевое распоряжение штаба 16-й армии, подписанное Константином Константиновичем Рокоссовским: «Общее руководство действиями оперативных групп Катукова и Ремизова возложено на меня. В целях наиболее тесного взаимодействия частей в операции по овладению Волоколамском приказываю: 1) группу т. Ремизова подчинить т. Катукову…».

В боевом распоряжении К. К. Рокоссовский запрещал ввязываться во фронтальные бои с противником, атаковать его опорные пункты в лоб. С севера и северо-востока удар по Волоколамску должна была нанести группа генерала Ф. Г. Ремизова, а с юго-востока и юга – наша. С фронта сковывать противника небольшой частью сил. Для удара по Волоколамску с запада нам надлежало выбросить сильный отряд. Таким образом, мы охватывали вражеский узел сопротивления с обоих флангов, что, в свою очередь, обещало полное окружение противника.

В тот же день оперативные группы войск – Ремизова и наша, – развивая наступление, приступили к выполнению приказа командарма.

Танки мы держали в одном ударном кулаке и их продвижение прикрывали стрелковыми частями. Бои пришлось вести с сильными арьергардами противника. И чем дальше мы шли вперед, тем чаще наталкивались на минные поля. Гитлеровцы не пожалели мин, чтобы преградить нам путь на всех дорогах, ведущих к Волоколамску.

20 декабря в два часа ночи командир мотострелкового батальона наш «следопыт» капитан И. В. Голубев сообщил: «Третья и четвертая роты, взвод автоматчиков с боем ворвались в Возмище. В уличных боях упорно пробиваются вперед. Четвертая рота, стараясь овладеть восточной окраиной Волоколамска, имеет задачу – овладеть заводом…».

А вот что я доносил в штаб армии: «…к исходу дня 19.12.41 г. передовые части группы (мотострелковый батальон с группой танков 1-й гвардейской танковой бригады) ворвались на улицы г. Волоколамска, где вели уличные бои с противником до утра 20.12.41 г.

…17-я танковая бригада Черноярова во взаимодействии со стрелковой бригадой овладела станцией Волоколамск в 11.00 20.12.41 г.».

И еще донесения, непрерывно поступавшие от командиров частей и подразделений: «…противник заминировал мост, по которому должны пройти наши танки. Взвод лейтенанта Голикова скрытно подобрался к мосту, перерезал минные провода. Танки беспрепятственно прошли через мост. Сопровождая дальше танкистов, саперы сняли триста мин…»;

«Командир стрелкового отделения младший сержант Николай Марченко вел бой с восемью гитлеровцами, засевшими в подвале дома. Семерых уничтожил, восьмого офицера – обезоружил и взял в плен. Сам Марченко в этой неравной схватке был ранен…»;

«…экипаж танка лейтенанта Фетисова, ворвавшись в город, уничтожил противотанковое орудие, автомашину и до взвода автоматчиков».

Главные силы обеих оперативных групп и 311-й стрелковой дивизии вступили в город одновременно. Но все же первой ворвалась в Волоколамск 4-я рота нашего мотострелкового батальона. Командовал ею тогда лейтенант Терентий Рябов, человек беззаветной храбрости. Много пришлось ему испытать и в годы мирной жизни, и на войне. В первых же июньских боях он был тяжело ранен. Но как только немного окреп, отправился опять на фронт.

Выше я приводил донесение капитана Голубева. Из него ясно, что 4-я рота, овладев вместе с другими подразделениями городским предместьем – поселком Возмище, в ту же ночь подошла к восточной окраине Волоколамска. Вернее, не подошла, а, прижимаясь к земле, по-пластунски подползла к переднему краю обороны фашистов. Рывок в атаку – и мотострелки-гвардейцы уничтожили огневые точки врага, прикрывавшие вход на одну из центральных улиц, и овладели несколькими полуразрушенными зданиями.

Возможно, Рябову и его роте пришлось бы на час-другой задержаться на окраине города. Не так-то просто выкурить гитлеровцев из нор, в которых они засели. Но не прошло и пяти минут, как мотострелков обогнали тяжелые танки Александра Бурды. Пушечным и пулеметным огнем они громили вражеские

очаги сопротивления. Теперь уже под броневым прикрытием Рябов уверенно повел роту вслед за боевыми машинами.

Вскоре мотострелки пробились на центральную площадь города. И здесь перед Рябовым и его товарищами открылось страшное зрелище. В глубине площади между телеграфными столбами была прибита перекладина, и на ней висели шесть мужчин и две женщины. Кто они? Мы тогда этого не знали. Но так зверски замучить фашисты могли только советских патриотов, не вставших перед врагом на колени. Бойцы 4-й роты осторожно, в глубоком молчании сняли повешенных с перекладины и положили на снег.

Позднее я узнал, что это были московские комсомольцы К. Ф. Пахомов, Н. А. Галочкин, П. В. Кирьяков, В. В. Ординарцев, Н. С. Каган, И. А. Маненков, А. В. Грибкова и Е. Я. Полтавская. Они перешли линию фронта в ноябре 1941 года, чтобы установить связь с партизанами, но были схвачены фашистами.

Но не только восемь повешенных свидетельствовали о гнусных злодеяниях фашистов в древнем русском городе. Как позднее выяснилось, в Волоколамске находился госпиталь раненых советских воинов. В тесном деревянном бараке лежало до шестисот красноармейцев и командиров. Перед уходом из города гитлеровцы забили в бараке окна и двери и подожгли здание. Оно вспыхнуло костром. Все, кто находился внутри, сгорели заживо, похоронила их обвалившаяся крыша.

От Крюково – исходной точки нашего наступления – до Волоколамска 105 километров. Войска нашей подвижной группы прошли этот путь за 11 дней. И на всем пути мы сталкивались с бесчисленными фактами фашистского произвола. Чуть ли не в каждом освобожденном населенном пункте наши врачи, политработники, юристы составляли длинные акты, в которых перечислялись зверства захватчиков.

Глава 8. И с фланга, и с тыла

После взятия Волоколамска части 20-й армии, которой была подчинена наша подвижная группа, а также соседние армии правого крыла Западного фронта, вышли к заранее укрепленному противником рубежу за реками Лама и Руза. Передний край обороны врага проходил на участке нашей армии через населенные пункты Алферьево, Сидельницы, Захарино, Тимково, Лудина Гора, Погубино, Рюховское, Спасс.

Особенно сильно укрепили гитлеровцы высоту 296.3, которая вошла в историю боевых действий как Лудина Гора. Опоясав ее глубокими траншеями, гитлеровцы построили на скатах сотни дзотов, оборудовали пулеметные точки и установили десятки противотанковых пушек и минометов. Оборонительный рубеж несколькими ярусами спускался к самому берегу Ламы.

Всего 6 километров отделяли Лудину Гору от Волоколамска, но в ясную погоду с нее хорошо просматривался и сам город, и вся местность на десятки километров вокруг. Гитлеровцы методически обстреливали Волоколамск артиллерийским и минометным огнем.

Я приказал немедленно организовать разведку и выяснить все возможные пути подхода к Лудиной Горе, а также те силы, которыми враг обороняется на ее склонах. Признаться, мы тогда думали, что противник укрылся на том берегу, чтобы передохнуть после стремительного отступления, и что серьезного сопротивления он оказать не сможет. Это было горькое заблуждение. На основе данных разведки выяснилось, что перед нами обороняются свежие 5-я и 6-я танковые и 35-я и 106-я пехотные дивизии противника. Выяснилось также и еще одно безрадостное обстоятельство: перед Лудиной Горой пролегает глубокий овраг, преодолеть который танки не смогут. Дело осложнилось еще и тем, что подступы к вражеской обороне были густо заминированы.

Судя по показаниям пленных, гитлеровцы решили надолго задержаться на этом рубеже и, возможно, даже использовать его как трамплин для нового наступления. Не случайно они здесь утеплили блиндажи. Да и в перехваченном донесении немецкого генерала, возглавлявшего оборону на этом участке, говорилось: «Лудина Гора неприступна. Обход ее невозможен… Всю окружающую местность мы держим под огнем. Гарнизон неплохо проведет зиму в своих укреплениях».

Любопытен и другой документ, захваченный нами позднее. Это обращение командира 23-й немецкой пехотной дивизии к

офицерам. Генерал успокаивал своих подчиненных тем, что русские недостаточно сильны, чтобы проводить операции в больших масштабах. До сих пор, мол, «против нас выступали только небольшие, решительно руководимые части с малочисленной артиллерией и танками». И далее следовали заклинания, что «у каждого воина должна пробудиться воля к обороне и вера в наше превосходство».

Понятно было желание командования нашего фронта продолжить успешно начатое наступление и с ходу преодолеть этот рубеж. Однако это оказалось не столь простым делом.

Выполняя приказ командования 20-й армии, мы предприняли несколько атак. Но они не принесли желаемых результатов. Со своего КП я видел, как на снежной целине, у подножия Лудиной Горы, гибнут, подрываясь на минах и под губительным прицельным огнем, танки.

– Штурмовать в лоб Лудину Гору невозможно! – доказывал я командованию. Нужно найти обходные пути для прорыва.

В конце концов командование армии со мной согласилось и приказало 25 декабря нашу оперативную группу перебросить с левого фланга армии на правый. Там, под населенным пунктом Тимково, положение тоже было напряженное. Пыталась наступать 352-я стрелковая дивизия полковника Прокофьева, но успеха не имела.

Штаб группы разместился в подвале одного из зданий ветеринарного техникума в селе Ивановское. Пока устраивались на новом месте, получили задание штаба армии: действуя в обход левого фланга оборонительной полосы гитлеровцев, во взаимодействии с частями 352-й стрелковой дивизии и группы Ремизова нанести удар по группировке противника в районе Тимково – Тимонино.

Развертываем карту и вместе с начальником штаба П. В. Кульвинским и начальником оперативного отделения М. Т. Никитиным ищем наиболее выгодный вариант решения задачи. Приходим к выводу, что лучше всего вклиниться в расположение гитлеровцев в районе деревни Михайловка, углубляя затем прорыв.

Всю ночь напролет трудились саперы, делая проходы для наших танков в фашистских минных полях. А 26 декабря еще задолго до рассвета капитан И. В. Голубев отдал подразделениям мотострелкового батальона боевой приказ на наступление.

Ночью мотострелки отдыхали в том же здании техникума, где размещался наш КП, а также поблизости в уцелевших домах. Мне довелось тогда беседовать со стрелками. Настроение у них было бодрое, хотя подразделения сильно поредели под

Волоколамском, а пополнение батальон еще не получил.

Перед рассветом мотострелковые подразделения вышли в исходное положение, на западную окраину села. Отсюда до деревни Михайловка совсем недалеко – километра два с половиной, а может быть, и меньше. Но местность открытая, заснеженные поля лишь кое-где перерезаны овражками и лощинами. Пройти эти два с половиной километра под огнем – испытание адское. А тут еще и выход танков задержался. Саперы хотя и трудились без отдыха, но минам не было числа.

Вперед так же, как и под Волоколамском, вырвалась 4-я рота. Вел ее бесстрашный лейтенант Терентий Рябов. Гитлеровцы, обнаружив наступающих, засыпали шрапнелью поляну, на которой залегли после первого броска стрелки.

Мотопехота оказалась в трудном положении. Укрыться негде. Пройдут бойцы вперед на 20–30 метров – и ложатся, вжимаясь в снежные сугробы. Быстро приближался вечер, а батальон капитана Голубева продвинулся всего на 800 метров.

Лейтенант Рябов все время в цепи. Он увлекает за собой бойцов. Рывок – и еще 20 метров позади. Снова отважный лейтенант поднялся, подал команду «Вперед», но тут же, сраженный осколком снаряда, упал, беспомощно раскинув руки. Бойцы пытались помочь командиру, но противник прижал их к земле длинными пулеметными очередями.

Наконец саперы сняли последние мины, и в проделанный проход устремились танки. Три Т-60 на большой скорости помчались к деревне. Они били с ходу из пушек и пулеметов. За ними поднялась и пехота. Стремительный дружный удар – и деревня взята. Гитлеровцы бежали, оставив в Михайловке исправный танк, четыре дальнобойных и четыре противотанковых орудия, тягач и много разного боевого имущества. Не меньше роты фашистов полегло в этом бою.

Задача была выполнена. Клин во вражескую оборону вбит. Теперь надо расширять его. Но и первоначальный, только что обозначившийся успех обошелся нам очень дорого. Смертью храбрых пал один из лучших ротных командиров Терентий Филиппович Рябов. Когда совсем стемнело, бойцы роты вынесли его тело с заснеженной поляны. Они и рассказали нам, что произошло в этот день в боевых порядках 4-й роты на подступах к Михайловке.

В кармане гимнастерки убитого мы нашли лист бумаги, исписанный аккуратным почерком. Это было заявление в партийную организацию 4-й роты мотострелкового батальона 1-й гвардейской танковой бригады. Терентий Филиппович Рябов писал:

«Находясь на фронте Великой Отечественной войны в борьбе с германским фашизмом, я всецело свою жизнь отдаю на служение народу. В боях с фашизмом я 11 июля 1941 года был ранен, после выздоровления вновь пришел в воинскую часть, снова бью фашистскую гадину. Участвовал со своей ротой в освобождении города Волоколамска от фашистов в первых рядах. Сейчас, идя в бой вновь, я прошу принять меня в ряды великой Коммунистической партии большевиков.

Рябов.

25 декабря 1941 года».

В канун наступления на Михайловку написал лейтенант заявление о приеме его в партию. И все мы искренне переживали безвременную гибель храброго воина, умом и сердцем настоящего коммуниста. Похоронили его в предместье Волоколамска – в Возмище, в том месте, откуда он повел свою роту на штурм вражеских укреплений.

В тот же день нашей оперативной группе передали 64-ю морскую стрелковую бригаду Ивана Михайловича Чистякова, ныне генерал-полковника. Позже, когда Чистяков командовал армией, мы сражались рядом на Курской дуге. Моряки-пехотинцы – народ смелый, обстрелянный. И мы сразу ввели их в прорыв. 27 декабря, стремясь расшатать немецкую оборону, прорвать ее на всю глубину, наши моряки-пехотинцы при поддержке шести танков повели наступление на правом фланге Михайловского клина. После короткого боя они овладели находившимся неподалеку селом Владычино и закрепились на его западной окраине.

Минула еще одна ночь. 28 декабря на КП в селе Ивановском мы уточняли планы дальнейшего прорыва вражеской обороны. Но в это время произошли непредвиденные события, спутавшие все наши карты.

Гитлеровцы, как видно, поняли, что расширение нами Михайловского клина поставит под удар всю систему их обороны, и спешно приняли контрмеры. Они решили начисто срезать клин. А поскольку основанием его являлось село Ивановское, то по нему фашисты и нацелили свой контрудар.

Началось с того, что на село обрушилась немецкая авиация. Не успели фашистские летчики отбомбиться, как по Ивановскому прошлись огневым налетом вражеские артиллеристы и минометчики. А далее видим, по чистому полю прямо на село движется тремя цепями множество фашистов в сопровождении танков. Не иначе как гитлеровцы решили ошеломить нас «психической» атакой.

В ту минуту в Ивановском нас было совсем мало: несколько работников штабной опергруппы, я с комиссаром Бойко, комендантский взвод да несколько водителей транспортных машин. Впереди на позициях – минометная рота и неполный дивизион реактивной артиллерии. У церкви, где находился сборный пункт аварийных машин, – всего лишь один танк, да и тот в ремонте. Ходовая его часть разбита, но пушка и пулемет исправны.

Комиссар бригады Михаил Федорович Бойко развернул в цепь бойцов комендантского взвода и водителей транспортных машин. Ремонтники тоже изготовились к бою. Они сели в подбитый танк, зарядили пушку и пулемет. Реактивным установкам «Катюши» и минометчикам приказываю открывать огонь только по моей команде. Сам поднимаюсь на чердак. Оттуда все видно, а значит, лучше руководить боем.

Основной КП группы находился в поселке Ленина, позади нкилометрах в двух. В 13.10 посылаю связного Егорова к подполковнику Кульвинскому с запиской: «Противник силой до полка с о танками повел в 12.30 28.12.41 г. наступление на Ивановское. Все, что у нас есть на командном пункте, мы бросили в бой. Веди разведку немедленно на лес, что один километр западнее поселка Ленина. Извести штаб об этом. Все, что есть в поселке им. Ленина, бросьте сюда, в Ивановское, на помощь… Сообщи по радио Голубеву об обстановке…»

Был в Ивановском еще один танк Т-60. Его я сразу послал в разведку. Но гитлеровцы открыли по нему сильный огонь, и экипаж машины, не вступая в бой, вернулся обратно в село.

Фашисты шли в атаку тремя цепями. Подаю команду «Катюшам»: «Огонь! Залп!». И первая вражеская цепь легла, как трава под косой. Тут же в поддержку реактивной артиллерии заговорила минометная батарея. Стреляли также по немецким боевым машинам танк Т-60 и наш подбитый танк, стоявший возле церкви.

Гитлеровцы не выдержали. Оставив на поле боя до 500 трупов, они откатились назад, к лесу. Так «психическая» атака врага была сорвана еще до подхода подкрепления, посланного Кульвинским.

Однако не успели прийти в себя, как возникло новое осложнение. Пробуем связаться с капитаном Голубевым, пытаемся выяснить, что происходит в Михайловке. Ничего не получается. Связи нет. Посылаем связных, но они возвращаются ни с чем. Дорога на Михайловку занята противником.

Позднее выяснилось, что немцы, предприняв «психическую» атаку на Ивановское, одновременно перехватили дороги, ведущие

на Михайловку, и таким образом отрезали наш мотострелковый батальон. Вместе с ними в окружение попали несколько танков, зенитная и противотанковая батареи.

Примерно с час мы находились в неведении, что происходит у Голубева. Но наконец заговорила радиостанция зенитной батареи. Голубев докладывал о своем положении и спрашивал, что делать.

Ответили: «Держитесь. Сохраните Михайловский клин. Отбрасывайте гитлеровцев от деревни. Скоро к вам придет помощь».

Очень туго пришлось тогда мотострелковому батальону. Немцы вели по его позициям сильнейший артиллерийский огонь, гитлеровские летчики бомбили деревню. К тому же рота вражеских автоматчиков проникла на западную окраину Михайловки.

Но, несмотря на это, гвардейцы держались мужественно. Наш «следопыт» капитан Голубев умело руководил боем: на все фашистские атаки отвечал активной обороной. Вместе с комиссаром Олизаренко и начальником штаба Кудиным он неотлучно находился в боевых порядках подразделений.

Прорвавшись на западную окраину деревни, гитлеровцы засели в избе и огнем парализовали всякое движение по основной улице. Голубев приказал командиру противотанковой батареи лейтенанту Соколову выкатить пушки ближе к этой избе и расстрелять ее. Приказание было выполнено моментально. А чтобы завершить разгром немецкой роты, прорвавшейся в деревню, Олизаренко и Кудин повели за собой бойцов в контратаку и выбили фашистов из Михайловки.

Гитлеровцы еще раз бросили в атаку пехоту и нанесли удар с воздуха. В этом бою отличились наши зенитчики. Их командир лейтенант Милевский распределил огонь батареи по целям. Два зенитных орудия били по немецким самолетам, а две пушки – по пехоте врага. И на этот раз атака противника с земли и воздуха была отбита, причем зенитчики сбили бомбардировщик Ю-88.

Однако зенитчики-гвардейцы попали в сложный переплет. Батарея занимала позиции в лощине в стороне от Михайловки. Фашисты предпринимают новую атаку с тем, чтобы отрезать зенитчиков от мотострелкового батальона. Видя это, лейтенант приказывает расчетам сняться с позиций и немедля перебазироваться в деревню. Перемещаясь, бойцы батареи продолжают вести бой с наседающими фашистами, не только отбиваясь от них пушечным и ружейно-пулеметным огнем, но и пуская в ход ручные гранаты.

Лейтенант Милевский был ранен, заместитель политрука

Серков контужен, но оба они остались в боевых порядках подразделения. Батарея все же пробилась к мотострелковому батальону. Боевую технику она сохранила, а противнику нанесла немалый урон.

Тем временем мы выполнили обещание. Бросили на помощь Голубеву и его боевым товарищам несколько танков с десантом автоматчиков. Эта боевая группа быстро рассеяла немцев, оседлавших дорогу, ведущую в Михайловку с востока, и восстановила положение. А главное – нам удалось сохранить Михайловский клин, вбитый во вражескую оборону.

30 декабря утром группа получила боевой приказ из штаба 20-й армии. В нем говорилось: «Группе Катукова ликвидировать тимковскую группировку противника…».

Снова тяжелейшее испытание: в Тимково немцы почти все дома превратили в очаги сопротивления. Оборудовали в них огневые точки, на перекрестках улиц соорудили блиндажи. Да еще взяли подступы к населенному пункту под сильный огонь батарей, находящихся на Лудиной Горе.

Обсудили мы с Бойко, Кульвинским, Никитиным, как лучше выполнить поставленную задачу. Обсудили один вариант, отбросили его, приняли за основу другой и решили: атаку возложить на 40-ю стрелковую бригаду В. Ф. Самонленко, а в поддержку ей дать пять танков – два КВ и три Т-34.

Командование танковой ротой снова возложили на старшего лейтенанта Александра Бурду. Уж кто-кто, а он не полезет наобум. Прежде обдумает все ходы-выходы. Учить его в данном случае не надо.

Старший лейтенант Бурда, получив задачу, отправился к командиру 40-й стрелковой бригады. Вместе с ним произвел короткую рекогносцировку на местности. Точно по рубежам и времени увязал все вопросы, из которых обычно складывалось взаимодействие танкистов с пехотинцами.

В назначенный час пехота поднялась в атаку. Вместе с ней на штурм вражеского узла обороны пошел танк КВ сержанта Петра Молчанова. Сержант только что вернулся из госпиталя и попросил командира, чтобы ему разрешили участвовать в этом бою.

Вслед за Молчановым в атаку двинулись танки Семенова, Афонина и Корсуна. Пехотинцы не отставали от танкистов и вскоре ворвались на восточную окраину Тимново. Немцы открыли огонь из всех видов стрелкового оружия, ударили из минометов. Свинцовый ливень преградил путь наступающим стрелкам. Чуть ли не каждая изба изрыгала снопы огненных трасс. И здесь, выбив два продольных бревна из передней стенки избы, гитлеровцы

превращали строение в огневую точку.

Наша пехота залегла: гитлеровцам удалось отсечь ее от танков. А КВ и тридцатьчетверки уже шли по сельской улице, сокрушая укрепления врага, огневые точки, укрытия, устроенные в блиндажах и избах. Все бы обошлось, но неожиданно ударили фашистские противотанковые пушки. Они с коротких дистанций били по нашим боевым машинам.

Тяжело пришлось танковому экипажу лейтенанта Семенова. Немецкий снаряд пробил броню его машины, попал в бак с горючим, и танк загорелся. Механик-водитель был убит, лейтенант Семенов тяжело ранен. Он все-таки сел за рычаги управления и хотел повести машину вслед за другими танками, но отказала передача. Тогда лейтенант дал задний ход, рассчитывая вывести горящую машину из боя. Подбежавшие следом пехотинцы сбили пламя, объявшее танк. Но экипаж не удалось спасти. Когда открыли люк, лейтенант был уже мертв. Так и погиб он, прильнув к рычагам управления.

Четыре танка остались в бою. Они подавили противотанковые орудия, сожгли склад с боеприпасами. Затем Александр Бурда вернулся к пехоте, залегшей на восточной окраине селения, и повел ее за собой. Еще одно столкновение с фашистскими минометчиками, спешившими на выручку своему гарнизону. Танкисты сожгли машины этого подразделения. Тяжелые танки Афонина и Молчанова прикончили последние огневые точки гитлеровцев, и Тимково было взято.

Боевой приказ выполнен. Это был успех танкистов, стрелков и всей нашей оперативной группы. Но радость победы была омрачена утратой боевых товарищей. Навсегда покинули боевой строй гвардейцев лейтенант Семенов и члены экипажа его танка. А следом, еще одна утрата. Из деревни Хворостинино, находившейся у нас на фланге, гитлеровцы стали обстреливать из тяжелых орудий Тимково. Огонь они вели, конечно, не прицельно, но один снаряд угодил в танк Молчанова. Командир орудия Махараблидзе и механик-водитель Панов были тяжело ранены, а Молчанов убит.

Тело Петра Молчанова привезли в Ивановское на наш командный пункт. В кармане гимнастерки Петра Молчанова в комсомольском билете хранилось заявление в партийную организацию 2-й роты 1-го танкового батальона. «Если погибну в бою, – писал комсомолец Петр Молчанов, – считайте меня коммунистом, честным, преданным сыном нашей Советской Родины».

Похоронили сержанта Молчанова на территории зооветеринарного техникума. На могилу положили танковую

гусеницу. На похоронах мне припомнились не такие уж далекие августовские дни, когда в Сталинграде на Тракторном заводе мы получали танки.

Петр Молчанов, принимая тогда танк, сказал: «Хотя моя машина по расчету числится десятой, но в бою она будет всегда первой».

Сдержал свое слово танкист. Два месяца в общей сложности провел он в боях и за это время уничтожил 11 немецких танков, 13 противотанковых орудий, более 10 пулеметных гнезд и много другой боевой техники врага.

Бои за Тимково мы вели в канун Нового года. 31 декабря наши части и подразделения, овладев населенным пунктом и закрепившись на занятых позициях, готовились к новым боям. Успех под Тимково значил куда больше, чем взятие Михайловки, Владычино: мы основательно вклинились в фашистскую оборону на дамском рубеже.

В селе Ивановское впервые по-фронтовому встречали Новый, 1942 год. Вместе с танкистами 1-го батальона собрались в одном из классов зооветеринарного техникума. В окнах – ни стеклышка. Они наглухо забиты фанерой. Печурку накалили докрасна, накрыли праздничный стол. Сервировка – кружки жестяные, солдатский походный нож. На столе – хлеб, соль, чеснок, кусок сала, фляги с водкой. Сто пайковых граммов на человека.

Приехали к нам в новогоднюю ночь гости – поэт Сергей Алымов и исполнительница народных песен Клавдия Ивановна Иванова.

Первое слово за новогодним столом о тех, кого теперь нет с нами, кто отдал свою жизнь в борьбе с проклятыми фашистами. Вспомнили Воробьева, Лавриненко, Ивченко, Лакомова, Семенова, Лескина, Ракова, Рябова, Молчанова и других. Вспомнили и помолчали, как положено на тризне по друзьям.

Пожелали быстрейшего выздоровления Загудаеву, Рафтопулло, Кукаркину, Борисову – всем, кто встречал Новый год на госпитальной койке. Знать бы их адреса, послали бы всем поздравительные солдатские «треугольнички». Написали бы дорогим товарищам: «Возвращайтесь скорее! Ждем вас, гвардейцы! Впереди еще очень много боев, и вы, обстрелянные танкисты, познавшие, почем на войне фунт лиха, так нам нужны!».

А потом предоставили слово нашим гостям. Сергей Алымов читал свои стихи. Многие из них, переложенные на песни, мы знали, но взволнованное чтение поэта придало нашему новогоднему вечеру ту «домашность», с которой мы, танкисты, распростились не на одну зиму, не на одно лето.

Сергея Алымова сменила артистка Иванова. В полутемном классе зазвенела старинная русская песня «Вот мчится тройка удалая». И нас, слушавших, унесло далеко к берегам великой русской реки.

Чуть ли не до рассвета затянулся наш новогодний вечер. Тепло мы простились с первой концертной маленькой бригадой, посетившей гвардейское танковое соединение на фронте. Позднее артистические бригады у нас в войсках бывали нередко, но приезд первой сразу после горячего боя за Тимково запомнился навсегда. В знак дружбы и будущих встреч подарил я тогда Сергею Алымову трофейный пистолет.

Наутро пришли посылки с подарками от трудящихся Москвы. В каждой посылке письмо с добрыми пожеланиями.

«Я не знаю, кто ты, но знаю, что ты храбрый воин, – писала работница завода имени Карла Маркса Мария Попова. – В благодарность за твою храбрость прими от меня маленький подарок в честь Нового года».

Надо ли говорить, что значили эти письма для танкистов, мотострелков, артиллеристов и связистов?! Они свидетельствовали о кровной связи с Родиной, с соотечественниками. Они напоминали, что весь народ ждет вестей о новых победах на полях Подмосковья.

В первых числах января командование Западного фронта спешно готовилось возобновить прерванное наступление в правом крыле фронта. Решающая роль отводилась 20-й армии. Поэтому к началу наступления ее усилили четырьмя стрелковыми бригадами и кавалерийской дивизией, взятыми из соседних 1-й ударной и 16-й армий, пятью артиллерийскими полками и двумя дивизионами реактивной артиллерии. Кроме того, ей передали 2-й гвардейский кавалерийский корпус с танковой бригадой и пятью лыжными батальонами. Предполагалось ввести 2-й гвардейский кавалерийский корпус И. А. Плиева после того, как обозначится прорыв во вражеской обороне. Предстоящая операция получила название «Волоколамская».

Согласно приказу армия должна была наступать на Шаховскую на узком 20-километровом фронте. Но сама горловина прорыва, который должны были осуществить наша бригада и оперативная группа Ремизова, а также 352-я стрелковая дивизия, по плану не превышала 8-километровый участок фронта. Во втором эшелоне находились 64-я морская стрелковая бригада и 85-я стрелковая дивизия.

Конкретно нашей группе ставилась задача – 10 января перейти в наступление и прорвать оборону противника на рубеже Захарино – Большое и Малое Голоперово – Колеево – Тимонино, в

дальнейшем развивать наступление на запад в направлении Гжатска.

Готовясь к решающему наступлению, мы в период с 1 по 10 января вместе с пехотой вели нелегкие бои местного значения.

Танков у нас к этому времени оставалось мало – всего 27. Ремонтники трудились, не зная отдыха, но к началу наступления подбросили нам только 6 машин. Зато танкистам и пехотинцам придали артиллерийскую группу, довольно мощную по масштабам начала сорок второго года. Начальником артиллерийской группы был назначен майор Кожухов – командир опытный, до тонкости знающий свое дело, человек веселый и расторопный.

Вместе с майором Кожуховым мы планировали в те дни огонь артиллерии, широко используя при этом действия кочующих батарей и орудий. Словом, повторили то, что в начале войны мы с начальником артиллерии майором Цикало делали в 20-й танковой дивизии.

Отстреляв на одном месте, батарея быстро перекочевывала на другое. А на старых позициях, чтобы ввести противника в заблуждение, батарейцы оставляли макеты деревянных пушек. Много помогал нам в решении огневых задач, обеспечивающих прорыв дамского рубежа, и начальник артиллерии 20-й армии полковник Семенов.

Готовясь к наступлению, не раз собирали командиров частей и подразделений, выходили на местность, уточняли детали взаимодействия. Предупреждали и требовали, чтобы во время атаки командиры избегали прямолинейных лобовых ударов, а старались выйти во фланг и тыл тому или иному вражескому опорному пункту, очагу сопротивления. Непрестанно напоминали: ведите самую тщательную и непрерывную разведку, маскируйте свои действия, обязательно поддерживайте связь с соседями, прикрывайте танки от неожиданного нападения фашистских артиллеристов и гранатометчиков.

10 января еще затемно я пробрался на свой КП. Он был оборудован на чердаке избы. Валил густой снег. Постепенно светало, и в снежной мгле стали вырисовываться кусты, деревья, стога сена. Но видимость резко ограничена. Вряд ли в такую погоду можно рассчитывать на помощь авиации.

Без конца звонит телефон. Командиры частей докладывают о выходе на исходное положение для атаки. Пехота залегла в 250 метрах от переднего края обороны противника. Укрылись за сараями, стогами сена, избами танки. Заряжены тщательно замаскированные орудия. На сей раз на участке прорыва командование армии создало высокую артиллерийскую

плотность на 1 км фронта – 76 орудий и минометов и 12,5 танка. Я представляю себе состояние высокого нервного накала, в котором находятся тысячи людей, изготовившихся к броску на последние оборонительные сооружения противника на ламском рубеже. Да и меня самого бьет озноб то ли от холода, то ли от внутреннего волнения.

В половине девятого тишину взрывает оглушительный грохот – это по сигналу майора Кожухова заговорила артиллерия. Изба нервно вздрагивает при каждом залпе. В щели крыши сыплется снег.

– Вряд ли при такой видимости артиллеристы накроют цели! – кричит мне Кульвинский.

Уже рассвело, и впереди видны фонтаны взрывов.

– Но они бьют по заранее разведанным целям, – возражаю я, хотя, конечно, Кульвинский прав: будь видимость лучше, повысилась бы эффективность огня.

Артподготовка длилась полтора часа. Когда огонь был перенесен вглубь обороны, снежная целина зашевелилась пехота пошла в наступление. Потом взревели моторы, и из укрытий выползли танки. Оставляя глубокие, рубчатые колеи на снегу, они двинулись вперед.

Уже первые донесения свидетельствовали о том, что противник оказывает ожесточенное сопротивление. Села Тимонино, Захарино подготовлены для длительной обороны. Несмотря на интенсивность артподготовки, до конца подавить огневую систему гитлеровцев не удалось. Цепи пехотинцев с трудом преодолевали открытые пространства. Даже танки двигались медленно по снежной целине. Однако в этот же день нашей бригаде и оперативной группе Ремизова удалось все же овладеть Тимонино и Захарино. На улицах этих сел валялись сотни трупов. Когда я прибыл в Тимонино, наши автоматчики вели большую группу немцев. Вид у них был жалкий: лица худые, небритые, головы замотаны тряпками, на ногах у многих опорки, рваные валенки, обвязанные веревками.

Но дрались эти жалкие на вид люди с необычайным упорством. В чем дело? Мое недоумение разрешил допрос пленных. Оказывается, немецкое командование, придавая исключительное значение ламскому рубежу, предупредило солдат, что всякая попытка к отступлению будет рассматриваться как измена. А чтобы придать этому предупреждению весомость, оно расположило на второй позиции эсэсовские части, которым было приказано расстреливать отступающих.

Возможно, эта мера сыграла далеко не последнюю роль в том, что части 20-й армии «прогрызали» оборону противника

медленно, продвигаясь в сутки на 3–4 километра. Но все же главная причина, как мне кажется, заключалась в том, что глубокий снег затруднял использование подвижных средств, мешал применять такие приемы, как обход и охват опорных пунктов противника.

Однако с выходом ударной группы на линию Захарино – Тимонино – Голоперово – Колеево гарнизон ламского оборонительного рубежа оказался под угрозой окружения, которая стала особенно реальной 12 января, когда обе наши оперативные группы, освободив десятки населенных пунктов, подошли к станции Шаховская на железнодорожной магистрали Москва – Великие Луки (примерно 70 километров западнее Волоколамска).

Утром 13 января по приказу командования Западного фронта в прорыв был введен 2-й гвардейский кавалерийский корпус И. А. Плиева. Вначале он нацеливался на Шаховскую, но затем решением командования фронта был повернут на юг, к Гжатску, чтобы перерезать пути отхода можайской группировке противника.

16 января перешли в наступление все части 20-й армии. На другой день станция Шаховская была взята нашими войсками.

Ламский оборонительный рубеж пал. Части 3-й и 4-й танковых армий противника отходили на запад, неся большие потери. Только 1-я гвардейская танковая бригада с 1 по 23 января 1942 года захватила 9 танков, 38 полевых и 23 противотанковых орудия, 160 автомашин, 22 миномета. За это время мы уничтожили до 1500 солдат и офицеров противника.

Но главный результат этих боев заключался в том, что в полосе действий нашей группы мы изгнали гитлеровцев с территории Московской области и вышли на земли Смоленщины. Преодолев с тяжелыми боями 78 километров, мы подошли к Гжатску.

25 января в селе Спас-Вилки гвардейцам были вручены правительственные награды. В этот день 120 воинов бригады получили ордена и медали.

Вынесли простой крестьянский стол на середину широкой деревенской улицы. Зачитали Указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза А. А. Рафтопулло, отличившемуся еще в боях под Мценском. А потом к столу стали подходить гвардейцы, покрывшие себя славой в подмосковных оборонительных и наступательных боях.

Тут были танкисты и мотострелки, разведчики и саперы, зенитчики и связисты, ремонтники боевых машин и врачи бригады.

…Итак, мы на Смоленской земле. Гитлеровцам после беспорядочного отступления все же удалось закрепиться в лесном урочище Коркин. Так назывался довольно большой массив крупнолесья. Фашистский оборонительный район протянулся с севера на юг восточное Гжатска и своим передним краем проходил через небольшие селения Петушки и Аржаники.

25 января к нашей бригаде на этом направлении подошел гвардейский кавалерийский корпус И. А. Плиева, вместе с которым мы держали в ноябре декабре оборону на волоколамских и истринских рубежах.

Первое время в урочище Коркин мы вели бои местного значения, как было принято их называть тогда в сводках Совинформбюро. Во взаимодействии с кавалерийским корпусом стремились улучшить свои позиции, поскольку гитлеровцы находились в более выгодном положении. Они занимали большую часть лесного массива, а на нашу долю выпала лишь незначительная часть урочища с редкими перелесками.

Однако все наши попытки как-то улучшить позиции не приносили сколько-нибудь ощутимого успеха. Более того, порой мы несли ничем не оправданные потери, не раз попадали в самые неприятные истории.

На подступах к деревне Аржаники вместе со всем экипажем погиб один из лучших наших танкистов – командир танкового батальона старший лейтенант К. М. Самохин. Погиб истинный гвардеец, приумноживший боевую славу бригады.

Видимо, в штабе фронта до кого-то дошло, что мы напрасно на подступах к лесному массиву теряем людей и боевую технику. Вскоре нас вывели из состава 20-й армии и передали в 5-ю. Командовал ею тогда Леонид Александрович Говоров.

Танковая бригада и войска нашей оперативной группы спустились рокадными дорогами на юг и вышли на боевые позиции восточнее Гжатска.

Глава 9. На двух фронтах

Дымчатым апрельским утром Копдратенко подал к подъезду небольшого домика, где я квартировал, «эмку». Несмотря на заплаты, она по-праздничному сверкала на солнце. Чувствовалось, что, готовясь в дорогу, мой шофер тщательно отмыл и надраил ее черный лакированный кузов.

– Ну как, все готово? – спросил я Кондратенко.

– Так точно, товарищ генерал, – весело отозвался он. – В такой машине хоть на край света.

Путь нам предстоял не столь далекий. От гжатских рубежей до Москвы нас отделяло всего каких-нибудь 180 километров. И на сей раз в столицу я ехал по вызову Якова Николаевича Федоренко. Вместе с комиссаром М. Ф. Бойко пас отзывали в распоряжение начальника Главного автобронетанкового управления. В моем портфеле лежал приказ, в котором говорилось, что 1-я гвардейская танковая бригада снимается с гжатского направления и перебрасывается в район Москвы на переформирование. Наконец-то личному составу бригады после почти непрерывных шестимесячных боев предоставлялась передышка в тылу.

Попрощавшись со штабными командирами, мы с Бойко сели в «эмку» и выехали на шоссе Смоленск – Москва. Дорога шла местами, где прошлой осенью велись ожесточенные бои. Сожженные городишки и села, обгоревшие деревья, бесчисленные воронки, наполненные водой, пустые ящики из-под снарядов по обочинам дороги. Кое-где чернели остовы танков и орудий, темнели рубцы траншей и окопов. Но даже этот безрадостный пейзаж обезображенной войной земли не мог развеять радостного чувства, что враг отброшен от столицы, что «непобедимая» гитлеровская армия показала спину и теперь уже вряд ли вернется на эти земли.

Часа через четыре мы въехали в Москву. Дорогомилово… Бородинский мост… Садовое кольцо… Прильнув к боковым стеклам машины, мы с Бойко внимательно вглядывались в улицы дорогого города. На них еще сохранялся отпечаток недавней близости фронта. По-прежнему дорогу перекрывали стальные ежи с узкими проездами, которые вроде стали шире. Нижние этажи зданий прикрыты мешками с землей. Правда, кое-где уже убраны баррикады. Но белые бумажные кресты на окнах и силуэты плавающих аэростатов свидетельствовали о том, что столица еще живет в военной тревоге.

На столе Я. Н. Федоренко, как всегда, дымился чайник. Яков

Николаевич был приветлив и внимателен: налил нам с Бойко по стакану чая, предложил бутерброды.

– У меня для вас приятная новость, – сказал он. – Приказом Народного комиссара обороны вы, Катуков, назначаетесь командиром первого танкового корпуса, а товарищ Бойко – комиссаром.

Мы поблагодарили за оказанное доверие, а Федоренко, улыбаясь, воскликнул:

– Чувствуете, друзья, что это значит?! – И, не дожидаясь ответа, продолжал: – Это значит, что теперь нам по плечу формирование крупных танковых соединений! Дело в том, что заводы набирают производственные мощности. Теперь мы сможем давать вам танки.

Естественно, прежде всего нас интересовало, что будет представлять собой танковый корпус. Оказалось, что в него войдут три танковые бригады, мотострелковая бригада, дивизион реактивных минометов, разведбат и другие подразделения. Словом, корпус представлял собой серьезную силу – около 250 танков. О таких масштабах осенью сорок первого года мы не могли и мечтать!

– Теперь подумайте, – продолжал Яков Николаевич, – как укомплектовать штаб и командирские должности опытными людьми? Начальником штаба корпуса мы рекомендуем полковника Кравченко. Есть у вас на примете другие подходящие кандидатуры?

Прежде всего я назвал М. Т. Никитина, который за минувшие полгода зарекомендовал себя зрелым штабным офицером, прекрасно разбиравшимся в существе современного боя и обладавшим к тому же необходимыми организаторскими способностями. Его я и предложил на должность начальника оперативного отдела. На должность заместителя по технической части я рекомендовал Павла Григорьевича Дынера. Лучшего специалиста по ремонту техники я и желать не мог. Еще неизвестно, как сложилась бы судьба бригады, если бы не наши ремонтники, возглавляемые Дынером. Благодаря их поистине героическим усилиям один и тот же танк по нескольку раз возвращался в строй.

Начальником политотдела корпуса был назначен подполковник Иван Григорьевич Деревянкин.

Пока в Главном автобронетанковом управлении мы решали организационные вопросы, 1-я гвардейская танковая бригада перебазировалась в Москву. Ее части расположились на Хорошевском шоссе. Впервые за полгода гвардейцы получили передышку. Побывали в настоящей бане. Попарились,

приоделись. Ремонтники восстанавливали боевую технику в более благоприятных условиях: получили запасные части и другие ремонтные материалы.

Закончив дела в Главном автобронетанковом управлении, мы с Михаилом Федоровичем Бойко проехали и Спасские казармы. Там формировалась наша 1-я мотострелковая бригада. Познакомились с народом. Среди командного состава люди были преимущественно бывалые, обстрелянные, и это вселяло надежду, что бригада в самый короткий срок станет в полном смысле этого слова боеспособной единицей. Командиром бригады был назначен опытный военачальник полковник С. И. Мельников, а комиссаром – майор Игнатов, бывший до войны начальником политотдела милиции Москвы.

Но в столице закладывалось только начало. Главную работу по формированию корпуса предстояло провести в городе Липецке. Туда стягивались части будущего корпуса. Уже выгружалась в Липецке 89-я бригада тяжелых КВ под командованием подполковника А. В. Жукова. Уже шли эшелоны 49-й бригады, возглавляемой бывалым, опытным танкистом полковником Д. Х. Черниенко.

Как-то в мою рабочую комнату, которую я занимал в Москве, вошел полковник в ладно пригнанной форме. Вскинув руку к козырьку фуражки, он начал официально:

– Товарищ генерал, разрешите представиться…

– Постойте, постойте, – прервал его я. – Ваша фамилия Чухин?

– Так точно, Михаил Ефимович… Полковник Чухин.

Оказалось, что передо мной бывший начальник штаба 20-й танковой дивизии Николай Дмитриевич Чухин, с которым в сорок первом мы хватили лиха под Клеванью и Дубно. Было что вспомнить! С радостью узнал я, что Чухин назначен командиром 1-й гвардейской танковой бригады. Но воевать нам вместе, к сожалению, не пришлось. Неожиданно Чухин заболел, и на эту должность был назначен подполковник Владимир Михайлович Горелов, еще молодой командир (ему было тридцать три года). Немногословный, даже несколько замкнутый, он при первом знакомстве не вызывал симпатии. Я просмотрел его личное дело. Уроженец Ивановской области, сын рабочего, окончил фабрично-заводское училище в 1928 году. В партию вступил в 1929 году. Находясь на действительной службе, был направлен на учебу в Военную академию механизации и моторизации Красной Армии. По окончании академии служил на границе и в первый день войны получил боевое крещение. Впоследствии я убедился, что мы не ошиблись в выборе. Пожалуй, не было ни одной операции,

где бы в качестве командира передового отряда не действовал В. М. Горелов. Он был резковат с подчиненными, но, относясь требовательно к себе, строго требовал и с других.

Итак, укомплектовав штаб корпуса, мы заторопились в Липецк. Правда, некоторые обстоятельства задержали нас в Москве еще на несколько дней. При второй встрече Яков Николаевич Федоренко сказал, что мне надо обязательно побывать у заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров и наркома танковой промышленности Вячеслава Александровича Малышева. Я тут же набрал номер телефона, который вручил мне Федоренко. Трубку снял кто-то из помощников:

– Товарищ Малышев просит быть у него ровно через полчаса.

В просторном кабинете заместителя Председателя Совнаркома и наркома танковой промышленности навстречу мне поднялся человек с узким интеллигентным лицом, на котором выделялись небольшие светлые внимательные глаза. Малышев крепко пожал мне руку, усадил в глубокое кресло у стола.

– Знаете, Михаил Ефимович, – начал он, – я взял за правило беседовать с каждым танковым командиром, приезжающим в Москву с передовой. Нам чрезвычайно важно знать мнение фронтовиков о машинах, которые сейчас выпускают заводы Урала. Нам необходимо точно знать, как тридцатьчетверки и КВ показали себя в боях. Ваши критические замечания будут нам очень полезны. Что вас не устраивает в этих машинах? Что мешает использовать их на полную мощность?

Не помню по какой причине, но прежде всего я вспомнил о поручнях на танке. Бывало, видишь, как десантник балансирует на броне мчащегося танка, а уцепиться ему не за что. Воину нужно думать о бое, а он вынужден заботиться о том, чтобы не сорваться с брони.

– Вот если бы, – развивал я свою мысль, – приделать к башне поручни, десантник чувствовал бы себя уверенней и воевал лучше.

– Что ж, вы правы, – согласился нарком и сделал карандашом пометку в большой записной книжке, лежавшей перед ним.

Потом мы говорили о проходимости машин, о совершенствовании средств связи. И тут я вспомнил об одном досадном недостатке в оборудовании танков, который приносил нам немало хлопот. Дело в том, что в конце сорок первого и начале сорок второго на командирских танках ставили обручевидные антенны, а на остальных – штыревые. Что вынуждало конструкторов выделять таким образом машину командира, для меня так и осталось загадкой. Но в боевой

практике это приводило к тому, что противник без труда различал танк командира и сосредоточивал на нем огонь.

Выслушав мое соображение, Вячеслав Александрович досадливо покачал головой.

– Да, этого мы не учли… – И опять его карандаш забегал по странице записной книжки.

Стараясь подкрепить свои доводы, связанные с усовершенствованием боевых машин, я сказал наркому, что все соображения исходят не от меня лично, а от экипажей, которые проверяют тактические и технические свойства танка в самых сложных условиях.

– Будьте спокойны, – заверил меня Вячеслав Александрович, – все, что подсказывают фронтовики, мы учитываем. Получите новые тридцатьчетверки – убедитесь в этом сами.

И действительно, Вячеслав Александрович сдержал свое слово: впоследствии машины на фронт стали приходить со штыревыми антеннами, с поручнями на броне башни.

И вот танки 1-й гвардейской бригады погружены на платформы. Эшелоны двинулись к Липецку. Колесные машины пошли на юг своим ходом. Все в той же «эмке» мы с комиссаром М. Ф. Бойко двинулись в гуще колонны.

В Ельце решили сделать остановку, размяться, посмотреть, как живет прифронтовой город. Елец встретил нас звоном капели, солнцем и стремительными ручьями. Весна была в разгаре.

Бросалось в глаза, что город забит воинскими частями. На улицах то и дело встречались военные. На центральной площади лицом к лицу столкнулся я с приземистым широкоплечим генералом. Лицо у него было скуластое, с упрямым волевым подбородком. Познакомились. «Лизюков», – назвал себя генерал.

Фамилия эта была мне знакома. В самые критические дни июня сорок первого полковник Лизюков, оказавшись под Борисовом, собрал отступающие части и, не имея ни штаба, ни средств управления, организовал оборону переправы через Березину. 30 июня противник прорвался к реке и наткнулся на яростное сопротивление наспех сколоченной группы Лизюкова. В течение целой недели эта группа отбивала атаки гитлеровцев. Героическое сопротивление лизюковцев не позволило противнику замкнуть кольцо окружения вокруг отходящих советских частей. Кроме того, овладей гитлеровцы переправой с ходу, они устремились бы к Смоленску кратчайшим путем. 5 августа 1941 года Лизюкову за умелое руководство боевыми действиями войск в районе Борисово и за личный героизм было присвоено высокое звание Героя Советского Союза – одному из первых в Великой

Отечественной войне.

Осенью сорок первого А, И. Лизюков сражался под Москвой, командуя гвардейской мотострелковой дивизией, а затем северной оперативной группой войск.

Встретившись в Ельце с Лизюковым, теперь уже командующим 5-й танковой армией, формировавшейся в этом районе, мы побеседовали накоротке. Сошлись во мнении: раз в этот район переброшено такое количество бронетанковых войск, значит, предстоят серьезные дела.

Не думал я тогда, что в дальнейшем судьба этого талантливого генерала сложится поистине трагически. Мы тепло попрощались, и я наконец добрался до конечной цели маршрута – Липецка.

Первые дни на новом месте всегда проходят в больших хлопотах. Устраиваемся, обживаем очередной походный бивуак. Устанавливаем связи с местными партийными и советскими организациями. Встречают не только приветливо, но и заинтересованно. Не ждут, когда попросишь, а сами предлагают: у нас есть то-то и то-то, может быть, пригодится для войск. И это при крайне ограниченных возможностях городского хозяйства. А в большой готовности помочь ощущаешь опять не что иное, как крепчайшую спайку, могучее единство нашего народа.

Корпус собрался в Липецке. Знакомлюсь с командирами, политработниками. В частях и подразделениях днем и ночью проводят занятия. Добиваются полной взаимозаменяемости в экипажах, в орудийных, пулеметных и минометных расчетах. Собираем бойцов, ведем разговор о боевом опыте, накопленном нашими танкистами и мотострелками под Москвой. Разбираем отдельные бои, анализируем достижения и промахи. Командиры других танковых бригад тоже отнюдь не новички на войне, люди, побывавшие не раз в сложных фронтовых переделках. Есть что и у них перенять, внедрить в боевую подготовку танковых частей и подразделений.

Много работы у корпусных политработников, которых возглавляет неутомимый и вездесущий Иван Григорьевич Деревянкин. Он и его политотдельцы все время среди людей. Беседы о гвардейских традициях. Темы: «Сражайся один против десяти и побеждай!», «Никогда не считай врага глупым. Враг хитер, а ты будь хитрее!», «Не оставляй товарища в беде. Увидел на дороге застрявшую машину – вытащи ее. Дай горючее, поделись куском хлеба».

Пополнение шло к нам непрерывно, и вскоре все части корпуса были доведены до полного штата. Расставляем людей с таким расчетом, чтобы в каждом танковом экипаже и орудийном

расчете костяк составили обстрелянные, прошедшие фронтовые испытания люди.

В штабе свои заботы. Вместе с начальником штаба Андреем Григорьевичем Кравченко и другими товарищами обдумываем возможные варианты боевых действий нового для нас корпусного масштаба. Тут надо учесть и предусмотреть все, начиная с оперативно-тактических вопросов и кончая организацией боевого и материального обеспечения.

В свободное время, хотя его в обрез, знакомимся с липецкими достопримечательностями. Побывали в домике Петра I, в сохранившейся императорской канцелярии. Домик этот как бы приоткрыл нам кусочек военной истории Российского государства. Ведь в Липецке Петр I, готовясь к Азовскому походу, отливал ядра, ковал якоря, словом, делал все, что нужно было в те времена для флота. Что ж, и о петровских военных традициях в трудные для Советской Родины дни тоже не мешало вспомнить.

Городской театр давал спектакли, и наши танкисты были желанными гостями у местных артистов. Помнится, показывали они несколько вечеров подряд «Коварство и любовь». В далекое и чужое нам прошлое уносила зрителей-воинов романтическая драма Ф. Шиллера. Но бойцы корпуса воспринимали ее по-современному, их глубоко волновали перипетии разыгрываемого на сцене представления. И не потому ли, что борьба добра со злом, лежавшая в основе пьесы, была по душе нашим танкистам, отвечала настроениям людей, сражавшихся с ненавистным трудовому народу фашизмом?

Пока мы стояли в Липецке, 1-й танковый корпус находился в резерве Ставки Верховного Главнокомандования. Но не успели еще просохнуть дороги после весенней распутицы, в тот год затянувшейся, как нас передали в распоряжение Брянского фронта, которым командовал тогда генерал-лейтенант Филипп Иванович Голиков.

По бездорожью перешли в указанный нам район. Танковые и мотострелковые части расположились по деревням и селам вокруг города Ливны. Штаб корпуса обосновался в селе Воротынск.

Все говорило о том, что в районе Ливны мы долго не задержимся, что вот-вот придется выступить. Поэтому изучали местность, вели разведку. Саперы, танкисты, пехотинцы чинили мосты, искали броды для танков, исправляли дороги, прокладывали колонные пути.

Мы ждали, что в любой момент получим приказ, и готовились так, чтобы корпус мог выступить в любом направлении.

Вероятно, на основании агентурных данных или сведений авиаразведки гитлеровцы пронюхали, что в районе города Ливны сосредоточены советские войска. Не исключено, что агентурная и авиационная разведка врага тут ни при чем. Фашисты в тот год нередко бомбили города и села в порядке «профилактики», независимо от того, существуют или нет в населенных пунктах интересующие их военные объекты. Хотя справедливости ради замечу, что вражеские «костыли» в мае и июне частенько навещали наш район сосредоточения.

Правда, мы соблюдали самую тщательную маскировку. Но корпус все-таки не иголка, и от наблюдения с воздуха его полностью укрыть трудно. Но как бы там ни было, однажды утром с восходом горячего июньского солнца на город Ливны с запада налетела армада вражеских бомбардировщиков. Фашистские самолеты шли волна за волной и с методической последовательностью сбрасывали бомбы над населенным пунктом. Казалось, они хотят стереть с лица земли этот маленький городок.

Облако черного дыма, языки пламени поднялись над Ливнами. Отбомбившись, гитлеровские самолеты ушли, не причинив ни малейшего вреда частям нашего танкового корпуса. Зато доставили много бед местному населению. Целые кварталы, улицы были превращены в черное пепелище. Погибло немало женщин, стариков, детей. Несколько дней после налета фашистской авиации над маленьким разрушенным городком стоял стон и похоронный плач.

Гитлеровцы просчитались, полагая, что в городе Ливны находятся наши войска. Мы, как я уже говорил, рассредоточили части корпуса по окрестным селениям, причем рассредоточили основательно, с тем, чтобы под один удар с воздуха не попало сразу несколько частей и даже подразделений.

Лето было в разгаре. Вот и первая годовщина Великой Отечественной войны. Наш танковый корпус отметил ее новым боевым переходом. Из штаба фронта пришел приказ – корпусу передислоцироваться в район севернее города Ливны – деревню Малиновка и близлежащие деревни.

Переход мы решили осуществить затемно. Предварительная разведка и подготовка маршрутов помогли провести ночные марши организованно и в предельно сжатые сроки. В ожидании дальнейших распоряжений опять рассредоточили части корпуса по селам и деревням.

Штаб фронта не случайно перебросил танковый корпус в новый район. Из разведывательных данных стало очевидно, что гитлеровцы в последних числах июня намереваются нанести удар.

Правда, определить направление его было пока трудно. Но командующий войсками фронта, предвидя события, поставил перед 1-м танковым корпусом задачу: ежечасно быть в полной готовности нанести контрудар по наступающему противнику.

В мае сорок второго Брянский фронт (3-я, 13-я, 48-я, 40-я и 61-я армии) получил большие по тому времени танковые силы. Кроме нашего корпуса севернее Касторного располагался 16-й танковый корпус генерал-майора танковых войск М. И. Павелкина, а в районе Касторное – 115-я и 116-я танковые бригады. Эти соединения составляли резерв командующего фронтом. Семь танковых бригад (170-я, 14-я, 129-я, 80-я, 150-я, 79-я, 202-я) были приданы общевойсковым армиям.

Таким образом, Брянский фронт имел около 700 танков. Кроме того, в полосе обороны фронта находился резерв Ставки: 5-я танковая армия (2-й и 11-й танковые корпуса, 19-я танковая бригада) и 17-й танковый корпус – всего около 600 боевых машин. Разумеется, все эти огромные силы готовились Ставкой для наступления. В мае планировалось разгромить крупную гитлеровскую группировку в районе Орла. Однако реализовать этот замысел не удалось. В середине мая противник окружил наши войска под Харьковом, на так называемом барвенковском выступе, стратегическая инициатива опять временно перешла к врагу.

В связи с этим директивой Ставки командованию Брянского фронта предписывалось прекратить подготовку наступательной операции и перейти к глубоко эшелонированной обороне.

Теперь известно, что в летней кампании 1942 года гитлеровское командование главный удар намечало нанести на южном участке фронта с целью разгромить противостоящие советские войска и овладеть районами Нижней Волги и Кавказа.

Важной составной частью этого плана была операция «Бляу», в ходе которой противник намеревался окружить и уничтожить войска Брянского, а затем и Юго-Западного фронтов.

Однако в то время мы еще не знали об этих планах врага, хотя по отдельным признакам можно было догадаться, что удар готовится на южном крыле фронта. Это подозрение перешло в уверенность, когда 19 июня 1942 года в немецком военном самолете, сбитом над территорией Юго-Западного фронта, была найдена директива командира 40-го танкового корпуса противника. Из нее стало ясно, что это танковое соединение должно было наступать в направлении Волчанск – Новый Оскол в соответствии с планом операции «Бляу».

Таким образом, Ставка Верховного Главнокомандования узнала о намерениях противника с запозданием. Но, узнав, тут же

приняла экстренные меры. Об этом говорит сам факт сосредоточения в районе Елец – Ливны крупных танковых соединений.

Итак, рано утром 28 июня противник нанес первый удар, который приняли на себя 15-я, 121-я и 160-я стрелковые дивизии, занимавшие оборону на стыке 13-й и 40-й армий. Известно, что против них действовали семь гитлеровских дивизий три танковые, одна моторизованная и три пехотные из армейской группы «Вейхс». Преимущество было на стороне противника. Поэтому уже в первый день наступления немцам удалось прорвать главную полосу нашей обороны, вклиниться на 10–12 километров и выйти к реке Тим, южнее города Ливны. Противник решил глубоким клином рассечь войска Брянского фронта и отрезать им пути отхода на восток.

Ставка определила направление главного удара противника и срочно усилила левый фланг Брянского фронта. Генералу Голикову были переданы 4-й и 24-й танковые корпуса из Юго-Западного фронта и 17-й корпус из резерва Ставки. Кроме того, командующий фронтом решил ввести в бой и свой танковый резерв. Вечером 28 июня мы получили приказ генерала Голикова нанести контрудар во фланг и тыл вклинившимся частям противника с севера, из района Ливны, и во взаимодействии с 16-м танковым корпусом уничтожить его в междуречье Кшень и Тим. К утру 30-го корпус занял исходное положение и атаковал гитлеровцев во фланг.

Сначала все шло так, как было задумано. Мощным ударом из района Жерновка Овечий Верх – Никольское при поддержке всех огневых средств корпуса танкисты смяли передовые фашистские части и продвинулись вперед на 4–5 километров. Со своего КП я видел, как отступают цепи фашистской пехоты, как один за другим вспыхивают на поле боя их танки.

Но ко 2 июля обстановка на смежных флангах нашего и 16-го танковых корпусов резко изменилась, причем не в нашу пользу.

Противник подтянул танки и артиллерию и форсировал реку Кшень в районе Казанки, создав угрозу флангам своих корпусов. На горизонте появилась туча фашистских бомбардировщиков – 75 самолетов. Среди них были «Юнкерсы», «Хейнкели» и даже итальянские «Капрони». Боевые порядки мотострелков заволокло пылью. Пехота вынуждена была залечь.

Тем временем артиллерия врага прямой наводкой обрушилась на наши танки. Первую атаку мы отбили, но последовала вторая, третья…

В невероятно тяжелые условия попал 1-й танковый корпус. На нашем участке фронта авиации было мало. Правда, нас

прикрывал 3-й истребительный авиакорпус, которым командовал генерал-майор авиации Е. Я. Савицкий (ныне маршал авиации, дважды Герой Советского Союза). Но, находясь в бесконечных воздушных боях на разных участках фронта, он не мог оказать нам, танкистам, существенной помощи. Самолетов у Савицкого не хватало. Изредка над полем боя появлялись два-три наших истребителя. Но что они могли сделать со стаями «Мессершмиттов», прикрывавших на разных высотах свои бомбардировщики?! Своими зенитными средствами корпус также был не в силах отразить массовые налеты фашистской авиации. Поэтому гитлеровские стервятники бомбили, обстреливали нас почти безнаказанно.

И все же, несмотря на тяжелейшую обстановку, корпусные части держали оборону, стояли насмерть на захваченных рубежах. Снова, в который раз за год войны, мы действовали испытанным в обороне методом танковых засад, перемалывая в неравной схватке живую силу и технику врага.

Ожесточенные бои пришлось вести за каждую высоту, за каждое село, зачастую значившееся только на карте, ибо в действительности село, за которое шел бой, представляло собой груду битого кирпича и обгоревших бревен. В эти дни танкисты иногда сутками не вылезали из машин и дрались с невероятным упорством. Многие командиры показали образцы подлинного воинского мастерства.

3 июля мне доложили, что 246-й мотополк противника форсировал реку Кшень и захватил населенные пункты Огрызково, Новая жизнь. Я приказал командиру 49-й танковой бригады полковнику Д. Х. Черниенко окружить и разгромить противника. Комбриг мастерски выполнил эту задачу. Он нанес фланговые удары по противнику, отрезал ему пути отхода за реку Кшень и почти полностью уничтожил вражеский мотополк. Только небольшим разрозненным группам врага удалось перебраться вплавь на противоположный берег. Две тысячи солдат осталось лежать в травянистой низине реки. Полк противника потерял все свое вооружение, в том числе 26 орудий.

Искусным командиром показал себя майор Земляков. Под селом Ожога 7 танков под его командованием смело вступили в бой с 30 танками противника. В результате двухчасового боя танкистам удалось поджечь 17 машин противника.

Захваченные рубежи корпус удержал, и гитлеровцам не удалось развить прорыв в северном направлении. Но противник тут же перенацелил свой удар и стал продвигаться прямо на восток. Это не только не ослабило напряжения, но и осложнило общую обстановку. Из штаба фронта пришел новый приказ.

Первому танковому корпусу предписывалось быстро сдать занимаемые рубежи 109-й стрелковой бригаде, которая с минуты на минуту должна была подойти нам на смену. Частям корпуса предписывалось перегруппироваться на правом берегу реки Кшень в районе Огрызково – Юрское и выйти к населенному пункту Волово с тем, чтобы не дать противнику расширить на север образовавшийся прорыв; остановить фашистов в междуречье Кшень и Олым, а затем нанести удар в направлении Турчаново – Замарайка и левым флангом выйти в район железнодорожной станции Тербуны. Наш сосед, 16-й танковый корпус, должен был нанести встречный удар с юга на север, в направлении Воловчик – Замарайка.

Не теряя времени, наша разведка, а за нею передовые части корпуса направились в новый район боевых действий. За передовыми частями, взяв с собой дивизион реактивной артиллерии, выехал и я. Начальнику штаба полковнику Андрею Григорьевичу Кравченко я поручил как можно быстрее закончить смену частей и вести танкистов в район Тербуны.

В пути получаю от разведки первое тревожное донесение. Оказывается, гитлеровцы уже подошли к реке Кшень. На левом берегу обнаружено большое скопление вражеской пехоты, артиллерии, транспортов. Гитлеровцы ждут, когда саперы наведут понтонный мост.

Надо бы, конечно, улучив удобный момент, атаковать гитлеровцев. Кстати, как донесла разведка, ведут они себя на берегу Кшени довольно беспечно. Но кого бросить в атаку? Части корпуса еще сменяются или в лучшем случае в пути. Выручил дивизион «Катюш». На ходу поставил задачу командиру дивизиона, выделил ему в прикрытие разведчиков. Расторопный капитан С. В. Гаврюков вывел машины вперед и внезапно дал залп по фашистам.

Удар по вражеским войскам пришелся точно. Переправа была мгновенно разрушена, и гитлеровское скопище, находившееся на другом берегу Кшени, было разбито вдребезги. Паника среди фашистов поднялась неописуемая. Транспортные машины горят, пушки перевернуты верх колесами. Бежать удалось немногим. Немало боевого имущества оставил противник на берегу Кшени. Но нам не до трофеев. Не исключено, что через считанные минуты к реке подойдут другие фашистские части. Надо как можно скорее создать оборону в междуречье. К этому, собственно, и сводился приказ командующего войсками фронта.

Теперь ясно, почему нас торопили перейти в междуречье, не дожидаясь полной смены частей. Промедли мы час-другой – и положение на этом участке фронта могло оказаться полностью

проигрышным, причем не только для нас, но и для соседних танковых корпусов.

Трофеи мы не собирали, но пленных захватили. Из показаний гитлеровцев, перепуганных и еще не пришедших в себя после убийственного залпа «Катюш», узнали, что на этом направлении действуют немецкие и итальянские части. Воюют здесь войска небезызвестного фашистского генерала Роммеля, спешно переброшенные на советско-германский фронт из Ливии. Стало также ясно, почему против нас в эти дни действовали немецкие танки, окрашенные в желтый цвет – цвет песка пустыни. Как видно, фашистам в спешке некогда было их перекрашивать. Да и «капрони», появившиеся над полем боя, подтверждали показания пленных о вводе в сражение итальянских частей.

Заняли оборонительный рубеж. Установили связь с соседями. Слева от нас занимала оборону 1-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора Ивана Никитича Руссиянова. На заре командирской деятельности мы служили с ним в 81-м стрелковом полку. Тогда Руссиянов командовал взводом, а я был помощником командира роты.

О дивизии бывшего сослуживца я слышал много хорошего. Летом и осенью сорок первого она геройски дралась под Минском и Ельней и первая среди частей Красной Армии получила звание гвардейской.

И. Н. Руссиянов был человеком аскетического склада. Ходил в простой солдатской шинели, ел из котелка. Он постоянно находился в окопах рядом с солдатами. Невысокого роста, светловолосый, он был требовательным к подчиненным. Но столь же требователен был и к себе.

Справа от меня оборонялась 15-я стрелковая дивизия полковника Афанасия Никитича Слышкина. С ним я тоже был хорошо знаком. Перед самой войной, когда в Бердичеве я командовал танковой бригадой, А. Н. Слышкин был начальником военно-строительного участка. Выходец из донских казаков, комдив 15-й отличался незаурядной личной храбростью.

Хорошо бы, конечно, встретиться за дружеским столом, вспомнить былое. Но в июне сорок второго было не до этого. Теперь мы плечом к плечу отражаем непрестанные атаки врага, пресекаем настойчивые его попытки расширить прорыв нашей обороны в северном направлении – на Москву.

В землю на полях и в перелесках мы, что называется, вгрызлись, вросли. В пойме реки чувствуем себя уверенно. По-прежнему не дают покоя и сковывают маневр наших частей массированные налеты немецкой авиации.

Были моменты, когда по ходу событии мы могли перейти в

контратаку, нанести ответный удар гитлеровцам, потеснить их, но тут же появлялся над нашими боевыми порядками зловещий рой фашистских самолетов. Немцы бомбили нас так жестоко, что о каком-либо продвижении вперед и думать не приходилось. Щели, окопы – одно спасение и защита.

Острое положение на нашем участке, судя по всему, волновало не только штаб фронта, но и Ставку Верховного Главнокомандования. Из штаба фронта чуть ли но каждые пятнадцать минут спрашивали: «Доложите обстановку… Держитесь во что бы то ни стало… Не пропустите противника!..».

Это говорило о том, что оборонительным рубежам в междуречье придавалось особое значение. К тому же в первый день, едва мы обосновались на междуреченских рубежах, звонок из Ставки:

– Как дела? Где проходит ваш передний край?

Коротко докладываю обстановку, называю местные предметы, обозначенные на карте, поясняю:

– Рубежи удерживаем, а для контрудара сил не хватает. Немцы несут большие потери, но их атаки не ослабевают… Атакуют с земли и с воздуха…

Взываю в надежде, пожалуй и беспочвенной, но все-таки взываю – может, войдут в наше положение и выручат:

– Бомбежки страшные, голову от земли не оторвешь. Было бы здорово, если бы на наш участок сегодня же подбросили истребителей.

Из Ставки переспрашивают:

– Говорите, бомбежки? Сколько самолето-вылетов предпринял противник на ваши позиции?

Отвечаю. Жду, что услышу: «Подкинем вам самолеты». Но об истребителях в Москве молчат.

Тогда казалось, что нас не понимают, что Ставка и Генштаб не хотят войти в наше положение. Только потом мы поняли, что у Верховного Главнокомандования были участки, где положение складывалось еще более критическое. Например, под Воронежем. Совершенно очевидно: все внимание Ставки и Генштаба было приковано к этому направлению. Но и за боями на нашем участке фронта Ставка и Верховный Главнокомандующий следили довольно пристально. Об этом, в частности, свидетельствуют документы, которые приводит в своих воспоминаниях генерал армии М. И. Казаков, бывший в то время начальником штаба Брянского фронта: «В ночь на 30 июня командующего фронтом тов. Голикова вызвал к прямому проводу Сталин.

– Нас беспокоят две вещи, – сказал он. – Во-первых, слабая обеспеченность вашего фронта на реке Кшень и в районе северо-

восточнее Тим. Мы считаемся с этой опасностью потому, что противник может при случае ударить по тылам 40-й армии и окружить наши части. Во-вторых, нас беспокоит слабая обеспеченность вашего фронта южнее города Ливны. Здесь противник может при случае ударить на север и пойти по тылам 13-й армии. В этом районе у вас будет действовать Катуков (1-й ТК), но во втором эшелоне у Катукова нет сколько-нибудь серьезных сил. Считаете ли вы обе опасности реальными, и как вы думаете рассчитаться с ними?».

Угроза прорыва на север действительно была реальной, но все же 1-му танковому корпусу совместно с другими соединениями и частями удавалось сдерживать противника.

Командование фронта чувствовало, что разрозненные действия корпусов не дают должного эффекта. Вероятно, поэтому 3 июля мы получили приказ. В нем говорилось, что создается сводная танковая группа из частей 1-го и 16-го танковых корпусов под командованием Катукова. Командование фронта поставило перед группой задачу окружить и уничтожить противостоящие части врага.

16-й танковый корпус без промедления прибыл на наш рубеж. Но танков у генерала Павелкина было совсем мало – не более 50. В течение минувшей недели на стыке 13-й и 40-й армий корпус понес большие потери в людях и боевой технике, поскольку противнику удалось обойти его с юга и отрезать от переправ через реку Олым. Выйти из этого сложнейшего положения было нелегко. Но все же приход даже изрядно поредевшего танкового соединения был для нас желанной поддержкой. Тем более что обороняться нам приходилось совместно с частями 15-й стрелковой дивизии и 8-го кавалерийского корпуса на широком фронте, и неприкрытых промежутков в боевых порядках было предостаточно. С приходом танков Павелкина мы расположились плотнее, однако в нашей обороне оставались еще слабо прикрытые стыки.

Между тем гитлеровцы, ведя непрерывные атаки, стремились нащупать наиболее уязвимые места в боевых порядках группы. Наконец им удалось это сделать. На участке, где у нас было мало огневых средств, фашистская пехота прорвалась через передний край и вклинилась в нашу оборону. Положение создалось угрожающее. Пробив брешь, гитлеровцы продолжали углублять прорыв с тем, чтобы разобщить войска группы и выйти им в тыл.

Нужно также учесть, что в этот момент враг наседал во всей линии фронта, а значит, и все наличные силы вашей группы – танки и пехота – были полностью задействованы. В моем резерве находились два легких танка Т-60. Но эти боевые

машины-»малютки» и танками-то можно было назвать лишь условно. Вооружены они были 20-миллиметровыми пушками «швак».

Читатель, вероятно, представляет себе, что такое двенадцатый калибр охотничьего дробового ружья. Так вот, у пушек, состоящих на вооружении Т-60, калибр тот же самый. Для борьбы против немецких танков Т-60 не годились. Но против живой силы врага «малютки» действовали превосходно и не раз своим автоматическим огнем наносили громадный урон фашистской пехоте. Так было и под Мценском, и под Москвой.

И теперь в роковой час немецкого прорыва выручили нас танки-»малютки». Когда фашистская пехота вклинилась в нашу оборону на полкилометра, если не больше, я бросил в бой последний резерв.

К счастью, рожь в ту пору поднялась чуть ли не в рост человека, и это помогло «малюткам», укрываясь во ржи, выйти в тыл гитлеровцам, просочившимся в ваши боевые порядки. Т-60 с короткого расстояния шквальным огнем обрушились на немецкую пехоту. Прошло несколько минут, и цепи наступающих фрицев были отброшены.

Но окружить противника нам не удалось. Да это и естественно. Для подобной операции у нас не хватало ни своих сил, ни необходимых артиллерийских и авиационных средств поддержки. Теперь, когда просматриваешь документы, ясно, что Ставка была недовольна тем, как командование Брянского фронта использовало танковые корпуса. По поручению И. В. Сталина начальник Генерального штаба генерал-полковник А. М. Василевский передал командующему фронтом: «Некоторые из танковых корпусов перестали быть танковыми и перешли на методы боевых действии пехоты. Примеры: Катуков (1-й ТК) вместо быстрого уничтожения пехоты противника в течение суток занимался окружением двух полков, и вы, по-видимому, это поощряете…».

Этот документ объясняет многое из ситуации тех дней. Разумеется, 1-й танковый корпус окружал два полка пехоты не по собственной инициативе, а по приказу сверху. Но дело не только в этом. Из этого документа следует более важный вывод: танковые корпуса вводились в бой разрозненно, каждому из них ставились узкие, ограниченные задачи. А ведь можно было сосредоточить их в мощный кулак и, усилив средствами воздушной и наземной поддержки, нанести гитлеровцам действительно решающий удар во фланг.

Но, как всякий опыт, боевой тоже не дается сразу. Все эти мысли уже приходят к нам, участникам тех событий, как

следствие опыта, накопленного в последующих боях. Уже через несколько месяцев мы научились применять для решения крупных наступательных операций не только танковые корпуса, но и по нескольку танковых армий одновременно.

Однако вернусь к боям тех июльских дней. До середины месяца наша сводная танковая группа совместно с пехотинцами и кавалеристами вела тяжелые оборонительные бои на рубеже Ломигоры – Большая Вершина – Большая Ивановка. Затем корпус получил приказ занять новый рубеж, оставив на прежнем 16-й танковый корпус и 15-ю стрелковую дивизию. Наша новая линия обороны проходила северо-западнее Воронежа от села Суховерейка до правого берега Дона. Корпус был усилен 4-й отдельной стрелковой бригадой полковника К. В. Гаранина. По тылам 13-й армии мы переместились на восток. Командование фронта поставило перед нами задачу любой ценой воспрепятствовать прорыву противника на север.

Как всегда, мы увязали взаимодействие с правым соседом. Находившаяся на нашем фланге стрелковая дивизия была сильно потрепана в кровопролитных боях с гитлеровцами и с большим трудом удерживала рубеж обороны. Нам не только не приходилось рассчитывать на какую-либо помощь с ее стороны, а наоборот, надо было быть готовыми в любую минуту прийти стрелкам на выручку.

В этом мы убедились в первый день совместных действий, когда нам пришлось пережить весьма неприятные минуты. Гитлеровцы в который раз превосходящими силами атаковали стрелковую дивизию, и один из ее полков, не выдержав натиска, стал отходить. Возможно, фашисты не знали, что в этот район подошли наши танковые части, и вели себя нахально.

Только-только обосновались мы на новом командном пункте, как наши разведчики сообщили о прорыве гитлеровцев в полосе обороны правого соседа. Да, собственно, и без донесений разведчиков все было ясно. Выдвинулись мы с Матвеем Тимофеевичем Никитиным на две-три сотни метров вперед – и перед нами открылась такая картина.

Большое поле – хлеба без края. То самое место, где полчаса назад занимал позиции отошедший стрелковый полк. Теперь на этом поле стоит несколько десятков немецких транспортных машин, и гитлеровцы спокойно, не торопясь, не соблюдая мер маскировки, разгружаются. Как будто по соседству нет никого, и ничто им не угрожает. Словом, как на плохом тактическом учении, когда руководитель не думает о приближении обстановки к боевой, и люди ведут себя, как на прогулке. Это и навело нас на мысль, что немцы еще не знают о приходе в этот район советских

танков.

Итак, когда гитлеровцы потеснили нашего правого соседа, в резерве у меня находился танковый батальон и дивизион «Катюш». Танковым батальоном командовал герой сражений на мценских и подмосковных рубежах Александр Федорович Бурда, к этому времени ставший уже капитаном. В новой должности он показал себя находчивым, волевым командиром, прекрасным организатором боя.

Всех нас поражала исключительная командирская сметка Александра Федоровича, его способность в самой сложной обстановке, а иногда, казалось, и в совершенно безвыходном положении молниеносно принимать решения, причем единственно правильные в сложившихся условиях. Поэтому у подчиненных Бурды – и в то время, когда он командовал ротой и батальоном, и позднее, когда он возглавлял танковую бригаду, – всегда жила непоколебимая вера в своего командира. Они, невзирая ни на что, готовы были идти за ним в огонь и в воду.

Против фашистов, выехавших на широкое поле на транспортных машинах, я и обрушил свой корпусной резерв. Дивизион «Катюш» получил задачу и, с ходу заняв позицию, прямой наводкой дал залп по гитлеровцам. Все, что находилось на бескрайнем ржаном поле, было повержено в прах.

Батальон Бурды ринулся в атаку, нанося удар по прорвавшимся немецким подразделениям. Наши танкисты уничтожили, рассеяли гитлеровцев и восстановили положение. Затем отошедший было стрелковый полк при активной поддержке батальона Александра Бурды занял прежние позиции.

Пока мы в летние жаркие дни сражались с гитлеровцами на придонском рубеже, события на нашем фронте развивались стремительно.

К 3 июля положение войск под Воронежем резко ухудшилось. Противник прорвал нашу оборону на стыке между Брянским и Юго-Западным фронтами на глубину до 80 километров и устремился к Дону и Воронежу. На помощь войскам, сражающимся на воронежском направлении, Ставка из своего резерва выдвинула общевойсковые и танковые соединения. Командующему фронтом было дано указание вместе с оперативной группой немедленно перебраться в Воронеж, чтобы на месте организовать отпор врагу. На основном КП командующего фронтом временно заменил генерал-лейтенант Н. Е. Чибисов.

На рассвете 4 июля на КП Брянского фронта прилетел представитель Ставки Верховного Главнокомандования генерал-полковник А. М. Василевский. Как мы узнали впоследствии,

Ставка поручила ему организовать контрудар 5-й танковой армии Лизюкова.

Только теперь, когда изучаешь архивные документы, понимаешь, насколько верно и точно была задумана эта операция, которая даже не получила в нашей исторической литературе своего наименования. А смысл этого замысла Ставки заключался в том, что 5-я армия, получившая дополнительно вновь прибывший 7-й танковый корпус, при поддержке наших уже поредевших к тому времени 1-го и 16-го танковых корпусов должна была нанести удар с севера на юг в направлении Землянск – Хохол по северному флангу группы армий «Вейхс», перерезать ее коммуникации, сорвать переправу через Дон и, выйдя в тыл противнику, помочь вырваться из окружения левофланговым дивизиям 40-й армии. 6 июля 5-я армия нанесла контрудар. Гитлеровское командовавшее, опасаясь за левый фланг группы «Вейхс», вынуждено было повернуть на север две танковые и три пехотные дивизии, бросить против лизюковцев большую часть авиации. Удар противника на Воронеж был значительно ослаблен. Конечно, результаты контрудара были бы значительнее, если бы Лизюков имел время на его подготовку. Армия была введена в бой по частям, как правило, с ходу, без разведки местности и противника. Это также значительно ослабило мощь ее удара. Отрицательно сказались и слабая артиллерийская поддержка танкистов, и отсутствие надежного авиационного прикрытия. К тому же противник обнаружил выдвижение 5-й танковой армии на исходные позиции. Это привело к потере внезапности ее применения. Ко всему сказанному надо добавить, что армия Лизюкова не имела боевого опыта.

Наступление 5-й танковой армии продолжалось до 8 июля. Разгромить противника западнее Воронежа не удалось.

Лизюков тяжело переживал неудачу.

Все, кто видел его в те дни, говорят, что внешне он оставался спокойным, но можно себе представить, какие чувства обуревали генерала.

25 июля 1942 года Лизюков сел в танк и сам повел боевые машины в атаку, намереваясь пробить брешь в обороне противника у села Сухая Верейка и вывести танковую бригаду из окружения. Одновременно пошла в атаку 1-я гвардейская танковая бригада 1-го танкового корпуса. Должен признать, что эта атака была проведена без должной подготовки и необходимого прикрытия. Для этого, повторяю, у нас не было возможности.

С волнением следил я со своего КП за этой атакой. Батареи

гитлеровцев встретили танки бешеным огнем. Немцы, видимо, разгадали направление удара и подтянули в этот район крупные артиллерийские силы. Одна за другой вспыхивали наши машины. Танк, в котором находился Лизюков, вырвался далеко вперед. Но вдруг он словно споткнулся о невидимую преграду и неподвижно замер прямо перед гитлеровскими окопами. Вокруг него рвались снаряды, перекрещивались пунктиры трассирующих пуль.

Танк не двигался. Теперь уже не оставалось сомнений, что он подбит. Между тем другие машины, не добившись успеха, отстреливаясь, отошли назад. Танк командира остался один на территории, занятой гитлеровцами.

Прошу соединить меня с командиром 1-й гвардейской бригады В. М. Гореловым.

– Организуйте частную контратаку! Вышлите вперед группу машин, прикройте их огнем, отвлеките внимание врага. Во что бы то ни стало эвакуируйте лизюковский танк с поля боя.

Вскоре небольшой танковой группе под прикрытием огня удалось приблизиться к окопам противника. Одна из машин взяла на буксир танк Лизюкова и вытащила его из-под огня.

Подробности гибели Лизюкова стали известны из рассказа механика-водителя. Раненный, он благополучно выбрался в тыл. Оказалось, что машина Лизюкова была подбита прямым попаданием бронебойной болванки. Экипаж получил приказ генерал-майора Лизюкова покинуть танк.

Первым вылез через верхний люк стрелок-радист, но был скошен автоматной очередью. Лизюков благополучно выбрался из танка, но не успел ступить и шага, как рядом разорвался снаряд…

Тело Лизюкова с разбитой головой, в комбинезоне и простых сапогах (другой одежды он не признавал) было доставлено в тыл. С болью в сердце похоронили мы отважного генерала на кладбище близ села Сухая Верейка. Похоронили со всеми воинскими почестями.

Но все это мне стало известно позже, а тогда наши мысли были заняты текущими боевыми делами на землянском направлении. Правее 1-го танкового корпуса занял исходное положение 2-й танковый корпус. Рядом действовал 7-й танковый корпус под командованием генерал-майора П. А. Ротмистрова, правее его – 11-й танковый корпус генерал-майора И. Г. Лазарева. Наши танковые корпуса готовились к контрудару в общем направлении Землянск – Гремячье с задачей прорвать вражескую оборону и выйти к Дону западнее Воронежа. Готовились мы со всей ответственностью: машины приводились в порядок, подвозилось горючее и боеприпасы. Правда, разведка переднего края обороны противника показала, что враг на этом участке

создал мощную глубоко эшелонированную оборону. Сведения были малоутешительные. Они наводили на мысль, что наступление будет протекать в тяжелых условиях и может привести к потерям.

Прежде чем бросать машины в бой, необходимо подавить огневые точки врага. Но для этого у нас не было ни артиллерии, ни авиации.

Однако приказ есть приказ.

4 августа с группой штабных командиров я стоял на своем КП, размещавшемся в полуразрушенном амбаре на окраине села. Над широкой равниной, над которой еще висели клочья тумана, поднялось солнце. Оно казалось огромным и кроваво-красным. Непрерывно гудит зуммер, и телефонист передает мне трубку: командиры частей и подразделений докладывают о выходе на исходные позиции для атаки.

Но вот утреннюю тишину взорвал грохот артиллерийской канонады. Налет артполка стрелковой дивизии, действовавшей на нашем участке, продолжался минут пятнадцать, а когда затихло, загудели танковые моторы. Части корпуса пошли в атаку.

Танки не успели пройти и сотни метров, как равнину покрыли столбы взрывов. Противник встретил атакующие танки шквальным артиллерийским огнем.

Рядом со мной беспокойно покусывал губы М. Т. Никитин.

– Смотрите! – крикнул он. – Танки горят!

Но я уже видел и сам: над пятью нашими машинами колыхались черные космы дыма.

– Разве это артналет? – сказал я. – Огневые точки остались неподавленными! Пожгут фрицы наши танки.

И действительно, огонь противника был убийственным; он вел его с хорошо замаскированных позиций.

Мне стало душно. Я расстегнул ворот гимнастерки и не успел вытереть взмокший лоб, как раздался крик: «Воздух!». Сквозь желтую завесу пыли видно было, как стремительно наползают на передовые позиции несколько звеньев «Юнкерсов». Звенья сделали круг и обрушили весь свой бомбовый груз на позиции артиллерийского полка. Прошу соединить меня с командиром полка, но связь не работает. Неужели мы остались без огневой поддержки?

Пока я пытался связаться с артиллеристами, над полем появились новые звенья «юнкерсов». На сей раз они обрушились на атакующие танки. Не прошло и получаса с начала наступления, а на поле уже пылало с десяток наших танков. Ясно, что атака захлебывается.

Но в эту минуту раздался звонок из штаба

взаимодействующей с нами 4-й стрелковой бригады. Она наступала на левом фланге вдоль берега Дона. Здесь стрелки и танкисты прорвали оборону противника и рывком продвинулись на 4 километра. Приказываю перебросить на этот участок одну из бригад, чтобы развить и закрепить успех, и в напряжении жду результатов. Но, к сожалению, и здесь противнику удается остановить наше продвижение. Все попытки атаковать ни к чему не привели. Наступление на придонском участке застопорилось.

Прибывший офицер связи из соседнего 2-го танкового корпуса, который наступал правее нас, сообщил, что и соседи тоже потерпели неудачу.

До середины августа танковые корпуса во взаимодействии с 38-й армией Воронежского фронта пытались прорвать оборону противника. Но все наши попытки не увенчались успехом. Единственно, чего мы добились, – это врезались маленьким 4-километровым клином в расположение гитлеровцев на левом фланге нашего корпуса, на правом берегу Дона. Но и этот небольшой успех был омрачен некоторыми событиями.

Как уже говорилось, отдельная стрелковая бригада полковника Гаранина наткнулась на сильное сопротивление немцев, подбросивших на этот участок фронта свои резервы – артиллерию и другие средства борьбы. Наши пехотинцы были прижаты к земле и развить обозначившийся успех своими силами не могли. Подкинули несколько танков, но и они не оказали существенной поддержки стрелкам. Тогда командование фронта бросило в Придонье на подкрепление танковую бригаду. Номера ее и фамилию командира не помню. Встретились мы с ним накоротке. Поставил я командиру задачу, и он отправился выполнять ее.

Часа через два-три начальник оперативного отдела Никитин передал донесение с левого фланга:

– Танковая бригада, понеся большие потери, вышла из боя. Командир отправлен в тыл. У него тяжелое нервное потрясение.

Что же произошло?

Бригада, как потом выяснилось, была совсем недавно сформирована. Большинство экипажей, командиры подразделений, частей, входившие в ее состав, чуть ли не впервые попали на фронт. Люди необстрелянные, неопытные. Надо бы мне получше проинструктировать командира бригады, но, каюсь, в спешке, увлеченный боем, я не успел этого сделать.

Ведь обычно как действовали видавшие виды танкисты при выполнении такой задачи? Готовясь к атаке, они прежде всего высылали вперед боевую разведку с тем, чтобы она вызвала огонь на себя. Командиры танковых экипажей и подразделений в это

время располагались в укрытиях, наблюдательных пунктах и засекали обнаружившие себя огневые средства врага. А потом подавалась команда «По машинам», и танковые экипажи устремлялись вперед, зная точно, какие цели им предстоит подавить огнем, уничтожить, смять гусеницами. Понятно, предварительная разведка не обеспечивала обнаружения всех целей, но все же значительно облегчала борьбу с огневыми средствами противника.

А в тот день в Придонье командир бригады без всякой разведки вывел танковые батальоны на большой голый бугор и открыл огонь по предполагаемым позициям гитлеровцев. Бесспорно, он надеялся сокрушить вражескую оборону, открыть дорогу танкам и пехоте. Но получилось все иначе. Немецкая артиллерия, хорошо замаскированная в ржаных хлебах и других укрытиях, осталась неуязвимой, а танки на голом бугре стали хорошей мишенью для вражеских разведчиков.

Танковая бригада вышла из боя. Развить наступление в Придонье не удалось. Но бойцы отдельной 4-й стрелковой бригады закрепились на острие вбитого ими 4-километрового клина и стойко отражали яростные атаки врага.

В боях у реки Суховерейка в тяжелую ситуацию попал Александр Бурда. Я поручил ему возглавить группу из 27 машин, поставил задачу выбить гитлеровцев из села Каверья, которое они превратили в опорный пункт, и оттеснить их к реке. Бурда с трех сторон окружил село. Гитлеровцы сопротивлялись ожесточенно. Их приходилось выбивать из каждого двора, из каждого подвала. Будь, конечно, у Бурды рота-другая автоматчиков – ему пришлось бы легче. Но взять их было неоткуда: в горячих непрерывных боях ряды мотострелков таяли с каждым днем. И комбату пришлось маневрировать танками.

В разгар боя машина Бурды выскочила на задворки села, и вдруг в триплекс командир увидел замаскированную в огородах и садах батарею противотанковых орудий. Немецкие артиллеристы тоже заметили танк Бурды. Снаряды загрохотали по броне тридцатьчетверки. И тут случилось почти невероятное: вражеский снаряд влетел прямо в канал ствола танковой пушки и разорвался внутри машины.

Осколки триплекса и раскаленной окалины ударили в лицо Бурде. Кровь залила глаза. Но даже в этот момент комбат не растерялся: он приказал по радио своему заместителю старшему лейтенанту Заскалько принять командование группой, а водителю старшему сержанту Матняку развернуть танк вправо, чтобы стать к батарее противника наиболее мощной, лобовой броней.

Но машина оставалась неподвижной. В чем дело? Может, обычно проворный и хладнокровный водитель растерялся? Взглянув вниз, Бурда увидел, что Матняку оторвало кисть руки. Бурда быстро перетянул ремнем перебитую руку механика-водителя, отодвинул его в сторону и сам сел за рычаги управления. Но тут выяснилось, что танк плохо повинуется рулям: его все время заносит влево. Нетрудно было догадаться, что одна из гусениц повреждена. С большим трудом Бурде удалось вывести машину из зоны обстрела и доставить раненого водителя на КП группы. Медики тут же отправили обоих в госпиталь.

Итак, в тяжелых оборонительных боях подходила к концу вторая летняя страда Великой Отечественной войны. Мы, танкисты, продолжали сражаться на рубежах севернее Воронежа, сдерживая натиск врага, стремившегося прорваться на север. А фашисты к этому времени уже продвинулись на Северный Кавказ. Ожесточенные сражения развернулись на ближних подступах к Сталинграду.

В середине августа, не помню, какого числа, пришел приказ: 1-му танковому корпусу выйти в резерв Ставки Верховного Главнокомандования и сосредоточиться южнее Тулы, в деревнях близ всемирно известной Ясной Поляны – усадьбы Льва Николаевича Толстого.

Вывели мы корпус в указанный район. Бригады, входившие в его состав, в боях на Брянском фронте понесли некоторые потери, но все же не утратили боеспособности и были готовы к выполнению дальнейших задач. Опять не раз выручали ремонтники, возглавляемые неутомимым Павлом Григорьевичем Дынером. Они восстановили и вернули в строй десятки танков и колесных машин.

Штаб корпуса расположился в селе Горюшино, в 9 километрах от Ясной Поляны. Чуть ли не каждый вечер собирались мы на «огонек» в крестьянской избе. Толковали о минувших боях, анализировали свои и чужие промахи, допущенные при неудачном наступлении, делали выводы.

Чем можно объяснить неуспех действий многочисленных танковых корпусов в этой операции на Брянском фронте?

Танковые корпуса вводились в сражение на разных участках фронта и в большинстве случаев неодновременно. Ни разу не было нанесено по войскам противника массированного удара крупных танковых сил.

Многие танковые корпуса вводились в бой, не завершив формирования и сколачивания.

Отрицательно сказалось на боеспособности корпусов и

большое количество легких танков (до 40–50 процентов), состоявших на их вооружении. Корпуса не прикрывались истребительной авиацией, не поддерживались нужным количеством артиллерии. Отсутствовала помощь штурмовой и бомбардировочной авиации. А ведь по всем заповедям военной науки успех в бою достигается усилием и тесным взаимодействием всех родов войск и видов вооруженных сил по месту, времени и цели. Однако некоторые высокие начальники считали, что «танки все могут». Так было и в этой операции. Все эти недостатки были вскрыты в специальном приказе Народного комиссара обороны за № 325 от 16 октября 1942 года.

По этому приказу отдельные танковые бригады и полки в наступлении предназначались для действий в качестве танков непосредственной поддержки пехоты. Танковые и механизированные корпуса объявлялись средством командования фронта, армии. Их необходимо было применять для действий на главном направлении в качестве эшелонов развития успеха.

Приказ требовал, чтобы танки атаковали противника на максимальных скоростях, ведя огонь с ходу, чтобы они широко применяли на поле боя маневр для выхода во фланг и тыл огневым средствам противника. Танкам запрещалось атаковать противника в лоб. Главная задача их – уничтожение вражеской пехоты. Борьба с боевыми машинами противника возлагалась на артиллерию. Танки должны были вести бой с ними только в случае явного превосходства в силах и занимаемого выгодного положения.

Использовать танковые и механизированные корпуса предполагалось только после преодоления общевойсковыми соединениями главной оборонительной полосы противника и выхода атакующей пехоты в районы его артиллерийских позиций. При самостоятельном прорыве танковыми корпусами слабой обороны противника предписывалось усиливать их артиллерией и авиацией.

В приказе детально излагался порядок организации взаимодействия танков с пехотой, артиллерией и авиацией, устанавливался порядок ввода корпусов в прорыв и указывались мероприятия по обеспечению этого ввода.

В обороне отдельным танковым полкам и бригадам самостоятельные участки не назначались. Они использовались только как средство нанесения контратак по частям противника, прорвавшимся в глубину нашей обороны. Иногда разрешалось зарывать танки в землю, используя их в качестве неподвижных огневых точек, а также применять в засадах или в качестве кочующих орудий.

По этому приказу даже танковый корпус не получал самостоятельного оборонительного участка, а использовался как мощное средство контрудара из глубины.

Этот приказ сыграл большую роль в дальнейшей судьбе танковых войск. Он, по существу, стал важнейшей теоретической основой их боевого применения.

Но мы забежали далеко вперед. Вернемся в деревню Горюшино, в штаб 1-го танкового корпуса. Здесь я вскоре получил приказ: 17 сентября явиться в Кремль на прием к Верховному Главнокомандующему.

Глава 10. Еще одна задача

Кондратенко всегда держал в состоянии боевой готовности нашу прошедшую три фронта «эмку». До Москвы путь недалекий, к тому же хоженный боевым маршем в октябре прошлого года. Час-другой – и позади остались Серпухов, Подольск.

Столицу мы оба тогда знали плохо. Но в Москве, как известно, все дороги ведут на Красную площадь, к Кремлю. Проскочили Серпуховку, Зарядье и остановились у храма Василия Блаженного. Предупредил Кондратенко, чтобы ждал меня здесь, у Лобного места. Оставил в машине маузер – подарок пограничников Пияшева, а сам пошел в Кремль. Коротенький опрос на контрольно-пропускном пункте, и разрешение получено: «Проходите».

В Кремль я попал второй раз в жизни. Впервые случилось мне побывать за зубчатыми кремлевскими стенами мальчишкой в 1912 году, в день празднования столетия Бородинской битвы. Тогда наша сельская учительница Мария Ивановна привезла нас, двенадцать школьников, из Большого Уварова в Москву.

И вот тридцать лет спустя я опять в Кремле. В приемной Председателя Совнаркома встретил меня Поскребышев и сказал:

– Сейчас поедем к товарищу Сталину. К подъезду подкатила машина. Сели в нее вместе с Поскребышевым. Куда едем, точно не знал. Но по всем приметам держали путь на Кунцево. Не доезжая до этого дачного поселка, свернули влево, в лес, где, оказывается, находилась сталинская дача…

Нужно ли говорить, что к встрече с Верховным Главнокомандующим я готовился с большим волнением. Тем более что до сих пор со Сталиным никогда не встречался.

Все мое знакомство с ним сводилось к непродолжительному разговору по ВЧ после прошлогодних боев на мценских рубежах…

Возможно, нынешнему читателю не понятно это волнение. Но тогда для нас, фронтовиков, имя Сталина было окружено безграничным уважением. С этим именем связывалось все самое священное – Родина, вера в победу, вера в мудрость и стойкость нашего народа, в партию.

Поскребышев ввел меня в комнату, то ли приемную, то ли столовую, и на минуту-другую оставил одного. Я было приготовился доложить Верховному по всей форме, по-военному, но неожиданно открылась боковая дверь, и я услышал голос Сталина:

– Здравствуйте, товарищ Катуков! Заходите ко мне.

Я только и успел сказать:

– Здравствуйте, товарищ Сталин. – А подготовленный в мыслях доклад из головы вылетел.

Вслед за Сталиным я прошел в его кабинет. Пожав мне руку, Верховный предложил:

– Садитесь и курите. На меня не смотрите, я сидеть не люблю.

Тут же достал из кармана коробку папирос «Герцеговина Флор». Вынул из нее две штуки, отломил от них табак и, высыпав его в трубку, закурил.

– Что же не закуриваете? – спросил он меня, прохаживаясь по комнате.

То ли от волнения, то ли еще почему, но курить не хотелось. А Сталин, выпустив облако дыма, продолжал:

– Курить не хотите, тогда рассказывайте по порядку, как у вас, у вашего корпуса дела на фронте? Как воюет мотопехота и как наши танки?

Как можно короче я рассказал о последних боевых событиях на Брянском фронте, о действиях наших танкистов и пехотинцев. А Сталин, вышагивая по кабинету, задает мне еще вопрос:

– Как считаете, хороши наши танки или нет? Говорите прямо, без обиняков.

Отвечаю, что танки Т-34 полностью оправдали себя в боях и что мы возлагаем на них большие надежды. А вот тяжелые танки КВ и боевые машины Т-60 и Т-70 в войсках не любят.

Сталин на минуту остановился, вопросительно изогнув бровь:

– По какой причине?

– КВ, товарищ Сталин, очень тяжелы, неповоротливы, а значит, и неманевренны. Препятствия они преодолевают с трудом. А вот тридцатьчетверке все нипочем. К тому же КВ ломают мосты и вообще приносят много лишних хлопот. А на вооружении у КВ такая же семидесятишестимиллиметровая пушка, что и на тридцатьчетверке. Так, спрашивается, какие боевые преимущества дает нам тяжелый танк? Вот если бы у КВ пушка была посильнее, калибром побольше, тогда другое дело. Можно бы, пожалуй, мириться и с его тяжестью, и с другими конструктивными недостатками.

Раскритиковал я и легкий танк Т-60. У него на вооружении пусть и автоматическая, но всего лишь 20-миллиметровая пушка. Серьезной борьбы с бронетанковыми силами врага эта машина вести не может. К тому же у него мал клиренс, и совершать на нем марши, ходить в атаку по снегу и грязи – мертвое дело. В подмосковных боях нам пришлось эти танки таскать на буксире.

Легкий танк Т-70 имеет более солидную броневую защиту, вооружен 45-миллиметровой пушкой, на нем установлены два

автомобильных двигателя. Но он только начал поступать на вооружение и пока себя ничем особенным не проявил.

– Одна канитель с ними, товарищ Сталин, – заключил я.

Верховный слушал внимательно, не перебивал. Но когда я изложил свою точку зрения о всех танках, находившихся у нас на вооружении, он, выдержав длинную паузу, неожиданно начал мне доказывать, что я напрасно так резко обрушился на КВ, Т-60 и Т-70, что они неплохие машины, и, возможно, мы, танкисты, просто недооцениваем их.

Слушая Сталина, я, разумеется, волновался, но все же решил не сдаваться. Привел ряд боевых примеров, подтверждающих, что КВ, Т-60 и Т-70 не оправдывают себя на поле боя. И еще раз попросил:

– Пусть вооружат танки, хотя бы те же тяжелые, более мощной пушкой, тогда они нам пригодятся.

Уже по тому, что Сталин с особым пристрастием пытал меня, чем хороши и чем плохи по своим тактико-техническим свойствам наши танки, я понял, что Верховный Главнокомандующий хочет досконально, до самой, что называется, глубины, разобраться в сильных и слабых сторонах нашей бронетанковой техники сорок второго года. Нетрудно было догадаться, что его вопросы непосредственно связаны с неудачными боями летом и осенью сорок второго. Сталин пытался найти причину этих неудач.

Доложил я также Верховному о нехватке радиостанций в танковых войсках. На первом этапе войны радиостанции имелись только на командирских машинах, а на линейных их не было, что немало затрудняло управление боем. Положение почти не изменилось и в сорок втором году. Пожаловался также, что большую нужду испытываем в телефонном кабеле.

– Подождите, товарищ Катуков, – сказал Сталин, – скоро и с рациями, и с телефонным кабелем дело поправится.

И опять Верховный Главнокомандующий шагал по комнате из конца в конец. В тишине слышно было, как поскрипывают его сапоги. Раскурив во второй или в третий раз трубку, он спросил, как на фронте награждают отличившихся в боях воинов орденами и медалями.

Что я мог ответить? Плохо обстояло дело с награждением людей, совершавших подчас беспримерные подвиги. А получалось так потому, что награждение производилось только Указами Президиума Верховного Совета СССР. Пока пересылали представление к награде по всем фронтовым инстанциям, пока попадало оно в Москву, потом в Указ, проходило очень много времени. Между тем бои шли непрерывно. И смотришь, иной

отличившийся и представленный к награде человек или выбыл по ранению куда-то в тыловой госпиталь, или погиб в очередной схватке с врагом, или переведен в другое соединение. Придут, бывало, награды, а вручать их некому.

– Вот если бы, товарищ Сталин, – предложил я, – дать права в этом отношении фронтам, армиям, соединениям…

– Подумаем, – сказал Иосиф Виссарионович и снова перевел наш разговор на боевые дела, чисто танковые. Спросил: – Стреляют танкисты с ходу?

Я ответил, что нет, не стреляют.

– Почему? – Верховный пристально посмотрел на меня.

– Меткость с ходу плохая, и снаряды жалеем, – ответил я. – Ведь наши заявки на боеприпасы полностью не удовлетворяются.

Сталин остановился, посмотрел на меня в упор и заговорил четко, разделяя паузами каждое слово:

– Скажите, товарищ Катуков, пожалуйста, во время атаки бить по немецким батареям надо? Надо. И кому в первую очередь? Конечно танкистам, которым вражеские пушки мешают продвигаться вперед. Пусть даже ваши снаряды не попадают прямо в пушки противника, а рвутся неподалеку. Как в такой обстановке будут стрелять немцы?

– Конечно, меткость огня у противника снизится.

– Вот это и нужно, – подхватил Сталин. – Стреляйте с ходу, снаряды дадим, теперь у вас будут снаряды.

Выдержав большую паузу, Верховный назвал несколько генералов и спросил, знаю ли я их. С большинством из названных я не был знаком и на фронте не встречался. А те немногие, которых я знал, были настоящие боевые военачальники и заслуживали только доброго слова.

И вот наступил решающий момент беседы, ради чего, видимо, и вызвал меня Верховный Главнокомандующий к себе.

– Вот что, товарищ Катуков, – сказал Сталин, – вы назначаетесь командиром механизированного корпуса. Он будет куда посильнее танкового. А воевать поедете вот сюда…

И Верховный показал мне на карте, лежавшей на столе, один из районов Калининской области.

Такое решение Сталина было для меня большой неожиданностью. Я поблагодарил Верховного за доверие, но сказал:

– Как же мне быть с первым танковым корпусом? Хотелось бы вывести его в ряды гвардейских и уж тогда…

Сталин только махнул трубкой:

– Вы, товарищ Катуков, не раз еще будете гвардейцем, и не в этом сейчас дело.

Я взмолился:

– Товарищ Сталин, не так просто подготовить, научить войска. Большое для боя дело, когда тебя люди хорошо знают, и ты их знаешь. В составе первого танкового корпуса находится первая гвардейская танковая бригада, с бойцами которой меня связывают узы самой крепкой боевой дружбы. Разве легко с ней расстаться! – И я поспросил Верховного: – Включите войска первого танкового корпуса в новый, механизированный. Мы зло будем драться, не щадя жизни.

Сталин ухмыльнулся, расправил сгибом указательного пальца усы.

– Ну что ж, напишите номера бригад первого танкового корпуса, которые хотите взять.

Я записал на листке 1-ю гвардейскую, 49-ю танковую и 1-ю мотострелковую бригады и передал записку Сталину. Он прочитал и покачал головой.

– Почему не хотите брать бригаду КВ?

Отвечаю, что с ней трудно будет воевать на болотах Калининской области. Видимо, это объяснение удовлетворило Верховного. Он взял телефонную трубку и вызвал к аппарату начальника Генерального штаба. Продиктовав номера, Сталин приказал:

– Эти бригады первого танкового корпуса перебросьте туда, где Катуков будет формировать механизированный корпус, а в первый танковый корпус пошлите другие соединения.

Положив на рычаги телефонную трубку, Сталин обернулся ко мне и, прищурившись, спросил:

– Ну что, товарищ Катуков, теперь довольны?

Поблагодарил я Верховного и обратился еще с одной просьбой: нельзя ли перевести в формируемый механизированный корпус П. Г. Дынера, моего постоянного помощника по технической части, и М. Т. Никитина, бессменного начальника оперативного отдела.

– Хорошо, забирайте их с собой, – ответил Сталин и на прощание пожелал успеха новому механизированному корпусу в грядущих боях.

Вместе с Поскребышевым я вернулся в Москву. На Красной площади пересел в свою машину и отправился к Якову Николаевичу Федоренко. Доложил ему по порядку весь разговор с Верховным Главнокомандующим. Федоренко приказал сдать корпус генерал-лейтенанту танковых войск Василию Васильевичу Буткову. Он отметил, что управление сейчас готовит специальный приказ Верховного Главнокомандующего о необходимости всем танкистам во время боя вести огонь с ходу из пушек по батареям

и другим огневым точкам врага.

К вечеру вернулся в Горюшино. Там уже была получена директива с указанием сроков и мест погрузки трех бригад, переходивших отныне в состав механизированного корпуса. По штату корпус должен был состоять из трех механизированных, одной танковой бригад и других подразделений обеспечения. В каждой механизированной бригаде было по одному танковому полку (39 танков). В танковой бригаде было 53 танка. Всего в корпусе насчитывалось 175 танков, из них 75 легких.

Сдали корпус, произвели погрузку. Не задерживаясь, поехал с Дынером и Никитиным на машине через Тулу и Москву прямо в Калинин.

Так закончились боевое лето на брянских рубежах и погожая яснополянская осень сорок второго года.

В приемной первого секретаря Калининского обкома партии И. П. Бойцова толпился народ – в большинстве своем военные люди. Но было немало и гражданских. В комнате плавал дым самосада.

Меня и М. Т. Никитина, теперь уже начальника штаба механизированного корпуса, секретарь принял незамедлительно. В кабинете И. П. Бойцова разбитые окна кое-где заделаны фанерой, отвалившиеся куски штукатурки на потолке обнажали переплетение драни.

Красные, воспаленные глаза секретаря свидетельствовали о бессонных ночах и безмерной усталости. Сквозь приоткрытую дверь, ведущую в комнату отдыха, видна была железная койка, заправленная суконным одеялом. Видимо, кабинет одновременно служил ему и жильем.

– Какие новости на вашем фронте? – спрашиваю я Бойцова, обменявшись рукопожатием.

– Как говорится, без перемен. Бои местного значения. Теперь не до нас. Сталинград… Впрочем, ваше прибытие говорит само за себя. Видимо, и наше направление Ставка не забывает… Какая нужна помощь от обкома? – спросил Бойцов.

Мы попросили выделить проводников, хорошо знающих здешние места.

Через полчаса проводники были выделены. Мы сели в машины и отправились осматривать новый район. «Эмка» выскочила из города и вскоре запрыгала по корням лесной дороги. Впереди блеснул изгиб Волги. Остановились в редком сосновом бору на самом берегу. Осмотрели окрестности и решили здесь обосноваться.

Стоял ясный сентябрьский день. На прозрачном бездонном небе ни облачка. Приглушенно шумят верхушки сосен. Тишина.

Покой. Просто не верится, что где-то идет война. Впрочем, следы ее видны и здесь. Вот поросшая жухлыми лопухами воронка, вот расщепленное, обуглившееся дерево, чуть подальше гора ржавых гильз и разбитое орудие, ствол которого обвит порыжевшей травой.

Вскоре прибыли наши саперы и занялись оборудованием штаба. Связисты подтянули провода. Съехались штабные офицеры. Зазвенели телефоны, застучали клавиши пишущих машинок, и штаб 3-го механизированного корпуса начал свою боевую жизнь. Через несколько дней выгрузились подразделения 1-й гвардейской танковой и 1-й механизированной бригад.

Каждую ночь на железнодорожные пути станции Калинин прибывали длинные составы. На крытых брезентом платформах стояли танки, орудия, броневики, грузовые машины, предназначенные для нашего соединения.

Однажды поздно вечером в дверь постучали, и в комнату вошел подполковник с темными живыми глазами и смуглым лицом. Комбинезон болтался на его худом, почти юношеском теле, как на вешалке.

– Подполковник Бабаджанян. Прибыл на должность командира мехбригады, – представился он.

Пристально посмотрел я на нового комбрига – во внешности ничего выдающегося, но недаром говорят, что внешность обманчива. Новый комбриг, ставший после войны Маршалом бронетанковых войск, показал себя не только смекалистым, прекрасно знающим военное дело командиром, но и человеком исключительной храбрости. В трудные минуты он мог сесть в танк и возглавить атаку, а если нужно, вооружиться противотанковыми гранатами и швырнуть их в прорвавшуюся в тыл гитлеровскую машину.

Амазасп Хачатурович Бабаджанян позже в большинстве операций нашей танковой армии назначался мною командиром передового отряда и был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

Ежедневно мне приходилось знакомиться с командирами и политработниками нового соединения.

Военным комиссаром корпуса был назначен бригадный комиссар Николай Кириллович Попель, невысокий, энергичный человек. Наши фронтовые биографии во многом были схожи. В составе 8-го мехкорпуса Николаю Кирилловичу летом сорок первого года пришлось с тяжелыми боями отступать от западных границ Советского Союза. Человек он обстрелянный, бывалый, умевший быстро найти общий язык со всеми командирами и политработниками.

Начальником политотдела стал старший батальонный комиссар Никита Трофимович Лясковский.

Среди тех, кто прибыл тогда, были подполковник Д. А. Драгунский, назначенный на должность начальника разведки корпуса. На этой работе Д. А. Драгунский проявил себя с самой лучшей стороны – способным и энергичным командиром. Позднее он убыл от нас в 3-ю гвардейскую танковую армию к П. С. Рыбалко, где был назначен командиром бригады. Дважды удостоен звания Героя Советского Союза. В настоящее время Д. А. Драгунский – генерал-полковник танковых войск и начальник «Выстрела». С ним у меня до сих пор самые теплые отношения, и мы время от времени встречаемся и вспоминаем наши боевые дела.

Одновременно с нашим корпусом были сформированы 1-й и 2-й механизированные корпуса. Командовали ими генералы М. Д. Саломатин и И. П. Корчагин. Все соединения сосредоточились на одном фронте. Корпус Саломатина был направлен в район города Белый, а Корчагина – под Великие Луки.

Нашему корпусу поставили задачу сосредоточиться в районе между городом Белый и железнодорожной станцией Нелидово, в месте впадения реки Лучеса в Межу, у деревень Сюльки, Тетенки, Севастополь. 3-й механизированный корпус приказом Ставки придан был 22-й армии, которой в то время командовал опытный генерал-лейтенант В. А. Юткевич, а начальником штаба был генерал-майор М. А. Шалин. Позднее с последним меня крепко связала фронтовая судьба.

В район сосредоточения мы выступили глубокой осенью. Шли ночами через калининские леса и болота. Бездорожье, грязь. Двигались по гатям – настилам из жердей, бревен и хвороста. На многие десятки километров протянулись жердевые дороги. Сойти с них и не думай: шаг-другой в сторону – и увязнешь в болотной топи. Нужно ли говорить, что скорость нашего движения в те ночи не превышала пешеходную. Днем укрывались в лесных массивах. Иначе узенькие, в ниточку гати могли бы стать большим кладбищем для наших войск. Фашистская авиация по-прежнему господствовала в воздухе. «Костыли» с восхода до захода солнца маячили в небе, «Мессеры» с ревом проносились над гатями, контролируя подходы к фронту.

Добрались, наконец, в район сосредоточения. И тут снова неотложные заботы. Надо, не теряя времени, бросить все силы на постройку новых «жердянок» – гатей, обеспечить себе хотя бы самые скромные условия для подвоза к фронту боеприпасов, горючего, продовольствия и для боевого маневра создать мало-мальски сносные возможности. Тысячи воинов нашего корпуса и

других соединений работали под осенними дождями на болотах, прокладывали новые дополнительные гати.

Едешь, бывало, по дороге и видишь, как группа выбившихся из сил бойцов упирается плечами в борт забрызганной грязью полуторки, колеса которой по ось увязли в осенней слякоти. Только удастся красноармейцам вытащить машину из одной ямы – она садится в другую, еще более глубокую.

Части корпуса расположились в лесах. Бойцы строили шалаши, рыли землянки. Тоже труд нелегкий. Пробивается из-под земли болотная вода, не спасешься от нее. К тому же район неспокойный и в других отношениях.

Сплошной линии фронта нет. И этим пользуются фашистские разведчики.

Как-то в штаб привели двух белобрысых верзил, одетых в форму советских летчиков.

– Вот полюбуйтесь, Михаил Ефимович! – сказал Никитин. – Говорят, пилоты! Документы оказались липовые, а в сумках рации. Одного захватили как раз в момент сеанса. Сообщал о передвижении частей нашего корпуса.

«Пилоты» переминались с ноги на ногу, глядя куда-то в стену поверх моей головы.

– Какие сведения вы передавали? – спросил я.

– Мы пытались связаться с нашей частью, – ответил один из шпионов на довольно чистом русском языке. Он рассказывал, видимо, тщательно заученную «легенду». Они советские летчики, заблудились во время непогоды и сделали вынужденную посадку. Пришлось оставить машины и отправиться на поиск своих частей. И вот их задержали.

– Бабушкины сказки! – прервал рассказ шпиона Никитин. – Авиационная часть, которую они называют, действительно существует, но там ничего не знают о вынужденной посадке самолета. Да и фамилии, которыми они прикрылись, тоже не известны никому.

– Нет, нет, – взмолился второй шпион, – это ошибка, уверяю вас, ошибка.

Шпионы пытались спасти свою «легенду». Но это были тщетные попытки. В подкладке костюма одного из них чекисты нашли закодированное донесение, которое удалось расшифровать. В нем сообщалось о прибытии на станцию Калинин новых танковых войск.

Эти агенты, а может быть, и другие, видимо, уже успели передать сообщение о месте дислокации 1-й гвардейской танковой бригады. Она расположилась в лесу, близ деревни Тетенки. На следующий день после допроса шпионов над лесом

появилось несколько звеньев «Юнкерсов». Они обрушили на район мощный бомбовый удар. Мы видели, как над верхушками деревьев поднялось густое черное облако. Вскоре в штабе зазвонили телефоны. Командир 1-й гвардейской полковник В. М. Горелов доложил, что бригада понесла потери в людях и технике. Погиб помощник командира бригады по технической части капитан Саранцев, сменивший на этом посту Дынера. В дни подмосковных боев он работал не покладая рук над восстановлением танков. Бригада потеряла талантливого, энергичного военного инженера.

Мы, конечно, извлекли из этого случая серьезный урок. Усилили охрану районов расположения, на всех дорогах появились патрули, которые тщательно проверяли документы у проходящих и проезжающих, задерживали всех подозрительных.

В течение ноября – декабря все три механизированных корпуса периодически вели на своих направлениях бои – наступательные и оборонительные. Действовали мы разрозненно и по задачам, и по времени. Не скрою, были тогда среди танкистов разговоры: а почему бы не нанести по врагу одновременный удар силами трех корпусов? В таком случае мы, безусловно, добились бы более крупного успеха, создали бы ощутимый перелом в боевых действиях Калининского фронта.

Теперь-то любой скажет, что в ноябре – декабре сорок второго года развертывалась решающая битва на сталинградских рубежах. Следовательно, нашим механизированным корпусам ставилась вполне конкретная и с дальним прицелом задача: активными действиями не на одном, а на нескольких направлениях связать резервы противника и не дать гитлеровскому командованию широко маневрировать своими силами. Наши действия не только помешали фашистам перебросить часть соединений на поддержку группировке, попавшей на правом берегу Волги в безвыходное положение, но и заставили их усилить войска, действующие на нашем фронте.

Все это ясно, хотя и сейчас можно спорить: нельзя ли было ту же задачу решать другими методами, не изматывая в малоэффективных боях довольно крупные танковые силы? Правда, этому мешали непроходимые леса и болота. Но все же, думается, танковая группировка на калининском направлении была использована не в полную меру своих возможностей.

Осеннюю распутицу в ноябре неожиданно сменили морозы и обильные снегопады. 3-й механизированный корпус получил приказ перейти в наступление во взаимодействии со стрелковыми частями. 25 ноября началась Ржовско-Сычевская наступательная операция войск Калининского и Западного фронтов.

Как уже говорилось, мы стояли на участке, обращенном фронтом не на запад, а на восток. Причиной тому был все тот же большой немецкий клин, вдававшийся в нашу оборону. Так вот, корпус и другие соединения двух фронтов и должны были подрубить этот клин с востока и запада.

В тяжелейшей обстановке пришлось наступать танковым и механизированным бригадам, а также стрелковым частям. Правда, морозы сковали болота, но снежные заносы тоже были для нас немалой помехой. По сугробам, волнистым снежным наметам большой лихости не покажешь. К тому же гитлеровцы прикрыли свою оборону бессчетными минными полями. А это опять серьезное препятствие на пути движения боевых машин. Ведь пока мало-мальски разминируешь проходы, потеряешь уйму времени.

Наступлению предшествовала короткая артиллерийская подготовка. Но не столько она, сколько внезапность, лежавшая в основе нашего удара, принесла поначалу успех. Несмотря на неблагоприятные метеорологические условия и всякого рода препятствия, танковые и механизированные бригады продвигались вперед сравнительно быстро и вскоре вместе с взаимодействующей пехотой освободили от фашистов 55 населенных пунктов.

Впрочем, оговорюсь. Населенными эти пункты можно было назвать лишь условно. Вернее, мы освободили территорию, на которой несколько месяцев назад находились деревни, поселки.

От сел и деревень не осталось и следа. Все каменные и деревянные строения, вплоть до печей, фашисты разобрали для постройки дзотов и других укреплений, а то, что не успели использовать, сожгли дотла.

Сначала гитлеровцы оказывали сопротивление, и довольно упорное, а затем оставляли позиции, откатывались на новые рубежи, даже не ввязываясь в бой. Видимо, рассчитывали, что заминированные дороги и поля задержат продвижение советских войск, а они тем временем подтянут резервы и закрепятся на более выгодных, заранее подготовленных укрепленных позициях.

Однажды на командный пункт корпуса привели пленного солдата. Волнуясь, он беспрестанно повторял: «Я не немец, я еврей». Торопился объяснить, что он очень боялся, вдруг гитлеровцы разоблачат его, а потому решил при первом удобном случае сдаться в плен. Конвоировавшие его бойцы подтвердили, что солдат сдался без сопротивления: вышел на дорогу и поднял руки.

Как водится, пленного допросили. По предварительным данным нам было известно, что на этом участке фронта оборону

держали части моторизованной дивизии «Великая Германия». Пленный назвал номера частей, сказал, что здесь действуют эсэсовцы. Потом мы предложили солдату показать, где находятся минные поля и проходы в них. Солдат охотно согласился провести наши танки с десантом на броне на следующий рубеж и добросовестно выполнил это задание. Наши танкисты с его помощью прошли без потерь через вражеские взрывные заграждения.

Конечно, настоящие фашисты вели себя иначе. Одно наше танковое подразделение совместно с пехотой с ходу разгромило в районе деревни Старухи опорный пункт врага и, не останавливаясь, подхватив пехотинцев на броню, ушло вперед. И вдруг получаем на командном пункте донесение: близ только что занятой деревни засели гитлеровцы, ведут огонь. Немедленно посылаем туда группу стрелков с тем, чтобы они прочесали район.

Вскоре наши стрелки обнаружили немецкого фельдфебеля-эсэсовца, притаившегося в заснеженном кустарнике. То ли он не успел убежать вместе с другими гитлеровцами из разгромленного опорного пункта, то ли остался в разрушенной деревне умышленно, рассчитывая потом скрыться, – неизвестно. Но как бы там ни было, он засел в укрытии, и стоило нашим воинам в одиночку появиться на дороге, ведущей к деревне, как эсэсовец открывал по ним огонь. Пятерых он убил. Хотели мы взять этого головореза живым, но не удалось. Даже когда его окружили, он продолжал отстреливаться.

…Наше наступление застопорилось, как только войска корпуса подошли к дороге, ведущей из города Белый к железнодорожной станции Нелидово. Гитлеровцам особенно важно было удержать эту рокаду. Они подтянули сюда резервы. Завязались ожесточенные бои. Противник предпринял несколько контратак, но части корпуса удержали захваченные накануне позиции. 20 декабря Ржевско-Сычевская операция была завершена.

Штаб корпуса расположился в лесу, километрах в тридцати юго-восточнее Нелидово, на берегу лесной речки Тагоща в нескольких избушках маленькой деревушки, носившей то же название. От деревушки до переднего края – рукой подать. Так что мы ежедневно бывали в обороняющихся частях, уточняли обстановку, на месте решали, где и какие произвести дополнительные работы по укреплению позиций, куда срочно подбросить огневые средства.

На берегах Тагощи не было ни одного спокойного дня. Весь январь гитлеровцы атаковали корпус. Фашистская авиация

непрерывно вела воздушную разведку, не раз бомбила леса и деревни. Но серьезного ущерба она нам не наносила, больше била по пустым местам. Наши люди проявили немало изобретательности, искусно маскируя свои боевые порядки, тылы, пути подвоза.

В январские морозы корпус не только держал оборону, закреплялся на захваченных рубежах, но и вел активные боевые действия. Мы получили приказ штаба 22-й армии произвести глубокий поиск на территории, занятой противником, чтобы найти в лесах наших кавалеристов (большую группу до тысячи человек), ранее попавших в окружение, и вывести к своим.

Еще задолго до ноябрьского наступления отряд конников был отправлен в длительный рейд по тылам противника. Кавалеристы удачно прорвались через линию фронта, уничтожили ряд вражеских объектов, смелыми, дерзкими налетами терроризировали коммуникации фашистов, но затем попали в отчаянное положение.

У кавалеристов кончились боеприпасы и запасы продовольствия. Фуражом для лошадей в заснеженных лесах тоже не разживешься. Начался падеж коней. Питанием первое время еще кое-как пробавлялись за счет трофеев, но потом и с ним стало крайне туго. Немцы неотступно преследовали измотанный, потерявший коней отряд, все туже и туже зажимая его в кольцо. Пробовали конники пробиться обратно через линию фронта – ничего не получилось. С голыми руками против танков, пушек, пулеметов не пойдешь. Теперь следовало нам, не теряя ни дня, ни часа, выручать рейдовый отряд.

Для выполнения этой задачи выделили мы танковый полк, которым в это время командовал замечательный гвардеец подполковник Александр Федорович Бурда. Он недавно вернулся в строй.

Когда после боя у села Ксаверья его отвезли в липецкий госпиталь, то там выяснилось, что зрение находится под угрозой. Восемь осколков триплекса и окалины впились в глазное яблоко. Но операция прошла благополучно, и зрение Александру Федоровичу удалось сохранить. Я искренне обрадовался, что ветеран 1-й гвардейской бригады снова вернулся в родную часть.

Не занимать было этому умному командиру того, что мы называем военной хитростью. В общем, в штабе корпуса сложилось единодушное мнение, что не кто другой, как Александр Федорович, сумеет вызволить из окружения кавалерийский отряд.

Полку были переданы подразделение лыжников и группа медицинских работников. Когда подполковник Бурда разработал

план поисков, мы без каких-либо поправок утвердили его. Продумывая предстоящую операцию, Александр Федорович учел, что у фашистов нет сплошной линии обороны, и что между их опорными пунктами есть коридоры, по которым, пользуясь непогодой, можно проникнуть в тыл противника. В дальнейшем Бурда так и сделал. Укрываясь снежной поземкой, он повел свой отряд через линию фронта, не ввязываясь в бой с фашистами.

На берегу Тагощи в корпусных штабных землянках воцарилось тревожное ожидание. Начальник штаба подполковник М. Т. Никитин сам держал связь по радио с Александром Федоровичем. Наконец пришло первое донесение, не ахти как обнадеживающее: «Линию фронта прошли. Но в указанном районе кавалеристов не встретили. Продолжаем поиски в лесах».

Что же будет дальше? Не сорвутся ли поиски? Не ровен час, и кавалеристов не выручим, и танки и лыжников потеряем. Но ведь полк ведет не кто-нибудь, а Александр Бурда. Его так просто не возьмешь. И не из таких положений ему не раз приходилось выходить.

Прошло совсем немного времени – и получаем новое донесение: «Ведем поиски и заняли круговую оборону. Лыжники ведут разведку по квадратам. Половина квадратов заштрихована, кавалеристов нет». А на следующий день третье радио донесение: «Разгромили автотанковую колонну противника».

Позднее узнаем подробности. Разведчики-лыжники своевременно донесли Бурде, что по дороге из Белого в Оленине движется большая автотанковая колонна. У Александра Федоровича возникло подозрение: не идет ли она с заданием уничтожить кавалеристов. И он атаковал ее, разгромил полностью.

И наконец, долгожданное радиодонесение: «Нашли кавалерийский отряд в квадрате… не задерживаясь, возвращаемся».

Танкисты посадили раненых, больных, обмороженных конников на боевые машины, для некоторых соорудили сани-волокуши и тронулись в обратный путь. Однако снова перейти линию фронта было куда труднее, чем накануне. Гитлеровцы, конечно, уже знали, что у них в тылу советский танковый полк, и выставили заслоны на путях его движения.

Учитывая это, мы дополнительно передали по радио Бурде: «Ни в коем случае не пробивайтесь через линию фронта по старому маршруту. Держите курс на участок, где оборону держит механизированная бригада Бабаджаняна». Кроме того, сообщили Александру Федоровичу, по каким опорным пунктам откроем заградительный артиллерийский огонь, прикрывая прорыв

танкистов через вражескую оборону. Обязали также Бурду обозначить подход танков к переднему краю серией ракет.

Январским утром наша артиллерия обрушила огонь на позиции противника в районе выхода группы Бурды. Взметнулись в воздух снежные султаны. Сразу же после артналета в разрыв обороны фашистов двинулись танки 3-й мехбригады А. Х. Бабаджаняна. Танки расширили брешь. Через нее-то и стали выходить полк Бурды и кавалеристы. Впрочем, кавалеристами их теперь можно было назвать лишь условно. Все они стали пехотинцами.

На нашей стороне их ожидали дымящиеся кухни, медперсонал. Среди вышедших было много раненых и обмороженных. Санитарные машины эвакуировали их в тыл.

Двое суток по коридору в немецкой обороне, охраняемые с флангов танковыми заслонами, выходили окруженцы. Двое суток день и ночь работали медики, повара, интенданты.

Александр Федорович Бурда, как обычно, с честью выполнил боевое задание.

Глава 11. Рождение армии

В начале января сорок третьего я неожиданно получил телеграмму, в которой говорилось, что мне необходимо срочно вылететь в Москву, на прием к Верховному Главнокомандующему. Я ломал голову: чем вызван этот неожиданный приказ, что ждет меня в Кремле? На ум приходили рассказы о всяких неприятностях.

В штабе 22-й армии мне выделили У-2. За штурвалом сидел плотный, широкоскулый пилот. Насколько помнится, по фамилии Селиверстов. Крохотный самолет коротко разбежался и взмыл в воздух. Под крылом – темные, необъятные просторы лесов с редкими проплешинами полян и узкими канальчиками – просеками. Ровно гудит мотор, воздушные потоки мягко покачивают машину. И вдруг, подлетая к Торжку, заметили темную точку. Она стремительно росла в размерах и двигалась на нас.

– «Мессер!» – услышал я в наушниках голос пилота, и в то же мгновение наш самолет стремительно нырнул вниз. «Мессер» с воем пронесся над нами, выпустив длинную очередь трассирующих пуль. Селиверстов кидал машину из стороны в сторону. Вставала и проваливалась куда-то земля, мелькали зеленые пунктиры очередей. Потом я заметил, что самолет несется, почти прижимаясь к земле, едва не задевая макушки деревьев. Пережили мы с летчиком, прямо скажу, неприятные минуты. Особенно раздражало чувство полной беспомощности перед врагом. Спасли нас смекалка и находчивость Селиверстова: видимо, ему не раз приходилось бывать в подобных переделках. Он знал, что нам могут помочь только малая высота и складки местности. Чтобы не испытывать судьбу, на окраине Торжка сели прямо на снег. «Мессер» потерял нас из виду.

Нас окружили ребятишки. Они потом и помогли раскачать самолет, чтобы он мог оторваться от снежных сугробов и подняться в воздух. Летели мы потом до Калинина без происшествий. Там заправились и благополучно добрались до Москвы. Сели на Тушинском аэродроме, где меня уже ждала машина.

В Кремль на прием к Верховному Главнокомандующему пришел, как был, в валенках, ватных брюках, солдатской гимнастерке. Сталин, как обычно, расхаживал по кабинету, за столом я заметил командующего бронетанковыми войсками Я. Н. Федоренко и члена Военного совета Н. И. Бирюкова, командующего Северо-Западным фронтом С. К. Тимошенко и его

начальника штаба В. М. Злобина, а также начальника Главного политического управления Красной Армии А. А. Щербакова.

Поздоровавшись, Верховный неожиданно спросил:

– Как, товарищ Катуков, справитесь, если мы вас поставим командовать танковой армией?

Я опешил, но молчать в его кабинете долго не полагалось. Поблагодарил за доверие и ответил, что надеюсь справиться.

– Вот, почитайте, – сказал Сталин и, взяв со стола два документа, протянул их мне.

Первый документ – Постановление Государственного Комитета Обороны от 4 января 1943 года. В нем говорилось о формировании 1-й танковой армии и о том, что меня назначают командовать ее войсками. Из второго я узнал, что мне присвоено звание генерал-лейтенанта танковых войск.

– Кого мы дадим Катукову членом Военного совета армии? – спросил Сталин Щербакова.

Тот ответил, что Федоренко и Бирюков рекомендуют Попеля. Сталин еще что-то спросил Щербакова. Говорили они вполголоса, о чем – я не слышал. Затем Верховный обратился ко мне:

– Как вы на это смотрите, Катуков?

Я ответил, что товарищ Попель – подходящая кандидатура.

– Ну хорошо, на том и порешили, – сказал Сталин. – Желаю вам, товарищ Катуков, успеха в боях, надеюсь, что за боевые дела получите орден Суворова. Летите обратно. Все указания получите немедленно от товарища Федоренко.

На этом разговор с Верховным Главнокомандующим закончился. Яков Николаевич Федоренко привез меня к себе и сообщил, какие войска войдут в состав 1-й танковой армии: 3-й механизированный корпус, командиром которого назначался генерал-майор С. М. Кривошеин, 6-й танковый корпус под командованием генерал-майора А. Л. Гетмана. Кроме того, в армию должны войти четыре отдельных танковых полка и отдельная 100-я бригада, шесть лыжно-стрелковых бригад, две воздушно-десантные дивизии, два гаубичных полка, два полка реактивной артиллерии, два минометных полка, авиационный полк, артиллерийская противотанковая истребительная бригада, инженерная бригада, разведывательный армейский полк, зенитная артиллерийская дивизия и другие армейские части. Словом, махина немалая!

Сообщил мне также Яков Николаевич, что штаб 1-й танковой армии будет создаваться на базе 29-й общевойсковой армии. Это меня несколько удивило. Все-таки перед танковой армией стояли свои специфические задачи, отличные от тех, которые обычно решает общевойсковая армия. Значит, и к подбору работников

штаба надо было подходить не механически, а с учетом танковой специфики.

Но спорить не приходилось. Пользуясь удобным случаем, попросил Якова Николаевича, чтобы в армию помощником по технической части назначили П. Г. Дынера. Федоренко согласился.

На другой день, рано утром, я уже был на Тушинском аэродроме, и мы с летчиком Селиверстовым полетели обратно «домой». Полет на этот раз обошелся без происшествий.

Прямо с аэродрома заехал в штаб 22-й армии. Там уже знали, что меня назначают во вновь формируемую 1-ю танковую армию. Потолковали о боевых перспективах. Ведь новые крупные бронетанковые формирования были тогда в нашей фронтовой жизни выдающимся фактом. И несведущему человеку понятно, что из ничего танковую армию не сформируешь. И не верный ли это показатель, что к сорок третьему году наш советский Восток превратился в мощнейшую базу оборонной промышленности?! Во всяком случае, он может укомплектовывать танками не отдельные бригады, как это было осенью сорок первого года, а целые корпуса и даже армии.

Еще десяток километров по заснеженной дороге – и мы с Кондратенко въезжаем на «набережную» Тагощи. Так наши бойкие девушки-связистки называли месторасположение КП 3-го механизированного корпуса. Даже песенку они сложили, прославляющую речушку, обозначенную не на каждой карте, и обжитые ее берега. «Проспектами» именовали девушки дорожки, по снегу протоптанные от блиндажа к блиндажу.

Попель и Никитин ждали меня с нетерпением. Не успел я переступить порог землянки, как они набросились с расспросами.

– Поздравляю вас, член Военного совета танковой армии, – сказал я Попелю.

– Армии? – вырвалось у него.

– Да, товарищи. Нам предстоит формировать первую танковую армию. Готовьтесь к серьезной работе…

Прошло еще несколько дней, по-зимнему снежных, студеных. Получили директиву. Нам вменялось в обязанность к 17 февраля в ближних тылах Северо-Западного фронта сформировать 1-ю танковую армию.

С берегов Тагощи до пунктов формирования предстояло своим ходом пройти в северо-западном направлении около 300 километров. Сроки передвижения предельно сжатые – трое суток. Сколько-нибудь благоустроенных дорог нет и в помине. Одни проселки, переметанные глубокими сугробами, да снежная целина!

Взяли курс на Андреаполь – есть на землях Калининской области такой городишко с железнодорожной станцией. Тронулись в поход к ночи и сразу попали в пургу. Метель разыгралась такая, что и днем можно было идти, не боясь, что противник обнаружит с воздуха: в трех шагах ни зги не видно. Машины буксуют, садятся в сугробы. Сдвинуть их с места – мучение. Минули сутки, а мы вместо намеченных 100 километров всего на 10 пробились вперед, не больше.

Расположились на ночлег в маленькой деревушке. Надо было дать людям короткий отдых. Непрерывно толкая машины и разгребая снежные заносы, они выбились из сил.

Второй день марша прошел куда успешнее. Решили мы пробивать дорогу танками, ими же тянуть колесные машины. Правда, не обошлось без конфликта. Представитель бронетанкового управления, сопровождавший нас марше, категорически запротестовал: не полагается использовать танки в качестве тягачей и снегоочистителей.

Убеждаем представителя, что с танками ничего не случится. У тридцатьчетверки мощность мотора 520 лошадиных сил. Это же махина, по-старому – целый завод. Помнится, когда в молодые годы служил в Витебске, там машина в 200 лошадиных сил целый кожевенный завод на себе тянула.

Для убедительности и этот пример привожу. Но представитель не сдается:

– Запрещаю нарушать инструкцию.

– Но приказ-то боевой выполнять надо?

– Надо.

– Так как же мы его выполним в таких условиях?

– Ничего не знаю, ищите другие способы.

– Да как же найдешь в этих снегопадах и заносах другие способы?

Пришлось обращаться по ВЧ к представителю Ставки Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову, который помогал командованию Северо-Западного фронта готовить наступательную операцию. Он дал «добро», и мы, пренебрегая довоенной инструкцией, стали продвигаться в район сосредоточения значительно быстрее.

С большим трудом пробились к пунктам формирования нового танкового объединения. В глухой, утонувшей в снегах деревушке Зайцево нашли штаб 29-й армии, который по указаниям свыше должен превратиться в наш армейский танковый штаб.

Итак, в район формирования прибыли. Но медленно, очень медленно подтягивались по снежному бездорожью другие части и

соединения. Ко всему новая беда: в районе формирования ни горючего, ни боеприпасов, ни продовольствия, ни фуража. Плечо подвоза – от пункта формирования до ближайшей базы снабжения ни много ни мало 250 километров по проселкам, тоже переметанным сугробами.

На лошадях тут не проберешься. Да еще пока конный обоз обернется, он весь фураж, что предназначался для войск, сам полностью изведет и на обратный путь сена запросит. Оставалось одно – снова пустить в дело танки.

Направить их на перегоны, с тем, чтобы они пробивали дорогу автомобильному и конному транспорту.

К 17 февраля, как было оказано в директиве, мы закончили формирование 1-й танковой армии. Однако организационные и хозяйственные заботы поглощали уйму времени и у меня, и у Попеля, и у Дынера, и у других товарищей. Отдыха и сна и так в обрез, а тут еще надо в самом срочном порядке разработать план предстоящей операции, по замыслу весьма сложной и ответственной.

Особая группа войск под командованием М. С. Хозина была создана решением Ставки Верховного Главнокомандования. В группу входил: наша только что созданная 1-я танковая армия и 68-я общевойсковая, которой командовал генерал-лейтенант Ф. И. Толбухин. Чуть ли не каждый день, а то и на дню по нескольку раз мы встречались с начальником штаба хозинской группы генерал-майором Ю. Л. Городинским и начальником оперативного отдела подполковником В. А. Белявским и в деталях разрабатывали предстоящую операцию.

Раскрою вкратце замысел операции. Наша группа войск должна была войти в прорыв, созданный 1-й ударной. Напомню, что в состав армии входили воздушно-десантные дивизии и лыжные бригады. Они должны были выбросить десант в район узловой железнодорожной станции Дно и развернуть наступление на Псков. На том же направлении намечалось ввести в бой отдельные танковые полки и часть имеющейся в армии артиллерии.

Развивая наступление, десантники, лыжники и другие войска обязаны были выйти к Псковскому и Чудскому озерам и на побережье закрепиться. Выполнив задачу, они образовывали заслон, обращенный фронтом на запад. Цель заслона – лишить противника возможности подбрасывать подкрепления своей отрезанной ленинградской группировке.

Тем временем главный удар наносили танковый и механизированные корпуса во взаимодействии с 1-й ударной армией. Сметая на пути сопротивление гитлеровцев, они

стремительно продвигались через Лугу к берегам Балтики и затем, выйдя на морское побережье, резко поворачивали на восток и со всей силой обрушивались на окруженную ленинградскую группировку войск противника.

Как видно из предельно сжатого изложения общего хода предполагаемой операции, замысел был великолепный. Думается, осуществи мы его тогда – и он наверняка вошел бы славной страницей в историю Великой Отечественной войны.

Пока, не заглядывая далеко вперед, скажу, что замысел этот по-настоящему увлек всех нас, и к боевым действиям на псковско-лужском направлении мы готовились с лихорадочным воодушевлением.

В эти дни в армию на должность заместителя командующего прибыл генерал-майор Ефим Викентьевич Баранович – человек немолодой, крепкой боевой закалки. Воевал он еще в русско-японскую войну, в первую мировую и в гражданскую. Много повидал на своем веку. Масштабы предстоящей операции увлекли и Ефима Викентьевича. Тем более, что на него возлагалось руководство действиями псковского заслона.

Казалось бы, все ясно. Только четко спланируй, правильно расставь силы, продумай глубоко вопросы боевого обеспечения вплоть до снабжения наступающих войск боеприпасами, горючим, продовольствием – и начинай действовать.

Но, к сожалению, не все ладилось в штабе армии. Начальник штаба генерал Н. С. Дронов и его ближайшие помощники слабо разбирались в специфике танковых соединений, а поэтому у нас нередко возникали неувязки. И чем дальше, тем больше Дронов чувствовал себя не в своей тарелке. Пришлось срочно отозвать из 3-го механизированного корпуса моего старого боевого соратника Матвея Тимофеевича Никитина и назначить начальником оперативного отдела армии.

С приходом Никитина в работе штаба наступил перелом, но все же слабая специальная подготовка начальника штаба продолжала давать о себе знать. В подготовительный период это особенно сказывалось на обеспечении войск необходимыми запасами. Да и вообще при отсутствии взаимопонимания среди штабных офицеров трудно было достичь безупречного четкого планирования, должной оперативности в решении текущих и предстоящих задач.

Вижу, дела плохи, надо принимать какие-то меры. Ускорил события приезд Георгия Константиновича Жукова. Ознакомился он с ходом подготовки операции, выяснил, что с боеприпасами и горючим у нас неблагополучно, и помрачнел. Тут же помог исправить положение. Приказал выделить нам транспортную

авиацию для подвоза всего необходимого.

Банк Георгий Константинович и в работу штаба и тоже остался недоволен.

– Подумайте и доложите, что надо предпринять, – сказал Жуков на прощание.

В тот же день я позвонил маршалу по ВЧ. Попросил заменить начальника штаба армии.

– Товарищ Дронов, – сказал я, – человек старательный, исполнительный, но от танкового дела далекий.

– А кто на примете? – спросил Жуков. Отвечаю, что в 22-й армии начальником штаба служит генерал-майор Михаил Алексеевич Шалин. Хорошо знаю его и считаю, что он вполне справится с обязанностями начальника штаба танковой.

– Ладно, – сказал Жуков, – сажай в самолет Дронова и пусть он летит в двадцать вторую армию. Тем же самолетом обратным рейсом прилетит к вам Шалин. Сейчас дам команду в двадцать вторую.

Часа три-четыре прошло, не больше, и мы уже руку жмем Михаилу Алексеевичу. Накоротке объясняем ему замысел операции.

Шалин – человек дела. Тут же принимается за работу. С удивительной быстротой вошел он в курс происходящих событий. Завертелись, закружились колесики штабной машины, и все планы, приказы, расчеты были сделаны вовремя и как надо.

17 февраля, завершив подготовку к боевым действиям, армия вышла в исходный район. Думали, вот-вот высадим десант, двинемся на Псков и Лугу – и вдруг весна. Нежданно ранняя для этих мест, она спутала нам все планы. Солнце, теплый ветер – началось бурное снеготаяние. По полям и оврагам разлилась вода.

Гитлеровцы к этому времени оставили демянский плацдарм. Казалось, такое стечение обстоятельств облегчало выполнение задуманной операции. Но как ее проведешь, если танки, пущенные для пробы, пройдя сотню-другую метров, погрузли в талой воде по самую башню. С громадным трудом мы вытащили их на сушу.

Стало ясно, что в таких условиях большая операция, основу которой составляет мощный танковый удар, просто невозможна. Неминуемо застрянешь, а то и погибнешь в половодье. Правда, мы не теряли надежды, а вдруг также внезапно нагрянут морозы, затянут ледком раскисшие дороги, скуют реки.

Штаб наш перебазировался в деревню Худые Речицы, обосновался под прикрытием соснового бора. В канун праздника 23 февраля приехала к нам в гости делегация вологодских

колхозников. Возглавлял ее первый секретарь Вологодского обкома партии товарищ Анисимов. На свои средства труженики полей построили столько боевых машин, что укомплектовали ими целый танковый полк, вошедший в состав нашей армии.

Были, конечно, по этому случаю торжественный митинг и обед. А когда мы распрощались с делегацией, проводили ее, дал я штабу команду: немедленно переместиться на новое место, ближе к войскам.

Сборы были молниеносные, как по тревоге. Словно сердце чувствовало: задержишься на час-другой – быть беде. И что же? Не прошло и получаса, как мы покинули Худые Речицы, – налетели на деревню фашистские бомбардировщики и разнесли ее в пух и прах. На войне так часто бывает: вовремя уйдешь – все найдешь, лишнюю минуту проволынишься – все потеряешь!

Наконец 23 февраля пришла директива, извещавшая, что намеченная операция отменяется. И тут же войскам 1-й танковой армии приказ: срочно грузиться на железную дорогу и следовать в новом направлении. Куда? Зачем? Пока мы не знали. Известно было лишь, что наши соединения, правда, не полностью (воздушно-десантные дивизии, лыжные бригады и еще кое-что у нас отобрали), должны выйти к железной дороге, на линию, пролегающую от Бологого до Андреаполя, и на разных станциях грузиться в эшелоны.

Снова забота: как добраться до погрузочных станций по бездорожью? Ведь надо не только вывести из новгородских лесов танки, но и переправить боеприпасы и другое боевое имущество.

На помощь пришли свои токари, кузнецы, слесари, плотники. Их оказалось немало в наших танковых экипажах и боевых расчетах. Сделали они салазки, оковали полозья железом, уложили на самодельные санки все наше хозяйство. Затем прицепили те же санки к танкам по четверке цугом, и пошли «поезда» прямым ходом, пробиваясь по раскисшим дорогам к погрузочным площадкам железнодорожной магистрали.

Надо отдать должное тем товарищам, кто организовал переброску танковой армии в новый, неизвестный нам район боевых действий. Железнодорожные составы на все станции подавались без малейшей задержки, и эшелоны один за другим «зеленой улицей» мчались по направлению к Москве.

Куда приведет нас дальнейшая фронтовая дорога – не знали. На московские вокзалы мы не попали. Быстро передали наши эшелоны на окружную дорогу. В столице у меня и Попеля была лишь короткая встреча с Яковом Николаевичем Федоренко и другими начальниками. Вручили нам дальнейший маршрут, конечного пункта его, разумеется, не указали. Но было уже ясно,

что 1-й танковой армии предстоит воевать на одном из южных участков советско-германского фронта. Промелькнули последние станции Московской окружной дороги, и наш эшелон повернул по направлению к Курску.

Глава 12. А выстояв – победили

До нового места дислокации армии я добирался в одном из эшелонов. Разговоры в штабном вагоне варьируют одну и ту же тему: куда, на какой фронт бросят армию? Положение стало проясняться, когда поздней ночью эшелон прибыл на станцию Касторное. Ясно, что нас направят куда-нибудь в район Курска.

Вместе с Шалиным вышли из вагона. Дул теплый мартовский ветер. Задранные стволы зениток и зачехленные танки на платформах четким силуэтом вырисовывались на фоне высветленного луной мартовского неба. Раздалась команда – из теплушек с гомоном и смехом высыпали танкисты.

Станционные пути были забиты составами.

– Неплохая мишень для гитлеровских асов, – сказал Шалин.

– Да, тут трудно промахнуться, – согласился я. – Надо принять меры, чтобы здесь не задерживаться.

Я послал группу штабных офицеров к коменданту станции. Вернувшись, они подтвердили нашу догадку: да, действительно, наш эшелон имеет станцией назначения Курск.

Не успел я выслушать доклад, как завыли сирены, пронзительно засвистели гудки паровозов. Откуда-то с запада нарастал тяжелый гул. Невидимые в ночном небе шли бомбардировщики. Судя по гулу, «Юнкерсы-88».

В небе заметались лучи прожекторов. На платформе рядом со штабным вагоном у зенитных орудий уже хлопотали артиллеристы. Раздались первые звонкие залпы. По крышам вагона дробно застучали осколки.

Меня удивило, что, несмотря на огромное скопление составов, противовоздушная оборона станции была слабой, и помощь нашей зенитной батареи, которой командовал опытный артиллерист старший лейтенант Г. Б. Зеленков, пришлась очень кстати.

Раздались близкие взрывы. Небо озарилось отсветом пожара. Налет был непродолжительным. Одна из бомб разорвалась недалеко от штабного вагона.

Когда был дан отбой, я вышел из вагона. На насыпи толпились бойцы. Подойдя к ним, я увидел лежавшую на насыпи девушку. Вглядевшись в ее лицо, я узнал официантку из столовой Военного совета – Лизу.

Смерть всегда нелепа. Но эта показалась мне особенно нелепой. Еще несколько часов назад мы отметили в столовой ее день рождения. Лизе исполнилось восемнадцать лет. Думали, думали, чем порадовать девушку, и решили подарить ей шубку

под котик и духи. За обедом вручили Лизе подарки. Она была в восторге. Это была первая в ее жизни шубка.

Как ни парадоксально, но именно эта шубка сыграла в жизни Лизы трагическую роль. Когда послышались сигналы воздушной тревоги, все залегли в ближайших кюветах и канавах. Лиза побоялась испачкать шубку. Она осталась стоять у вагона. Осколок бомбы, пробив мех шубы, впился прямо в сердце. Другим осколком сразило шофера генерала Шалина.

Танкисты похоронили погибших в одной могиле возле железнодорожных путей. Над свежим могильным холм м прогремел салют, а вскоре железнодорожники дали зеленый свет, и наш состав двинулся к Курску.

На сумрачном полуразбитом курском вокзале встретили нас представители вспомогательного пункта управления Ставки Верховного Главнокомандования. Они и провели меня на пункт управления. Там я впервые встретился с Алексеем Иннокентьевичем Антоновым, о котором много был наслышан как о генерале, обладающем большой военной эрудицией.

Встретились мы в подвале здания, разбитого бомбами и снарядами. Запомнилось лицо Алексея Иннокентьевича, бледное, усталое. Лежала на нем печать долгих бессонных ночей.

– Какими силами располагает ваша армия? – спросил меня Антонов.

Я доложил, что в состав армии входят 3-й механизированный, 6-й танковый корпуса, 100-я отдельная танковая бригада и четыре отдельных танковых полка – всего 631 танк.

Антонов ткнул в карту указкой, острие которой очертило район города Обоянь.

– Вот место вашей дислокации. Примите меры строжайшей маскировки. Необходимо, чтобы противник даже не догадывался о вашем существовании.

В тот же день вместе с начальником штаба М. А. Шалиным и начальником оперативного отдела М. Т. Никитиным мы выехали в отведенный нашей армии район.

Обоянь – городок небольшой. Стоит он среди полей, дубрав, на реке Псел. Вокруг на косогорах у тихих речушек разбросаны уютные деревушки, как будто войной и не тронутые.

Однако прежде, чем ввести сюда войска, мы произвели разведку района, в том числе и санитарную. И не зря. Наш медико-санитарный отряд обнаружил очаги сыпного тифа. Проклятое дело! Дай только разгуляться сыпняку – больше людей потеряешь, чем в бою. Поэтому немедленно приняли самые строгие дезинфекционные и другие меры. К счастью, нашим медикам удалось быстро ликвидировать тифозную угрозу.

Штаб армии расположился в деревне Успенов, а соединения и части – по окрестным селам и деревням. На марше соблюдали строжайшую маскировку. А ведь скрытность в передвижении армии – дело непростое. Это целое искусство. Начали с того, что марш от разгрузочных площадок к обояньским селениям совершали ночью. Так по законам военного времени и полагается. Но достаточно ли этого? Ведь чем черт не шутит! Появятся наутро в воздухе фашистские авиаразведчики и по гусеничным следам определят, что здесь проходили большие танковые колонны. И все наши старания скрыть переход войск пойдут насмарку.

Однако танкисты – народ изобретательный. Так просто их на кривой не объедешь. Нехитрую, казалось бы, придумали штуку: привязали к танковой корме связки хвороста. Идут машины по весенним проселкам, а хворостянки гусеничные следы заметают.

Но не менее важна и маскировка на месте дислокации. И тут они проявили добрую сметку. Спрашивается: что видит с воздуха вражеский разведчик, пролетая над деревней? Контуры домишек, сараев, погребов, банек. А отсюда вывод: не следует ли расположить танки и другую боевую технику таким образом, чтобы у вражеского воздушного разведчика при полете над селением создавалось впечатление, что здесь все, как было неделю назад.

Вот мы и начали ставить танки и другие машины впритык к хатам, строениям, сараям, а сверху прикрывать их под одну крышу со строением. Ну, конечно, вырастал тот сарай на метр-другой, но разве с большой высоты заметишь?

Но в конечном счете меры эти пассивные. Заботясь о противовоздушной маскировке, никак нельзя забывать и обычную, наземную. Все эти меры могла свести на нет глубинная агентурная разведка противника. Ведь от нее, если не остережешься, жди всяких бед. К весне сорок третьего Курская дуга стала местом самых активных действий вражеской разведки. Вражеская агентура на этом участке фронта всячески пыталась проникнуть в наши тылы, разведать наиболее уязвимые места в обороне.

И вот тут нам пригодился опыт, накопленный на Калининском фронте. Как и осенью сорок второго, мы расставили круглосуточные посты, которые, выбрав укрытие на подступах к селению или домик на окраине, откуда открывался хороший обзор местности, внимательно наблюдали, не появятся ли непрошеные гости.

Эти посты очень помогли нам. За короткий срок они выловили несколько фашистских шпионов. Надо сказать, что для

разведки Канариса был характерен некоторый шаблон. Шпионы почему-то непременно переодевались в советскую летную форму. Как правило, при них были радиопередатчики в походных сумках. Гитлеровцам так и не удалось засечь место дислокации нашей армии.

На новом месте у нас побывало несколько делегаций тружеников тыла. Первыми приехали вологодские колхозники. За годы войны к нам приходили танковые колонны, построенные на средства трудящихся Дагестана и Днепропетровской области, рыбаков Приморья и наших зарубежных друзей – монголов.

Вскоре после того, как мы обосновались в Обояньском районе, приехала к нам делегация трудящихся Монгольской Народной Республики. С ними связи были особые. Дело в том, что наша 112-я гвардейская танковая бригада одновременно носила название «Революционная Монголия». Все боевые машины, входившие в ее состав, были построены на средства, собранные трудящимися МНР. Поэтому и танки бригады носили имена выдающихся людей монгольского народа – «Сухэ-Батор», «Чойболсан» и др.

Бригада входила в состав 6-го танкового корпуса, которым командовал генерал А. Л. Гетман. Встречи делегатов-монголов с воинами-танкистами проходили в исключительно теплой обстановке. Бойцы гвардейских экипажей рассказывали делегатам, как воевали, сколько уничтожили гитлеровцев и боевой техники врага. Приводили примеры непревзойдённого мужества гвардейцев в кровопролитных схватках с численно превосходящим врагом.

Обменивались подарками. Делегация привезла нам дары монгольских охотников – несколько вагонов, нагруженных до отказа тушами диких кабанов и пустынных антилоп – дзереней. Танкисты в свою очередь подарили делегатам свои изделия: кинжалы, клинки, сделанные с большим вкусом и мастерством из отличной рессорной стали, а также трубки для курения.

После этой памятной встречи друзья монголы не забывали нас. Еще раз приезжали на фронт, но уже не на тихую речку Псел, а за могучий Днепр. Было это в феврале сорок четвертого года, воевали мы тогда в районе города Казатин. Делегацию во второй приезд возглавлял товарищ Самбу.

Вернемся, однако, к делам курским, чисто военным. Когда мы продвигались железнодорожными эшелонами с северо-запада под Курск, наша танковая армия находилась в резерве Ставки Верховного Главнокомандования. По прибытии на место нас передали в распоряжение Воронежского фронта, войсками которого командовал генерал армии Николай Федорович

Ватутин.

В Обояньском районе мы стояли во втором эшелоне, а в первом находилась 6-я гвардейская армия старого знакомого генерал-лейтенанта Ивана Михайловича Чистякова. Вместе с ним сражались мы на реке Лама. В памяти танкистов 1-й гвардейской бригады были еще свежи смелые, дерзкие действия морских пехотинцев, возглавляемых Иваном Михайловичем. Снова свели нас фронтовые дороги.

Ну, а коли ты прибыл на новый участок фронта и встал с войсками во второй эшелон, значит, жди – не сегодня, так завтра обязательно скажут: «Вам, товарищи, до боя еще далеко, и, пока есть время, извольте внести свой вклад в общее дело, в нашу оборону. Развивайте, оборудуйте на своем участке дополнительную оборонительную полосу».

В те дни и я, и Попель, и командиры корпусов Гетман и Кривошеий не засиживались подолгу в блиндажах своих командных пунктов. Собирали офицеров, вплоть до ротных и взводных командиров, выезжали с ними на рекогносцировку, изучали по разным направлениям всю округу. Выверяли каждый рубеж с точки зрения и наиболее выгодного расположения частей и подразделений, и многослойной системы огня, и естественных и искусственных препятствий. Намечали места огневых точек.

К сожалению, боевым частям не удалось по-настоящему отдохнуть при переезде на новый участок фронта. Минувшая зима и весенняя распутица крепко измотали танкистов и бойцов мотострелковых подразделений. Первоочередные окопные работы под Обоянью тоже отняли немало сил. Но на новой оборонительной полосе воины в самый короткий срок выполнили свою первую предбоевую задачу.

Все это время, пока мы стояли во втором эшелоне, меня беспокоила мысль, что наша армия еще не оформлена в достаточной степени организационно. Ведь она прибыла в Обояньский район в ином составе, чем была на Северо-Западном фронте. Она как будто освободилась от несвойственных ей «довесков», выкристаллизовалась в подлинно танковую. Но вместе с тем в ее составе оставались четыре танковых полка, которые никак не вписывались в новую организационную структуру.

Раньше, на северо-западе, на отдельные танковые полки возлагались задачи непосредственной поддержки наступающей пехоты. Эти полки должны были действовать в боевых порядках десантников и лыжников. А какова роль этих полков в новой обстановке, при решении других задач? С кем они будут взаимодействовать? Смогут ли отдельные танковые полки вести

бой самостоятельно, как любая танковая бригада? Нет. Это им не по силам, хотя бы по той причине, что в составе полков нет пехоты, полевой артиллерии, минометов. Так что же все-таки будут делать эти несовершенные танковые части, когда огневой шквал охватит Курскую дугу?

Несколько дней и ночей мы дебатировали этот вопрос. Самое простое предложение – отдать отдельные танковые полки в распоряжение какой-либо полевой армии – было решительно отвергнуто. Зачем же нам терять значительное количество боевых машин, которыми, кстати сказать, мы были не так богаты.

В блиндажных дебатах возникла и окрепла другая мысль. Она захватила и меня, и Попеля, и Шалина, и Никитина, и Дынера. Нельзя ли на базе четырех отдельных танковых полков и имевшейся у нас 100-й отдельной танковой бригады создать еще один полнокровный, способный самостоятельно выполнять большие задачи танковый корпус? Все мы считали, что для танковой армии и для общего дела это оказало бы серьезную помощь.

Продумали во всех деталях, как превратить 100-ю бригаду и четыре танковых полка в корпус, и обратились в штаб Воронежского фронта с просьбой поддержать наше предложение. Но, вероятно, там и без нас забот хватало, поэтому к нашему предложению отнеслись прохладно.

Помог Георгий Константинович Жуков, находившийся в это время в штабе Воронежского фронта. Позвонили ему и изложили свои соображения. Он внимательно выслушал нас и сказал:

– Предложение стоящее. Я – за. Но, учтите, все сам решить не могу. Обратитесь, товарищ Катуков, к Сталину. Если спросит мое мнение, скажите, что я целиком и полностью поддерживаю ваш проект.

В тот же день я позвонил по ВЧ Верховному. Вызвал Васильева (так по коду именовался тогда Сталин). По этому же коду Жуков был Юрьевым, а я – Ефимовым.

И вот в трубке хорошо знакомый голос с кавказским акцентом. Докладываю свое предложение.

Сталин спросил, какие еще силы мы думаем выделить на формирование нового корпуса. Я доложил, что мы решили взять временно из наших уже сложившихся и воевавших корпусов по одной мотострелковой роте и передать вместо обычных мотострелковых батальонов каждой бригаде для нового корпуса. Из армейских резервов сумеем выделить немного средств связи, а вот мотострелковую бригаду, мотострелковые батальоны, артиллерию, минометы, транспорт и средства связи просим дать Ставку.

Сталин внимательно выслушал меня и одобрил наше предложение. А на прощание сказал:

– Действуйте. Желаю удачи.

На другой день мы получили директиву о формировании 31-го танкового корпуса. В той же директиве были указаны номера бригад (237-я, 242-я), создаваемых на базе танковых полков, и номера других корпусных частей. Прошло еще несколько дней, и мы получили печати и штампы для штабов и частей нового танкового корпуса.

Начали, как водится, с подбора командных кадров. Командиром 31-го танкового корпуса был назначен генерал-майор танковых войск Дмитрий Хрисанфович Черниенко – опытный, бывалый танкист. Раньше он командовал 49-й танковой бригадой и в боях показал себя прекрасным организатором, смелым, волевым военачальником, способным сохранять присутствие духа в самой неблагоприятной обстановке. Заместителем командира корпуса по политической части был назначен полковник Леонид Васильевич Попов, тоже боевой товарищ, дельный политработник. Начальником штаба корпуса стал полковник Володин.

Поскольку Черниенко ушел на корпус, надо было кого-то срочно выдвинуть на должность командира 49-й танковой бригады. Сошлись в едином мнении – пора назначить на бригаду нашего выдающегося танкиста, геройски сражавшегося во всех боях 1-й гвардейской танковой бригады, подполковника Александра Федоровича Бурду. Он к этому времени с прежней сноровкой, изобретательно, с неугасимым боевым задором командовал танковым полком. Командиром 100-й танковой бригады остался полковник Николай Михайлович Иванов, 237-й бригадой стал командовать майор Николай Петрович Проценко, а 242-й – подполковник Виктор Петрович Соколов.

31-й корпус мы вскоре сформировали, но мотострелковую бригаду, мотострелковые батальоны, артиллерию, минометы, транспорт и средства связи, которые должна была дать Ставка, к началу боев на Курской дуге получить не успели. Таким образом, 31-й начал воевать, значительно уступая в огневой мощи другим нашим корпусам.

Но все же к началу июльских боев армия представляла собой мощное объединение: кроме уже упомянутых трех корпусов в нее входили 8-я зенитно-артиллерийская дивизия, 79-й гвардейский минометный полк, 385-й авиаполк связи, 83-й полк связи, 72-й и 267-й мотоинженерные батальоны, 35-й автотранспортный полк и другие части.

Поскольку разговор зашел об огневой мощи танковой армии,

несколько слов об одном боевом новшестве. К лету 1943 года наша промышленность наладила производство подкалиберных снарядов. Правда, для начала мы получили этих снарядов не так много: всего по пять штук на действующий танк. Но и это было для нас немалым подспорьем. Тем более, мы знали, что у гитлеровцев появились новые танки T-VI «Тигр» и T-V «Пантера», обладающие мощной броней и вооружением. Так, «Тигр» имел 80-миллиметровую броню, а в лобовой части даже 100-миллиметровую, вооружен был 88-миллиметровой пушкой, способной пробивать броню основных советских танков. Разве не заманчиво ударить по ним, прошить фашистскую броню советскими подкалиберными снарядами? Хотя и полученные малой толикой, новые снаряды в какой-то мере влияли на боевой дух воинов-танкистов.

В эти дни мы продолжали инженерное оборудование полосы обороны армии. Через луга, перелески, по поймам речек протянулись траншеи, ходы сообщения. Соорудили мы также в достатке капониры, дзоты, блиндажи, раскинули на 60-километровом фронте сеть искусственных препятствий. Занялись по-серьезному боевой и политической подготовкой, тесно увязывая ее с событиями, назревающими на нашем участке фронта.

Куда ни приедешь – в танковый экипаж, на артиллерийскую позицию, к мотострелкам, будь то утром, днем или ночью, – всюду видишь у бойцов фотографии фашистских «Пантер» и «Тигров». И вокруг этих фотографий – бесконечные разговоры, горячие споры об уязвимых местах фашистских танков. Опытные мастера танкового огня объясняют, куда, по какому узлу фашистской машины выгоднее стрелять, метать гранаты с тем. чтобы подбить ее, поджечь, прежде чем она обрушится огнем и гусеницами на наши позиции.

Побывали мы с Н. К. Попелем у командующего 6-й гвардейской армией Ивана Михайловича Чистякова. Командный пункт его располагался в селении, утопающем в фруктовых садах. В уютном садочке под яблонькой и встретились мы с Иваном Михайловичем. Договорились, как и полагается, о совместных действиях, причем не только в бою, но и на учениях пехотных частей 6-й гвардейской армии с нашими танкистами.

На том же КП встретился я с другом командирской молодости, с начальником штаба 6-й гвардейской армии генерал-майором В. А. Пеньковским. Вспомнили двадцатые годы, полигоны Витебской области, совместные походы, тактические учения. Пеньковский командовал тогда артиллерийским дивизионом, а под моим началом находилась полковая школа,

часто выполнявшая на полевых учениях задачи стрелкового батальона.

Взаимодействовали мы четко, на разборах хвалили нас. Особенно ревностно добивались непрерывной увязки артиллерийского огня с наступательными действиями пехоты, что так необходимо в бою.

Договорились на совместных учениях отработать возможные варианты проведения контрударов и контратак, части на эти занятия поднимать ночью по тревоге.

Стали проводить совместные учения. Обычно стрелки 6-й гвардейской армии занимали в окопах оборону, а наши танкисты атаковали их. Так называемая «обкатка пехоты» помогала преодолеть танкобоязнь. Право, великое дело для человека, готовящегося к жестоким боям, раз-другой пережить то острое, леденящее душу чувство, когда над окопом, в котором он укрылся, проползет, скрежеща гусеницами, тяжелый танк. Переживет солдат такое на занятиях – и на поле боя будет чувствовать себя спокойнее, увереннее.

Каждый день с утра Попель, я, заместитель командующего, начальник артиллерии уезжали в войска. Проверяли, как идет процесс сколачивания подразделений и частей. Экипажи учились метко стрелять из танка, стоящего в окопе или движущегося на противника. Много внимания уделяли вопросам взаимозаменяемости в экипажах. Частыми гостями мы были во вновь сформированном 31-м танковом корпусе. Шалин и Никитин оставались в штабе. У них было столько оперативной работы, что и без сна в сутки не уложишься. Замечу, что штаб наш стал гибким, надежным органом управления. Офицеры-пехотинцы, что пришли к нам на северо-западе, в достаточной степени овладели танковым делом, на них вполне можно было положиться в самых сложных ситуациях танкового боя.

Шел июнь, сухой, знойный. Мы продолжали увязывать свои действия с другими родами войск. Пригласили к себе в Успенов командиров двух авиационных корпусов – истребительного и штурмового, призванных прикрывать танковую армию с воздуха. Вместе с ними приехала большая группа офицеров, вплоть до командиров эскадрилий.

Договорились обо всем, вплоть до того, где будут находиться авиационные командиры во время боевых действий, и как будет обозначен передний край наземных войск. Последнее было особенно важно. Случалось, что авиаторы по ошибке штурмовали свои войска. Нередко летчиков путали наземные тыловые части, взявшие за правило выкладывать перед своим «хозяйством» опознавательные полотнища. Заботясь о собственной

безопасности, они не задумывались над тем, что подводят действующие впереди войска. Пришлось принять к таким сверхосторожным тыловикам строжайшие меры.

Договорились мы обо всем с авиаторами, пообедали за дружеским столом и разъехались. А 4 июля…

Впрочем, прежде чем перейти к описанию Курского сражения, следует обрисовать предшествующую ему довольно сложную оперативную обстановку.

Правда, и сама Курская битва, и подготовка к ней уже получили в нашей литературе весьма широкое и многостороннее освещение, поэтому буду предельно кратким. Остановлюсь лишь на таких моментах, которые помогли бы читателю лучше разобраться во фронтовых перипетиях, на фоне которых развертывались боевые действия 1-й танковой армии.

Прежде всего напомню, что после успешных наступательных операций зимней кампании 1942/43 года советские войска отбросили основательно потрепанные гитлеровские полчища от Курска не менее чем на 100 километров. Так образовался далеко выдвинувшийся на запад Курский выступ.

Рассматривая предысторию Курской битвы, ни в коем случае нельзя сбрасывать со счета и некий психологический фактор. Потерпев к этому времени два крупнейших поражения – под Москвой и Сталинградом, – гитлеровцы не теряли надежды во что бы то ни стало взять реванш, как-то поправить свое пошатнувшееся положение. Замечу, тогда они были еще достаточно сильны, чтобы вынашивать новые наступательные планы, причем построенные не на песке, а реально подкрепленные огромной военной силой.

Понятно, что после тяжелых потерь гитлеровцам уже не приходилось рассчитывать на грандиозное наступление по всему советско-германскому фронту, как это было в 1941 году. Но они лелеяли надежду добиться коренного перелома в войне, обрушив на нас мощные удары на одном или двух решающих направлениях.

Гитлеровские генштабисты разработали и подготовили новую наступательную операцию, названную, как потом стало известно, «Цитадель». Готовя ее, фашисты создали две крупные группировки у основания Курского выступа, планируя нанести два встречных удара на Курск, окружить и уничтожить оборонявшиеся здесь войска Центрального и Воронежского фронтов. В дальнейшем они намеревались развить успех в юго-восточном направлении, разгромить советские войска в Донбассе и изменить ход войны в пользу фашистской Германии.

Фашисты провели тотальную мобилизацию, значительно

пополнили людьми и боевой техникой войска, занимавшие Курский выступ. У гитлеровцев в большом количестве появились новые мощные танки T-VI «Тигры», T-V «Пантеры» и самоходные артиллерийские установки «фердинанды». На внезапные и массированные удары танковых соединений на узких участках фронта фашисты и делали ставку.

Плотность боевых порядков у немцев на Курской дуге была исключительно высокой. Они сосредоточили здесь до 900 тысяч солдат и офицеров, 10 тысяч орудий и минометов, 2700 танков и самоходных артиллерийских установок и около 2 тысяч самолетов. Подготовка гитлеровцами операции «Цитадель» не была для нашего командования неожиданностью. Мы были проинформированы, что противник не позднее чем в первых числах июля начнет активные действия на Курском выступе, и основательно подготовились к этому.

Наши войска согласно плану Ставки Верховного Главнокомандования должны были перейти к преднамеренной обороне, предоставив гитлеровцам возможность наступать первыми. Обороняясь, мы могли нанести врагу большие потери в живой силе и технике, а потом сами перейти в решительное наступление.

В ночь на 5 июля мне, как, наверное, и всем, кто знал о готовящемся наступлении противника, не спалось. Движимый смутной внутренней тревогой, я вскочил и взглянул на часы: они показывали половину третьего.

Я торопливо умылся, оделся и вышел на улицу. Трава серебрилась росой. Из-за крыш лениво выкатывалось солнце, перечеркнутое узкой полосой лиловой тучки. В садах состязались в сольном искусстве птицы. Казалось, тишина и покой незыблемы и вечны, и не верилось, что пройдет какой-нибудь час-другой, и эта тишина русской деревни, утопающей в яблоневых садах, взорвется грохотом канонады и ревом моторов.

В штабной избе Шалин и Никитин уже склонились над рабочим столом. Поздоровались.

– Что нового? – спросил я.

– Новости есть, – ответил Михаил Алексеевич, снимая очки. – Из штаба фронта сообщили, что вчера к нам перебежал солдат-сапер, по национальности словак. На допросе он показал, что их часть получила приказ сегодня ночью разминировать проходы в полосе заграждений.

– Но, может, это обычный провокационный трюк немецкой разведки?

– Вполне возможно. Хотя нужно принять во внимание события вчерашнего дня. Вчера в 16 часов 10 минут гитлеровцы

нанесли по позициям боевого охранения 6-й гвардейской армии сильный авиационный и артиллерийский удар, после чего два пехотных полка противника при поддержке 80 танков перешли в наступление. Врагу не удалось сбить наше боевое охранение. В 22 часа 30 минут советская артиллерия провела мощную контрподготовку.

– Да, – согласился я. – У штаба фронта есть все основания серьезно отнестись к показаниям пленного. Вчера немцы явно предприняли усиленную разведку боем. Теперь с часу на час жди событий.

– Судя по всему, – вмешался в разговор обычно молчаливый Никитин, – наш «отпуск» кончился.

Естественно, меня, как и всякого командира, перед крупным наступлением врага больше всего волновал вопрос: где, на каком направлении противник нанесет главный удар, где нужно будет сосредоточить основные силы армии? О том, что, вероятнее всего, его следует ожидать в полосе обороны 6-й гвардейской армии П.М. Чистякова, мы уже знали – предупредил фронт. Но где конкретно? Ведь эта полоса занимала 66 километров! Мы пришли к выводу, что ость четыре наиболее вероятных направления: Суджа – Обоянь, Ракитное – Обоянь, Белгород – Обоянь, Короча – Обоянь. На этих направлениях мы отрыли окопы для танков и пехоты – настоящие и ложные. Впоследствии мае в руки попала трофейная ненецкая карта, где тщательно были нанесены наши позиции… но только ложные. Противнику так и не удалось разгадать систему нашей обороны.

Итак, откуда же противник нанесет удар? Какие задачи он ставит своим войскам? Уже после войны, когда были опубликованы секретные документы вермахта, мы узнали, что гитлеровское командование следующим образом сформулировало задачу своим частям, занимавшим оборону севернее Белгорода: «…3. Группа армий «Юг» сосредоточенными силами наносит удар с рубежа Белгород – Томаровка, прорывает фронт на рубеже Прилепы – Обоянь, соединяется у Курска и восточнее его с наступающей армией группы армий «Центр»…».

Но в то летнее июльское утро мы не знали этого приказа, хотя, разумеется, догадывались, что 1-й танковой придется выполнять роль бронированного щита на направлении главного удара.

Мне принесли несколько документов. Не успел я их подписать, как послышался грозный, нарастающий гул авиамоторов. Мы вышли на улицу. Самолеты шли большими группами на юго-запад.

– Не менее трех авиадивизий, – определил Шалин, любивший

во всем точность и определенность. – Красовский приступил к работе.

Со стороны переднего края послышались канонада, взрывы бомб. А вскоре позвонили из штаба фронта и сообщили, что командование приняло решение нанести по врагу упреждающий удар. Судя по непрерывному гулу, от которого даже здесь, за 35 километров от передовой, дребезжали стекла. Это был мощный огневой удар. Пленные показали потом, что артиллерийская контрподготовка нанесла войскам, занявшим исходное положение, существенный урон. Были накрыты скопления пехоты и танков. В воздух взлетели склады боеприпасов и горючего. Наступление противника было задержано.

С этой минуты фронт непрерывно информировал нас об обстановке на участках 6-й и 7-й армий. Примерно четверть седьмого раздался звонок начальника штаба Воронежского фронта генерала С. П. Иванова.

– Противник, – сообщил он Шалину, – перешел в решительное наступление. Он наносит главный удар с рубежа Бутово, Раково на север.

Итак, решительная минута, которую ждали все, начиная от рядового красноармейца и кончая высшим командованием Красной Армии, наступила.

Мы развернули карту. Было видно, что основной удар противника пришелся по боевым позициям 67-й и 52-й гвардейских стрелковых дивизий, которым были переданы наши артиллерийские части и 1-я гвардейская танковая бригада.

– Совершенно очевидно, что противник намерен вырваться на Обояньское шоссе, – сделал вывод начальник штаба. – Он пытается мощным танковым тараном пробить нашу оборону.

– Это излюбленная тактика Манштейна, – заметил Никитин. – Тот же прием он пытался применить под Сталинградом.

Я приказал Шалину разослать в корпуса офицеров связи, чтобы оповестить командиров о начале наступления и привести части в состояние боевой готовности. Вслед за этим и сам решил объехать войска. Я не сомневался, что ждать боевого приказа нам придется недолго.

У крыльца хаты меня уже ждала легковая машина. За рулем ее сидел здоровенный украинец сержант Иван Кравченко. Рост он имел около двух метров и был необыкновенно силен. Машину Кравченко водил мастерски, а если она застревала, то он наваливался на задок плечом и выталкивал ее из колеи.

Каждому командиру хорошо известно состояние внутреннего возбуждения перед началом крупной операции. Вроде продумано и предусмотрено все. Завезено необходимое количество

боеприпасов и горючего, развернуты мастерские и госпитали, подготовлены основные и запасные полиции, обучены войска, разведаны все дороги, изучены все мосты и броды…

И все-таки… Не упущена ли какая-нибудь мелочь, которая потом в боевой обстановке обернется крупными неприятностями, а то и непоправимой бедой?

Правда, мне повезло с начальником штаба Михаилом Алексеевичем Шалиным. До войны он работал военным атташе в Токио. Это был необычайно работоспособный, точный и аккуратный до педантизма штабист. Бывало, в какое время ни заглянешь в штаб, он всегда за столом. Поглаживает бритую голову и что-то колдует над картоном или бумагами. Я мог всегда положиться на него: Шалин все предусмотрит, ничего не упустит.

Я объехал корпуса, уже поднятые по боевой тревоге. Здесь шли последние приготовления к бою. Проверялась материальная часть, проводились митинги, партийные собрания. Всех командиров еще раз предупредил о необходимости соблюдения маскировки.

– Появление первой танковой за позициями шестой армии должно быть для противника сюрпризом, – говорил я. – Примите все меры для скрытного передвижения.

После обеда, объехав корпуса, вернулся на КП в Успенов. Здесь пока еще жили по-мирному. В штабном клубе показывали «Выборгскую сторону». Не успел просмотреть и несколько частей, как офицер связи вызвал меня к ВЧ. На проводе был командующий фронтом генерал Ватутин.

Поздоровавшись и коротко расспросив о состоянии дел в армии, он приказал 5 июля к 24 часам 1-й танковой выдвинуться на вторую полосу оборону 6-й гвардейской армии.

– Действуйте по варианту номер три, – закончил Ватутин.

Вариант номер три означал, что 6-му танковому корпусу следовало занять рубеж Меловое (16 километров юго-западнее Ивни), Раково, Шепелевка; 3-му механизированному – рубеж Алексеевка, Яковлево; 31-му танковому расположиться во втором эшелоне за первыми двумя корпусами, в центре, в затылок им.

В штабной комнате уже собрались Шалин, Никитин, Соболев. Все смотрели на меня вопросительно.

– Все, товарищи, – сказал я. – «Отпуск» действительно кончился. Приказано занять рубеж обороны. Разъезжайтесь по частям. Нужно своевременно и точно обеспечить выполнение приказа фронта.

Село сразу ожило, захлопали двери, заревели моторы. Офицеры связи на машинах, на мотоциклах отправились в войска.

Мы остались с Шалиным вдвоем. Я попросил его проинформировать меня о последних событиях в полосе 6-й гвардейской армии. Выяснилось, что положение складывается тревожное. К исходу дня 5 июля противник потеснил 67-ю и 52-ю гвардейские дивизии, а также вынудил в некоторых местах отступить части 71-й гвардейской дивизии. Гитлеровцы вышли на рубеж Красный Починок – Ярки – Дмитриевка – Ольховка – Козьмо-Демьяновка, вклинившись в расположение 6-й гвардейской армии на 4–6 километров. Пользуясь превосходством в силах, противник форсировал Северный Донец в полосе обороны 7-й гвардейской армии и захватил небольшие плацдармы на правом берегу реки.

– Каково положение у Бурды? – спросил я Шалина.

– Трудно понять. Донесения противоречивые. Он доносит о сожженных и подбитых танках противника. Одновременно сообщает и о крупных потерях бригады. Судя по всему, положение тяжелое.

Я представил себе крепкую, коренастую фигуру Бурды, его спокойное лицо. Неужели этот прирожденный солдат, сумевший выйти живым даже из такой невероятной ситуации, когда снаряд попал в канал ствола пушки и разорвался внутри танка, – неужели на сей раз он спасует перед врагом? Неужели Бурда, так искусно воевавший на многих участках советско-германского фронта, дрогнет, отступит? В это не верилось. Вероятно, в том и состоит притягательная сила героя, что веришь – он выйдет из любого безвыходного положения. Поэтому, наверно, они так и любимы.

Из дальнейшей беседы с М. А. Шалиным выяснилось, что непосредственно против нашей армии наступает 48-й танковый корпус, в состав которого входят моторизованная дивизия «Великая Германия», 3-я, 11-я танковые и 332-я пехотная дивизии, танковая дивизия «Адольф Гитлер» 2-го танкового корпуса СС.

В полосе обороны 5-го и 2-го гвардейских танковых корпусов действовали танковые дивизии СС «Мертвая голова», «Райх» и 167-я пехотная.

Уже сам факт, что гитлеровское командование бросило на обоянское направление свои отборные танковые дивизии, свидетельствовал о том, какое значение придавали в штабе вермахта этому участку наступления.

Со всей ответственностью я понял: нам предстоят серьезные испытания.

Мой КП перебазировался на новое место, неподалеку от села Зоринские Дворы. Вместе с начальником оперативного отдела и группой охраны я двинулся вслед за танковыми частями, которые

в это время с потушенными фарами пробирались по глухим дорогам, балками, перелесками на передовые позиции.

Уже смеркалось, когда наша штабная группа приближалась к месту назначения. Движение по Обояньскому шоссе было интенсивным. Нас обгоняли бесчисленные грузовики с боеприпасами, продовольствием; навстречу ползли санитарные летучки. Раненые – первый и наиболее красноречивый признак близости передовой.

Но не только степь кипела фронтовой тревожной жизнью. Беспокойно было и в небе. Где-то впереди слышался густой гул авиационных моторов. В вечернем небе, озаренном пожарами, мелькали самолеты – наши и противника. Скрещивались зеленоватые пунктиры трасс пулеметов и пушек. То там, то здесь вспыхивали желтые, голубоватые, розовые люстры ракет. Возможно, это наши авиаторы освещали места скопления танков и пехоты противника. Несмотря на быстро приближающуюся ночь, битва на земле и в воздухе продолжалась.

Лесистой тропой нас провели на КП. Он располагался в овраге, густо поросшем орешником. Здесь, как выяснилось, незадолго до нашего приезда располагался командир 3-го механизированного корпуса генерал С. М. Кривошеин со своим штабом. Стояли они в этом месте недолго, так что как следует не успели обжить свой командный пункт. Наспех собранные избушки, рядом землянки в один накат. Совершенствовать полевое жилье и рабочие места предстояло новым хозяевам. Связь с выдвинувшимися корпусами уже была установлена.

Командиры доложили, что они точно в срок заняли боевые позиции. То же самое подтвердили штабные офицеры, возвратившиеся из частей.

Таким образом, 1-я танковая армия к 24 часам 5 июля оседлала наиболее танкоопасное направление – автостраду Симферополь – Москва – в районе села Яковлеве. Не успел я освоиться с новым КП, как пришел еще один приказ фронта. Мы не должны были ни при каких обстоятельствах допустить прорыва противника на Обоянь и к рассвету 6 июля подготовить контрудар в общем направлении на Томаровку.

Вскоре на КП появился командующий 6-й гвардейской армией генерал Иван Михайлович Чистяков. Я никогда не видел его таким мрачным.

– Черт знает что! – говорил он. – По сто – двести танков прут и прут! «Тигры»… «Пантеры»… Не успеешь заделать брешь в одном участке – лезут на другом. Нет, такого я еще не видел! А какие у нас солдаты! Какие солдаты! Гвардейцы! Настоящие гвардейцы! И то не выдержали! Отступили. – Он вытер платком

почерневшее усталое лицо: – Но окружить нас этим гадам не удалось! Чего захотели! Поймать в мешок моих гвардейцев!

Я пытался, как мог, успокоить командарма. Да и положение его вовсе не было трагическим. Действительно, дивизии первого эшелона под натиском более сильного противника отошли. Но какому военному человеку непонятно, что как ни велика храбрость, организованность, поиск, как ни искусно командование, что можно поделать, если противник во много раз превосходит тебя в силах! Примерно эти соображения я и высказал Ивану Михайловичу. Я понимал, что это слабое утешение для командарма, который привык, и не без основания, гордиться замечательными боевыми традициями своей армии.

Как ни странно, но даже командарму порой трудно правильно оценить действия своих войск. Ведь эти действия – только малая толика в общей картине битвы, которая развертывается, скажем, в масштабах фронта, а иногда даже нескольких фронтов. Тут истинную роль армии, степень выполнения ею поставленной задачи может правильно оценить только высшее командование. Я был рад услышать впоследствии, что командование Воронежского фронта считало, что 6-я гвардейская выполнила поставленную перед ней задачу. Она хотя и отошла, но отошла организованно на заранее подготовленный рубеж, нанеся гитлеровцам огромные потери.

Только мы расстались с Чистяковым, как мне доложили, что на КП прибыл Александр Федорович Бурда. Мы в это время с Шалиным и Никитиным готовили боевой приказ на следующий день.

Бурда переступил порог избы, еле держась на ногах. Небритое лицо его было черным от копоти и усталости. Гимнастерка в пятнах пота. Сапоги в пыли. Таким мы его еще не видели. Он было поднес руку к шлему. Но я шагнул ему навстречу, обнял и усадил на скамейку:

– Ну, рассказывай по порядку.

Он облизнул пересохшие губы, попросил разрешения закурить. Глубоко затянувшись, начал:

– Товарищ командующий, потери…

– Без потерь на войне…

– Нет, таких не было…

Странно было слышать все это от такого командира, как Бурда.

– Ну, а каковы потери? – тут же вмешался Шалин. – Желательно знать цифры.

– О цифрах потом, – махнул я рукой. – Рассказывай, Александр Федорович.

И Бурда стал рассказывать. На их участке противник атаковал непрерывно. По пятьдесят – сто танков шли. Впереди «Тигры», «Пантеры».

– А с ними трудно, товарищ командующий. Бьешь по ним, а снаряды рикошетом отлетают.

– Ну и каковы результаты боя?

– Потери… Ужасные потери, товарищ командующий… Процентов шестьдесят бригады.

Можно было понять состояние Бурды. Незадолго до начала боев он принял бригаду. Это был его первый бой как комбрига. И вдруг такой непривычный исход: ведь обычно он умел воевать малой кровью, как говорили тогда. Брал противника хитростью…

Я попросил Шалина дать донесение, где значился боевой счет 49-й танковой бригады. Немецкие потери значительно превышали потери бригады Бурды.

Я поднялся и пожал руку комбригу.

– Считай, что ты выполнил задачу. Главное, вы выстояли, не отступили. А сейчас иди к ремонтникам, поторопи их. Пусть поскорей восстанавливают машины. Я уверен, что на них вы еще будете воевать по-гвардейски.

Всю ночь 1-я танковая готовилась к предстоящим боям. В частях шли партийные и комсомольские собрания. Политработники в эту ночь не сомкнули глаз. Было совершенно очевидно, что для 1-й танковой наступили горячие дни.

Нас ободряло то, что командование фронта, сразу оценив серьезность положения на обояньском направлении, слева от нас выдвинуло еще два танковых корпуса – 2-й гвардейский генерала А. С. Бурдейного и 5-й гвардейский генерала А. Г. Кравченко. Правда, связаться с ними по радио нам не удалось, пришлось направить офицеров связи. Таким образом, вопросы взаимодействия были согласованы.

В три часа ночи противник возобновил атаки в полосе 6-й армии. Главный удар он наносил по-прежнему из района Томаровки на двух узких участках: южнее Коровино – Черкасское и Стрелецкое – Ерик; вспомогательный – из района Белгорода на Корочу. В воздухе непрерывно висели самолеты. Пыль заволокла рассветное небо. Казалось, наступило затмение солнца. Впереди стальным щитом двигались «Тигры» и «Пантеры», за ними легкие танки. Позади пехота на бронетранспортерах. Да, Никитин был прав: немецкое командование стремилось одним массированным ударом протаранить нашу оборону.

Утром противнику удалось потеснить части 52-й, 67-й и 71-й гвардейских стрелковых дивизий. Но гитлеровское командование не знало, что, закопанные на взгорках, спрятанные в стогах сена,

на опушках перелесков его ждут танки пашей армии. О том, что нам удалось втайне от врага выдвинуться в боевые порядки 6-й гвардейской армии, подтвердили потом пленные.

Я уже говорил, что командующий Воронежским фронтом принял решение нанести мощные контрудары но вклинившемуся в оборону 6-й гвардейской армии противнику силами 1-й танковой армии, 2-го и 5-го гвардейских танковых корпусов. Нашей армии ставилась задача – 6 июля нанести контрудар в общем направлении на Томаровку.

Этот пункт приказа очень волновал нас. И не потому, что пугали большие по масштабам наступательные действия.

К этому времени в 1-й танковой сложилось общее мнение, что наносить танковым бригадам и корпусам контрудар при сложившейся обстановке просто нецелесообразно.

Ну хорошо, мы двинемся на немцев… Но что из этого получится? Ведь их танковые силы не только превосходят наши численно, но и по вооружению обладают значительным преимуществом! Этого никак не сбросишь со счета. Вражеские «Тигры» могут бить из своих 88-миллиметровых орудий по нашим машинам на расстоянии до 2 километров, находясь в зоне недосягаемости огня 76,2-миллиметровых пушек наших тридцатьчетверок. Словом, гитлеровцы в силах и с дальних рубежей вести с нами успешный огневой бой. Так следует ли давать им в руки такой сильный козырь? Не лучше ли в этих условиях повременить с контрударом, делать по-прежнему ставку на нашу тщательно подготовленную глубоко эшелонированную оборону?

Пусть фашисты лезут вперед в надежде, что вот-вот им удастся вырваться на оперативный простор. Пусть гитлеровцы вязнут, гибнут в нашей обороне. А мы тем временем будем перемалывать вражескую технику и живую силу. А когда мы обескровим их части, разобьем фашистский бронированный кулак, тогда и созреет выгодный момент для нанесения могучего контрудара. Но пока такой момент не наступил.

Эти соображения мы доложили командующему фронтом. Ждали ответа, но не получили его и к исходу ночи. А между тем срок выполнения пункта приказа о контрударе наступил, и нам ничего не оставалось, как выдвинуть танки.

Скрепя сердце я отдал приказ о нанесении контрудара. И степь, минуту назад казавшаяся безлюдной, пустынной, наполнилась гулом сотен моторов. Из-за укрытий выползли тридцатьчетверки и, на ходу перестраиваясь в боевой порядок, ринулись на врага. За танками двинулись цепи пехоты.

Я чувствовал себя неспокойно. Для меня, как я уже говорил,

не было секретом, что 88– миллиметровые орудия «Тигров» и «фердинандов» пробивают броню наших танков с расстояния 2 километров. Вряд ли в этом случае тридцатьчетверки смогут выиграть бой в открытом огневом состязании. Но есть недостаток и у тяжелых танков врага – плохая маневренность. Вот этот недостаток можно прекрасно использовать при засадах. Пока стальная громада развернет башню, легко маневрирующая тридцатьчетверка может произвести несколько прицельных выстрелов.

Уже первые донесения с поля боя под Яковлевом показывали, что мы делаем совсем не то, что надо. Как и следовало ожидать, бригады несли серьезные потери. С болью в сердце я видел с НП, как пылают и коптят тридцатьчетверки.

Нужно было во что бы то ни стало добиться отмены контрудара. Я поспешил на КП, надеясь срочно связаться с генералом Ватутиным и еще раз доложить ему свои соображения. Но едва переступил порог избы, как начальник связи каким-то особенно значительным тоном доложил:

– Из Ставки… Товарищ Сталин.

Не без волнения взял я трубку.

– Здравствуйте, Катуков! – раздался хорошо знакомый голос. – Доложите обстановку!

Я рассказал Главнокомандующему о том, что видел на поле боя собственными глазами.

– По-моему, – сказал я, – мы поторопились с контрударом. Враг располагает большими неизрасходованными резервами, в том числе танковыми.

– Что вы предлагаете?

– Пока целесообразно использовать танки для ведения огня с места, зарыв их в землю или поставив в засады. Тогда мы могли бы подпускать машины врага на расстояние триста-четыреста метров и уничтожать их прицельным огнем.

Сталин некоторое время молчал.

– Хорошо, – сказал он наконец. – Вы наносить контрудар не будете. Об этом вам позвонит Ватутин.

Вскоре командующий фронтом позвонил мне и сообщил, что контрудар отменяется. Я вовсе не утверждаю, что именно мое мнение легло в основу приказа. Скорее всего, оно просто совпало с мнением представителя Ставки и командования фронта.

После разговора с генералом Ватутиным я отправился в корпус Кривошеина, где в это время противник предпринял очередную атаку. На узком фронте, наступая вдоль Обоянского шоссе, он бросил в бой до 200 танков. Со стороны Яковлева доносился глухой непрерывный гул. На горизонте густой завесой

стояла пыль.

Кривошеина я нашел в лесистом овраге. Рядом со щелью стоял его автофургон, в котором командир корпуса кочевал по фронтовым дорогам вместе с женой. Генерал что-то кричал по телефону. Увидев меня, закруглил разговор, положил трубку, поднес руку к козырьку:

– Товарищ командующий, противник предпринял наступление.

– Это я сам вижу… Какими силами?

– На участке корпуса до четырехсот танков!.

– Не преувеличиваешь, Семен Моисеевич?

– Какое там преувеличиваю! Только на позиции Горелова – сто танков. На позиции Бабаджаняна – семьдесят!

Поднялись на КП, оборудованный на чердаке сарая, прикорнувшего на краю оврага. Хотя была середина дня, казалось, наступили сумерки: солнце заслонили пыль и дым. Бревенчатый сарай нервно вздрагивал. В небе завывали самолеты, трещали пулеметные очереди. Наши истребители пытались отогнать бомбардировщики противника, которые сбрасывали свой смертоносный груз на наши позиции. КП находился в каких-нибудь четырех километрах от передовой. Но что происходит в этом кромешном дыму, в море огня и дыма, рассмотреть было невозможно.

Наконец зазвонил полевой телефон. Горелов, затем Яковлев и Бабаджанян доложили, что первая атака врага отбита. Я облегченно вздохнул и поздравил Кривошеина с хорошим началом.

Но что происходит на участке А. Л. Гетмана? Я позвонил М. А. Шалину, который поддерживал с правым крылом армии непрерывную связь.

– Шестой корпус с утра ведет тяжелые бои. Против него наступают третья танковая и триста тридцать вторая пехотная дивизии противника. Гетман докладывает, что отбиты две атаки противника. Теперь, – продолжал начальник штаба, – намерения противника окончательно прояснились. Он наносит два концентрических удара: один из района Черкасское в направлении Покровка, другой – из района Быковка вдоль Обояньского шоссе. Он, видимо, хочет объединенными силами ударить на Обоянь.

Я попрощался с Кривошеиным, намереваясь побывать в бригадах.

– Ну, держись, Семен Михалыч. Ведь это только начало.

Так и оказалось. Как в конце дня мне донес С. М. Кривошеий, сразу же после моего отъезда гитлеровцы предприняли новую

атаку по всей линии обороны.

Хотя и эта атака была отбита, фашисты не теряли надежды на успех. Восемь раз в течение 6 июля они бросали крупные силы танков, которые с помощью авиации пытались прорваться сквозь боевые порядки 3-го механизированного корпуса.

Особенно жестокие бои разгорелись в районе Яковлеве, где оборону занимала 1-я гвардейская танковая бригада В. М. Горелова вместе с частями 51-й гвардейской стрелковой дивизии. Против них наступала танковая дивизия СС «Адольф Гитлер». Именно ее машины я и наблюдал во время утренней атаки с КП комкора. Вдоль шоссе Белгород-Обоянь двинулось до 120 танков противника. Первый удар принял на себя 2-й танковый батальон гвардии майора С. И. Вовченко, который имел к этому времени всего 10 машин. Тем не менее, он смело вступил в бой с 70 танками противника.

Закопанные машины подпускали гитлеровцев на расстояние прямого выстрела. В этом бою отличился командир взвода лейтенант В. С. Шаландин. Его взвод стала обходить группа тяжелых и средних танков противника. Авиация гитлеровцев висела в воздухе. И все же, действуя из засад, герои подпускали танки на дистанцию прямого выстрела и били по их наиболее уязвимым местам. Экипаж Шаландина уничтожил два «Тигра» и «Пантеру». Но вот в разгар боя танк Шаландина был подбит и загорелся. Командир взвода был ранен, но продолжал вести бой, Вокруг рвались снаряды. Сверху пикировали «Мессершмитты». По Шаландин продолжал посылать снаряд за снарядом. Получили тяжелые ранения механик-водитель старший сержант В. Г. Кустов и стрелок-радист старший сержант В. Ф. Леколизев. Вражеский снаряд повредил пушку. Стало трудно вести огонь прямой наводкой. Тогда Шаландин принял решение таранить ближайший «Тигр». Заряжающий сержант П. Е. Зеленин занял место водителя, и пылающая тридцатьчетверка врезалась в фашистский танк. «Тигр» вспыхнул. Герои сгорели в танке.

Когда мне сообщили о критической ситуации в Яковлево, я приказал выдвинуть из второго эшелона 49-ю танковую бригаду. Она подоспела вовремя и, открыв губительный огонь, заставила немцев приостановить атаки на Яковлеве.

Горячая обстановка сложилась и в полосе 6-го танкового корпуса А. Л. Гетмана, оборонявшегося совместно с 90-й гвардейской стрелковой дивизией. К полудню, когда я добрался до КП комкора, на этом участке был самый напряженный момент боя. Полное, добродушное лицо Гетмана было покрыто потом. Он громко кричал в трубку полевого телефона. Швырнув трубку, вытер рукавом лоб и направился ко мне. Мы молча пожали друг

другу руку.

– Черт знает что! – в сердцах воскликнул Гетман. – Прут и прут! С ума они, что ли, посходили! Присели на ящики из-под снарядов.

– Ну, докладывай по порядку, – сказал я. Выяснилось, что уже с 10 часов утра противник непрерывно атаковал позиции корпуса. 160 вражеских танков четырьмя колоннами вытянулись утром из района Чапаеве, Шепелевка и пытались с ходу форсировать небольшую речушку Пена. Но здесь противник напоролся на артиллерию 6-го танкового корпуса, 86-й отдельной танковой бригады и 59-го отдельного танкового полка. Теперешняя атака была четвертой по счету.

Мы выбрались из щели и поднялись на небольшой взлобок, где был оборудован КП. Было половина четвертого дня. Но казалось, наступило солнечное затмение. Солнце скрылось за тучами пыли. И впереди в полумраке виднелись всплески выстрелов, взлетала и осыпалась земля, ревели моторы и лязгали гусеницы. Примерно 80 танков противника пытались прорвать позиции корпуса. Но воины 6-го танкового корпуса и 90-й гвардейской стрелковой дивизии встретили их таким массированным огнем, что поле, как цветами, было усеяно горящими танками. В 16 часов мне доложили, что противник потерял 74 машины. Остальные свернули на северо-восток по дороге Бутово – Дубрава.

– Не иначе как пытаются прорваться к шоссе Белгород – Обоянь, – комментировал этот маневр Гетман.

Но и в этом районе части 71-й гвардейской стрелковой дивизии вместе с воинами 10-й механизированной бригады задержали наступление противника. На 13-километровой линии фронта, занимаемой корпусом А. Л. Гетмана, противник оставил до 400 танков. Прорвать линию обороны ему так и не удалось, хотя фашисты в этот день потеряли до 140 танков и штурмовых орудий.

Но, несмотря на этот успех, обстановка оставалась напряженной. Гитлеровцы любой ценой решили пробиться на Обоянь и наносили удар за ударом в стык 1-й танковой армии и 5-го гвардейского танкового корпуса. Когда вечером я вернулся в штаб, М. А. Шалин огорошил меня новостью. Оказывается, на левом фланге армии, восточнее Яковлеве, танковым дивизиям СС «Адольф Гитлер» и «Райх» удалось прорвать оборону 51-й гвардейской стрелковой дивизии и вклиниться в тыл нашей армии. Оценив обстановку, я тут же приказал уничтожить прорвавшегося противника и с этой целью направил 100-ю танковую бригаду 31-го танкового корпуса в угрожаемый район.

Весь вечер мы напряженно ждали известий из района Яблочкин, Большие Маячки. Я надеялся, что эта бригада во взаимодействии с 5-м гвардейским танковым корпусом сумеет отбросить врага. Но, как стало ясно из донесений комбрига, из-за недостатка сил и средств ему и его соседям не удалось восстановить положение. Бригада и корпус вынуждены были перейти к обороне.

Между тем, поступавшие донесения свидетельствовали, что воины армии дерутся с небывалым героизмом. Вот одно такое донесение, набросанное на страничке блокнота чернильным карандашом: «Командир 3 роты 10-й мехбр. лейтенант Круглов, член ВКП(б), пропустил через роту до 50 танков противника. Рота была укрыта в щелях, ни один боец не дрогнул, потерь в роте не было. После трех атак потери врага – 20 танков. Сожжено и подбито».

Возможно, что теперь этот листок ничего не говорит непосвященному. Но тогда он значил для нас многое. Он документально подтверждал, что воины 1-й танковой прошли хорошую выучку и в совершенстве овладели трудным ремеслом солдата. Не зря, значит, перед битвой мы пропадали целыми днями на полигонах, учили солдат но бояться танков. Вместе с тем это придавало уверенность, что, несмотря на превосходство противника в силах, нам удастся выстоять.

В ночь на 7 июля мне позвонил Ватутин. Он приказал выдвинуть в район Тетеревино, где враг прорвал оборону стрелковых частей, 31-й корпус генерала Д. Х. Черниенко. На этот корпус возлагалась задача во что бы то ни стало уничтожить прорвавшегося врага. В помощь корпусу фронт передавал из своего резерва 29-ю истребительно-противотанковую артиллерийскую бригаду.

Н. Ф. Ватутин прекрасно понимал всю серьезность сложившейся ситуации. Поэтому он добавил:

– Кроме того, Катуков, мы решили усилить вашу танковую армию сто восьмидесятой и сто девяносто второй танковыми бригадами из «хозяйства» Москаленко, двумя истребительно-противотанковыми артиллерийскими и одним минометным полками, тремя истребительно-противотанковыми артиллерийскими дивизионами и двумя батальонами противотанковых ружей.

В то же время Ватутин сообщил, что из полосы 3-го механизированного корпуса выводятся на укомплектование понесшие большие потери 52-я и 67-я гвардейские стрелковые дивизии 6-й гвардейской армии.

Наши разведчики заранее изучили все возможные маршруты

ввода 31-го корпуса в первый эшелон. Казалось, выполнить приказ не составляет труда. Но тут мы натолкнулись на неожиданное препятствие. Передовые части корпуса обнаружили, что мост через реку Солотинка взорван саперами по приказу командующего 6-й гвардейской армии.

Пришлось наводить переправу заново. Разобрав постройки, уцелевшие на берегах Солотинки, танкисты уложили по илистому дну водной преграды гать из бревен, досок, жердей и с большими предосторожностями пустили по этому настилу боевые машины.

Командиру корпуса Д. Х. Черниенко хотя и с некоторым опозданием, но все же удалось выполнить приказ и выйти на указанный рубеж прежде, чем гитлеровцы достигли заметного успеха на левом фланге нашей армии.

Ночь на 7-е мы провели в тревоге. Разведка сообщала, что, оставив заслоны в районе Яковлеве, фашисты перегруппировывают свои главные силы в направлении на Лучки, нацеливаясь нанести удар в самое днище вмятины, которую они сделали в обороне нашего левого соседа – 5-го гвардейского танкового корпуса генерал-майора А. Г. Кравченко.

– Частью сил, – докладывал мне начальник разведотдела полковник А. М. Соболев, – противник начал обходить правый фланг корпуса, продвигаясь в направлении Большие Маячки. Несмотря на ночное время, противник не прекращал своих атак против позиций пятого корпуса. До двадцати четырех часов там слышались глухие взрывы, и полыхало зарево пожарищ.

Едва забрезжил рассвет, как противник снова предпринял попытку прорваться на Обоянь. Главный удар он наносил по позициям 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов. А. Л. Гетман сообщил, что на его участке противник активности не проявляет. Но зато позвонивший мне С. М. Кривошеин не скрывал тревоги:

– Что-то невероятное, товарищ командующий! Противник сегодня бросил на нашем участке до семисот танков и самоходок. Только против первой и третьей механизированных бригад наступает двести танков.

С такими цифрами нам еще не приходилось иметь дела. Впоследствии выяснилось, что в этот день гитлеровское командование бросило против 3-го механизированного корпуса весь 48-й танковый корпус и танковую дивизию СС «Адольф Гитлер». Сосредоточив столь огромные силы на узком 10-километровом участке, немецкое командование рассчитывало, что ему удастся мощным танковым тараном пробить нашу оборону. Противник торопился: он хотел во что бы то ни стало прорваться к Курску, чтобы соединиться с войсками,

наступавшими с севера. Над позициями 3-го и 31-го корпусов непрерывно висели большие группы «Хейнкелей» и «Юнкерсов».

Каждые четверть часа я связывался с Кривошеиным. Он докладывал, что танкисты, артиллеристы, мотострелки дерутся самоотверженно. Как только танки врага приближались к нашим позициям, их встречал плотный артиллерийский и танковый огонь. Оставляя на поле боя подбитые и горящие машины, противник откатывался и снова шел в атаку. Поля, холмы, перелески перед позициями корпуса, изрытые воронками, усеянные гусеницами, превратились в громадные пожарища. В разгар боя ко мне вошел Соболев:

– Товарищ командующий, перехватили донесение, – он положил передо мной листок бумаги. – Смотрите, что сообщают гитлеровские авиаразведчики.

Текст гласил: «Русские не отступают. Они стоят на том же рубеже. Наши танки остановились. Они горят».

Такие радиоперехваты показывали, что гитлеровцы, не добившись на обояньском направлении заметного успеха, начинали нервничать. У нас росла уверенность, что мы выстоим в кровопролитной схватке, тем более что, несмотря на колоссальные усилия, противник не смог прорвать нашу оборону на всю ее глубину.

Эта уверенность росла у меня еще и потому, что танкисты, артиллеристы и мотострелки дрались с невероятным упорством. Рота лейтенанта В. А. Бочковского (1-я гвардейская танковая бригада) обороняла Обояньское шоссе у небольшой деревушки Яковлево. На рассвете 7 июля на шоссе показалось семь «Тигров» и до полка пехоты. Гвардейцы подожгли две машины, остальные откатились назад…

Но это было только начало. В четыре часа утра в свете восходящего солнца гвардейцы увидели, как к деревне выдвигаются три танковые колонны с «Тиграми» впереди. Вражеские машины шли параллельными курсами. Тут же послышался гул бомбардировщиков. Около 60 самолетов противника зашли с разных сторон и начали бить по всей площади, прокладывая своим машинам «ковер».

Несмотря на явное превосходство противника, гвардейцы не дрогнули. Восемь тридцатьчетверок целый день отбивали атаки. Особенно отважно дрались экипажи танков В. А. Бочковского и Г. И. Бессарабова.

К вечеру фашисты, видимо, догадались, что против них действует лишь горсточка танкистов, и возобновили атаки с утроенной энергией. Над селом повисли «Мессеры». Одна из бомб разорвалась рядом с машиной лейтенанта Соколова, и,

накренившись, танк съехал в глубокую воронку.

Бочковский взял подбитый танк на буксир. Но тяжелая машина не поддавалась. А немецкие танки совсем рядом. Все это время Бессарабов прикрывал товарищей броней своей машины и отбивался от наседавших «Тигров». Несмотря на драматичность ситуации, Бочковский подал Соколову второй буксир. Спасение было уже близко, но немецкий снаряд еще раз подбил машину – у нее отлетел ствол пушки, над мотором взметнулось пламя. Соколов был убит. Под градом снарядов танкисты отцепили теперь уже бесполезный буксир. Но вторым снарядом сорвало гусеницу с танка Бочковского. Командир роты приказал своему экипажу натянуть гусеницу, но еще взрыв – и машину Бочковского охватило пламя. Экипажи подбитых танков и четыре мотострелка, до последнего оборонявшие свой рубеж, забрались на броню машины Бессарабова, и, маневрируя среди разрывов, она ушла из деревни.

Утром рота уже в составе пяти машин снова стала на пути немецкого наступления. Только за два дня боев танкисты роты Бочковского уничтожили 23 танка, в том числе несколько «Тигров».

В этот же день, 7 июля, боевой листок, выпущенный политотделом армии, сообщил о подвиге командира 461-го артиллерийского дивизиона 1-й механизированной бригады (3-й механизированный корпус) капитана В. А. Мироненко. Днем 7 июля на позиции этого дивизиона двинулись до 30 танков противника. Дивизион открыл меткий огонь. Несколько машин было подбито. И вдруг с правого фланга, откуда-то из-за бугра, грохоча гусеницами, выползло несколько «Тигров». Они двигались прямо на батарею. Еще несколько минут – и орудия вместе с расчетами будут раздавлены. Мироненко покинул свой КП и стал во главе одного из расчетов. Но в эту минуту рядом разорвался снаряд. Весь расчет был убит. Тогда Мироненко стал на место наводчика и, сам заряжая орудие, принялся в упор расстреливать танки. Ему удалось поджечь шесть вражеских машин. Но когда он поймал в перекрестие прицела седьмую, рядом с ним разорвался снаряд. Мироненко погиб. По ходатайству Военного совета армии ему посмертно было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

Между тем противник не прекращал атак против 3-го механизированного корпуса. В 13 часов враг предпринял четвертую атаку. Положение создавалось критическое. Враг явно превосходил нас в силах.

Но, несмотря на огромные потери, прорвать наш фронт ему не удавалось. Он наткнулся на непробиваемую стену. Воины 1-й

танковой беззаветно выполняли свой долг.

В тот день бессмертный подвиг совершил пулеметный взвод, которым командовал старший сержант Иван Трофимович Зинченко. 20 вражеских танков надвинулись на позиции пулеметного взвода. За ними трусила пехота. Казалось, вот-вот гитлеровские танки раздавят отважных пулеметчиков. Но не дрогнули советские воины. Оставаясь в своих окопах, они истребляли немецкую пехоту пулеметными очередями, и, подпуская почти к брустверу фашистские танки, метали гранаты под их гусеницы.

Иван Зинченко руководил боем взвода, но, когда на его окоп надвинулись «Пантера» и «Тигр», смело вступил в единоборство с ними. Он подорвал противотанковыми гранатами «Пантеру», но «Тигр», ведя огонь на ходу, неумолимо приближался к позициям пулеметчиков. И тогда Зинченко с двумя противотанковыми гранатами в руках и двумя за поясом бросился под фашистский танк. Раздался взрыв, стальная махина остановилась и запылала…

Посмертно старшему сержанту было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. И теперь в городе Белая Церковь, что под Киевом, средняя школа носит имя отважного пулеметчика.

Каждая танковая бригада, каждое подразделение приумножили свой боевой счет на Курской дуге. Так, 49-я гвардейская танковая бригада только за первые сутки боев, взаимодействуя на первой оборонительной полосе с частями 6-й армии, уничтожила 65 танков, в том числе 10 «Тигров», 5 бронетранспортеров, 10 орудий, 2 самоходные пушки, 6 автомашин и более 1000 солдат и офицеров.

Само собой понятно, что жесткая активная оборона и нам обошлась дорогой ценой. Многих товарищей мы недосчитались после этой кровавой битвы, в которой совсем стерлись грани между передовой и войсковыми тылами. На переднем крае погиб начальник медпункта 1-й гвардейской танковой бригады капитан Кулик. Врач погиб, эвакуируя с поля боя раненых.

Итак, критическое положение создалось на позициях 3-й механизированной и 49-й танковых бригад 3-го механизированного корпуса и 100-й танковой бригады 31-го танкового корпуса. Но в этот самый ответственный момент прибыло подкрепление – 112-я танковая бригада, переданная в танковый корпус. Кроме того, мне позвонил командующий фронтом и сообщил, что он приказал ввести в бой остатки 51-й и 67-й гвардейских стрелковых дивизий. Они заняли оборону в тылу 3-го механизированного корпуса. Вечером 7 июля из

докладов командиров корпусов стало ясно, что продвижение врага повсеместно удалось приостановить. Корпус С. М. Кривошеина занимал теперь оборону на рубеже Луханино – Сырцево – Красная Дубрава – высота 249 – высота 252.

Прорвать нашу оборону противнику так и не удалось. Он лишь потеснил 3-й механизированный корпус на 5–6 километров. Поздно вечером позвонил начальник штаба фронта генерал С. П. Иванов.

– Командующий, – сообщил он, – решил завтра утром нанести контрудар по вклинившейся группировке врага. Необходимо разгромить ее и восстановить положение во второй полосе обороны. Контрудар будут наносить второй и десятый танковые корпуса, а также часть сил сороковой армии. Вам ставится задача по-прежнему не допустить противника к Обояни и быть в готовности нанести контрудар в южном направлении.

В заключение начальник штаба сообщил мне, что фронт передает нам в подчинение 86-ю танковую, 33-ю пушечно-артиллерийскую бригады, два истребительно-противотанковых и один минометный полк.

В штабе армии оживленно комментировали это сообщение. Шалин возбужденно потирал бритую голову.

– Теперь пусть только сунутся! Получат по зубам.

Но и противник наращивал силы.

– Из района Белгорода, – докладывал мне вечером А. М. Соболев, – к передовой двигаются колонны вражеских танков. Номера свежих частей установить пока не удалось, но, думаю, к утру они будут известны.

Значит, гитлеровское командование не отказалось от своих намерений, и завтра снова предстоят кровопролитные бои.

Штаб продолжал работать всю ночь: нужно было установить связь с переданными частями, подготовить сводку о потерях противника и своих, подсчитать потребности в боеприпасах, транспорте и медикаментах. Я вместе с группой офицеров всю ночь объезжал войска. Курская равнина освещалась заревом пожарищ. Скрещивались в воздухе зеленоватые пунктиры трассирующих пуль.

Санитарные летучки вывозили раненых. Объезжая воронки, торопились к передовой грузовики с боеприпасами и продовольствием. Тарахтели мотоциклы офицеров связи. Пылили колонны солдат.

Несмотря на позднее время, степь жила напряженной жизнью передовой.

Во втором часу прибыли в расположение 3-й механизированной бригады. Командира ее, полковника А. Х.

Бабаджаняна, нашли в землянке. Он диктовал приказ бригаде на завтра. Невысокого роста, худой, он всегда был смуглым, а сейчас казался черным.

– Светопреставление, товарищ командующий! – возбужденно заговорил он с сильным кавказским акцентом. – Прут и прут! Восемь атак сегодня отбил! Танкисты наши дрались как звери! Зубами готовы были грызть фашистов!

– Ты лучше про себя расскажи, – улыбаясь, предложил сопровождавший нас начальник штаба корпуса полковник В. Е. Копиенко.

– А что рассказывать! Досталось нам сегодня на орехи!

– Тут, видите, в чем дело, товарищ командующий, – обратился ко мне Копиенко. – Сегодня танки противника прорвались прямо к КП Армо. Он кинулся в окоп, схватил связку гранат и швырнул ее в «Тигра». Ну и поджег.

– А что, по-вашему, я должен делать?! – вскинулся Армо. – Стоять и смотреть, как в театре? Все бойцы дрались, все штабники, и я со всеми.

– Ну, ну, Армо, – сказал я ему, – не скромничай. Все знают, что в храбрости тебе не откажешь. А за службу – благодарю. Учтем, когда будем составлять наградной список.

– Спасибо, товарищ командующий. Но сейчас меня другое волнует. Бригада понесла потери. Люди на ходу засыпают.

– Знаю, знаю, Армо. К утру будут тебе подкрепления. И другим бригадам тоже.

В ту же ночь я побывал в 1-й механизированной бригаде у полковника Ф. П. Липатепкова, в 10-й – у полковника И. И. Яковлева и, конечно, в 1-й гвардейской – у полковника В. М. Горелова, где встретил многих командиров и бойцов, знакомых мне по боям у Орла и Мценска, а также на Волоколамском шоссе. Несмотря на безмерную усталость, все – от рядового солдата до высших командиров – сохраняли высокий боевой дух. Повсюду я слышал рассказы о героизме танкистов, артиллеристов, мотострелков. Все это укрепляло уверенность, что, несмотря на превосходство врага в танках, мы выстоим. А если выстоим, то, значит, победим.

Уже на рассвете 8 июля противник снова двинулся на наши позиции. В лучах утреннего солнца появились звенья «Юнкерсов». Снова поднялся оглушительный грохот, и пыль заволокла небо. Десятки танков и САУ врага то тут, то там, как призраки, возникали из пыльных сумерек.

– Основной удар, – докладывал Шалин, водя карандашом по карте, – противник опять наносит вдоль Обояньского шоссе, в направлении Сырцево – Грезное.

И вот уже в который раз мощный огонь закопанных в землю танков, артиллерии вынудил противника отойти на исходные позиции.

День 8-го июля был решающим для нашей армии. По-видимому, на сей раз гитлеровское командование, отчаявшись, решило идти ва-банк. С утра до поздней ночи оно бросало на позиции 3-го механизированного корпуса, 49, 1 и 200-й танковых бригад все новые группы танков. Временами казалось, что мы не сможем остановить стальную лавину 4-й танковой армии. Особенно критическое положение создалось в середине дня.

– Отдельным группам танков удалось прорвать вторую полосу обороны в районе Ильинский, – сообщил мне С. М. Кривошеий. В голосе его была неподдельная тревога.

Я приказал командирам 181-й и 49-й танковых бригад контратаковать прорвавшегося противника. К трем часам эта группа была остановлена и разгромлена. Я вздохнул с облегчением. Но на других участках левого крыла враг продолжал наседать. В этот запомнившийся мне на всю жизнь день он предпринял 12 атак.

Большие надежды мы возлагали на удары по флангам противника 2-го и 5-го гвардейских, 2-го и 10-го танковых корпусов и левофланговых соединений 40-й армии. Действительно, во второй половине дня фашисты предоставили нам небольшую передышку. Как выяснилось, гитлеровцы в это время вынуждены были бросить основные силы против наших контратакующих войск. Это дало мне возможность перегруппировать части и усилить наиболее танкоопасные направления.

С нетерпением ждал я известий с флангов. Но уже из первых донесений стало ясно: контрудар наших соединений не достиг намеченной цели. Да это и понятно. Два корпуса из резерва Ставки (2-й и 10-й) имели всего по 50 танков. Прибыли они в армию без мотострелковых батальонов. Что касается гвардейских корпусов А. Г. Кравченко и А. С. Бурдейного, то они были ослаблены в предшествующих боях, понеся серьезные потери.

Отразив атаки корпусов, немцы в конце дня снова принялись за нас. В небе повисли сотни самолетов. Как потом выяснилось, фашисты бросили против армии всю свою авиацию. В воздух поднялись наши истребители. Ожесточенные бои в небе и на земле шли до глубокой ночи. Но и в этот день, когда гитлеровское командование бросило в бой последние резервы, прорвать нашу оборону ему не удалось. Правда, армии пришлось оставить несколько населенных пунктов и отойти на заранее подготовленные рубежи, за реки Пена и Солотинка.

В тот день вся армия узнала о подвиге лейтенанта М. К. Замулы, командира роты 1-го танкового батальона 200-й танковой бригады. Его роте было приказано оседлать дорогу, проходившую через село Верхопенье. Утром после массированного удара авиации танки и самоходки противника двинулись по лощине на деревню. Подпустив боевые машины врага на расстояние 600–800 метров, танкисты открыли сильный прицельный огонь. Противник отступил, укрывшись в лощине.

Лейтенант Замула вылез из танка и поднялся на ближайший пригорок. Перед ним открылась следующая картина. Танковая колонна противника разбилась на три группы. Две из них стали обходить село, а третья двигалась прямо по лощине на позиции роты. Замула вполне резонно решил, что его хотят взять в клещи.

Один взвод лейтенант Замула направил навстречу врагу, пытавшемуся обойти роту, а другой укрыл в лощине. Сам он заторопился к машине, нырнул в люк и приказал водителю укрыть ее за чадящим неподалеку «Тигром». Это была удобная позиция. Он хорошо видел врага, а сам оставался для него незамеченным.

Напрасно противник пытался прорваться через село и его окрестности. Тридцатьчетверки выскакивали из укрытий и били по бортам «Тигров». Восемь часов продолжался бой у Верхопенья. Несмотря на превосходство в силах, колонна противника так и не сумела сбить наш танковый заслон. Оставив на поле боя 17 горящих машин, гитлеровцы вынуждены были отступить.

По ходатайству Военного совета армии М. К. Замуле было присвоено звание Героя Советского Союза. Сейчас он подполковник в отставке, живет и работает в Краснодаре.

Итак, несмотря на стойкость и мужество бойцов, противнику все же удалось 7 июля вклиниться в нашу оборону на 4–6 километров. К исходу дня части 3-го механизированного корпуса по моему приказу отошли на новые рубежи. Левый фланг армии угрожающе загнулся к северу. В связи с этим пришлось к утру 8 июля выдвинуть в район Верхопенья 200-ю танковую бригаду из 6-го танкового корпуса, в район Ильинский – 180-ю отдельную танковую бригаду, на рубеж Красная Поляна – Сухо-Солотино – 192-ю и 86-ю отдельные танковые бригады. Все это время меня серьезно беспокоило, что 1-я танковая сражается в одноэшелонном построении.

Стоит врагу пробить брешь в полосе – тылы армии окажутся под смертельной угрозой. Об этом я не раз напоминал командованию Воронежского фронта. Когда же бои достигли наивысшего накала, вопрос о втором эшелоне приобрел исключительно важное значение.

Я позвонил Ватутину и изложил свои соображения.

– Да, – согласился он, подумав, – второй эшелон необходим. Усиливаю вас десятым танковым корпусом, триста девятой стрелковой дивизией и тремя танковыми полками, двумя истребительно-противотанковыми полками, четырнадцатой истребительно-противотанковой артиллерийской бригадой и девятой зенитно-артиллерийской дивизией.

Все эти силы перебрасывались к нам за счет неатакованного участка, обороняемого 38-й и 40-й армиями. Кроме того, из резерва фронта нам передали 19-ю отдельную танковую бригаду. Утром 9-го они заняли оборону позади 3-го механизированного и 31-го корпусов на рубеже Новый Поселок – Калиновка Орловка. На следующий день прибыло новое подкрепление – 204-я стрелковая дивизия и 5-й гвардейский танковый корпус генерала А. Г. Кравченко, переподчиненный мне. На рассвете 10-го он сосредоточился в районе Зоринских Дворов, неподалеку от моего КП.

Оборона наша обрела устойчивость и глубину, и, когда 9 и 10 июля противник предпринял ряд сильных атак, они закончились для него неудачно. Правда, утром 10 июля ему удалось добиться небольшого успеха в районе Верхопенье. Моторизованная дивизия «Великая Германия» и 3-я танковая дивизия, нащупав слабое место в нашей обороне на стыке 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов, проникли в боевые порядки оборонявшейся здесь 67-й гвардейской стрелковой дивизии. Группы по 60 танков противника неоднократно врывались в село. Но всякий раз контратаки танкистов и стрелков вынуждали гитлеровцев отступать. И пехотинцы, и артиллеристы, и танкисты дрались с яростным ожесточением. Когда командир танковой роты 22-й танковой бригады лейтенант П. И. Битковский обнаружил, что у него кончились боеприпасы, он пошел на таран «Тигра».

Наконец гитлеровцам удалось вырваться на северо-запад и достичь населенных пунктов Новенькое, Новоселовка-2. Они явно пытались окружить 6-й танковый корпус и 90-ю гвардейскую дивизию, оборонявшиеся юго-западнее Верхопенья. На карте Шалина было видно, как синяя карандашная линия огибает позиции наших войск с северо-востока. Я приказал войскам отойти на запад и совместно с 10-м танковым корпусом и 184-й стрелковой дивизией создать прочную оборону. В результате этих мер наступление противника захлебнулось и на правом фланге армии.

Хотя 9 и 10 июля Манштейн по-прежнему бросал крупные массы танков и по-прежнему в воздух поднимались тяжело

груженные бомбами «Юнкерсы-52», мы чувствовали, что все эт, скорее жест отчаяния, чем силы. Нетрудно было заметить, что враг нервничает, что нужно продержаться еще день-другой – и силы его иссякнут.

Поздно вечером 10 июля, выслушав доклады заместителей и начальников отделов штабов, я почувствовал такую усталость, что был не в состоянии стоять. Еле-еле добрел до избы, где жил, и как был в пропыленных сапогах, так и повалился на кровать. За все эти дни приходилось спать не больше двух часов в сутки, и то на ходу, в машине или бронетранспортере. Спал как убитый, и мой адъютант Кондратенко с трудом растолкал меня в седьмом часу. Стояло прекрасное солнечное утро, и какой-то внутренний голос подсказывал, что сегодня – день хороших новостей.

Так оно и оказалось. В штабе меня обрадовали: противник ведет себя тихо, активных действий не предпринимает. Как потом выяснилось, гитлеровское командование, отчаявшись прорваться к Курску на обояньском направлении, перегруппировало своп силы и пыталось обойти нашу армию с востока через Прохоровку. Именно туда двинулись колонны танковых дивизий СС «Адольф Гитлер» и «Райх», намереваясь прорваться к заветной цели через этот район. Оставшаяся на нашем участке 11-я танковая дивизия вынуждена была перейти к обороне.

12 июля противник развернул наступление на прохоровском направлении. Но Верховное Командование своевременно выдвинуло под Прохоровку из своего резерва 5-ю гвардейскую танковую армию под командованием генерала П. А. Ротмистрова и 5-ю гвардейскую армию генерала А.С. Жадова. Разыгралось еще невиданное по размаху танковое сражение: в нем одновременно участвовало с обеих сторон до 1200 машин. Закончилось оно полным разгромом гитлеровских бронетанковых полчищ.

На долю 1-й танковой армии в Прозоровском сражении выпала хотя и вспомогательная, но не последняя роль. Еще 10 июля командующий войсками фронта Н. Ф. Ватутин предупредил нас, что фашисты концентрируют большие танковые силы под Прохоровкой. Тут же приказал мне нанести правым флангом 1-й танковой контрудар по противнику.

– Больших задач на глубокий прорыв немецкой обороны вам не ставлю, – сказал он, – продвинетесь на километр-другой – и хорошо. Главное – сковать немецкие войска, лишить их возможности свободно маневрировать резервами, не дать им больше накапливать силы под Прохоровкой.

На правом фланге нашей армии находились приданные ей 5-й и 10-й танковые корпуса. Они и должны были осуществить намеченный контрудар совместно с частью сил 6-й гвардейской

армии из района Новоселовка-2 – Новенькое в восточном направлении на Яковлеве. После довольно внушительной артиллерийской подготовки танки пошли вперед, за ними пехота. Вскоре им удалось продвинуться примерно на те 2 километра, о которых говорил генерал Ватутин.

Ставя задачу Кравченко и Буркову, мы не ограничивали их наступательные действия только этими 2 километрами. Наоборот, нацеливали на более глубокий прорыв фашистской обороны.

Делали это умышленно, учитывая чисто психологические моменты. Ведь сказать людям, что они посылаются в бой с крайне ограниченными целями, лишь для того, чтобы привлечь на себя внимание противника, они и действовать станут не с той энергией, как если бы им пришлось идти на прорыв вражеской обороны с намерением сокрушить ее на всю глубину.

В 10 часов 12 июля 5-й гвардейский и 10-й танковые корпуса вместе со стрелковыми дивизиями 6-й гвардейской армии перешли в наступление, ожесточенно дрались с гитлеровцами, настойчиво рвались вперед. Они не только сковали противника, но и заставили его вернуть на обояньское направление часть артиллерии и других огневых средств, которые уже направлялись на Прохоровку. Фашисты бросили также против контратакующей группы авиационные силы.

Словом, поставленная Н. Ф. Ватутиным задача была выполнена. Под Прохоровкой положение гитлеровцев ухудшалось с каждым часом, а подбросить туда что-либо за счет нашего фронтового участка они не могли.

Однако и корпусам Кравченко и Буркова, наносившим контрудар на узком фронте сравнительно небольшими силами, тоже приходилось нелегко. Немцы встретили их сильным заградительным огнем. Над боевыми порядками наступающих танкистов появилась бомбардировочная авиация.

Генерал А. Г. Кравченко пытался организовать продвижение танков вглубь фашистской обороны, но безуспешно. Лавина огня преграждала путь боевым машинам.

– Продвигаться не могу, – доносил Андрей Григорьевич по радио, – немцы усилили огонь. Вся местность впереди простреливается орудиями и минометами… Нас непрерывно бомбят…

Конечно, ему, боевому генералу, привыкшему действовать смело, хотелось продвинуться как можно дальше. Высокий, широкоплечий, с густым басом, с колоритным говором, Кравченко зарекомендовал себя решительным командиром во время боев под Сталинградом.

– Дальше не продвигайтесь, – ответил я ему. – Удерживайте занятый рубеж. Не продвигайтесь, – повторил я командирам корпусов. – То там, то здесь обозначайте рывок в атаку… Дайте противнику понять, что вы ищете наиболее уязвимые места в его обороне.

Так и действовали 5-й и 10-й танковые корпуса вплоть до 14 июля, когда гитлеровцы бросили против них доукомплектованную людьми и техникой моторизованную дивизию СС «Великая Германия». На помощь нашим танкистам я направил 6-й танковый корпус. Враг был остановлен и перешел к обороне.

К вечеру 14 июля атаки гитлеровцев на нашем участке фронта прекратились. Я позвонил командующему фронтом.

– На других участках фронта то же самое, – обрадовал он меня.

Значит, мы выстояли, а выстояв – победили.

В июне сорок первого, выйдя из госпиталя, по дороге на фронт я заскочил в магазин и купил бутылку коньяку, решив, что разопью ее с боевыми товарищами, как только одержим над гитлеровцами первую крупную победу. С тех пор эта заветная бутылка путешествовала со мной по всем фронтам. И вот наконец долгожданный день наступил.

Приехали на КП. Официантка быстро поджарила яичницу и достала из моего чемодана заветную бутылку.

Уселись с товарищами за простой дощатый стол. Разлили коньяк, который навевал приятные воспоминания о мирной довоенной жизни.

– За победу!

– За встречу в Берлине!

– Гитлер капут.

Услышав эту фразу, столь часто повторяемую пленными, все засмеялись. Выпили, поговорили, покурили. И снова окунулись в повседневные боевые хлопоты.

Итак, 14 июля стало ясно, что наступление, на которое гитлеровское командование возлагало громадные надежды, окончательно провалилось. Понеся колоссальные потери в живой силе и боевой технике, они вынуждены были перейти к обороне.

Для нас, танкистов 1-й танковой армии, в тот день закончились оборонительные бои на Курской дуге. Войска армии и приданные соединения и части в ночь на 16 июля были выведены в тыл. Сменила нас на обояньском направлении 6-я гвардейская армия, приведшая себя за минувшую неделю в порядок. Она и вела бои с гитлеровцами до 23 июля. В результате этих боев гитлеровцы были отброшены на исходные позиции, с

которых они 5 июля развернули наступление, закончившееся полным провалом.

Мы снова обосновались на ранее обжитых местах, в деревнях и селах Обояньского района, и стали готовиться к новым боям, теперь уже наступательным. Восстановление танкового парка стало нашей главной задачей.

Напомню, 631 боевая машина была в армии перед началом Курской битвы. К концу июля нам удалось за счет восстановленных своими силами танков довести их число до 500. С ними потом и пошли в наступление.

Восемнадцатилетние парнишки, уроженцы Вологды и Архангельска, пополнили поредевшие мотострелковые батальоны и позднее в боях с врагом дрались по-гвардейски.

В конце июля Н. Ф. Ватутин устроил разбор Курского сражения. Он отметил, что 1-я танковая армия свои задачи в обороне на направлении главного удара противника выполнила полностью.

Накануне пришел приказ Верховного Главнокомандующего о присвоении нашим армейским корпусам наименования гвардейских. 6-й корпус стал именоваться 11-м гвардейским танковым корпусом, а 3-й – 8-м гвардейским механизированным.

Впоследствии мне было приятно узнать, что командование и Военный совет Воронежского фронта высоко оценили боевые действия 1-й танковой армии в оборонительных сражениях на Курской дуге: «Командованием Воронежского фронта, – доносило оно в Ставку, – 1-й танковой армии была поставлена боевая задача разгромить наступающие войска на белгородском направлении. Несмотря на численное превосходство сил противника на ряде участков фронта, ни одна часть, ни одно соединение армии не дрогнуло и не отошло ни на один метр без приказа старшего командира. Весь личный состав армии стойко и героически сражался, героизм в этих боях был массовым явлением. В этих боях все соединения армии соревновались в мужестве и отваге. Каждый боец и командир стояли насмерть и не пропустили врага… Успех в этих боях явился результатом хорошей выучки бойцов, командиров и политработников, результатом массового героизма, проявленного личным составом всех частей и соединений армии. Имена многих бойцов, командиров и политработников стали известны своими боевыми подвигами далеко за пределами армии. Примеров доблести и геройства, совершенных бойцами и командирами 1-й танковой армии, можно привести множество. Все они говорят о том, что командиры и политработники, партийные и комсомольские организации проделали большую работу по боевому

сколачиванию частей и соединений, отличному овладению первоклассной военной техникой, воспитанию бойцов и командиров в духе советского патриотизма и жгучей ненависти к врагу».

Итоги Курской битвы достаточно проанализированы историками. Известно, что именно после июльских боев сорок третьего Красная Армия перешла в общее наступление от Великих Лук до Азовского моря. Но все же позволю себе остановиться на чисто танковых аспектах Курской битвы.

Известно, что Красная Армия по числу бронеединиц, участвовавших в Курском сражении, превосходила немецко-фашистскую. Однако ряд существенных обстоятельств практически сводил на нет численное превосходство. Так, например, из 3300 танков и САУ, имевшихся в распоряжении Воронежского и Центрального фронтов, примерно одну треть составляли машины легкого типа, которые были малоэффективными в столкновении с «Тиграми» и «Пантерами». Другое существенное обстоятельство заключалось в том, что танковые армии новой организации были созданы незадолго до Курской битвы, а 4-я к началу боев еще только завершала свое формирование. Штабы некоторых армий были укомплектованы молодыми офицерами, не имевшими опыта управления войсками. Да и в высших штабах далеко не всегда и везде существовала четко разработанная теория оперативного использования таких крупных объединений, как танковая армия.

И все же опыт Курской битвы, несмотря на отдельные просчеты и ошибки, не утратил своей поучительности до сих пор. По существу, впервые в истории войны массированное применение бронетанковых войск оказало решающее влияние на исход не только армейских, но и фронтовых операций. Именно в сражении на Курской дуге советские танковые армии показали, что они способны решать крупные оперативно-стратегические задачи как в обороне, так и в наступлении.

Впервые в Курской битве советское командование имело возможность построить танковые войска в несколько эшелонов, причем каждый эшелон имел строго целевое назначение. Отдельные танковые бригады и полки, расположенные в пределах оборонительных полос общевойсковых армий, размещались на особо танкоопасных направлениях, являясь как бы составной частью противотанковых опорных пунктов и противотанковых районов, другие части были резервом командиров стрелковых соединений.

Танковые армии и отдельные танковые корпуса, составлявшие второй эшелон и резервы фронта, располагались

позади общевойсковых армий в 30–50 километрах от переднего края. Этот эшелон являлся основной силой, с помощью которой советское командование повернуло ход оборонительного сражения в свою пользу. Несмотря на массированные атаки танков противника, наступавших, как правило, группами по 200–300 машин на узких участках фронта, оборона продолжала оставаться устойчивой. Там, где стояли бронетанковые войска, противнику так и не удалось прорвать ее на всю глубину.

Советское командование впервые использовало мощные танковые соединения и объединения для удержания полос в глубине, и эта новая форма их оперативного применения принесла свои плоды. В сущности, эта мысль выражена в донесении командования Воронежского фронта в Ставку: «Противник разбился на обояньском направлении и нашего фронта не прорвал… и если бы было принято решение наносить контрудар танковыми соединениями, то при отсутствии уже прочного фронта стрелковых войск в полосе шоссе мы быстрее израсходовали бы свои силы, а противник прорвался бы на Обоянь, а далее он начал бы развивать успех на Курск…».

Из этого донесения явствует, что 1-я танковая армия сыграла роль бронированного щита, о который разбилось наступление фашистов на обояньском направлении. В последующих операциях она выполняла роль меча, рассекавшего группировку противника. Но об этом речь пойдет ниже.

Глава 13. Открылась дорога на Днепр

1 августа представитель Ставки Верховного Главнокомандования Маршал Советского Союза Г. К. Жуков и командующий Воронежским фронтом генерал армии Н. Ф. Ватутин собрали на командном пункте 5-й гвардейской армии командармов и командиров корпусов. На этом совещании речь шла о подготовке и проведении Белгородско-Харьковской наступательной операции.

По данным нашей разведки, гитлеровцы в районе Белгород – Харьков создали крупную группировку в составе 18 дивизий (из них 4 танковые) и множества отдельных частей и подразделений, входивших организационно в 4-ю танковую армию и оперативную группу «Кемпф». Всего эта группировка насчитывала 200 тысяч человек, а вместе с тылами – 300 тысяч. Противник имел 3,5 тысячи орудий и минометов, около 600 танков и 900 самолетов. Кроме того, в ходе последовавшего сражения противник подбросил на этот участок фронта еще пять танковых, одну моторизованную и четыре пехотные дивизии.

Обороне белгородско-харьковского направления Гитлер придавал особое значение. Харьков – вторую столицу Украины и крупнейший узел железных дорог – он назвал «ключом от ворот Украины». И в какой-то степени это так и было: с потерей Белгорода и Харькова создавалась реальная угроза Донбассу. Немецкая промышленность лишалась возможности использовать этот угольный бассейн.

Фашисты довольно прочно укрепили район Белгорода и Харькова. Тактическая зона обороны противника состояла из главной и вспомогательной полос общей глубиной до 18 километров. Главная полоса (6–8 километров) состояла из двух позиций; опорные пункты и узлы сопротивления были соединены между собой ходами сообщения полного профиля.

Вторая полоса простиралась на 2–3 километра. Между первой и второй была еще промежуточная позиция. Населенные пункты были превращены в мощные крепости, все каменные постройки противник подготовил к круговой обороне.

Советское командование планировало нанести фронтальный удар смежными флангами Воронежского и Степного фронтов из района севернее Белгорода в общем направлении на Богодухов – Валки по стыку 4-й немецкой танковой армии и оперативной группы «Кемпф» в обход Харькова с запада. Вражеская

группировка рассекалась на две части и уничтожалась. С юга Харьков должны были обойти войска Юго-Западного фронта. Одновременно по врагу наносились и вспомогательные удары.

Мы получили устную директиву, согласно которой 1-я танковая армия должна быть готовой войти в прорыв и развивать успех 5-й гвардейской армии в направлении Томаровка – Богодухов.

За сутки мы спустились по рокадной дороге на юг примерно на 30 километров. Проходя по местам недавних боев, повсюду видели мы искореженные машины, темные остовы танков, разбитые орудия, опрокинутые повозки. Наконец корпуса стали за правым флангом 5-й гвардейской армии, которой командовал А. С. Жадов. После мощной трехчасовой артиллерийской подготовки и сильных ударов авиации гвардейцы 5-й армии прорвали фашистскую оборону и к середине дня продвинулись до 5 километров.

Затем противник предпринял ряд контратак, и продвижение соединений армии Жадова замедлилось. С 12 до 13 часов им на помощь для допрорыва главной полосы обороны были брошены передовые бригады корпусов первого эшелона нашей 1-й и 5-й гвардейской танковых армий. Танкисты нанесли удар в направлении Ново-Александровка – Степное и вскоре выполнили поставленную задачу. Вместе с пехотинцами они разгромили гитлеровцев в главной оборонительной полосе и, продвигаясь вперед, уничтожали уцелевшие вражеские очаги сопротивления. Через некоторое время поступили донесения о том, что 200-я танковая бригада 11-го гвардейского танкового корпуса и 49-я танковая бригада 8-го гвардейского механизированного корпуса вышли в районе Томаровки ко второй полосе обороны противника, где встретили сильное сопротивление. В то же время 32-я танковая бригада 29-го танкового корпуса и 110-я танковая бригада 18-го танкового корпуса прорвали вторую полосу обороны и перерезали железную дорогу Томаровка – Белгород.

Итак, во вражеской обороне образовался коридор, в который и были введены две танковые армии – 1-я и 5-я гвардейская.

В памяти моей запечатлелось грандиозное движение советских танков, вошедших в прорыв. Мы шли по правой стороне пятикилометрового коридора двумя корпусными колоннами. Слева таким же порядком двигалась 5-я гвардейская армия. Нас прикрывала с воздуха эскадрилья «ЯКов». Между колоннами сохранялась зрительная связь. За всю войну еще никто из нас не видел такого скопления советских танков на столь узком участке фронта.

Пройдя коридор прорыва, корпуса развернулись и вступили в

бой с гитлеровцами. Как я уже рассказывал, 1-я танковая армия получила задачу: развивая успех соединений 5-й гвардейской, наступать в общем направлении на Томаровка – Богодухов – Валки, перерезать пути отхода противника на юго-запад.

Наступление развивалось успешно. В первый же день наши соединения продвинулись на 15–30 километров и отсекли белгородскую группировку врага от томаровской. В ночь на 4 августа соединения 8-го гвардейского механизированного корпуса прорвали вторую полосу обороны противника в районе Домнино и начали стремительно продвигаться на юг. Во второй половине дня 4 августа мы вывели 11-й гвардейский танковый корпус из-под Томаровки и бросили его вслед за 8-м гвардейским механизированным. Развивая успех, эти соединения продвинулись к середине дня 6 августа на 50 километров. В это время отличился наш 31-й танковый корпус, находившийся во втором эшелоне армии. Вместе с 5-м гвардейским танковым корпусом, который был подчинен нам, 5 августа он окружил в районе Томаровки и почти полностью уничтожил 19-ю немецкую танковую дивизию.

Расскажу, как это произошло. До Богодухова оставались считанные километры. Штаб 1-й танковой армии продвигался вслед за первым эшелоном. Почти без задержек катили мы по дороге, обсаженной деревьями. Справа – роща, за ней укрытая садами Томаровка. В воздухе нестихающий гул орудийной канонады. И вдруг кто-то из офицеров штаба, двигавшихся впереди, остановил свою машину, выскочил из нее и вскинул к глазам бинокль. Мы тоже остановились.

Что это? Из дальней Томаровки и примыкающей к ней рощи выходят танки и на больших скоростях идут наперерез. Судя по всему, они намерены выйти в тыл передовым частям армии и ударить во фланг нашему второму эшелону. В бинокль мы различаем кресты на броне.

Шалин передает приказание правофланговой бригаде 11-го гвардейского корпуса немедленно повернуть под углом девяносто градусов навстречу фашистским «Тиграм». 31-й танковый корпус, по бортам машин которого гитлеровцы каждую минуту могли обрушить огонь своих пушек, тоже изменил направление и пошел на сближение с фашистскими танками.

Так неожиданно возник довольно крупный танковый бой. И правофланговая бригада 11-го корпуса, и части 31-го корпуса, сближаясь с немецкими танками, стали зажимать их с двух сторон в клещи. А решил все удар с тыла 5-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенанта А. Г. Кравченко, наступавшего правее, за Томаровкой, по параллельному

маршруту. Как только его боевые дозоры донесли, что разгорелся жестокий бой, Андрей Григорьевич Кравченко повернул свои бригады и стремительно вышел в тыл 19-й танковой дивизии врага.

Гитлеровцы заметались. Дорога на запад, юг, север для них закрыта. А тут еще на помощь наседающим с трех сторон советским танкистам подоспела штурмовая авиация.

Бой был недолог. Совместными усилиями дивизия противника была разгромлена. Более 50 вражеских танков остались на поле боя. Командир 19-й танковой дивизии генерал Шмидт был убит осколком бомбы. Его штабную машину с документами и личными вещами пригнали на КП армии наши танкисты.

Большая группа немецких солдат и офицеров сдалась в плен. А в Томаровке мы захватили сорок пять исправных, готовых к бою «Тигров». Они, как видно, только-только вышли из ремонта.

За пять дней наступления соединения 1-й танковой армии прошли с боями около 100 километров. К исходу 7 августа передовой отряд 11-го гвардейского танкового корпуса, в котором действовала 22-я танковая бригада полковника Н. Г. Веденичева, ворвался в Богодухов. Большого сопротивления противника мы здесь не встретили. Город занимали тыловые части, не ожидавшие столь внезапного появления советских танков, и потому на нашу долю достались богатые трофеи. Целые склады продовольствия, инженерного имущества и строительных материалов позднее были отправлены в Киев, чтобы помочь восстановить столицу Украины.

Захватили мы в городе и большие запасы горючего – около 700 тонн. Но, к сожалению, воспользоваться им не удалось. На другой день после взятия Богодухова немцы бросили на город эскадрильи бомбардировщиков, обрушивших бомбы в первую очередь на склады горючего. Бомбили яростно. Землю сотрясали оглушительные взрывы. Маленький зеленый городок окутало пеленой черного дыма. Пришлось бросить часть сил на тушение пожаров.

Итак, 1-я танковая армия поставленную задачу выполнила. Но 10 августа мы получили новый приказ: резко повернуть на юг, развивать наступление на станцию Валки с тем, чтобы перерезать железную и шоссейную дороги Харьков – Полтава и к исходу 12 августа, овладев районом Кочубеевка – Максимовка – Чутово, передовыми отрядами выйти к Полтаве и Карловке. В ночь на 11 августа 1-я танковая армия возобновила наступление. Мы выслали группу разведчиков и саперов в тыл противнику с задачей взорвать полотно железнодорожной линии, связывающей

Харьков с Полтавой. В два часа ночи саперы, несшие с собой 120 килограммов тола, подошли к полотну дороги и, заняв круговую оборону, приступили к работе. Через час большой участок железнодорожного полотна взлетел на воздух. Своими смелыми действиями саперы на некоторое время лишили фашистов возможности подбрасывать подкрепления по железной дороге в этот район. К этому времени гитлеровцы спешно сосредоточили южнее Богодухова свои резервы – дивизии «Мертвая голова» и «Викинг» 3-го танкового корпуса. Они не только оказали упорное сопротивление, но и предприняли яростные контратаки, стремясь отбросить нас назад на север.

После жестокого боя врагу удалось отрезать наши 112-ю, 49-ю и 1-ю гвардейскую передовые бригады от главных сил и отбросить их от железной дороги Харьков Полтава к реке Мерчик. Утром 12 августа мы приняли решение нанести удар из района Александровка совместно с 22-м гвардейским стрелковым корпусом 6-й гвардейской армии и к исходу дня снова выйти в район станции Валки. Командиру 31-го танкового корпуса генералу Черниенко я приказал прикрывать левый фланг армии. 5-я гвардейская армия должна была нанести встречным удар на Новую Водолагу.

Вначале события развивались благоприятно. 200-я танковая и 6-я мотострелковая бригады 6-го танкового корпуса незаметно просочились в тыл гитлеровцев и вновь перерезали железную дорогу Харьков – Полтава. Но основные силы армии не выполнили поставленную задачу. Они были разбросаны на широком фронте, и мощного лобового удара на Александровку не получилось.

Пришлось немедленно перейти к обороне в 20–30 километрах южнее Богодухова, на рубеже Марефа – Александровка.

Противник прилагал отчаянные усилия, пытаясь силами 3-го танкового корпуса при мощной артиллерийской и авиационной поддержке выбить нас с наспех оборудованных позиций. Напор врага нарастал с каждым часом. Теперь наша армия оборонялась в одноэшелонном построении. Все три корпуса развернулись на переднем крае и, организовав подвижные засады на высотах, опушках рощиц, окраинах населенных пунктов, вели тяжелые изнурительные бои. Фашистские атаки не прекращались. Гитлеровцы вели непрерывный артиллерийский и минометный огонь, бомбили наши боевые порядки, не такие уж плотные к этому времени. Так, например, пять танковых бригад, оборонявшихся на рубеже Александровна – Сухины – Крысино имели всего 40 танков, причем половина из них легкие.

Тяжелый удар принял на себя 31-й танковый корпус. Здесь на

долю храбрецов-танкистов, действовавших испытанным методом подвижных засад, редко-редко выпадали короткие, в минуты, передышки. Да и те, можно сказать, были весьма условными. Ведь вражеский огонь не прекращался. И вот одна из таких «условных передышек» закончилась более чем печально.

Командир 31-го танкового корпуса генерал-майор Дмитрий Хрисанфович Черниенко находился на своем КП, оборудованном в наспех отрытой щели. Подготовить более надежное укрытие в горячке неугасающего боя просто не было времени. Рядом с генералом Черниенко сидели радисты и телефонисты. Они помогали командиру корпуса поддерживать непрерывную связь с командованием армии и подчиненными, передавали его распоряжения, принимали донесения из бригад.

Гитлеровцы в тот день не раз бросали на позиции корпуса свои танки. Очередной бой разгорелся невдалеке от КП комкора у перелеска. Немцы не выдержали удара танкистов и отошли, оставив у перелеска несколько обгоревших и подбитых машин.

Огонь немного утих, и Дмитрий Хрисанфович, чтобы размяться, выпрыгнул из узкой щели. В это время за перелеском грохнул залп немецкого шестиствольного миномета «скрипухи», как метко окрестили это оружие бойцы. Одна из мин разорвалась рядом со щелью. Черниенко упал, сраженный осколком.

Так погиб один из самых умелых и храбрых командиров. Меня всегда покоряли его изумительное спокойствие и выдержка, даже в самые критические минуты. Ни близкие разрывы снарядов, ни свирепая бомбежка – ничто не выводило Дмитрия Хрисанфовича из душевного равновесия.

Как сейчас, вижу: в такой же щели, что и под Богодуховом, на одном из первых оборонительных рубежей Курской битвы Черниенко стоял и руководил боем корпуса. Перед ним развернутый планшет. Выслушав только что переданное донесение бригады, он начал наносить на карту те изменения, что произошли в обстановке. В это время два оглушительных взрыва тяжелых снарядов взметнули землю перед щелью и позади нее. Груда земли рухнула и на наше укрытие, а Черниенко как стоял, так и не шелохнулся. Только неторопливо стряхнул песок с планшета и продолжал как ни в чем не бывало вычерчивать условные знаки на карте.

Кое-кто еще при жизни генерала Черниенко говорил: «Дмитрий Хрисанфович командир серьезный, умный, но малость медлительный». Что значит медлительный? Медлительность – черта в характере командира отрицательная, чреватая большими, а подчас и непоправимыми бедами не только для него самого, но и для войск, им возглавляемых. Но Дмитрий Хрисанфович,

командуя 49-й танковой бригадой, а затем и корпусом, ни разу не промедлил принять ответственное в динамике боя решение. Ни разу не опоздал он с выполнением приказа.

Не медлителен был командир 31-го танкового корпуса, а строг к себе, к каждому своему шагу, к каждому своему слову. Никогда не принимал он решения очертя голову, а объявлял его лишь после того, как взвесит все до мельчайших деталей. А приняв решение, настойчиво, с поразительной точностью выполнял свой замысел, уверенно шел к поставленной цели.

Погиб Дмитрий Хрисанфович Черниенко на рубеже, прикрывающем Богодухов. И похоронили мы его в том же зеленом, стоящем на высоком холме городе, за освобождение которого наш молодой генерал отдал свою жизнь.

Между тем атаки противника южнее Богодухова не ослабевали. Через несколько часов гитлеровцы потеснили пас на 3–4 километра. Большего им добиться не удалось. На помощь к нам пришли части 5-й гвардейской танковой армии и 32-й стрелковый корпус, которые стояли левее нас, к востоку от Богодухова.

В конце концов общими усилиями к 16 августа мы остановили наступление на этом участке фронта фашистских танковых дивизий.

После этого 1-ю танковую армию повернули на запад, где противник, создав в районе Ахтырки крупную группировку, пытался окружить 27-ю армию генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко, а затем выйти к Богодухову. Здесь танкисты вместе с частями 27-й и 4-й гвардейской армий успешно парировали контрудар гитлеровцев. Из-за больших потерь в людях и технике к 22 августа нам пришлось отвести в тыл шесть танковых бригад. Остальные соединения поддерживали стрелковые дивизии 4-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Г. И. Кулика и 26 августа вышли в район большого украинского селения Котельва.

На том закончилось участие 1-й танковой армии в Белгородско-Харьковской операции.

Да, еще один эпизод того времени, о котором стоит упомянуть. Как я потом узнал от знаменитого украинского партизана, позднее заместителя Председателя Президиума Верховного Совета УССР Сидора Артемовича Ковпака, наши танкисты, войдя с боем в Котельву, избавили его жену от нависшей над ней опасности. Вот-вот она могла попасть в кровавые лапы гестаповцев.

Не знаю точно, что делала в Котельве жена Ковпака. Скорее всего, выполняла задание партизан. Проживала она в селе, разумеется, нелегально, хоронилась у добрых и надежных людей,

бродила из дома в дом. Сегодня там переночует, завтра – в другом месте.

Однако местные полицаи каким-то образом пронюхали, что в селе скрывается жена вожака партизан. Фашистские ищейки предприняли усиленные поиски. Облава следовала за облавой. Уже перед самым нашим приходом полицаи напали на след женщины. И приди мы в Котельву днем позже, жена Ковпака оказалась бы, вероятно, в лапах гестапо.

С завершением Белгородско-Харьковской операции советским войскам открылась дорога на Днепр. Наша же 1-я танковая армия получила приказ: сосредоточиться в районе города Сумы и поступить в резерв Ставки Верховного Главнокомандования. В том же приказе говорилось, что мы остаемся на довольствии Воронежского фронта, 20 октября переименованного в 1-й Украинский.

Два ночных перехода – и мы у места назначения. Штаб армии расположился неподалеку от города, в сосновом бору и в деревне Песчаная. Благодатные места. Но и в резерве Ставки хлопот много, и любоваться красотами природы было особенно некогда.

Как обычно, в первую очередь отправились с Н. К. Попелем в Сумской обком партии. Мы считали своим партийным долгом помочь местным советским и партийным органам нормализовать жизнь только что освобожденного города.

Кругом следы оккупации; дома разрушены, мосты взорваны, выведены из строя электростанция, водопровод. А на улицах, окрестных полях и дорогах на каждом шагу взрывные сюрпризы.

В обкоме договорились, что наши саперы разминируют наиболее опасные участки дорог и полей. Кроме того, выделили группу ремонтников, которые помогли колхозникам привести в порядок уцелевший сельскохозяйственный инвентарь.

Одновременно готовились к новым боям, зная по опыту, что танковые войска в резерве долго не задерживаются. Время уходило на ремонт боевой техники, оружия и на боевую подготовку.

Неожиданно нам пришлось испытать, что такое «резервные невзгоды». Прошло всего несколько дней, как мы перебрались под Сумы, а тыловики франта словно и забыли о существовании 1-й танковой. Внезапно перестало поступать горючее и смазочные материалы, а потом и продовольствие.

Запрашиваю работников фронтового тыла: в чем дело, почему нас забыли? На наши запросы никакого ответа. Вероятно, тыловики решили, что раз армия в резерве, то как-нибудь продержится на местных ресурсах.

Правда, на ближайшую станцию поступали кое-какие

продукты, но у нас не было бензина, чтобы заправить грузовики и перебросить эти продукты в части.

Пришлось снаряжать пешие экспедиции. А до станции 15 километров. По размытой дождями скользкой дороге бойцы тащили на плечах мешки с хлебом, мясом, крупой. После изнурительных боев наши люди даже не, имели возможности отдохнуть, а главное, готовиться к новым боевым операциям.

Терпели день, два, неделю. Затем собрали Военный совет армии, посоветовались и отправили Верховному Главнокомандующему телеграмму.

Позднее Яков Николаевич Федоренко рассказывал мае, что, получив нашу телеграмму, Сталин вызвал его к себе. Верховный был в ярости:

– Как это называется? Наплевательство! Выжали из армии все, что смогли, и выбросили ее как негодную тряпку! А армии еще воевать и воевать… Немедленно поправить дело и доложить мне!

Не прошло и четырех часов после отправки телеграммы, а армейский телеграф уже выстукивал: «Вам занаряжены эшелоны с горючим…».

Указанные эшелоны пришли по железной дороге под разгрузку прямо в адрес 1-й танковой, минуя базы снабжения Воронежского фронта.

Снабжение горючим и продовольствием вошло в норму, и мы с легким сердцем взялись за неотложные дела, связанные прежде всего с повышением боевой готовности соединений.

Прошло еще несколько дней, и мы получили телеграмму из Ставки, обязывающую меня и члена Военного совета Н. К. Попеля прибыть в Кремль к Верховному Главнокомандующему. Через час-другой я разговаривал по ВЧ с Яковом Николаевичем Федоренко. Он пояснил, что в Кремль на совещание вызываются все командующие и члены военных советов танковых армий. Тут же попросил меня, чтобы я во время пребывания в Москве сделал доклад в Академии механизации и моторизации об оборонительных и наступательных боях 1-й танковой армии на Курской дуге и во время Белгородско-Харьковской операции.

Начали готовиться к поездке. Шалину и Никитину прибавилось хлопот. Они обобщали опыт, накопленный танкистами и мотострелками в минувших сражениях. Привлекали к этой работе начальников служб, офицеров штаба.

Доклад в академии – дело ответственное. Поэтому я тщательно просматривал и отбирал подготовленный материал. Думал, что слушателей больше всего будет интересовать, как крупное объединение бронетанковых сил, каким является армия,

вело оборонительные бои. Ведь в наших уставах, выпущенных перед войной, об этом было сказано мало.

Но как подойти к освещению этого вопроса? Видимо, за исходное надо взять опыт оборонительных боев 1-й гвардейской танковой бригады под Орлом и Мценском осенью сорок первого. Ведь они дали толчок к осмысленному использованию танков в борьбе с наступающим противником, значительно превосходящим нас в технике и в живой силе.

Что же принципиально изменилось теперь, в сорок третьем, по сравнению с первым периодом войны, когда мы на мценских рубежах встречали метким огнем, чуть ли не в упор, надвигавшегося на нас бронированного противника? Тогда засада строилась на маневренных действиях – на переходах от укрытия к укрытию – одного, двух, реже трех танков. А теперь на Курской дуге, под Богодуховом и Котельвой наступающий противник сталкивается с засадами, в состав которых иногда входит десять, а то и более машин.

Это сравнение наглядно показывает, как за два года возросла огневая мощь наших танковых засад. И разве не тот же опыт открыл нам, танкистам, богатейшие возможности для применения более широкого и глубокого маневра на тех же оборонительных рубежах, для нанесения мощных огневых ударов?

Основа для победы заложена трудом всего народа. Мы же, танкисты, видели свою задачу в том, чтобы как можно искуснее использовать боевые машины, обогатить тактику наступления и обороны новыми боевыми приемами.

Наступил день отъезда в Москву. Отправляемся с Н. К. Попелем на двух легковых автомобилях, берем с собой еще «додж три четверти» с запасом горючего. Путь предстоит дальний: от Сум до Красной площади по карте ровно 769 километров. Тут на одной заправке и запасной канистре не доедешь.

Маршрут наш пролегал через Курск, Орел, Мценск, Тулу. Места в военную пору не раз хоженые. На сей раз Кондратенко при мне уже не в качестве шофера, а в качестве адъютанта, машину вел В. В. Дорожкин – новый шофер.

За Орлом открылись памятные места. Всматриваюсь в лощинки, всхолмленные поля, подступающие к дороге. Повсюду еще сохранились следы жестоких боев с гудериановскими полчищами, которые вела 4-я танковая бригада.

По овражкам и косогорам чернеют остовы фашистских танков. Вспоминаю места минувших боев. Вот по этой лощине проходили немецкие танки во время одной из многочисленных атак. Помню, что тогда на подходе к холмам, поросшим мелким

кустарником, боевые машины гитлеровцев были разбиты и сожжены.

А вон там на пригорке шумела вековая дубовая роща. В самые горячие часы Мценского сражения в роще находился мой командный пункт.

Но где же роща? Где столетние дубы? На скате холма торчат только обгорелые пни. Гитлеровцы то ли вырубили рощу на фортификационные постройки, то ли студеной зимой спилили на дрова.

И вот наконец наша машина въехала в Москву. В кабинете Я. Н. Федоренко непрерывно звонили телефоны.

Хозяин кабинета торопливо сообщил нам, чтобы были наготове. Через три часа состоится совещание у Верховного Главнокомандующего.

…В просторном кабинете Верховного собрались командующие 2-й танковой Семен Ильич Богданов, 3-й – Павел Семенович Рыбалко, 4-й – Василий Михайлович Бадацов, 5-й – Павел Алексеевич Ротмистров. Вместе с командующими приехали и члены военных советов всех пяти армий: Петр Матвеевич Латышев, Семен Иванович Мельников, Василий Георгиевич Гуляев, Петр Григорьевич Гришин, Николай Кириллович Попель.

Сталин поднялся нам навстречу из-за письменного стола. Как обычно, на нем был глухой, с отложным воротничком френч, в руках неизменная трубка. Верховный поздоровался с каждым из нас, и по его приглашению мы расселись по сторонам длинного стола для совещаний. Кроме нас, танкистов, в кабинете секретарь ЦК партии, он же начальник Главного политического управления Красной Армии и Военно-Морского Флота, Александр Сергеевич Щербаков.

Сталин вернулся к письменному столу, набил трубку табаком и сказал:

– Товарищи! Вместе с вами я хочу разобраться в некоторых организационных и штатных вопросах. Пусть каждый поделится своим опытом и расскажет, как он представляет себе организационную структуру танковых армий. В ближайшее время нам придется вести крупные наступательные операции, и мы должны быть к ним готовы.

Особенно запомнилось выступление П. С. Рыбалко. Оно содержало конкретное предложение, касавшееся всех присутствовавших командармов. Рыбалко вносил предложение максимального «облегчения» танковых армий. Он предлагал изъять из армейских штатов госпитали, санитарно-эпидемический отряд, дорожно-мостовые батальоны.

– Не нужны танковой армии, – убеждал он, – эти «довески».

Они сковывают танкистов, доставляют лишние хлопоты. Пусть танковые армии по медицинской части и дорожно-мостовому строительству обслуживаются войсками и учреждениями полевых армий, в полосе которых придется воевать танкистам.

Предложение Рыбалко заинтересовало Верховного, и он с интересом поглядывал на командармов.

После выступления П. С. Рыбалко попросил слово я и сказал, что не поддерживаю его заявление по следующим соображениям.

Наши врачи приобрели опыт по лечению ранений танкистов. Их ранения особенные, специфические, связанные очень часто с сильными ожогами. Кроме того, снаряд, попавший в танк, если и не пробивает броню, то делает откол ее внутри танка, нанося этим тяжелые повреждения.

В обычных полевых госпиталях не всегда найдешь таких специалистов. Врачи наших танковых госпиталей своим умением и опытом помогают нам сохранять самое ценное – золотой фонд армии, кадры танкистов. И если у нас в каждой операции будут новые госпитали, новые врачи, то многие танкисты не вернутся к нам в строй. Воинский коллектив танковой армии потеряет опытных, обстрелянных бойцов. И не случайно, комплектуя новые экипажи, мы всегда стараемся в составе экипажа, расчета оставлять одного-двух бывалых воинов.

А санитарно-эпидемические отряды? Разве можно назвать их «довеском» в танковой армии? При частой передислокации войск санитарно-эпидемические отряды идут впереди, проводя специальную разведку. История знает немало примеров, когда эпидемии уносили больше жертв, чем самые кровопролитные бои.

Да и опыт 1-й танковой армии подтверждает, насколько важны санитарно-эпидемические отряды. Я уже упоминал, что накануне Курской битвы мы попали в район, пораженный сыпным тифом, и только наш санитарно-эпидемический отряд отвел большую беду.

Верховный Главнокомандующий слушал внимательно.

Затем я сказал о дорожно-мостовых батальонах и попросил сохранить их в штате танковой армии. После успешного ввода танковой армии в прорыв она отрывается от полевых армий на трое-четверо суток и уходит далеко вперед. В таких условиях необходимо непрерывное снабжение танкистов боеприпасами, горючим и продовольствием. Необходимо также срочно эвакуировать раненых с ноля боя. Полагаться на средства и помощь полевых армий рискованно и ненадежно, и я попросил все тылы во вверенной мне армии оставить такими, каковы они есть. Они нам нужны и тормозить движение наших армий не будут. Я попросил Сталина дать нам в танковые армии гаубичную

артиллерию, пушек у нас много, а вот достать врага в укрытии и лощинах орудиями своих танков прямой наводкой мы не можем.

Верховный ходил вдоль кабинета, за нашими стульями, и курил. Выражение лица его непрерывно менялось.

После моего выступления Сталин спросил мнение других командармов. Они меня поддержали. Члены военных советов не выступали.

Относительно гаубиц Верховный Главнокомандующий сказал:

– Товарищ Катуков, у вас нет гаубиц не потому, что мы не хотим их дать, а просто гаубиц у нас нет сейчас, но скоро вы их получите.

И действительно, через некоторое время в штат танковых армий была введена гаубичная артиллерия.

Разговор о штатах в кабинете Верховного закончился. Сталин поддержал мою точку зрения, а это значило, что госпитали, санитарно-эпидемические отряды, дорожно-мостовые батальоны остаются в штатах танковых армий.

Затем Верховный предоставил слово Александру Сергеевичу Щербакову. Тот объявил, что всем командующим танковыми армиями решением Центрального Комитета и Советского правительства выделены в столице квартиры.

Мы поблагодарили за внимание. Но нам в то время было не до квартир. Мы торопились в свои армии: поля войны были тогда нашим постоянным домом.

Можно было бы и уезжать на фронт, но еще перед совещанием у Верховного Я. Н. Федоренко предупредил меня и Н. К. Попеля, что нас хочет видеть Михаил Иванович Калинин.

И вот мы в кабинете Всесоюзного старосты. Эта встреча оставила глубокий след в моей памяти.

– А ты большой драчун, я тебя знаю, – сказал, мягко улыбаясь, Михаил Иванович, как только мы поздоровались. – Да и земляки мы вроде… Слышал, как вы освобождали мои родные тверские земли.

Дальше из разговора выяснилось, что Михаил Иванович в курсе всех наших дел, хорошо знает, как воевали и 3-й механизированный корпус, и 1-я танковая армия. Оказывается, один из старейших политработников полковник Александров, служивший в политотделе тыла с первого дня формирования армии, регулярно сообщал Михаилу Ивановичу о наших боевых делах.

Александров писал Михаилу Ивановичу не случайно: они были старыми друзьями. Еще задолго до революции работали в Питере на одном заводе, на одном станке. Старый рабочий, коммунист с подпольным стажем, Александров пошел на войну

добровольно, хотя по возрасту и не подлежал призыву.

Н. К. Попель, хорошо знавший Александрова, характеризовал его как необычайно скромного человека, пользовавшегося большим уважением среди воинов тыла 1-й танковой. Именно из-за своей скромности старый большевик никогда никому и словом не обмолвился, что близко знает Калинина. Трудился добросовестно, как подобает коммунисту-фронтовику, делил вместе со всеми тяготы походной жизни. Жаль, что в горячее фронтовое время не удалось ближе узнать этого замечательного человека, представителя старой большевистской гвардии в наших рядах.

В беседе с нами Михаил Иванович интересовался жизнью танковых войск во всех подробностях: как мы решали боевые задачи на Курской дуге, как устроен фронтовой быт наших бойцов, в чем они нуждаются, как снабжают их продовольствием, обмундированием и всем необходимым для боя.

Беседа затянулась. Неловко было отнимать драгоценное время у государственного человека. Мы поднялись, но Михаил Иванович попросил нас задержаться на минуту. Открыл ящик стола, вынул маленькие красные коробочки и вручил мне и Н. К. Попелю боевые ордена, которыми Советское правительство наградило нас за Курскую битву. Я получил полководческий орден – орден Кутузова I степени. Его статусу как раз и отвечали действия нашей армии на огненной Курской дуге – переход от активной обороны к решительному контрнаступлению.

Обычно мы получали правительственные награды прямо на фронте. Ордена, как правило, высылали из Москвы для вручения генералам, офицерам, солдатам на месте. А наши ордена за Курскую битву, как мы потом узнали, Михаил Иванович специально приберег у себя. Решил вручить нам лично. Надо ли говорить, что такое его внимание тронуло нас до глубины души. На прощание Михаил Иванович подарил нам свою фотографию.

– Если вас кто обижать будет, пишите мне, – сказал он, провожая нас до дверей кабинета.

Мы пожелали Михаилу Ивановичу доброго здоровья и ушли. К сожалению, это была моя единственная и последняя встреча с удивительно обаятельным человеком, большим государственным, подлинно народным деятелем.

В Москве пробыли еще несколько дней. Утрясали дела в бронетанковом управлении. Я выступал с докладом в академии. Как прошел доклад, мне, конечно, сказать трудно, но слушатели были внимательны и, как я и предполагал, больше всего вопросов задавали о действиях танковой армии в оборонительных боях. Текст доклада, боевые схемы, составленные Шалиным и

Никитиным, оставил в академии.

Уезжая из Москвы на фронт, сделал маленький крюк – завернул в родной дом, под Коломну, в Большое Уварове. Решил повидать отца. Писали, что плох стал здоровьем, тоскует, удастся ли еще свидеться. Отца застал в тяжелом состоянии. Сильно одряхлел и беспрестанно болел Ефим Епифанович. Но о войне расспрашивал с большим интересом. Это была моя последняя встреча с отцом. В феврале сорок четвертого года его не стало… Бродил я по местам далекого детства. На луга вышел, поглядел на синь-даль приокскую, по-осеннему тихую, прозрачную. Хотел найти кого-нибудь из друзей мальчишеских и юных лет. Но никого не нашел. Все они сражались на фронте.

Каждый дом в Уварове, каждая тропинка, каждый камень воскрешали в памяти прошлое. Вспомнилось, как из покосившегося бревенчатого дома начал свой путь по длинной дороге жизни.

С корзинкой из ивовых прутьев, в которую мать уложила кое-какое бельишко да нехитрую деревенскую снедь, отправился я к отцу, в Питер. Как и большинство односельчан, поехал в столицу, на заработки, ибо с земли нашей коломенской песок да суглинок – большого урожая не соберешь.

Владелец молочной фирмы Сумаков принял меня на работу мальчиком. От зари до зари бегал я по городу: разносил заказчикам молоко, драил дверные ручки, протирал мокрыми опилками кафельные полы, мыл стекла витрин и дверей, молочную посуду.

И так на протяжении пяти долгих лет. Без выходных и отпусков. Интересно, что примерно в те же годы ту же судьбу разделили со мной ставшие потом прославленными военачальниками Павел Иванович Батов и Павел Алексеевич Курочкин. Они тоже служили мальчиками в гастрономических магазинах Петербурга.

Многие люди моего поколения после революции избрали солдатскую профессию потому, что войны на долгие годы стали тяжелой, но необходимой реальностью. Симпатии бедняков были на стороне новой власти рабочих и крестьян. Поэтому я, как и многие мои сверстники, попросился добровольцем в Красную Армию.

В составе группы войск особого назначения мне пришлось участвовать в подавлении восстания Донского казачьего корпуса, выбросившего пресловутый лозунг «Советы без коммунистов», воевать с белополяками в качестве конного разведчика 507-го стрелкового полка, затем ликвидировать остатки белогвардейских банд, в том числе известных тогда в Белоруссии

банд Булак-Булаховича, барона Кныша, Савинкова и других головорезов. Операции по борьбе с бандитами имели широкий размах в Могилевской губернии, в окрестностях Гомеля и по берегам реки Сож.

За эти годы я полюбил военную службу и твердо решил стать красным командиром, о чем не раз говорил своему взводному, носившему экзотическую фамилию Шейх-Калимуллин. Стремление мое нашло поддержку: как-то вызвал меня командир взвода и объявил:

– Поедешь, Катуков, в Могилев на командирские курсы.

Учились мы, не выпуская из рук винтовок. Нередко поднимали нас по тревоге и посылали в самые отдаленные районы Могилевщины, где бродили и терроризировали местное население бандитские шайки. Ранней весной двадцать первого года должны нас были направить на подавление кронштадтского мятежа. Начали грузиться, по тут пришло сообщение – погрузку отменить.

1 марта 1922 года на наших курсах состоялся выпуск молодых краскомов. Командирские свидетельства вручал Николай Каширин, тогда командир кавалерийского корпуса и старший войсковой начальник в Могилеве.

Выдали нам новое диагоналевое обмундирование, английские шинели, белые заячьи папахи, командирское снаряжение и наганы. Получил я также предписание явиться для дальнейшего прохождения службы в 27-ю Омскую стрелковую дивизию, входившую в состав Западного военного округа.

Штаб Западного военного округа находился в Смоленске. Командовал округом Михаил Николаевич Тухачевский. Стояла наша дивизия сначала в Орше, а затем в Вязьме. Зиму 1923-24 года провели мы в Смоленске.

Летом 1924 года вышли в лагеря в окрестности города. Однажды рано утром дневальный, стоявший на передней линейке, заметил человека, идущего по направлению к лагерю. Он был в шинели с зелеными петлицами. Такие в то время носили наши военные медики. Дневальный хотел было вернуть человека, но дежурный, находившийся тут же, сказал:

– Пусть идет. Этой тропкой лекпомы всегда ходят в госпиталь.

Каково же было удивление дежурного и дневального, когда тот, кого они приняли за лекпома, оказался не кем другим, как начальником Штаба РККА Михаилом Васильевичем Фрунзе. Зеленые петлицы запутали наряд. Оказывается, в то время такие же петлицы носили представители штаба РККА, а дневальный и дежурный, как и многие из нас, не знали этого.

Как тут же выяснилось, Михаил Васильевич Фрунзе приехал в Смоленск, чтобы проверить, как в частях округа идет летняя учеба войск. Вагон его стоял неподалеку от вокзала. Рано утром без сопровождающих направился он в нашу дивизию.

В лагере сыграли сбор. Михаил Васильевич, слегка прихрамывая, вошел в красноармейский клуб и неторопливо повел речь о текущем моменте, о том, что происходит в нашей молодой Советской республике, что делается за рубежами нашей Родины.

Говорил просто, так, что каждому красноармейцу все было понятно.

После полкового митинга в клубе остались командиры и политработники. Разговорился М. В. Фрунзе с нами, расспрашивал, кому и в чем надо помочь. Записал все предложения и пожелания себе в книжечку.

– Приеду в Москву, разберусь, ждать не заставлю, в ближайшее время получите ответ.

Кто-то пожаловался, что не только красноармейцы, но и командиры ходят в лагере в лаптях. Михаил Васильевич задумался, тень набежала на его лицо. Помолчав, сказал:

– Ничего не поделаешь, товарищи! Страна наша пока еще небогата. Так будем, где только можем, беречь народную копейку. Летом походим в лаптях, а на зиму сбережем обувь.

Прошло немного времени после его отъезда, как по всем вопросам, что он записал в книжечку, к нам в полк пришел ответ, полный, исчерпывающий. По всем пунктам – первостепенным и второстепенным – он принял решение.

И еще сохранилось в памяти. Зиму 1923-24 года, как я уже говорил, мы стояли в Смоленске. Каждую неделю в определенный день собирались в Доме Красной Армии. Командующий войсками Западного военного округа Михаил Николаевич Тухачевский читал нам лекции по истории военного искусства. Мне хорошо запомнилась лекция командующего о роли гаубичной артиллерии в войне. На ярких исторических примерах М. Н. Тухачевский показал, какие существенные изменения она внесла в вопросы огневой поддержки войск. Михаил Николаевич неопровержимо доказал, что недооценка царским правительством гаубичной артиллерии пагубно отразилась на действиях русских войск в ходе войны с Японией в 1904–1907 годах. Те же гаубицы при разумном использовании помогли японцам успешно провести ряд боевых операций.

Так учились мы, молодые краскомы, у замечательных советских полководцев гражданской войны и постепенно сами овладевали командирскими знаниями.

Осенью 1926 года меня послали учиться на «Выстрел» – в Высшую стрелковую школу усовершенствования командного состава. Многие из молодых командиров, ставших в Великую Отечественную войну крупными военачальниками, учились в двадцатые и тридцатые годы в этом учебном заведении.

«Выстрел» существовал еще в царское время, размещался в Ораниенбауме и назывался тогда Высшей офицерской стрелковой школой. В дни Октябрьской революции школа в полном составе во главе с начальником генерал-майором Н. М. Филатовым перешла на сторону Советской власти.

Нужно ли говорить, что Николай Михаилович Филатов – основоположник в России научной теории стрельбы из стрелкового оружия – пользовался в военных кругах громадным авторитетом. Еще в начале века его ценные труды получили признание не только на родине, но и за границей. Советское правительство также отметило научную деятельность Филатова высокой наградой – орденом Трудового Красного Знамени.

Когда я учился на «Выстреле», Н. М. Филатов уже не был начальником школы. Он работал тогда в инспекции пехоты и возглавлял стрелковый комитет РККА. Но приезжал к нам часто. Без преувеличения скажу, в то время в Красной Армии не было старших и средних командиров, которые не знали бы стрелковой линейки Филатова, к тому же большинство умело ею пользовались. Этот простейший прибор значительно облегчал управление огнем на полигоне и в бою.

«Выстрел», когда я учился, размещался в Лефортово, в одном из тех зданий, где ныне находится Академия бронетанковых войск. Летом мы ушли в лагерь. Раскинули палаточный городок на берегу речки Пехорка, что протекает вблизи села Быково, в 40 километрах от Москвы.

«Выстрел» готовил мастеров, я бы сказал, энтузиастов, огневого дела. Его питомцы, как правило, становились в войсках проводниками передовой методики огневой подготовки.

По окончании курсов я вернулся на старое место службы. 27-я Омская стрелковая дивизия квартировала в Витебске. Я был назначен в полковую школу. И тут же, как говорится с корабля на бал, попал посредником на большие маневры, проходившие в районе Полоцка и Дретуни. Корпусом, в который входила наша дивизия, командовал легендарный полководец, кавалер четырех орденов Красного Знамени Ян Фрицевич Фабрициус, а комдивом 27-й был герой гражданской войны и тоже кавалер четырех орденов Красного Знамени Степан Сергеевич Вострецов. В годы борьбы с белогвардейцами С. С. Вострецов командовал одним из полков Омской стрелковой.

С. С. Вострецов был талантливым, весьма самобытным человеком, большим оригиналом. По довоенной профессии кузнец, родом из Сибири, он обладал громадной физической силой. По старой памяти сам обучал молодых армейских кузнецов ковочному делу, а когда проводились состязания по ковке коней, неизменно участвовал в них и почти всегда выходил победителем.

И еще у Востроцова была страсть к иностранным словам. Привяжется к какому-нибудь редкому в обиходе слову и «мучит» его к месту и не к месту несколько месяцев. Потом, смотришь, полюбится ему другое слово и опять без конца пересыпает им разговор.

В штабе застать Вострецова было очень трудно. С подъема до отбоя проводил он в полках, в поле, на стрельбище. Занимался с командирами и красноармейцами. Знал в дивизии абсолютно всех, вплоть до ездовых и повозочных. Был к тому же прост в обращении с людьми и доступен каждому. Куда бы ни приходил, на собрание или на построение, никогда не выпускал трубку изо рта. Не случайно за глаза звали его «трубкой», но звали не зло, потому что все мы не только любили, но и боготворили нашего комдива – человека беспримерной храбрости и доброй души.

Среди командного состава 27-й стрелковой дивизии было немало способных, талантливых людей. Некоторые из них со временем стали выдающимися военачальниками, их имена вошли в великую историю борьбы советского народа с германским фашизмом.

В состав нашей дивизии входил 27-й артиллерийский полк. Дивизионом в этом полку тогда командовал Николай Николаевич Воронов – будущий Главный маршал артиллерии. Позже этим дивизионом командовал Валентин Антонович Пеньковский впоследствии генерал армии.

Валентина Антоновича я знал ближе потому, что мы не раз действовали вместе на маневрах и учениях. Он выходил в поле со своим дивизионом, а я с полковой школой, игравшей в таких случаях за стрелковый батальон. На разборах наши совместные действия в наступлении и обороне большей частью отмечались как удачные.

Так еще в те годы мы отрабатывали вопросы взаимодействия. Искали и находили способы, методы, обеспечивающие победное сочетание огня и маневра, тесную, локтевую связь пехоты с артиллерией на всех этапах боя. Опыт, накопленный в ходе учений в Белоруссии и на Смоленщине, в какой-то степени пригодился нам и в Великой Отечественной войне.

Я уже рассказывал, как в сорок третьем году на Курской дуге

мы снова встретились с В. А. Пеньковским. Правда, к этому времени масштабы нашей командирской деятельности стали другими. Напомню, что В. А. Пеньковский был тогда уже начальником штаба 6 и гвардейской армии. Но так же, как и в далекие годы командирской молодости, мы решали боевые задачи в тесном взаимодействии.

Почти шесть лет я командовал полковой школой, а в начале 1931 года меня назначили в соседний 80-й стрелковый полк начальником штаба. И вот в это время произошел решающий поворот, определивший дальнейшую мою военную судьбу.

Случилось это так. В апреле 1932 года 80-й стрелковый полк перебросили из Витебска в Борисов, что на реке Березина. Мне как раз в то время пришлось замещать командира полка. Только мы устроились на новом месте, как нежданно-негаданно пришел приказ: переформировать полк в 5-ю отдельную легкотанковую бригаду. Весь командный состав послали на переподготовку на шестимесячные бронетанковые курсы в Ленинград и Орел. А меня с хозяйственниками, младшими командирами и красноармейцами оставили в Борисове. Занялись мы строительством казарм, парков, домов для комсостава, Дома Красной Армии на историческом месте, получившем более ста лет назад наименование «Наполеоновские батареи». Судя по размаху строительства, новому танковому формированию придавалось большое значение. Строили мы и одновременно переформировывали подразделения стрелкового полка в танковые. Потом стали нас пополнять довольно усиленно специалистами. Пришлось нам принимать и боевые машины. Потихоньку, сколько позволяло время, осваивали танки.

Осенью вернулся с шестимесячных курсов командный состав. Приехал и командир вновь сформированной бригады Ян-Альфред Матисович Тылтынь. Поскольку я не имел специального образования, мне предложили или принять стрелковый полк, или остаться в штабе бригады начальником разведывательного отдела. Подумал я и решил пойти на разведывательный отдел, с тем, чтобы остаться поближе к новой боевой технике, к которой меня неудержимо тянуло.

Бригада в Борисове формировалась почти полгода. Срок немалый. За это время мне удалось изучить танки БТ и Т-26. Прибывшие в бригаду специалисты помогли нам пройти первоначальную практическую школу танкиста. К осени я уже уверенно водил боевые машины и стрелял из танковой пушки. Танковое дело увлекало меня. Но в то же время я понимал, что настоящему командиру-танкисту нужно куда больше знаний, что надо серьезно учиться. К этому меня обязывал долг не только

солдата, советского командира, но и коммуниста. В 1932 году коммунисты бригады приняли меня в члены партии.

Однажды я попросил товарища Тылтыня послать меня учиться в Академию механизации и моторизации.

– В академию пойдешь, – сказал комбриг, – но не с пустыми руками. Попробуй-ка сначала свои силенки на настоящем танковом деле. Прежде покомандуй учебным танковым батальоном.

Комбриг был прав. Много, очень много получил я, будучи командиром учебного танкового батальона, когда занимался подготовкой наводчиков, механиков-водителей и других специалистов. Потом комбриг временно поставил меня начальником артиллерии бригады, что также немало обогатило мои военные знания.

Глубокой осенью 1934 года пришел приказ, которым я был назначен начальником оперативного отдела 134-й танковой бригады, квартировавшейся тогда в Киеве. Тем же приказом мне предписывалось, передав временно должность заместителю, отправиться в Москву, на Академические курсы тактико-технического усовершенствования (АКТУС) при Академии механизации и моторизации. Пришлось распрощаться с Березиной и городом Борисовом, где я впервые познакомился со службой в танковых войсках.

Год провел я на академических курсах. Изучали мы материальную часть танков, находившихся на вооружении нашей армии. Много часов отводилось тактике бронетанковых и механизированных войск, радиоподготовке. Порой дни и ночи проводили на полигоне и танкодроме.

В конце лета 1935 года вернулся я в 134-ю танковую бригаду. Командовал ею Семен Ильич Богданов – впоследствии один из крупнейших советских военачальников, маршал бронетанковых войск, дважды Герой Советского Союза. Но и в ту пору он был всеми уважаемый. прекрасно знающий свое дело командир-танкист.

Штабная служба была не в новинку, и я довольно быстро освоился с обязанностями начопера. Коллектив в штабе и в частях бригады сложился боевитый, крепко спаянный. Занимались много. Нередко выезжали на командно-штабные учения. Проводили их западнее Киева, как раз в тех районах, где в третьем периоде Великой Отечественной войны нам пришлось сражаться с фашистами.

Бригаду частенько навещал командующий войсками округа Иона Эммануилович Якир. Возможно, это объяснялось тем, что 45-й танковый корпус, в состав которого входила наша бригада,

был создан на базе 45-й стрелковой дивизии, а Иона Эммануилович командовал ею в гражданскую войну. В танковом корпусе было немало ветеранов гражданской – соратников Якира, участвовавших вместе с ним в боях против белогвардейцев.

В 1937 году меня назначили начальником штаба 45-го танкового корпуса. Командиром корпуса был Николай Денисович Веденеев. Оренбургский казак, Веденеев в гражданскую командовал конными казачьими частями, а затем, как и многие кавалеристы, переквалифицировался в танкиста. Человек он был чудесный. Забегая вперед, скажу, что в Великую Отечественную войну Н. Д, Веденеев успешно командовал танковым корпусом во 2-й гвардейской армии, и ему было присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

До назначения к Веденееву почти семь лет проработал я в штабах. Службу штабную, не хвастаясь, знал неплохо, но тянуло в строй. Упросил в конце концов Николая Денисовича перевести меня на командирскую должность. И вскоре принял 134-ю танковую бригаду, ту самую, где после академических курсов был начальником оперативного отдела.

С бригадой и выступил в освободительный поход 17 сентября 1939 года, чтобы взять под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии.

Впервые встретились мы тогда с гитлеровскими войсками. Встреча эта произошла без каких-либо инцидентов. Начальником штаба бригады был З. Е. Хлопов – в прошлом преподаватель бронетанковой академии. Он прекрасно владел немецким языком и был уполномочен вести переговоры с гитлеровцами. После переговоров фашисты отошли за установленную демаркационную линию.

Наши политработники большую часть времени проводили тогда в селах, вели разъяснительную работу. На сходках и митингах объясняли крестьянам, что, собственно, произошло, как должна сложиться их дальнейшая жизнь.

Закончился освободительный поход, и мы вернулись, но уже не в Бердичев, откуда выступали, а в Проскуров (ныне город Хмельницкий). Расположились в старых казармах неподалеку от железнодорожного вокзала, по-своему исторических. Ведь они описаны А. Куприным в его «Поединке».

Простояли в Проскурове до 1940 года, когда меня вызвали в Москву в ЦК ВКП(б) и предложили принять 20-ю танковую дивизию. Уже сам вызов в ЦК говорил о том, какое значение в будущей войне партия придавала бронетанковым войскам и их командному составу. И действительно, бронетанковые войска сыграли в минувшей войне большую роль, поскольку трудно

представить себе любую стратегическую операцию без их участия.

Глава 14. С плацдарма – в прорыв

Вернувшись из Москвы в Песчаную, я снова с головой ушел в работу. Все мы прекрасно понимали, что на передышку вряд ли будет отпущено много времени, поэтому каждый час, каждая минута использовались для подготовки к новым боям. На стрельбищах щелкали выстрелы, на полигонах гудели моторы. В ремонтных мастерских стучали молотки и жужжали сверла. Дынеру и его помощникам приходилось трудиться без передышки. Мы поставили им задачу довести число боевых машин в армии до 552. Это тем более было необходимо, что новых машин нам пока не давали. На наши звонки сверху отвечали: вот вступите в дело, тогда и доведем боевую технику до полного штата.

Вечером, когда выдавались свободные часы, собирались в оперативном отделе. Здесь всегда можно было узнать о последних новостях с фронта, поспорить о дальнейшем развитии событий. На стене кабинета Никитина висела большая карта: красная ломаная линия показывала очертания фронта. На эту же карту Никитин наносил условными знаками и группировки гитлеровских поиск.

Пока мы находились в резерве Ставки, на фронте произошли большие события. Советские войска форсировали Днепр, освободили Киев и захватили обширный плацдарм на правом берегу реки. С этого плацдарма 1-й Украинский стремился развить наступление на запад. Однако после взятия Киева дальнейшее продвижение советских войск замедлилось. Более того, гитлеровцы перешли к активным действиям, чтобы хотя частично исправить положение – отбросить наши части за Днепр. Захват плацдарма нарушил связь между группами армий «Центр» и «Юг». Наши войска, занимавшие плацдарм, опасно нависли над крупной группировкой фашистских войск, занимавших Правобережную Украину.

Фашистское командование сосредоточило в районе южнее Житомира, восточное Казатина и южнее Фастова крупную ударную группировку в составе 15 дивизий, из которых 8 было танковых и моторизованных.

13 ноября эта группировка нанесла по войскам 1-го Украинского фронта мощный удар. В некоторых местах гитлеровцам удалось прорвать оборону наших войск и продвинуться на глубину до 40 километров. Но затем враг был остановлен.

В последних числах ноября 1-я танковая армия приказом

Ставки была передана в состав 1-го Украинского фронта. Место сосредоточения было указано на правом берегу Днепра, западнее Киева, в районе Святошипо – Жуляны – Софиевка Боршаговская.

Отдав приказ корпусам грузить гусеничные машины в эшелоны, а колесным идти своим ходом, мы с Н. К. Попелем отправились в Дарницу – пункт сбора армии.

Дарница стоит на левом берегу Днепра. В наши дни это новый благоустроенный район украинской столицы, а тогда это был небольшой поселок с железнодорожной станцией, разбитой бесчисленными бомбежками. На каждом шагу воронки, груды кирпича, обгорелые бревна. Железнодорожники, как и все жители округи, ютились в землянках. Погода слякотная. Грязища – ноги не вытащишь.

По рельсовым путям, восстановленным совсем недавно, ночью приходят в Дарницу эшелоны. Сгружаем с платформ танки, прибывшие из-под Сум, в том числе новые тридцатьчетверки. Снова число боевых машин в армии доводим до штата около 600. Тут же формируем для новых танков экипажи.

Танковая армия переправлялась через Днепр по шаткому понтонному мосту. Железнодорожные и автодорожные мосты взорваны гитлеровцами. Правда, военные железнодорожники за рекордно короткий срок – 13 суток – сумели восстановить железнодорожный мост. А другие мосты еще восстанавливались в спешном порядке. Остовы их были опоясаны лесами, вокруг копошились строители. Работы велись днем и ночью. Мосты были жизненно необходимы советским войскам, которые уже развернули широкое наступление на правом берегу реки.

Миновав разрушенный Киев и его пригороды уже затемно, по Житомирскому шоссе прибыли в Святошино – до войны дачный район Киева. Здесь в живописном и тихом уголке и расположился штаб армии.

Днем и ночью приходили на станцию эшелоны. С гомоном, криками, шутками высыпало на платформы пополнение – рязанские, ярославские, вологодские, уральские, сибирские ребята. Кое-кто из них уже понюхал пороху, другие знали о войне только понаслышке – из газет, рассказов вернувшихся по ранению земляков. Были среди них совсем юные, жизнерадостные офицеры – выпускники танковых училищ.

На казенном, канцелярском языке фраза «доведение армии до нормального штата» звучит бесцветно и нейтрально. А сколько забот и хлопот она скрывает! Долг командиров и штабов – всю эту массу людей подготовить, и как можно тщательнее, к тем самым драматическим часам и минутам, которые называются коротким словом «бой».

Чем выше подготовка каждого бойца, тем меньше потерь, тем выше его отдача на передовой линии. Бой ведь только со стороны кажется хаосом огня, грохота, дыма, крика, рева моторов. На самом деле – это сплав ума, изобретательности, опыта, высокой организованности и искусства. Да, искусства выходить победителем! Трудного, утомительного, но все же искусства.

Обычно мы подбирали танковые экипажи таким образом, чтобы в каждом из них было один-два опытных человека. Мы стремились, чтобы в процессе учебы все эти незнакомые друг с другом люди нашли общий язык, чтобы любой из них в тяжелую минуту мог заменить выбывшего из строя товарища. Словом, мы пытались каждый экипаж превратить хотя и в небольшой, но дружный коллектив. Это сложная, кропотливая работа. Мы уделяли ей максимум внимания и времени.

Были у нас и передышки между предбоевыми хлопотами. Встречались с интересными людьми. Как-то завернули к нам в Святошино художники Кукрыниксы – Куприянов, Крылов, Соколов – и писатель Леонид Леонов. Побывав в частях, они заехали к нам на КП. Мы пригласили их на обед. За столом разговоры о последних московских новостях, минувших боях, но больше о воинах-героях, что достойны кисти художника и пора писателя.

Но позволю себе опять вернуться к боевой обстановка тех дней в полосе 1-го Украинского фронта.

Вопрос ликвидации плацдарма и в декабре оставался для гитлеровского командования делом первостепенной важности. Против наших войск под Киевом действовала 4-я танковая армия генерала танковых войск Э. Рауса – мощное объединение, включавшее 30 дивизий, в том числе 8 танковых и 1 моторизованную.

Гитлеровское командование не сомневалось, что сумеет взять реванш. В декабре соединения 4-й танковой дважды наносили удары по нашим войскам: первый – из района Черняхова на Малин, второй – из района Коростень на Малин и Киев.

Но командование 1-го Украинского фронта, перегруппировав свои силы, создало мощную оборону, разбиваясь о которую, таяли соединения и части генерала Рауса. В конце концов 22 декабря гитлеровское командование вынуждено было прекратить наступление. Однако и в Ставке, и в штабе 1-го Украинского фронта прекрасно понимали, что вермахт отнюдь не отказался от своих замыслов, что, подбросив подкрепление, немецко-фашистское командование предпримет новое наступление.

Естественно, в этих условиях первоочередной задачей стало разгромить 4-ю танковую армию врага, отбросить ее остатки к

Южному Бугу и покончить с попытками гитлеровцев вернуть утраченные территории Правобережной Украины.

Реализовать эту задачу 1-й Украинский фронт наличными силами к тому времени не мог. Его дивизии в минувших боях понесли серьезные потери. Это обстоятельство отмечалось и в директиве Ставки, которую командование 1-го Украинского фронта получило 28 ноября: «…1. Наличных сил Николаева недостаточно для осуществления серьезного контрудара и разгрома сил противника. Необходимо поэтому не медля перейти Николаеву на жесткую оборону с задачей измотать силы противника силами артиллерии и авиации при попытках его наступления или отдельных атак».

Поэтому наша армия, а также 18-я армия генерал-полковника К. Н. Леселидзе были включены в состав 1-го Украинского фронта. По замыслу его командования главный удар наносили в центре фронта 1-я гвардейская армия генерал-полковника А. А. Гречко, 18-я генерал-полковника К. Н. Леселидзе, 38-я генерал-полковника К. С. Москаленко, наша армия и 3-я гвардейская танковая генерал-полковника П. С. Рыбалко. Вспомогательные удары наносили на флангах 13-я армия генерал-лейтенанта Н. П. Пухова, 60-я генерал-лейтенанта И. Д. Черняховского на Сарны – Шепетовку и 40-я генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко и 27-я генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко на Белую Церковь. Кроме того, фронту передавались 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса.

1-я танковая вводилась в прорыв в полосе наступления 38-й армии на участке шириной около 10 километров с задачей, развивая успех, стремительно наступать на Казатин.

Мы срочно начали готовиться к выполнению боевого приказа. День и ночь вместе с Н. К. Попелем разъезжал я по частям, проверяя их готовность к боям.

Наконец 20 декабря получили приказ: занять исходное положение для наступления в районе Грузкое – Бышев – Мотыжин – населенные пункты за рекой Ирпень, притоком Днепра, в 45 километрах западнее украинской столицы. Места хорошо знакомые по довоенному времени. Когда служил в Киеве, не раз приходилось выезжать сюда на командно-штабные учения. Решали тактические задачи на оборону и наступление, слаживали свой штаб. Разумеется, тогда и в голову не приходило, что пройдет два-три года, и в этих живописных украинских местах нам придется проверять свои знания и умения в кровавых боях.

Утром 24 декабря все мы находились в состоянии крайнего напряжения. Казалось, все готово для предстоящего наступления. Танки, до той поры рассредоточенные по рощицам и балкам,

выстроились в колонны и вышли на исходные позиции. Мы спланировали оперативное построение армии. На левом фланге вводился 8-й гвардейский механизированный, на правом-11-й гвардейский танковый корпуса. Во втором эшелоне – 31-й танковый корпус. С командующим 2-й воздушной армией генералом С. А. Красовскпм согласованы все детали взаимодействия танковых войск и авиации. С генералом К. С. Москаленко договорились о маршрутах движения. Нанесены на карту огневые точки противника в глубине обороны. Еще раз проверено количество боеприпасов и горючего. Обобщены данные разведки. Казалось, все готово. Но не могу отделаться от беспокойного чувства.

Пытаемся разобраться в боевой обстановке. Из показаний пленных и захваченных штабных документов мы уже знали, что перед нами обороняются 19-я и 25-я танковые дивизии противника, изрядно потрепанные в предшествующих боях. Нетрудно догадаться, что гитлеровцы должны подбросить резервы. Но откуда и сколько? Где они развернутся?

В штабе вместе с М. А. Шалиным, М. Т. Никитиным и начальником разведотдела полковником А. М. Соболевым «проигрываем» по карте возможные действия противника.

– Армия выйдет на этот рубеж. Что будут делать «ваши» войска? – спрашиваю я Соболева, склонившегося над картой.

С первых же дней работы сложилось так, что начальник разведотдела выступал в роли противника. В любую минуту он должен знать, что собираются делать «его войска», и дать точную справку о районе их сосредоточения.

– Я могу перебросить «свои» войска вот отсюда. – Соболев обводит острием карандаша синий круг, обозначающий район сосредоточения войск противника. – Правда, для этого мне потребуется трое-четверо суток. Но за этот срок вы сумеете выдвинуться к Казатину.

– Где вы нанесете удар по нашим флангам?

– Вот здесь. – Карандаш Соболева упирается в острие клина, направленного в сторону противника.

– Значит, передовые отряды выдвинем сюда. Здесь поставим заслоны. Как по-вашему, Михаил Алексеевич? – обращаюсь я к Шалину, мнение которого для меня всегда исключительно ценно.

Шалин соглашается с моим решением. Начальник оперативного отдела быстро наносит пометки на карту.

На своем вездеходе я двинулся вслед за наступавшими частями.

Моросил мелкий дождь. Снег потемнел. Пригорки и холмы в темных проплешинах. Скопившаяся в низинах вода разлилась в

широкие озера. Дороги развезло, а полем вообще проехать невозможно, даже бронетранспортеры буксуют. Но наступление, судя по докладам, развивалось успешно. Уже часа через три после ввода армии в прорыв танкисты оторвались от частей 38-й километров на десять.

Несмотря на облачность, большую помощь нам оказала авиационная разведка. Именно от нее мы узнали, что через станцию Попельня – сильный опорный пункт противника – по железной и шоссейным дорогам гитлеровцы угоняют в неволю советских людей и вывозят награбленное имущество. Со станции отправляется эшелон за эшелоном.

Разумеется, главные силы армии не могли подойти к Попельне так быстро, чтобы предотвратить массовый угон граждан и вывоз ценного имущества. Положение мог спасти только внезапный и стремительный рейд специально выделенного отряда. Прошу телефониста срочно соединить меня со штабом 8-го гвардейского механизированного корпуса, передовой отряд которого – 1-я гвардейская танковая бригада полковника В. М. Горелова – находится довольно близко от Попельни.

– Немедленно организуйте налет на станцию Попельня. Возложите эту задачу на Горелова.

Жду у телефона, когда из корпуса доложат, что бригада Горелова вышла на Попельню. Но проходит десять, двадцать минут, а из штаба корпуса – ни звука. В чем дело? Раздумывать некогда. Приказываю водителю гнать бронетранспортер в штаб Кривошеина.

В низкой хате с недавно побеленной печкой и иконостасом в красном углу сидит спокойный, розовощекий, тщательно причесанный полковник Александров, начальник штаба корпуса. На столе перед ним кипа бумаг, карт, схем. В руке остро отточенный карандаш. При моем появлении он вскакивает, вытягивается и докладывает, что командир корпуса в частях.

– А вы чем заняты? – спросил я.

– Готовлю материалы к решению командира.

– Какому решению?

– Связанному с захватом станции Попельня.

Взгляд мой невольно падает на аккуратно вычерченные диаграммы и схемы.

– Красиво нарисовано, ничего не скажешь! А знаете ли вы, – говорю я, пытаясь подавить в себе внезапно вскипевшую ярость, – что, пока вы тут занимаетесь рисованием, немцы угоняют в Германию советских людей?

– Да, но…

– Стало быть, знаете, и все-таки продолжаете спокойно чертить?

Полковник пытался привести в свое оправдание какие-то доводы, но я его не слушал. Мне был непонятен и чужд человек, который в ситуации, требующей немедленного решения, невозмутимо продолжал вычерчивать схемы.

Никогда не любил начальников-крикунов. Но тут я не выдержал и сказал полковнику, повысив голос, все, что я о нем думал.

– Где «серебряная» карта?

Тут следует пояснить, что в наших штабах были две закодированные карты – «золотая» и «серебряная». С помощью первой штаб держал связь с корпусами. С помощью второй корпуса, а в случае необходимости и армия, могли ставить задачи непосредственно бригадам. Разница между ними заключалась в кодировке квадратов – буквы и цифры на них были разные. Делалось это прежде всего для того, чтобы в случае перехвата наших приказов противник не понял наших истинных намерении.

Когда полковник подал мне «серебряную» карту, я попросил радиста срочно связать меня с Гореловым.

«Ласточка», «Ласточка»… – твердил он, словно заклинание, как мне показалось, очень долго.

«Ласточка» слушает… – послышался наконец в наушниках хорошо знакомый голос комбрига.

«Ласточка», – приказал я, – не ввязывайтесь в бои с противником. Обходите стороной населенные пункты. Цель – квадрат такой-то. Нашли?

– Нашел.

– Видите населенный пункт – первая буква П?

– Вижу.

– Захватите его как можно скорее и «сядьте ежом» на станции.

Что такое «сесть ежом», Горелову объяснять не нужно. «Сесть ежом» – значит занять круговую оборону.

– Не выпускайте на запад немецкие эшелоны и автомобильные колонны.

– Есть не выпускать! – весело отозвался Горелов.

С комбригом 1-й гвардейской нам повезло. Несмотря на свою молодость, Горелов был опытным, решительным и находчивым командиром. Недаром я всегда посылал Горелова на самые ответственные участки боя.

Не прошло и десяти минут, как сквозь треск и разряды послышался голос Горелова:

– Я-«Ласточка». Я-«Ласточка». К выступлению готов.

Как позже мне стало известно, комбриг умело обошел вражеские узлы сопротивления и в ночь на 26 декабря ворвался в Попельню. В этом населенном пункте немцы не ожидали появления наших танков и серьезного сопротивления оказать не успели. После короткого боя Горелов очистил станцию от противника и закрыл наглухо все выходы из Попельни.

– Что было… – рассказывал он потом. – Из вагонов высыпали женщины, ревут от радости, обнимают танкистов. Чуть было сами не угодили в плен… женский.

Оказалось, что на станции Попельня стояли готовые к отправке в Германию пять составов с «дешевой рабочей силой», несколько составов с крупным рогатым скотом.

Едва только вагоны с невольниками были открыты, как на станцию прибыл немецкий эшелон. Танкисты быстро обезоружили охрану. В вагонах эшелона оказались рождественские подарки для фашистских вояк – шоколад, вино, теплое белье, свитера, варежки. Правда, судя по этикеткам на вещах и продовольственных товарах, гитлеровское командование одаривало своих солдат за счет добра, награбленного в порабощенных странах Западной Европы.

После взятия Попельни открылась дорога к городу и крупному железнодорожному узлу Казатин. В это время из штаба фронта получили информацию, что противник решил на подходе к этому городу разбить наши корпуса. Для этого он создавал две сильные группы: одну в районе Бердичева, другую в 50 километрах от него. Кроме того, ранее он развертывал одну моторизованную дивизию севернее Казатина, но 1-я танковая армия смяла ее в начале наступления. Стремительное продвижение соединений 38-й армии и 11-го гвардейского танкового корпуса в сторону Бердичева сорвало вражеский замысел. Но вряд ли он от него отказался. По данным разведки, противник наметил район сбора ударных групп где-то южнее Казатина. Но где? Сколько дивизий? Каковы намерения гитлеровцев?

– Ищите «свои войска», – приказал я Соболеву.

Тот выслал вперед лучшего разведчика армии – старшего лейтенанта Владимира Подгорбунского. Надо сказать, что слава Подгорбунского была вполне заслуженной. На его счету значилось бесчисленное количество разведывательных рейдов в тыл врага, из которых старший лейтенант всегда выходил не только целым и невредимым, но и с ценными сведениями. О нем сложилось мнение как о человеке бесшабашном. Думается, что такую репутацию Подгорбунский не заслужил. На самом деле за его внешней удалью всегда скрывалась тщательная подготовка к

операции. Он не бросался в бой сломя голову, а сначала наводил о враге самые подробные справки, разнюхивал его слабые места, а затем сваливался противнику как снег на голову.

И вот теперь разведгруппа Подгорбунского отправилась в тыл врага. Миновав передний край, разведчики остановились у небольшого украинского села. Вокруг такая тишь, будто все вымерло, – верный признак того, что в селе затаился противник. Тогда Подгорбунский решил поиграть на нервах фрицев, чтобы вынудить их обнаружить себя. Он приказал выдвинуться вперед танку младшего лейтенанта Исаева. И тотчас же из ближайшего сарая выплеснулось пламя. Исаев круто развернул машину и скрылся за пригорком. Вслед ему поднялась беспорядочная стрельба из пушек и пулеметов.

Теперь Подгорбунскому нетрудно было подсчитать силы противника: три замаскированных танка, две противотанковые пушки, несколько пулеметов. С двумя танками и небольшим десантом такого ежа не возьмешь.

Подгорбунский применил такую хитрость. Танк Исаева вышел на бугор и открыл огонь. Его десант – саперы-разведчики – рассыпался в цепь. Гитлеровцы подняли отчаянную стрельбу. А тем временем Подгорбунский на втором танке с десантом автоматчиков обошел бугор и ворвался в село с тыла. На улицах сгрудилось до трех десятков машин и до полусотни повозок. Фашисты возились у кухонь, копались в машинах. Завидев мчащийся русский танк, они разбежались кто куда.

А перед селом шел бой. Исаев и саперы разыгрывали наступление, противник отбивал «атаку», даже не подозревая, что с тыла над ним нависла смертельная угроза. Когда наконец гитлеровцы поняли, что окружены, предпринять что-либо было уже поздно. Несколько пленных привез Подгорбунсклй из этого рейда. В результате допроса этих пленных, а также «языков», взятых другими разведгруппами, удалось установить, что южнее нас гитлеровцы сосредоточивают части 17-й танковой дивизии, 16-й моторизованной и 4-й горнострелковой.

Так, прощупывая силы противника на флангах, армия стремительно двигалась вперед. За двое суток наступления она прошла с боями 35–40 километров и вышла на рубеж Волнца – Лисовка – Зарубинцы – Сокольча – Великие Лисовцы – станция Попельня.

Дальнейшему столь же энергичному наступлению препятствовала оттепель. Не только колесные машины, но и танки буксовали в глубоких колеях.

Приходилось останавливаться, закрепляться на достигнутых рубежах, ожидая подхода артиллерии и тылов.

27 декабря штаб армии разместился в населенном пункте Липки. Донесения из корпусов поступали ободряющие.

– Овладел Андрушевкой, – сообщал А. Л. Гетман. – Продолжаю двигаться вперед.

– Вышел на рубеж Бровки – Хорлеевка – Вчерайше, – докладывал С. М. Кривошеий. – От Вчерайше до Казатина рукой подать.

Посоветовавшись с М. А. Шалиным, мы решили наступать, имея по-прежнему на правом фланге 11-й гвардейский танковый корпус, а на левом – 8-й гвардейский механизированный.

Но наступление вновь пришлось приостановить – из-за бездорожья тыловики запоздали с подвозкой горючего. Горючее наконец доставлено, машины дозаправлены. К тому же подморозило, и я приказал продолжать двигаться вперед. Ломая сопротивление мелких групп противника, передовые отряды 8-го гвардейского механизированного корпуса утром 28 декабря, пройдя за ночь 30 километров, подошли к Казатину. Овладеть городом лобовой атакой с ходу не удалось – враг был слишком силен.

По данным разведки, в районе города оборонялись подразделения трех пехотных, двух танковых и одной артиллерийской дивизий, четыре полка, шесть охранных батальонов и другие части – всего примерно 35 тысяч человек. Мы атаковали город с трех сторон: с севера, востока и юга.

Первой ворвалась в город группа разведчиков под командованием В. П. Подгорбунского – два танка с десантом автоматчиков на броне (всего 29 человек).

Гитлеровцы, как потом выяснилось из допроса пленных, ожидали нашего удара с севера, а Подгорбунский, обходя вражеские «ежи», взял левее и вышел к городу с востока. Разведчики стремительно промчались по улицам города, уничтожая на пути огневые точки противника, давя гусеницами и расстреливая из пулеметов живую силу врага. Разбив восемь орудий и уничтожив до сотни вражеских солдат и офицеров, они вырвались на привокзальную площадь. Туда как раз прибыл пассажирский поезд. В одном из вагонов находились штабные офицеры танковой дивизии. Несколько выстрелов тридцатьчетверок – и на вокзале поднялась паника. Гитлеровцы пытались отбуксировать состав в юго-западном направлении, но саперы-разведчики успели подорвать выходные стрелки пути. Подгорбунский выпустил по составу несколько снарядов и скрылся в ближайших переулках.

Пока разведчики наводили панику в городе, к его окрестностям подошел танковый полк подполковника Ивана

Никифоровича Бойко. Родом Бойко был из-под Казатина, из села Жорнище, и это сыграло немаловажную роль в том, что именно ему мы и поручили взять Казатин. Бойко был человек внешне медлительный, скупой на слово.

Задачу взять с ходу Казатин И. Н. Бойко получил, когда находился в 30 километрах от города. В это время экипажи танкового полка заправляли свои тридцатьчетверки горючим, пополняли боеприпасы.

Посоветовавшись со своими разведчиками, Бойко придумал оригинальный план двигаться в город по железнодорожному пути с включенными фарами. Тридцатьчетверки поднялись по крутой насыпи и пошли по полотну железной дороги к станции. Фары передних машин прорезали непроглядную темень.

Станция была уже совсем рядом, в каких-то трехстах метрах, а оттуда не раздавалось ни одного выстрела. Как потом показали пленные, завидев на железнодорожном полотне огни, гитлеровцы были крайне удивлены: откуда с советской стороны к ним спешит поезд. В том, что это поезд, они не сомневались. Решили: свой, запоздавший.

Фашисты спохватились слишком поздно, когда танки Бойко уже подошли к самому вокзалу. Сопротивление было бесполезным. Хотя немцы и открыли стрельбу, но судьба города уже была предрешена. Советские танки мчались по улицам, врезаясь в колонны машин, давя и сминая все на своем пути.

Танкисты и автоматчики шаг за шагом очищали железнодорожный узел от гитлеровцев. Группа бойцов, ворвавшаяся в глухой железнодорожный тупичок, обнаружила несколько фашистских солдат, поливавших бензином из канистр и ведер вагоны. Перебив вражеских солдат, танкисты открыли вагоны. Из них выходили худые, оборванные, испуганные люди. Выяснилось, что это советские военнопленные. Они знали, что гитлеровцы собираются сжечь их живьем. Можно представить себе, что пережили эти люди! Появись наши автоматчики в тупичке несколькими минутами позже – и состав превратился бы в крематории на колесах.

Вслед за танкистами Бойко с востока и юга в город ворвались и другие части корпуса.

Но гитлеровцы прекрасно понимали военное значение Казатина. Даже после того, как танкисты и автоматчики уже заняли город, отдельные группы фашистов продолжали оказывать отчаянное сопротивление. Их буквально приходилось выкуривать из подвалов и чердаков. Впрочем, у гитлеровцев не было выхода: бежать из города они не могли – он был окружен советскими войсками. И они не сдавались в надежде, что не сегодня-завтра

фашистское командование подбросит подкрепление и вернет город.

Утром вместе со штабом я приехал в Казатин, в котором еще слышалась перестрелка. Обосновались в подвале двухэтажного дома. Не успел я скинуть бурку, подаренную мне конниками Доватора, как перед окнами остановилась тридцатьчетверка. С брони спрыгнул Подгорбунский. Резко жестикулируя, он отдал распоряжения механику-водителю и направился в дом. Еще с порога отрапортовал:

– Товарищ командующий, гауляйтер прибыл. Гестаповец, чертей ему в печенку. Хотел удрать, собака, но мы его сцапали и в кутузку. Разрешите привести?

Получив согласие, Подгорбунский выскочил на улицу и вскоре вернулся с высоким, худым и чрезвычайно чопорным немецким офицером в форме СС. Подвал наполнился запахом духов, пудры и спиртного.

– Кто вы такой? – спросил я.

Пленный явно нервничал, хотя изо всех сил старался изобразить спокойствие. Не спеша снял фуражку с высокой тульей и, слегка изогнувшись в корпусе, ответил на ломаном русском языке:

– Я есть офицер… армии фюрер.

– Фамилия?

Гестаповец покосился в сторону переводчика, искривил тонкие губы.

– Я не разговаривать сюда…

– Ах, он не хочет разговаривать! – вспылил Подгорбунский. – Товарищ командующий, вот он чем разговаривал с нашими. – И старший лейтенант швырнул на стол нагайку. – В его кабинете нашел, еще тепленькая!

При виде нагайки гауляйтер сник, поежился.

– Товарищ командующий! – хрипло прошептал Подгорбунский. – Разрешите мне с ним поговорить. Так сказать, тет-а-тет. – И старший лейтенант потянулся за нагайкой.

– Отставить!

Подгорбунский пожал плечами, кинул на гестаповца испепеляющий взгляд и выскочил на улицу.

– Разрешите закурить? – Гестаповец вынул из кармана френча портсигар и, получив разрешение, щелкнул зажигалкой. – Я готов отвечать на вопрос…

Выяснилось, что перед нами довольно крупная птица – гауляйтер фон Хюбе, прославившийся в здешних местах зверствами над мирным населением. Я приказал немедленно отправить гауляйтера в штаб фронта.

Вечером мне принесли список отличившихся в бою. Память не в состоянии удержать все имена. Героизм был массовым явлением, и вот теперь, просматривая в архиве политдонесения того времени, на пожелтевших страницах нахожу строки, отображающие подвиг танкиста-комсомольца Беликова.

Танк, в экипаже которого находился молодой боец, мчался по городским улицам. Он разбил пушечным огнем десять вражеских автомобилей и искромсал тяжелое орудие. Но неожиданно на перекрестке глухих улиц в броню тридцатьчетверки ударил немецкий снаряд. Ударил со страшной силой. Беликов, оглушенный, на какие-то секунды потерял сознание. Когда же пришел в себя, окликнул товарищей по экипажу. Никто не отозвался. Все были убиты. А немцы между тем, скопившись на перекрестке, стали подбираться к подбитой машине. Советский воин встретил их пулеметным огнем. Гитлеровцы бежали, оставив перед танком несколько трупов. Но через некоторое время фашисты опять атаковали тридцатьчетверку. Но и на этот раз Беликов отогнал их пулеметной очередью.

Несколько часов Беликов отражал бесчисленные атаки противника. Отражал вплоть до того часа, когда город был полностью очищен от фашистской нечисти. Более 30 немецких солдат и офицеров уничтожил танкист-комсомолец. И дорого было то, что наш гвардеец, попав в крайне тяжелую обстановку, проявил мужество, сохранил веру в свои силы…

Освобожден Казатин. Разгромлена 20-я моторизованная дивизия врага. Захвачены немецкие склады – база снабжения южного крыла гитлеровских армий. Это были поистине гигантские склады с громадными запасами различного продовольствия: десятки тысяч тонн сахара, миллионы яиц, бочки вина, сыры в кругах, наподобие мельничных жерновов, сардины, анчоусы, мешки, ящики – всего не перечтешь.

69-й гвардейский танковый полк взял склады под охрану. Иван Никифорович Бойко был временно, до подхода наших тылов, назначен комендантом города. Позднее два фронта – 1-й и 2-й Украинские – снабжались продовольствием с этой трофейной базы. Много продуктов было вывезено в глубь страны.

Должен заметить, что успеху боев за Казатин способствовали решительные действия правофлангового 11-го гвардейского корпуса. Танкисты А. Л. Гетмана преградили путь немецко-фашистским войскам, отходившим к этому городу, чем значительно ослабили его гарнизон.

29 декабря армия закрепилась на рубеже Закутинцы – Туровка – Непедовка – Большая Чернявка. Подтягивались тылы, дозаправлялись машины.

Действуя в оперативной глубине (как я уже рассказывал), мы особое внимание уделяли охране наших флангов. В этой операции нас беспокоил до подхода стрелковых частей правый фланг – район города Бердичева. Туда вели дороги с запада и со стороны города Винницы. 29 декабря я поставил задачу командиру 11-го гвардейского танкового корпуса А. Л. Гетману совместно с частями 38-й армии овладеть Бердичевом. Командир корпуса направил к Бердичеву передовой отряд – 44-ю гвардейскую танковую бригаду, которой тогда командовал полковник И. И. Гусаковский, ныне генерал армии. Остальные части корпуса в ночь на 30 декабря вышли в район Панасовка – Пузырьки – Вел. Гадомцы – Гуровец, что в 15 километрах юго-восточнее Бердичева.

Основания для опасений за правый фланг у нас были. Враг в этот район перебрасывал из-под города Малин две дивизии.

Беспокоил нас и левый фланг. Тем более что авиаразведка сообщила: в лесу, восточное города Ружин, сосредоточено до сотни танков противника. Правда, эти данные нуждались в проверке. Вот почему начальник разведки армии полковник А. М. Соболев отправил в этот район разведчиков-мотоциклистов, которые прочесали лес и ничего не обнаружили, кроме 84 аккуратно сложенных поленниц. Их-то, вероятно, авиаторы и приняли за танки противника.

В канун нового, сорок четвертого года передовой отряд 11-го гвардейского танкового корпуса бригады И. И. Гусаковского попытался взять город с ходу. Бердичев был сильно укреплен. Вокруг города – минные поля, дзоты, врытые в землю танки. И все же с севера в Бердичев ворвался разведывательный дозор, которым командовал лейтенант Г. С. Петровский, смял боевое охранение гитлеровцев и обеспечил вступление в город танковых батальонов майора П. П. Орехова и капитана А. А. Карабанова.

Но едва наши первые машины пробились с боем к центральной площади Бердичева, гитлеровцы, успели подбросить подкрепление, ударили бригаде И. И. Гусаковского во фланг и отрезали батальоны Орехова и Карабанова от основных сил. Танкисты оказались зажатыми противником в кольцо на небольшом клочке земли. Попытки других частей 44-й гвардейской танковой бригады прорваться в город успеха не имели. Пять суток геройски сражались в окружении два танковых батальона.

В эти дни гитлеровское командование перебросило в район Бердичева и Казатина свежие силы. До 4 января враг контратаковал наши соединения, рассчитывая отбросить их на восток.

В районе западнее Казатина 8-й гвардейский механизированный корпус совместно с переданной армии 241-й стрелковой дивизией генерал-майора П. Г. Арабея отбил все атаки фашистов. А на правом фланге бригада И. И. Гусаковского в тесном взаимодействии с соединениями 38-й и 18-й армий 5 января после упорного боя освободили Бердичев. При этом в 44-й гвардейской танковой бригаде не было больших потерь. Сгорело всего несколько боевых машин, а около 10 подбитых танков мы быстро отремонтировали, и они участвовали в боях этой же операции. Говорить о каких-либо больших потерях не приходится, тем более что речь идет даже не об армии, а об одной бригаде, к тому же выполнившей свою задачу.

В ночь на 5 января армия получила задачу во взаимодействии с 17-м и 21-м стрелковыми корпусами 38-й армии нанести удар на юго-восток с тем, чтобы соединиться в Христиновке с войсками 2-го Украинского фронта и завершить окружение гитлеровской группировки, обороняющей в этом районе днепровский рубеж. Однако командованию фронта пришлось повернуть нашу армию на восток. В районе Винницы и Умани противник накапливал силы для мощного контрудара по левому флангу 1-го Украинского. И вот 7 января, когда наши разведчики были уже на окраине Гайсина, мы совершили поворот и к концу дня уже наступали на Жмеринку с задачей главными силами к исходу 8 января выйти к Южному Бугу на фронте Селище – Могилевка – Ворошиловка – Тывров и захватить переправы. Предстояло, по сути, провести операцию на глубину около 100 километров. Выполнив эту задачу, 1-я танковая перерезала коммуникации 8-й и 6-й гитлеровских армий.

На правом фланге двигался корпус генерала А. Л. Гетмана, на левом – генерал-майора танковых войск И. Ф. Дремова, сменившего С. М. Кривошеина. В качестве передовых отрядов действовали 1-я и 40-я гвардейские танковые бригады. Бригаду подполковника А. Бурды я оставил в резерве. Штаб армии находился в Липовце.

Украинская зима сорок четвертого выдалась необычно капризной. То повиснет густой туман и обледенеют дороги, то поднимется снежный буран… Тылы растянулись на 200 километров. Техническая служба еще не закончила эвакуацию застрявших в районе Казатина танков, а десятки машин уже ждали ее помощи в других местах. Аэродромы остались в глубоком тылу, да и нелетная погода не позволяла рассчитывать на помощь авиации. Части 38-й армии отстали, и фланги наши опять оголены.

Однако танкисты с боями продвигались вперед. Разведчики

под командованием старшего лейтенанта Подгорбунского подошли к станции Фердинандовка, что неподалеку от Винницы. Жители рассказали, что гитлеровцев в поселке нет. Разведчики обнаружили на станции коменданта – перепуганного пожилого немца, который немедленно поднял руки вверх. Из допроса пленного выяснилось, что со стороны Винницы вот-вот должен прибыть эшелон с войсками. И действительно, вскоре послышался стук колес и гудок паровоза.

Выполняя приказ разведчиков, дежурный по станции и комендант вышли на перрон встречать состав. Не подозревая об опасности, из вагонов высыпали офицеры и солдаты.

Подгорбунский дал вверх предупредительный выстрел из пушки, предлагая фашистам добровольно сдаться в плен. Гитлеровцы заметались по платформе, некоторые попытались отстреливаться, но, увидев нацеленные на состав танковые орудия, подняли руки.

Сведения, полученные в результате допроса пленных, имели тогда особую ценность. Нам было известно, что враг лихорадочно перебрасывает из Европы, а также с других участков восточного фронта свежие дивизии. Поскольку активные действия вел только 1-й Украинский фронт, нетрудно догадаться, что именно для противодействия ему и предназначены резервы. Но куда? На какой участок они будут брошены?

Допрос пленных показал, что против корпуса Гетмана южнее Винницы противник развертывает армейский корпус, прибывший недавно из Европы.

Под Винницей гитлеровцы готовились нанести нашим войскам контрудар, пытаясь отрезать передовые части 1-й танковой от основных сил и обрубить глубоко врезавшийся в их тылы клин.

Между тем силы армии были истощены предшествовавшими боями. В некоторых бригадах насчитывалось не более полутора десятков танков. Советуемся с Шалиным и Попелем: стоит ли в этих условиях бросать под Винницу последние резервы? Сходимся во мнении, что лучше всего дать возможность подтянуться отставшим стрелковым частям и тылам. Это решение оказалось верным.

А в это время 40-я гвардейская танковая бригада наступала на Жмеринку через Гнивань, а 1-я гвардейская – на Тывров – Жуковцы, обходя Жмеринку с юго-востока. При этом пришлось принять во внимание, что высокий хребет с крутыми, поросшими хвойными лесами склонами, протянувшийся от города на восток к Южному Бугу, не только мешал взаимодействию бригад, но и препятствовал осуществлению связи подвижными средствами.

Этот хребет нарушал и радиосвязь между бригадами.

Но главной преградой на подходе к городу был Южный Буг. Река в этом месте хотя и неширокая, но с крутыми, обрывистыми берегами. О том, чтобы переправиться здесь вброд, не приходилось и думать. Перебраться на западный берег можно лишь по железнодорожному мосту у Гнивани и по плотине и мосту у Сутиски, возле электростанции. Главное – с ходу захватить переправы. Тогда выход к Жмеринке обеспечен.

Рейд 1-й танковой бригады начался от Воровонницы. Обходя опорные пункты врага, первыми к плотине у Сутиски вышли танки старшего лейтенанта Костылева и лейтенанта Горбача, а также бронетранспортер лейтенанта Балюка. Здесь они стали свидетелями пограничного конфликта. Дело в том, что за Южным Бугом начиналась территория «Великой Транснистрии» – оккупированные советские земли, отданные Гитлером Румынии. Здесь нес пограничную службу отряд румын. Завидев советские танки, немцы пытались проскочить на западный берег. Но румынская застава вдруг потребовала соблюдения формальностей пограничного режима. Взбешенные гитлеровцы развернулись в цепь, открыли по пограничникам автоматный огонь. Пограничники ответили огнем из пулеметов и винтовок. Появившиеся танки Балюка и Гавришко быстро уладили пограничный инцидент: смяв обе конфликтующие стороны, они овладели плотиной и электростанцией, подготовленной врагом к взрыву.

Тем временем комбриг В. М. Горелов действовал исключительно умело. Он приказал перерезать провода, тянувшиеся из Сутиски в город, и выставил дозоры, не пропускавшие никого на запад. Горелов прекрасно понимал, что его главный союзник – внезапность.

Рано утром танки бригады подошли к Жуковцам. Немецкий гарнизон спал. Внезапно атаковав, танкисты разгромили колонну автомашин и тягачей с зачехленными орудиями на прицепе. Как впоследствии выяснилось, это был артиллерийский полк 371-й пехотной дивизии, только что прибывший из Югославии. Наши танкисты стремительно ворвались в Жмеринку с юга, нарушили связь противника. В городе началась паника. Немцы выскакивали на улицы, заводили машины, сталкивались, застревали в кюветах, бросали технику и бежали, куда глаза глядят.

Между тем разведчики прорвались к табачной фабрике, обстреляли оттуда эшелон с танками и пехотой, а затем двинулись к аэродрому, где находилось около 80 бомбардировщиков.

Слух о том, что в городе русские танки, видимо, достиг и

аэродрома. Об этом свидетельствовал рев двигателей. Один за одним в воздух поднимались самолеты, разворачивались и уходили на запад. Танкисты обстреляли аэродром и скрылись в узких улочках города. В это время раздался гигантский взрыв: гитлеровцы взорвали склад авиационных бомб.

Разведчики старшего лейтенанта Костылова и лейтенанта Горбача вместе с САУ-152, продвигаясь по одной из улиц, заметили, что навстречу им бежит человек в форме железнодорожника. Старший лейтенант Костылев остановил машину.

– На путях стоит эшелон с танками, – торопливо сообщил железнодорожник. – Я знаю место, где станцию будет видно как на ладони. Возьмите меня с собой.

Сопровождаемые патриотом, имя которого в горячке боя никто не запомнил, два наших танка и самоходка двинулись по улицам, тараня попадавшиеся на пути машины и повозки. Заняв позицию на восточной окраине Жмеринки, отважные разведчики целый день держали станцию и подъездные пути под обстрелом своих орудий.

Но какой бы страшной паника ни была, она рано или поздно прекращается. На следующее утро гитлеровцы пришли в себя. Разобравшись в обстановке, они бросили против бригады пехоту, танки и артиллерию. Так и не дождавшись 45-й гвардейской танковой бригады и не имея связи с командованием корпуса, Горелов с тяжелыми боями стал отводить бригаду к Сутиске. Располагая всего четырьмя машинами, он занял оборону на восточном берегу Южного Буга. Правда, вскоре ему на подмогу пришли из ремонта еще четыре танка. Но, узнав о тяжелом положении бригады, Гетман приказал ей отойти к Ильинцам.

Неудачно сложились дела у 45-й гвардейской танковой бригады, наступавшей на Жмеринку через Гнивань. С самого начала бригада наткнулась на подразделения 101-й горнострелковой дивизии противника и втянулась в бои. Время было потеряно. К тому же генерал Гетман был не в состоянии выделить достаточно сил для решительного удара на Жмеринку. Хотя бригаде и удалось захватить железнодорожный мост через Южный Буг, переправиться на левый берег она не смогла: враг успел подтянуть к мосту танки и артиллерию.

К сожалению, освободить Жмеринку 10 января 1944 года не удалось. Враг располагал в этом районе примерно десятикратным превосходством и в живой силе, и в технике. И все же героический рейд сыграл свою роль. Он помог на целые сутки задержать переброску гитлеровских резервов на восток. Танкисты сковали в боях три пехотные дивизии и вывели из строя

крупнейший аэродром. Смелые действия бригад 1-й танковой дали время 1-му Украинскому фронту подтянуть резервы.

С каждым днем усиливался нажим противника под Липовцом и Ильинцами. Гитлеровцы упрямо лезли вперед, стремясь во что бы то ни стало оттеснить 1-ю танковую и 38-ю армии, охватив их фланги. На каком-то этапе сражения противнику удалось кое-где потеснить наши части, но большего он не добился. Каждая атака обходилась врагу дорогой ценой. Итак, в бесплодных атаках, непрерывно нарываясь на танковые засады, огонь пушек, пулеметов, «Катюш», гитлеровцы постепенно выдохлись и перешли к обороне.

В Житомирско-Бердичевской операции 1-я танковая армия действовала все время на направлении главного удара. Завершив прорыв вражеской обороны, армия развила успех в глубину, с ходу овладела Казатином и тем самым рассекла группировку 4-й танковой армии противника на две части. Более того, выйдя совместно с 38-й армией в глубокий тыл 8-й полевой армии врага, оборонявшейся на Днепре, 1-я танковая создала условия для ее разгрома.

В ходе наступления наша армия продвинулась на глубину до 220 километров и освободила свыше 100 населенных пунктов Правобережной Украины. Во время этой операции бойцы и командиры продемонстрировали возросшее воинское мастерство. Наступление велось днем и ночью, ибо ночь позволяет внезапно и небольшими силами добиваться решающего успеха.

Героизм танкистов и мотострелков носил массовый характер. За ратные подвиги тысячи воинов были награждены орденами и медалями, а 12 наиболее отличившимся танкистам было присвоено высокое звание Героя Советского Союза, в том числе А. Ф. Бурде, И. К. Захарову, И. Н. Бойко, В. Н. Подгорбунскому, Г. С. Петровскому, П. И. Орехову.

В те зимние месяцы немало досаждали нам и бандеровские банды. На регулярные части они, разумеется, нападать не рисковали, но тылы беспокоили. Совершали диверсии, наносили предательские удары из-за угла. Пришлось выделить часть боевых средств для борьбы с вооруженными бандами, усилить охрану коммуникаций, госпиталей, тыловых учреждений.

И все же бандеровцы не унимались и по мере продвижения наших войск вперед наглели все больше. 29 февраля они совершили злодейский акт – тяжело ранили командующего войсками 1-го Украинского фронта Николая Федоровича Ватутина. Пал жертвой подлых рук бандеровцев и командующий бронетанковыми и механизированными войсками нашего фронта генерал-лейтенант танковых войск Андрей Дмитриевич Штевнев.

Гибель крупных советских военачальников, сделавших много для освобождения Украины от фашистского ига, вызвала глубокую печаль танкистов и гнев и возмущение против предателей Родины.

Вскоре из штаба фронта нам сообщили, что Н. Ф. Ватутин умер от раны и что его заменил Георгий Константинович Жуков.

А перед 1-й танковой армией ставились новые задачи. Еще при жизни Н. Ф. Ватутина развернулась знаменитая Корсунь-Шевченковская операция. Советские войска, преодолевая бездорожье, ликвидировали окруженную группировку врага. В этих боях участвовали 11-й гвардейский танковый корпус и 64-я гвардейская бригада, находившаяся в резерве нашей армии. Командовал ею, как я уже говорил, Александр Федорович Бурда. В боях под Богодуховом Александр Федорович был тяжело ранен и отправлен в госпиталь. Пролежал там несколько месяцев, а как только встал на ноги, опять вернулся к нам в армию.

Странное дело! Почти половина соединений 1-й танковой армии участвовала в Корсунь-Шевченковской операции, но нигде, даже в многотомной «Истории Великой Отечественной войны», не говорится об этом ни слова. Только недавно этот пробел восполнил генерал А. Л. Гетман в своих мемуарах «Танки идут на Берлин».

Корпус, возглавляемый А. Л. Гетманом, и бригада А. Ф. Бурды немало сделали для того, чтобы преградить фашистской группировке свободный выход из замкнутого советскими войсками кольца окружения.

Особое слово скажу о славном сыне Донбасса, Александре Федоровиче Бурде. К великому нашему горю, прощальное слово.

64-я гвардейская бригада вела упорные бои под Липовцом, где выручала танковый полк Ивана Бойко, попавший в тяжелое положение. Выручила, а потом громила гитлеровцев под Цыбулевом. Напор фашистов, рвавшихся из окружения, с каждым часом усиливался. Они искали лазейку для прорыва то на одном, то на другом участке фронта.

Командный пункт 64-й гвардейской бригады расположился на окраине деревни Сорока-Лещинцы. Казалось, 21 января ничто не предвещало скорого и серьезного боя в этом районе. Накануне 64-я гвардейская танковая бригада отразила несколько вражеских атак, рассеяла танки и пехоту гитлеровцев, нанесла им большой урон. Словом, лишила их надежды уйти в этом направлении из корсунь-шевченковского мешка. Откровенно говоря, мы читали, что, потерпев неудачу под Цыбулевом, фашисты станут искать лазейку на другом участке. Но произошло все иначе.

Неожиданно кто-то из танкистов-наблюдателей ворвался в

деревенскую хату, где размещался Александр Федорович Бурда со своими штабистами, и, запыхавшись от бега, прямо с порога отчаянно крикнул:

– Немцы!

Бурда моментально выскочил из хаты, застегивая на ходу шинель и прилаживая шлемофон. Буквально через минуту танк комбрига Александра Бурды занял огневую позицию.

Прогремел гулкими пушечными выстрелами вперемешку с пулеметной трескотней огневой бой. Александр Бурда и его товарищи отбили фашистскую атаку. Но сам Бурда погиб, обороняя командный пункт бригады. В тот же день участники боя – воины 64-й гвардейской танковой бригады – рассказали мне, как это произошло.

Александр Федорович Бурда, открыв огонь, чуть ли не первым выстрелом подбил немецкий танк. Но в это время фашистская болванка, за ней вторая, третья со страшной силой ударили в борт комбриговской тридцатьчетверки. Броню немецкие болванки не пробили, но от сильных ударов внутри боевой машины посыпались броневые осколки. Они-то и сразили Александра Федоровича.

С трудом бойцы экипажа вытащили через верхний люк умирающего комбрига. На броне тридцатьчетверки повезли его, истекающего кровью, на ближайший перевязочный пункт. Но не довезли. По дороге А. Ф. Бурда умер от ран. Рассказывали, будто последними словами его были: «Воевать надо учиться, ребята».

За три года войны, что мы вместе прошли с Александром Федоровичем, не было, пожалуй, ни одного крупного сражения, в котором он бы не участвовал. На Курской дуге он учил танкистов, как надо держать активную маневренную оборону в масштабах бригады, в Белгородско-Харьковской операции показал образец того, как надо водить танки в стремительное наступление. И закончил он свой боевой путь в Корсунь-Шевченковскон операции. Лихими налетами сковал противника на одном из участков, не дав ему выйти из котла.

Глава 15. Там, где начинали войну

4 марта 1944 года началась Проскуровско-Черновицкая наступательная операция войск 1-го Украинского фронта, на правом крыле которого находилась 1-я танковая армия. Фронт получил задачу: нанести глубокий охватывающий удар из районов Дубно – Шепетовка – Любар во фланг группе армий «Юг» с тем, чтобы разгромить вражескую группировку в районе Крсменец – Старо-Константинов – Тернополь.

В рамках этого замысла 1-я танковая армия согласно директиве фронта должна была выйти в район Тернополя, сосредоточиться восточнее его на участке 60-й армии И. Д. Черняховского в готовности нанести удар на юг. Наступая на юг к Днестру, мы должны были форсировать этот водный рубеж и освободить от гитлеровцев Северную Буковину. Таким образом, наша оперативная задача состояла в том, чтобы отрезать пути отступления немецкой группировке, которую теснили с востока левое крыло 1-го Украинского фронта и 2-й Украинский фронт.

Перегруппировку из района Погребище, где мы стояли в резерве фронта, в выжидательный район провели в два этапа. На первом этапе армия совершила комбинированный марш более чем на 200 километров. Танки и часть грузов пошли по железной дороге, автотранспорт и артиллерия следовали своим ходом по бездорожью только двумя корпусными маршрутами. Дело в том, что 31-й танковый корпус был превращен к этому времени в отдельный, и его забрали из армии для выполнения других задач. Вместо этого корпуса приказано было изъять из 8-го гвардейского механизированного корпуса 64-ю гвардейскую танковую бригаду и превратить ее в отдельную армейскую танковую бригаду.

Некоторые изменения произошли и в командном составе. Как я уже говорил, 8-й корпус вместо убывшего С. М. Кривошеина возглавил генерал-майор Иван Федорович Дремов.

Ивана Федоровича Дремова я знал еще по Витебской полковой школе, где он командовал взводом. Уже тогда меня подкупало в молодом взводном стремление к знаниям: каждую свободную минуту он отдавал книгам. В 1-ю танковую Иван Федорович пришел полковником. За плечами у него был уже немалый боевой опыт. На посту заместителя командира корпуса он проявил себя как офицер с широким военным кругозором. Среднего роста, с простым открытым лицом, добродушный в товарищеской обстановке, И. Ф. Дремов пользовался в корпусе большим авторитетом. Я рекомендовал его назначение с твердой убежденностью, что не ошибся в своем выборе.

Погибшего А. Ф. Бурду заменил Герой Советского Союза полковник И. Н. Бойко.

Во время марша я решил завернуть в Ружин – маленький городок на Житомирщине. Сделали круг, чтобы отдать последний долг нашему замечательному танкисту-гвардейцу Александру Федоровичу Бурде. Он был похоронен на площади. Над его могилой возвышался танк, один из тех, на котором он прошел по боевым дорогам многострадальной Украины.

Постояли несколько минут с обнаженной головой. Простились и тронулись вперед навстречу боям.

От Белгородки начался второй этап нашего марша. До выжидательного района оставалось более 100 километров. Их предстояло пройти своим ходом в течение двух ночей. Путь по весенней распутице, да еще в темноте, когда нет и звездочки в небе, нелегкий. Под ногами и колесами – слякоть непролазная.

Танки шли со скоростью один-два километра в час. К тому же им приходилось тянуть на буксире от одной шоссейке к другой колесные машины. Вытащат грузовик, тянут его метров пятьсот, смотришь, он опять увяз. И начинается все сначала.

Наша фронтовая дорога на этот раз лежала через городок, где перед войной формировалась 20-я танковая дивизия. Отсюда мы и выступили по тревоге 22 июня сорок первого года. Теперь, пользуясь случаем, заскочил я по дороге в бывший военный городок, в довоенный родной дом.

Городок вроде сохранился. Дома не взорваны, посадки не вырублены. Но кругом пустынно, двери в домах настежь, замки выломаны. В квартирах голые стены. Зашел в свою пустую квартиру – присесть не на что. На улице квартирные ключи, которые три года носил в кармане, забросил в кусты. Здесь задерживаться было незачем, да и некогда.

Путь был и дальше трудным, но все же главные силы танковой армии пришли в район восточнее Тернополя без опоздания – к 17 марта. Час в час, как и требовалось по приказу. Отстали лишь тылы, понтонный парк и часть артиллерии.

На новом месте прежде всего нужно изучить обстановку. Шалин развернул карту, на которой уже были нанесены некоторые данные.

Если сравнить обстановку, в которой 1-й танковой армии приходилось решать задачи обороны и наступления в топ или иной операции, вряд ли мы найдем что-то единое, повторяющееся. Наоборот, всякий раз менялись методы организации и способы ведения боевых действий. Тут, конечно, многое зависело от соотношения сил воюющих сторон, от природных и метеорологических условий. Что в одних условиях

было приемлемым, в других оказывалось совсем неподходящим. Так что и мне, и штабу всякий раз приходилось изыскивать наиболее целесообразные варианты боевых решений. И сейчас предстояло найти новый, наиболее правильный вариант.

Напомню читателям, что операция, в которой нам предстояло участвовать, впоследствии получила название Проскуровско-Черновицкой. Началась она, когда 1-я танковая находилась в резерве фронта, в районе Погребище. К этому времени южная часть советско-германского фронта вытянулась дугой на восток, на северном фасе которой действовал 1-й Украинский, на восточном – 2-й Украинский фронты. Ситуация складывалась таким образом, что в результате удара советских войск с севера на юг все вражеские дивизии, действовавшие на Правобережной Украине, могли оказаться отрезанными от центральных районов Германии.

Этой благоприятной обстановкой и воспользовалось Советское Верховное Главнокомандование. Рано утром 4 марта войска 60-й и 1-й гвардейской армий при поддержке 4-й и 3-й гвардейских танковых армий начали наступление с рубежа Ямполь – Корница – Изяслав – Шепетовка. К 10 марта войска ударной группировки фронта вышли на линию Волочиск – Черный Остров и подошли к Проскурову. Железнодорожная магистраль Одесса – Львов, основная питательная артерия группы армий «Юг», оказалась перерезанной. Но дальнейшее продвижение советских войск на этом участке застопорилось. Гитлеровское командование понимало, сколь серьезная угроза нависла над его соединениями, расположенными к востоку от Проскурова и Каменец-Подольского. Назревал очередной котел, которого в то время фашистские генералы боялись как огня. Поэтому в угрожаемый район срочно перебрасывались свежие части.

На какое-то время командованию группы армий «Юг» удалось стабилизировать линию фронта в этом районе. Да и наступательная сила советских армий к этому моменту ослабла. Они прошли с тяжелыми боями 80 километров.

Необходимо было нарастить силу удара. Уже 10 марта Военный совет 1-го Украинского фронта представил в Ставку свой план действий:

«1. По выполнении ближайшей задачи фронта, т. е. по овладении Тернополем и Проскуровом, считаю возможным после пяти-шестидневного перерыва продолжать наступление с целью выхода на реку Днестр и тем самым отрезать южной группе войск немцев пути отхода на запад в полосе севернее реки Днестр.

2. Главный удар силам 1-й и 4-й танковых армий, 1-й

гвардейской и 60-й армий (23 сд), усиленных артиллерией, и при поддержке всей авиации фронта нанести из района Тернополь – Волочиск – Проскуров в общем направлении на Чертков – Каменец-Подольский».

Ставка одобрила этот план, и наша армия была переброшена из Погребище (юго-восточнее Казатина) в полосу действий 60-й армии И. Д. Черняховского.

Под Тернополем в полуразрушенной хибарке разыскал командарма. Он удивил меня своей молодостью. На красивом с правильными чертами лице выделялись большие темные глаза. Стремительные, энергичные жесты…

Предварительные переговоры с Иваном Даниловичем о прорыве на юг не вселяли больших надежд. Даже такое впечатление создавалось, что для Черняховского и его штаба предстоящий прорыв был прямо-таки ножом острым.

– Понимаете, – говорил командарм, – мы еще после последних боев не успели оправиться. А тут новый приказ – вперед. Хоть бы дали маленькую передышку.

Подсчитали мы с Иваном Даниловичем наши боевые ресурсы. Прорыв предстоял глубокий, а мощными огневыми средствами мы не располагали. Больше чем 24 артиллерийских ствола на 1 километр фронта Черняховский дать не мог. А значительная часть артиллерии 1-й танковой армии, как я уже писал, поотстала.

Пехоты у Ивана Даниловича тоже было мало – редкие, редкие цепи. Но что делать? Подумали и в конце концов пришли к такому решению.

В ночь на 21 марта корпуса нашей танковой армии выдвинутся в первый эшелон 60-й армии и развернут по две бригады. Эти четыре бригады вместе с артиллерией и произведут короткий огневой налет по вражеской обороне. С воздуха нас поддержит штурмовая авиация. И вслед за танками поднимется пехота и пойдет в атаку.

И вот наступило сырое, туманное утро 21 марта. Со своего КП, оборудованного в полуразрушенном амбаре, я наблюдал в бинокль, как на пригорке, там, где протянулись вражеские траншеи, вставали и опадали разрывы. Едва кончилась артподготовка, как над головой раздался шум наших штурмовиков. На поле появилась наша мотопехота.

Уже первые донесения свидетельствовали о том, что прорыв осуществляется успешно. Сверх всякого ожидания нам удалось быстро взломать фашистскую оборону. Части 4-й танковой армии противника под Тернополем были не так сильны, как мы предполагали.

После нашего первого совместного удара в обороне гитлеровцев образовалась брешь шириной до 10 километров по фронту. В нее-то и вошли танкисты, пехотинцы и стали преследовать отходившие разрозненные фашистские части. На правом фланге армии наступал 8-й гвардейский механизированный корпус, а на левом 11-й гвардейский танковый корпус. Затем мы расширили брешь до 60 километров. Фронт 4-й немецкой танковой армии был разорван надвое.

Преодолевая сопротивление противника, танкисты в непогоду за трое суток продвинулись на 120 километров и захватили важный узел магистральных дорог город Чертков. К исходу 25 марта головные части армии вышли к Днестру. В район Залещики вышла 20-я гвардейская механизированная бригада А. Х. Бабаджаняна, а в район Устечко (20 километров северо-западнее Залещики) – 1-я гвардейская танковая бригада В. М. Горелова и 21-я механизированная бригада полковника И. И. Яковлева. За нами двигался 11-й стрелковый корпус генерал-майора И. Т. Замерцева, временно переданный нам из состава 1-й гвардейской армии генерал-полковника А. А. Гречко.

Само собой понятно, что боевой опыт, накопленный к этому времени советскими войсками в наступательных операциях, в значительной мере предопределил успех такого стремительного продвижения вперед. Важно уже то, что танковые и механизированные бригады научились решать боевые задачи без боязни за свои тылы и фланги. Нас, например, уже не пугало, что передовые танковые части, вырвавшись далеко вперед, оставляли позади уцелевшие опорные пункты врага. Бригады, действовавшие по направлениям, знали, что, как бы ни складывалась обстановка, соседи, в крайнем случае армейские или фронтовые резервы, придут им на выручку.

Итак, части нашей армии с боями подходили к Днестру. Мы шли древними подольскими шляхами, по которым когда-то мчалась кавалерия Богдана Хмельницкого, а в годы гражданской войны ходила в атаки красная конница.

А в те дни над Подольем висело хмурое мартовские небо. Рваные, низкие вечерние тучи, озарявшиеся вспышками выстрелов, торопились к горизонту. Разбрызгивая грязь, мой вездеход с надсадным ревом тащился по глубокой колее. Чуть ли не через каждую сотню метров – застрявшие грузовики, около них толпятся солдаты. В борт упираются десятки рук, и, глядишь, грузовик выкарабкивается из очередной колдобины. Трудно приходится бойцам, но лица их веселы. Наступление идет в хорошем темпе. К тому же впереди – государственная граница. Пройдут считанные часы – и передовые части 1-й гвардейской

танковой пересекут эту незримую, но столь важную линию. Она не только напоминает о таком высоком понятии, как Родина, но еще подводит черту под длительным и самым тяжелым периодом войны. Она, эта линия, напоминала, что война уходит с нашей земли.

Впереди у Днестра ухали взрывы бомб, стрекотали пулеметы, багровое зарево стояло у горизонта. Непрерывно гудел зуммер рации: из корпусов докладывали, что бригады стремительно выходят к Днестру. Я отдал приказ спешно форсировать реку, пока отступающий противник не организовал на противоположном берегу оборону.

Что произошло дальше, мне стало известно из последующих донесений.

В ночь на 24 марта разведывательные подразделения бригад Бабаджаняна и Горелова нашли на побережье полузатопленные рыбацкие лодки, сколотили из бревен и жердей плоты, приспособили другие подручные средства, переправились через Днестр и захватили на противоположном берегу небольшие плацдармы. Первыми берега, занятого врагом, достигли командир 3-й отдельной разведывательной роты 20-й гвардейской механизированной бригады младший лейтенант С. Я. Устименко и его подчиненные старшие сержанты А. П. Синицын и О. Ф. Каландюк. Вслед за разведчиками начал переправу мотострелковый батальон той же бригады под командованием капитана С. Д. Осипова.

На окраине села Романовка переправившимся подразделениям 20-й гвардейской механизированной бригады дорогу преградил интенсивный огонь вражеского пулемета. Уничтожить дзот вызвался автоматчик 3-й отдельной разведывательной роты гвардии рядовой Н. Г. Пигарев. Он благополучно подполз почти вплотную к огневой точке противника, но в последнюю минуту был ранен. И все же Пигареву удалось швырнуть в амбразуру несколько гранат. Пулемет умолк, но тут же заработал снова. Тогда боец бросился вперед и закрыл амбразуру своим телом. Залегшие было разведчики и мотострелки снова поднялись в атаку и выбили гитлеровцев из Романовки.

Хотя жертвенность была на войне не редким явлением, но, помню, подвиг Н. Г. Пигарева нас всех взволновал. По нашему ходатайству 26 апреля Николаю Григорьевичу Пигареву было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Имя его навечно занесено в списки полка.

Разведчики тем временем нашли широкий брод, по которому могли пройти танки. Однако большой планомерной переправы

войск организовать еще нельзя было: понтонный парк, входивший в состав армии, отстал. А без понтонного моста и паромов не переправишь на противоположный берег реки колесные машины и артиллерию.

Ночью в избу, где я остановился, пришел Соболев.

– Товарищ командующий, – быстро заговорил он, – совсем недалеко в одной деревне находится немецкий понтонный парк. Правда, в селе фашисты, но…

– Откуда у тебя такие сведения?

– Местные жители говорят, да и разведчики мои подтверждают. Вот бы нам его сейчас…

– Хорошая мысль. Но как его прибрать к рукам?

– А что, если послать Подгорбунского? Он на такие дела большой мастер… Вряд ли кто другой сумеет к нему подобраться.

Подгорбунский был человеком весьма сложной судьбы. Родом он из Сибири. Отец его в гражданскую войну сражался с белогвардейцами и погиб. Владимир Подгорбунский остался сиротой. Беспризорничал, скитался по стране. Потом попал в детский дом в городе Чите, там и воспитывался. Когда началась Великая Отечественная война, Владимир Подгорбунский подал заявление в военкомат с просьбой принять его в ряды Красной Армии добровольцем. Просьбу его удовлетворили, и он попал на фронт.

Геройски дрался с фашистами этот широкоплечий крепыш. Выполнял самые ответственные задания в разведке. Где жарко, там и он. Сначала был красноармейцем, потом сержантом, и за подвиги присвоили ему офицерское звание. За короткий срок стал капитаном, командиром роты.

Встретились с ним на берегу Днестра. Коротко объяснил я капитану, в чем суть дела, и по-дружески, не в порядке приказа, а именно по-дружески, попросил:

– Будь добр, товарищ Подгорбунский, уведи у немцев понтонный парк. Сослужи службу, век будем помнить. – И, шутя, добавил: – Учти, работа сдельная, за нами не пропадет.

Вижу, у Подгорбунского глаза загорелись. Знаю: необыкновенные дела для него любых радостей дороже. Козырнул старший лейтенант: «Будет исполнено» – и ушел к своим разведчикам.

В ту же ночь Подгорбунский со своей ротой отправился на задание. Как я потом узнал, он и на этот раз действовал лихо, дерзко, но расчетливо. Чтобы не заблудиться в пути, взял в проводники местного человека, из таких, конечно, кто нам симпатизировал, радовался приходу советских войск. А тогда таких в Приднестровье было большинство.

Глубокой ночью глухими тропами пробрался Подгорбунский со своими разведчиками через боевое охранение противника, с тыла ворвался в деревню, где находился немецкий понтонный парк, и как снег на голову обрушился на маленький фашистский гарнизон. В деревне, кроме понтонеров, никого не было. Под треск пулеметов и автоматов гитлеровцы разбежались, а наши разведчики, не теряя ни минуты, взяли на буксиры немецкие понтоны и привели их на берег Днестра, в село Устечко.

Главное сделано. А затем армейские саперы быстро соорудили понтонные паромы и стали перебрасывать на правый берег Днестра машины с горючим и боеприпасами. «Сдельная работа» командира разведроты В. Н. Подгорбунского, разумеется, не осталась незамеченной. За смелые, решительные действия, обеспечившие развитие операции, В. Н. Подгорбунский был награжден орденом Красного Знамени.

И вот трофейные паромы тянут по реке грузы. Но все же масштабы переправы не удовлетворяли нас полностью. Тем более что на прицеле у армии был центр Северной Буковины город Черновцы (Черновицы). Каждый час был на учете. Надо быстрее занять Черновцы и выйти на реку Прут, не дожидаясь, пока гитлеровцы накопят силы на этом направлении.

Задачу по захвату города Черновцы решили возложить на находившуюся в моем резерве 64-ю гвардейскую танковую бригаду полковника И. Н. Бойко. Действуя в качестве армейского передового отряда, бригада должна была выйти на реку Прут, захватить Черновцы и удерживать его до подхода главных сил армии. Задача, прямо скажем, рискованная. Дело усложнялось еще тем, что танки бригады предстояло перебросить на противоположный берег Днестра по тому же узкому броду, где переправлялись части 8-го гвардейского механизированного корпуса.

Бойко отыскал новый подходящий брод. Первым вызвался форсировать реку лейтенант П. Ф. Никитин. Его тридцатьчетверка быстро спустилась по отлогому берегу к воде, и механик-водитель уверенно повел ее к середине реки. Вздымая каскады воды, подступавшей почти к люку башнера, танк выскочил на противоположный берег Днестра. Вслед за Никитиным повели танки через водную преграду и другие экипажи. Переправившись на противоположный берег и сбивая заслоны противника, бригада устремилась на запад. За 7 часов она прошла около 80 километров. В 11 часов вечера 25 марта мне доложили, что Бойко овладел железнодорожной станцией Мощий. Это уже были северные окраины Черновцов.

Первым ворвался на железнодорожную станцию Мощий танк

лейтенанта Никитина. На станционных путях в это время стоял немецкий эшелон. Никитин прямым попаданием разбил паровоз. Эшелон, как видно, должен был пойти в Коломыю, но не ушел.

Отважный экипаж заметил, что к перрону вокзала подошел еще один немецкий эшелон. Снова Никитин первым же выстрелом подбил паровоз. Но тут лейтенант увидел, что фашисты поспешно сгружают с платформ танки. Прошло 10–15 минут, пока он выбрал удобную позицию. К этому времени выгруженные вражеские машины, построившись в колонну, двинулись по шоссейной дороге.

Находясь в засаде, Никитин выждал удобный момент, и, когда вражеская танковая колонна приблизилась, он первым же выстрелом поджег фашистский головной танк. Вторая машина, пытаясь обойти горящую, зацепилась за нее гусеницей и остановилась. На дороге образовалась пробка. Никитин немедленно воспользовался этим и открыл но колонне непрерывный огонь. За несколько минут ему удалось поджечь семь немецких танков.

Наконец гитлеровцы обнаружили советский танк, переходивший от укрытия к укрытию, и обрушили на него град снарядов. В конце концов им удалось подбить тридцатьчетверку. Под разрывами фашистских снарядов погиб лейтенант Никитин. Отважный советский танкист вместе со своим экипажем сорвал немецкую контратаку. Он нанес большой урон гитлеровцам и тем самым облегчил нашим частям продвижение к Черновцам.

После взятия Мощий Бойко предстояло форсировать реку Прут и перерезать все коммуникации, подходившие к Черновцам с запада и юго-запада. Тем самым немецкий гарнизон города оказывался в полукольце, что значительно снижало его обороноспособность. Мост через реку фашисты успели заминировать и усиленно охраняли. Сбить вражеский заслон у моста не удалось. Но зато разведчики бригады нашли брод в районе Каланчака (5 километров восточнее Черновцов). В 17 часов 28 марта бригада успешно форсировала Прут, намереваясь ударить по городу с востока. Почти одновременно к Черновцам подошли 45-я гвардейская танковая бригада полковника Н. В. Моргунова и 24-я стрелковая дивизия генерал-майора Ф. А. Прохорова. Танкисты и пехотинцы перебрались через реку в районе Ленковцы (2 километра северо-западнее Черновцов) и обошли Черновцы с запада.

Гитлеровцы намеревались обрушить на наши части свою авиацию. Но поднять с аэродрома Черновцов самолеты они не успели: на взлетное поле ворвались советские танки и расстреляли фашистские самолеты.

После двухдневного напряженного боя 29 марта город был полностью очищен от врага. Многие участники штурма были награждены орденами и медалями, а И. Н. Бойко за взятие города Черновцы первый среди советских танкистов получил звание дважды Героя Советского Союза. Соединения и части, отличившиеся при освобождении города, получили наименование «Черновицкие».

Встречать советские войска вышли все жители города Черновцы. Повсюду висели приветственные лозунги. Танкистов осыпали цветами. По просьбе горожан Военный совет нашей армии решил установить танк отважного лейтенанта П. Ф. Никитина на высоком пьедестале. Он стал памятником всем танкистам-гвардейцам, павшим в боях за город. Именем лейтенанта П. Ф. Никитина названа сейчас одна из улиц города.

С выходом на Днестр и Прут советские армии отрезали противнику пути отступления на запад. Части 4-й танковой армии под Черновцами оказались под угрозой окружения. Противник поспешно отходил на юг.

– Представляете, – рассказывал мне Попель, – вчера наши танкисты врываются в село, а там раненые фрицы. Видно, какой-то госпиталь. Вот до чего гитлеровские подонки дошли, даже раненых стали бросать… Тоже мне тевтонские рыцари!

А пока шли бои за Черновцы, части 8-го гвардейского механизированного корпуса, действовавшие на правом фланге нашей армии, повели наступление на город Коломыя и 28 марта заняли этот важный железнодорожный узел и вышли на ближние подступы к городу Станислав. На этом направлении смело и дерзко действовал передовой отряд 1-й гвардейской танковой бригады, и особенно заместитель командира 2-го танкового батальона 20-летний старший лейтенант В. А. Бочковский.

В этот исключительный по своей дерзости рейд отправилось 12 машин, экипажи которых состояли только из добровольцев. Они запаслись горючим, взяли полный комплект боеприпасов, приняли на броню десант автоматчиков. Комбриг Горелов приказал отряду действовать решительно, проскакивать деревни с ходу, ведя максимальный огонь, с мелкими подразделениями в драку не вступать. Главное, что требовалось от Бочковского, – как можно быстрее ворваться в Коломыю и захватить переправу через Прут.

Сбивая мелкие заслоны гитлеровцев, капитан Бочковский прорвался к Коломые, довольно большому городу, раскинувшемуся на реке Прут, близ чехословацкой границы. Здесь Бочковскому пришлось вступить в бой с «Тиграми». Танкисты дрались с исключительным мужеством. Когда с одной

из тридцатьчетверок взрывом сорвало башню, единственный уцелевший член экипажа заряжающий Землянов продолжал вести бой из лобового пулемета. За этот подвиг рядовому А. Е. Землянову впоследствии было присвоено звание Героя Советского Союза.

Обстановка для передового отряда складывалась неблагоприятная: гитлеровцы располагали в Коломые довольно крупными силами. Станция была забита эшелонами, на аэродроме то взлетали, то садились самолеты. «Тигры» открыли огонь по тридцатьчетверкам прямо с платформ, и под прикрытием их огня от станции в сторону Годы стали отходить эшелоны.

Уничтожив два «Тигра», В. А. Бочковский направил часть машин на перехват ушедших к станции Годы составов, а другую часть – «наводить порядок» на аэродроме. Вторая группа раздавила несколько самолетов, а перейдя, не только уничтожила три состава, но и взяла в плен 847 гитлеровцев, захватила 18 орудий, 150 лошадей.

День был на исходе, а Коломыя по-прежнему находилась в руках неприятеля. Бочковский попросил по радио комбрига В. М. Горелова помощи и сообщил, что намерен атаковать город ночью. Поздно вечером Горелов прислал подмогу – восемь танков и самоходные орудия.

В три часа ночи Бочковский двинул танки в обход Коломыи, оставив у станции одну машину, которая вела огонь, создавая видимость подготовки к атаке и отвлекая внимание гитлеровцев на себя. Захватив переправу через Прут, танки Бочковского на рассвете ворвались в Коломыю и, ведя огонь изо всех пушек и пулеметов, сломили сопротивление противника. Гитлеровцы бежали, бросая оружие, вплавь уходили за Прут, спасаясь от преследования в Карпатах.

Все участники рейда на Коломыю были награждены орденом Ленина.

Взяв Коломыю, мы лишили группу армий «Юг» крупного железнодорожного узла и не менее крупной базы снабжения. На складах этой базы захватили огромное количество муки и сахара, часть которых пошла на довольствие двух фронтов 1-го и 2-го Украинских, а часть была отправлена в тыл.

Запомнился и такой эпизод. Нам впервые сдался без боя целый полк – 41-й венгерский пехотный. После того как армия форсировала Днестр, этот полк не захотел больше драться под гитлеровскими знаменами. При первых переговорах офицеры полка заявили, что сдаться в плен в открытую они боятся. У всех в Венгрии остались семьи, и немцы могут с ними расправиться.

Тогда мы договорились, что полк приведет в наше расположение один из унтер-офицеров.

Каково же было наше удивление, когда о прибытии полка в село Устечко венгерский унтер-офицер доложил мне на чистом русском языке. Возможно, я запамятовал его фамилию, но вроде он так и доложил: «Унтер-офицер Иван Карпов».

Выяснилось, что по национальности он русский, жил в Закарпатской Руси и, как венгерский подданный, был призван в фашистскую армию. Этот самый Карпов был моим переводчиком, когда я разъяснял венгерским солдатам политическую обстановку тех дней. Потом на бланке полевой книжки я написал, куда сдавшиеся должны идти. Дал венграм проводника, и полк пошел в тыл без охраны. Как позже стало известно, все венгры пришли на место, никто из них не сбежал. Да и зачем бежать: со сдачей в плен для них кончилась бессмысленная война.

Когда в Устечко прибыл наш армейский понтонный парк, мы стали наводить мост и одновременно восстанавливать старый, разрушенный. Но работали только ночью. Днем гитлеровцы жестоко бомбили наши переправы. Не успели мы восстановить старый мост, как фашистские бомбардировщики снова его разрушили. Но как бы там ни было, мы продолжали переправлять свои войска через Днестр и в светлое, и в ночное время главным образом на паромах. Вскоре вся танковая армия перебралась на правый берег реки, на левобережье остались одни тылы.

И вот тут-то обстановка на нашем участке фронта чрезвычайно усложнилась.

С выходом войск 1-го Украинского фронта к Черновцам и Коломые была разгромлена крупная проскуровско-каменец-подольская группировка врага. Стратегический фронт противника был рассечен острым клином. Гитлеровское командование лишилось маневра по кратчайшим путям. Однако полностью окружить и уничтожить группировку противника не удалось: так называемой скалатской группировке, окруженной восточное реки Збруч, все же удалось прорваться на запад, поскольку и внутренний и внешний фронт окружения не был достаточно прочным. Двигаясь по левобережью Днестра на запад, гитлеровцы вышли в район Чертков – Хоросткув, где в то время находились наши армейские тылы. Там неожиданно развернулся бой.

В Черткове дислоцировался армейский сборный пункт аварийных машин. Как только на пункте узнали, что к городу продвигаются немцы, и довольно большими силами, ремонтники организовали оборону. Они вытащили на окраины населенного пункта подбитые, еще не вышедшие из ремонта танки, оборудовали огневые позиции. Солдаты, офицеры, находившиеся

на складах горючего, продовольственных базах, в хлебопекарнях, залегли в цепь, приготовились к встрече с врагом.

Под Чертковом произошел сильный бой. Наткнувшись на огонь тыловиков, гитлеровцы повернули в сторону от города.

Но 1-я танковая армия не вышла из тяжелого положения. Фашистские войска продолжали продвигаться по левобережью Днестра, и мы, находясь главными силами на правом берегу, оказались отрезанными от своих тылов. Горючее, боеприпасы, продовольствие поступали к нам по воздуху.

Пытались гитлеровцы ударить по нашим танковым частям и через Днестр, у населенного пункта Залещики, но из этой затеи ничего у них не вышло. Начальник штаба армейской артиллерии майор Константинов с одной 37-миллиметровой батареей отразил попытку фашистов сунуться на правый берег Днестра.

В столь сложной обстановке, когда бои шли и на внутреннем, и на внешнем фронте окружения, пришлось действовать отдельными частями и соединениями, бросая их то на один, то на другой угрожаемый участок.

Так в непрерывных боях проходили мартовские дни сорок четвертого года. Воевали мы плечом к плечу со стрелковыми корпусами. В районе Черновцов с нами соединился 11-й стрелковый корпус, которым командовал генерал А. И. Замерцев. Этот корпус понес большие потери в предшествующих боях. К нам пришел без тылов, да и артиллерии у него было маловато – десяток стволов, не больше. Корпус Замерцева мы сразу отправили в район Коломыи, где перешел к обороне 8-й гвардейский механизированный корпус.

Бои на фронте Коломыя – Станислав шли упорные и с переменным успехом. Гитлеровцы изо всех сил пытались вернуть Коломыю, этот важнейший в стратегическом отношении железнодорожный узел, и прорваться на восток на выручку своим окруженным войскам. Однако и 8-й гвардейский механизированный корпус не ослабил активности. В ночь на 31 марта боевые машины 1-й гвардейской танковой бригады с юга ворвались в город Станислав и обратили в бегство фашистский гарнизон. Но удержаться в городе генерал-майору И. Ф. Дремову не удалось. И людей, и техники у него было маловато, а гитлеровцы, узнав об этом, подтянули сюда до 30 танков, свыше 15 орудий, группы автоматчиков и истребителей танков с фаустпатронами и предприняли контратаку. Частям 1-й гвардейской после упорного боя к 10 часам утра пришлось покинуть город.

За время мартовских боев внешний фронт окружения, на котором действовала наша армия, растянулся по дуге от

Черновцов через Коломыю до Днестра больше чем на 200 километров. А тут еще приходилось не только сдерживать врага, но и выручать товарищей.

4 апреля гитлеровцы силами одной танковой и двух пехотных дивизий нанесли удар по нашему внешнему фронту. Особенно тяжело пришлось 18-му стрелковому корпусу генерал-лейтенанта И. М. Афонина, занимавшему оборону на левом берегу Днестра от Подгайцы до Марьямполя. Две его дивизии удерживали рубеж протяженностью до 35 километров. Немцы прижали корпус к реке и пытались перемолоть его части. Когда корпус уже едва сдерживал натиск врага, мы успели подбросить ему понтоны и переправили на правый берег реки все его части. И. М. Афонин и его люди вздохнули свободно. Однако крупная группировка врага, прорвавшая несколько ранее внутренний фронт окружения, вышла по образовавшемуся коридору к своим войскам.

Пережили мы в те трудные дни и радостные минуты. Одна из таких – приход танкового пополнения. Получила армия, правда в небольшом количестве, новые тридцатьчетверки, вооруженные не обычной 76-миллиметровой, а 85-миллиметровой пушкой. Экипажам, получившим новые тридцатьчетверки, пришлось дать всего два часа времени на их освоение. Больше дать мы тогда не могли. Обстановка на сверхшироком фронте была такая, что новые танки, обладающие более мощным вооружением, надо было как можно скорее ввести в бой.

Сам факт появления тридцатьчетверок с более мощным вооружением окрылял нас и вдохновлял на новые боевые дела. Ведь лучшего и желать не надо, когда видишь, что советские танки по своим тактико-техническим данным превосходят хваленые немецкие.

Мне в те дни приходилось почти непрерывно мотаться на машине по дуге 200-километрового фронта. Однажды приезжаю на участок обороны 40-й танковой бригады. Заместитель командира бригады майор Н. П. Барханов докладывает, что в этом районе появились фашистские «Тигры» и ведут себя крайне нахально.

– Дать бы им острастку, чтобы знали, как безобразничать, – сказал Барханов.

В моем скромном резерве находились два тяжелых танка ИС-2 с 122-миллиметровыми пушками, и я приказал их экипажам срочно прибыть в распоряжение 40-й танковой бригады. Пусть расправятся с обнаглевшими «Тиграми». Они прибыли, стали в засаду. Прошло совсем немного времени, как из-за пригорка появились «Тигры», держа курс на позиции, занятые бригадой. Но как только «Тигры» приблизились к нашей обороне, по ним из

засады ударили ИС-2 и расстреляли несколько фашистских машин. У одного «Тигра» от мощного снаряда, выпущенного 122-миллиметровой пушкой, сорвало башню.

Хороший урок получили в тот день фашистские «Тигры», и на участке 40-й танковой бригады они больше не появлялись. А мы тут же переправили ИС-2 в другой район, памятуя, что гитлеровцы не успокоятся и попытаются где-нибудь в другом месте прощупать нашу оборону. И действительно, вскоре наша разведка донесла, что противник готовит сильный контрудар на Станиславском направлении. Обстановка для нас к этому времени складывалась все хуже и хуже. Что 1-я танковая армия могла противопоставить фашистскому контрудару? Силы наши в эти весенние дни значительно поиссякли. Но все же удалось выделить небольшой резерв танков за счет ослабления некоторых спокойных участков. Пушки зенитной артиллерийской дивизии я приказал поставить на прямую наводку на танкоопасных направлениях.

И все же чувствую, что всего этого мало. Вряд ли наличными силами удастся парировать контрудар гитлеровцев. В первых числах апреля о своих опасениях доложил по ВЧ командующему войсками 1-го Украинского фронта Г. К. Жукову. Попросил поддержки.

– Все ясно. Поддержку получите, – ответил он. Вскоре в распоряжение армии поступили два танкосамоходных полка, на вооружении которых состояли 122– и 152-миллиметровые пушки. Полки эти только что прибыли на фронт. Где-то в глубине страны они были сформированы и укомплектованы личным составом. Экипажи самоходно-артиллерийских установок не имели еще боевого опыта, но в их стойкости сомневаться не приходилось. Настроение у личного состава в полках было приподнятое.

Вот только бы подучить их, опыт фронтовой передать… Но до того ли, когда с часу на час жди фашистского контрудара.

Первые атаки гитлеровцы обрушили на Обертын – крупный узел дорог северо-восточнее Коломыи, прикрывающий подступы к днестровским переправам. Фашисты ввели здесь в бой большое количество танков. В воздухе эшелон за эшелоном шли бомбардировщики. Они становились в «карусель» и непрерывно бомбили наши боевые порядки. Они же, как принято говорить по-фронтовому, прокладывали «ковер» для наземных войск, били в полосе контрудара по всем деревням подряд.

В этот горячий день я приехал в штаб 8-го гвардейского механизированного корпуса. Он находился в маленькой деревушке, неподалеку от Обертына. На окраине селения в хатенке, где размещался КП корпуса, меня встретил начальник

штаба полковник Владимир Порфирьевич Воронченко. Доложил обстановку. Но и без его доклада было ясно, что положение здесь тяжелое.

Немцы уже не раз бомбили деревушку. Фашистские стервятники чувствовали себя довольно свободно, поскольку наших истребителей в воздухе не было. Из-за непогоды они еще не успели перебазироваться на близлежащие аэродромы. Мы отбивались лишь зенитной артиллерией.

Очередной налет. Выскакиваем из хаты, бежим в сад. Там отрыты щели, одну из них начальник штаба отвел мне. 35 «Юнкерсов» пикируют на деревушку. Бегу к своей щели, а сверху с воем летят кассеты с бомбами. До моей щели еще метров пятьдесят – не добежишь, и я свалился в щель, находившуюся рядом. Сверху на меня еще кто-то падает, тяжело дыша… Задрожала земля… Нас оглушило, присыпало комьями земли, песком.

Но вот все стихло. Фашистские бомбардировщики скрылись за горизонтом. И мы увидели, что щель, предназначенная для меня, до которой я не успел добежать, разрушена прямым попаданием бомбы. Укрывался в ней в эти минуты адъютант командующего артиллерией корпуса… Другая фашистская бомба угодила в один из домов, где работали офицеры штаба.

Натиск гитлеровцев нарастал. Танки врага обрушились на наши подразделения, прижимали их к Днестру, пытались сбросить в воду. Опять выручила 76-миллиметровая батарея.

Видя, что над стрелками нависла смертельная угроза, офицер-артиллерист выкатил пушки на прямую наводку и прикрыл стрелков. Дал им возможность благополучно отойти на новый рубеж.

Вскоре у населенного пункта Незвиско гитлеровцы напоролись на танкосамоходные полки, присланные нам Георгием Константиновичем Жуковым. Встреча с советскими самоходками была для противника полной неожиданностью. Завязался ожесточенный бой. «Тигры», «Пантеры» и другие фашистские танки попали под перекрестный огонь самоходных установок.

122– и 152-миллиметровые самоходно-артиллерийские установки выиграли сражение. 70 танков врага огневыми факелами пылали под Незвиско. Гитлеровцы откатились и прекратили контратаки по всему фронту в Северной Буковине.

Танкосамоходные полки свою задачу выполнили. Правда, в кровопролитном скоротечном бою они тоже понесли значительные потери. Главным образом потому, что экипажи самоходно-артиллерийских установок впервые участвовали в бою.

Не было у них настоящего опыта для маскировки своих действий, не научились они еще быстро менять позиции, бить врага излюбленным танкистами методом – из засад.

Маршалу Советского Союза Г. К. Жукову кто-то доложил, что командование 1-й танковой армии неправильно использовало приданные ей самоходки. Полки вышли из строя, якобы потеряв напрасно много машин.

Началось следствие.

– Придется вам держать ответ за загубленные самоходки, – безапелляционно заявил председатель специально присланной комиссии.

– За что отвечать? – пытался я возражать. – За то, что обстановка потребовала немедленного ввода полков в бой?

Разве за два часа можно передать необстрелянным бойцам-самоходчикам практический фронтовой опыт танкистов, накопленный ими за три года войны?

Но мои доводы на комиссию не произвели особенного впечатления. Не знаю, как бы все обернулось, если бы на наш участок фронта не приехал Г. К. Жуков.

Встретили командующего. Поначалу разговор был суровым.

– Что вы тут натворили? Угробили танкосамоходные полки? – жестко спросил Г. К. Жуков.

Вместо оправданий мы проводили командующего под Незвиско, на поле только-только отшумевшего боя, где еще дымились остовы 70 сгоревших фашистских танков.

– Это сделали танкосамоходные полки, – сказал я.

Георгий Константинович долго стоял молча.

– Все понятно, – сказал наконец он и пошел к машине.

Следствие было прекращено. Как крупнейший военачальник, много повидавший за три года войны, Г. К. Жуков понял, что правда на нашей стороне. Поле на Незвиско сказало ему многое. Даже не было нужды что-то пояснять. Ведь наши самоходчики при всей своей неопытности потеряли по сравнению с немцами втрое меньше машин.

Через несколько дней подошли войска 38-й армии, которой командовал генерал Москаленко. 1-я танковая армия была выведена во второй эшелон фронта, заняла позиции на танкоопасных направлениях.

25 апреля 1944 года – большой памятный день в нашей боевой истории. Приказом Наркома обороны СССР 1-я танковая армия за проявленные высокий героизм и организованность личного состава, за успешное выполнение боевых задач, поставленных командованием, была преобразована в гвардейскую. Немного раньше, 16 апреля, приказом Верховного

Главнокомандующего корпусам было присвоено наименование «Прикарпатские». Теперь в армии было уже двадцать два Героя Советского Союза. Тысячи офицеров-танкистов получили ордена и медали. Мне присвоили звание генерал-полковника танковых войск и наградили орденом Суворова I степени.

…Во втором эшелоне дни затишья. По-прежнему стараемся ввести противника в заблуждение. Строим ложные позиции. Танки делаем из дерна, а пушки к ним ставим бревенчатые. Немцы перешли к обороне. И к нашей радости, не раз бомбили деревоземляные танки. А настоящие боевые машины тем временем стояли замаскированные в полной боевой готовности.

Затишье, а у меня, как назло, острый приступ аппендицита. Маршал Г. К. Жуков предложил отправиться в Москву, лечь в кремлевскую больницу на операцию. Но я предпочел оперироваться в своем армейском госпитале.

Аппендицит, думаю, не такая уж серьезная вещь, чтобы ехать за тысячу верст.

Наш госпиталь находился рядом, в деревне Таутени, на правом берегу Днестра. Как старшему в армии военачальнику операцию мне делал профессор большой специалист по переливанию крови. Но, видно, несмотря на высокое медицинское звание, опыта проведения хирургических операций у него было маловато. Влил он мне повышенное количество обезболивающей жидкости, отчего получился у меня инфильтрат. Кожа после операции срослась, а мускулы живота не срастались… Хоть делай повторную операцию. Кончилось тем, что сшили мне в Черновцах плотный корсет, который я носил до конца войны. Лишь после войны в Москве в Центральном военном госпитале врачи Н. Т. Каншин и А. П. Анохина починили мне живот, взяв пластинку из правого бедра.

Но вернемся к событиям весны сорок четвертого.

В апреле – мае для нас, танкистов 1-й гвардейской танковой армии, выдалось благодатное время. Весна вступила в свои права. Каждый из нас использовал временную передышку между боями, как мог. Так, мой бывший шофер, а теперь адъютант, А. Ф. Кондратенко увлекся рыбной ловлей, благо Днестр рыбой кишмя кишел. Кондратенко свой улов всякий раз отдавал повару, а тот делал балыки, вялил, коптил.

Однако и война рядом. Не умолкает артиллерийская канонада. Недолго мы стояли в Северной Буковине. Получили директиву: армия перебрасывается в район севернее Дубно. Опять у Шалина и Никитина бессонные ночи – расчеты на предстоящий марш. А тут еще, как водится, надо сделать так, чтобы передислокация армии из Северной Буковины в новый район

осталась противником незамеченной.

Под Дубно кленовые и дубовые рощи. В них мы и расположились. А затем стали получать пополнение – танки, пушки. Пришли к нам и молодые бойцы. В поддубенских лесах пришлось усилить службу охранения. Бродили в районе банды бандеровцев. Бродили под видом обычных крестьян, так что трудно было разгадать, кто они такие. Нападали на отдельных бойцов. Убивали, забирали оружие, обмундирование, документы.

Занимались, как и всегда в межбоевой период, боевой и политической подготовкой. Приезжали к нам научные сотрудники Киевского государственного исторического музея. Возглавлял их Иван Васильевич Бондарь. Двигались они вслед за войсками, разыскивая имущество музея, увезенного гитлеровцами. В их группу входили художники, скульпторы. Они делали портреты, скульптурные бюсты бойцов, отличившихся в боях за освобождение Советской Украины. В знак благодарности мы подарили музейным работникам трофейную грузовую машину «ситроен». И. В. Бондарю подарил я охотничье дробовое ружье. С этим милым, добрым человеком я дружу до сих пор.

Заглянул к нам в поддубенские леса и военный корреспондент «Комсомольской правды» Юрий Александрович Жуков. Он бывал у нас и под Мценском, и под Москвой, и на Курской дуге, так что в кругу танкистов считался своим человеком.

Встречи с друзьями всегда радостны. Но главной для меня, Шалина, Никитина в ту пору была работа с прибывшими к нам танкистами – офицерами и рядовыми бойцами. Как и всегда, старались передать мы боевой опыт, накопленный за годы войны. Рассказывали о славных боевых делах армии. Перед пополнением выступали прославленные гвардейцы. Мы с Н. К. Попелем беседовали с каждым прибывшим к нам офицером, многими сержантами и рядовыми. Расспрашивали, как они воевали, были ли ранены, имеют ли боевые награды, получили их или нет. Кадровики составляли наградные листы на тех, кто пришел к нам после лечения в госпиталях.

Говорили таким товарищам:

– Хотя и воевали не с нами, в других частях, но Родина у нас одна и дело общее.

Во время объездов госпиталей, медсанбатов находили санитаров, медсестер, врачей, которые не один год были на войне, не раз спасали раненых воинов, под огнем выносили их с поля боя, возвращали к жизни, но не имели ни одной боевой награды. Это было в высшей степени несправедливо.

В заключение скажу, что награждения незаслуженно забытых

воинов орденами и медалями имели немалое воспитательное значение. Большое дело – дать солдату понять, что Родина, народ помнят их великий ратный подвиг на полях Великой Отечественной войны.

Глава 16. Армия пробивает брешь

Успехи нашего оружия на всех участках советско-германского фронта летом и осенью сорок третьего и зимой сорок четвертого имели не только военно-стратегическое значение. Они показали всему миру, что победы Красной Армии вовсе не являются какими-то случайными, сезонными, как это пытались представить наши недоброжелатели. Успехи эти наглядно показали, что советские войска могут громить гитлеровские полчища в любое время года, при любой погоде, на любых географических широтах.

Военные кампании сорок третьего – зимняя сорок четвертого года прошли под знаком дальнейшего совершенствования и развития способа последовательного нанесения ударов. На том или ином направлении советское командование скрытно создавало мощные ударные группировки и нацеливало их против наиболее опасной в данный момент группировки врага. Гитлеровские армии таким образом уничтожались по частям.

Летом сорок четвертого, когда 1-я гвардейская танковая готовилась к боям под Дубно, победные сводки с фронтов стали привычным явлением. В то время когда мы намеревались совершить бросок через границу, в Генеральном штабе уже зрел и начинал реализоваться план грандиозной операции «Багратион», уже было снято кольцо блокады вокруг Ленинграда, советские армии нацеливались на освобождение Прибалтики… В воздухе явственно чувствовалось веяние новых побед…

После зимне-весенних операций 1944 года войска 1-го Украинского фронта занимали рубеж Торчин – Броды – Бучач – западнее Коломыи и Красноильска. Протянувшись на 440 километров, фронт объединил немалые силы: семь общевойсковых, три танковые и одну воздушную армию, три отдельных танковых, два кавалерийских корпуса и другие средства усиления. В них насчитывалось 843 тысячи человек (с тылами 1200 тысяч человек), 13900 орудий и минометов, около 2200 танков и САУ, свыше 3 тысяч самолетов. Командовал войсками фронта к тому времени Маршал Советского Союза И. С. Конев, начальником штаба фронта был генерал армии В. Д. Соколовский.

Общевойсковые армии, входившие в состав фронта, совершенствовали оборону на своих участках, а мы, танкисты, планомерно готовились к предстоящему наступлению. Производили рекогносцировку на будущих вероятных направлениях, ремонтировали дороги, мосты.

Нам предстояло наступать против довольно сильной группировки фашистских армий, носившей название «Северная Украина», в состав которой входили: 34 пехотные, 5 танковых и 1 моторизованная дивизия и 2 пехотные бригады. Это свыше 600 тысяч человек (с учетом тылов 900 тысяч), 900 танков и штурмовых орудий, 6300 орудий и минометов. На аэродромах этой группировки было сосредоточено примерно 700 самолетов.

Немецкая оборона состояла из трех полос глубиной примерно до 50 километров. Особенно прочно были оборудованы оборонительные узлы в городах Броды, Губегаув, Рава-Русская, Львов, Галич, Бучач.

Перед войсками 1-го Украинского фронта стояла задача разгромить немецкую группу армий «Северная Украина», полностью освободить западные украинские земли и юго-восточную часть Польши. Наши удары согласовывались с действиями войск 1-го Белорусского фронта, переходивших в наступление на люблинско-варшавском направлении.

Чтобы читатель лучше уяснил, как развертывались события, раскрою, хотя бы в общих чертах, замысел командования нашего фронта. 1-й Украинский намечал нанести удары по вражеской обороне на двух направлениях – на рава-русском и львовском. Силы фронта при этом распределились так. На рава-русском направлении должны были наступать 3-я гвардейская и 13-я армии и наша 1-я гвардейская танковая армия, а также конно-механизированная группа генерала В. К. Баранова. На Львов наступали 60-я и 38-я армии, 3-я гвардейская и 4-я танковая армии и конно-механизированная группа генерала С. В. Соколова.

Конкретно нашей армии ставилась такая задача: с утра второго дня операции войти в прорыв в стыке 3-й гвардейской и 13-й армий и, развивая обозначившийся успех, форсировать реку Западный Буг и овладеть районом Добрачин Крыстынополь – Сокаль. На четвертый день наступления овладеть городами Рава-Русская, Магеров, Ярослав, где и войти в соприкосновение с 3-й гвардейской танковой армией и группой С. В. Соколова.

Если читатель внимательно посмотрит на карту Западной Украины, он поймет, какие большие трудности стояли перед нами в этой операции. И пространство немалое предстояло преодолеть, и не так ведь просто прорвать созданные немцами сильно укрепленные районы… А дальше еще сложнее. С выходом в район Равы-Русской предстояло завершить окружение бродской группировки гитлеровцев и не допустить отхода львовской группировки врага в северо-западном направлении. Надо учесть также, что 1-й гвардейской танковой армии, действовавшей на правом фланге ударной группировки 1-го Украинского фронта,

предстояло еще выйти на берега Сана.

Лето сорок четвертого, предпоследнего военного года, было в самом разгаре. Май и июнь мы готовились к операции, которая впоследствии получила название «Львовско-Сандомирская». Активные действия на нашем участке фронта начались только 13 июля.

В ночь на 13 июля вступили в дело разведывательные части 13-й и 3-й гвардейской армий. Они на широком фронте уточняли передний край и огневую систему противника.

Разведка для нас была особенно важна. Мы уже знали, где проходит первая, так называемая главная полоса обороны противника. Но гитлеровцы перед началом нашего наступления могли отвести свои войска на вторую полосу. И где тогда гарантия, что мощную запланированную артиллерийскую подготовку мы произведем не по пустому месту?

После ночной разведки, подтвердившей, что немцы действительно собираются отвести свои войска на вторую полосу обороны, командование фронта отменило артиллерийскую подготовку в больших масштабах и внесло некоторые коррективы в предстоящие действия наступающих войск.

Между тем политработники вели в войсках активную работу. Они рассказывали об успехах Белорусских и Прибалтийских фронтов, о тех многочисленных больших и малых котлах, в которые попадали гитлеровские дивизии. Эхо победных салютов в Москве отдавалось радостью в сердце каждого солдата.

Политработники разъясняли сложную внутреннюю обстановку в Польше, рассказывали об Армии Людовой, заявившей, что она готова сотрудничать и всячески помогать Красной Армии, и об Армии Крайовой, реакционная верхушка которой приказала своим солдатам оказывать вооруженное сопротивление советским войскам, вступающим на территорию Польши.

Итак, впереди Западный Буг, та самая река, которая в памятный июньский день сорок первого стала гранью между миром и войной. Мы снова вернулись в те места, откуда орды гитлеровцев начали свой блицкриг.

В ночь на 13 июля и утром того же дня передовые отряды перешли в наступление. Конечно, продвижению передовых отрядов предшествовал артиллерийский налет, но по времени и количеству выпущенных снарядов куда меньший, чем спланированная ранее артиллерийская подготовка.

Гитлеровцы, как видно, были введены в заблуждение действием передовых отрядов и стали отводить свои войска на вторую линию, именовавшуюся ими «Принц Евгений».

В течение всего дня 13 июля передовые батальоны преследовали противника, а сутки спустя перешли в наступление главные силы 3-й гвардейской и 13-й армий. Им пришлось иметь дело с противником, отошедшим на вторую, заранее подготовленную полосу обороны. Чтобы сломить сопротивление фашистов, 13-й армии генерала Н. П. Пухова пришлось провести часовую артподготовку.

Я же решил для оказания содействия пехотинцам в прорыве вражеской обороны ввести в бой свой передовой отряд – 1-ю гвардейскую танковую бригаду.

Вплотную за стрелковыми частями двинулся и недавно прибывший в нашу армию 6-й мотоциклетный полк-под командованием В. И. Мусатова.

Пушки, минометы, «Катюши» ураганным огнем перепахали вражескую полосу почти на всю глубину, и к исходу дня 13-я армия, преодолев систему немецких укреплений, продвинулась на 15–20 километров.

Преодолевая сопротивление противника, бригада полковника В. М. Горелова первой вырвалась к реке Западный Буг неподалеку от Сокаля. Продвижение было настолько стремительным, что гитлеровцы растерялись, явно переоценив силы бригады. Из сообщений разведки я знал, что в район прорыва гвардейцев Горелова немцы срочно перебрасывают силы с других участков фронта. Видимо, они решили, что именно здесь мы будем наносить главный удар. Я приказал Горелову держаться до последнего, чтобы приковать к себе как можно больше сил противника.

Дело в том, что 44-я бригада И. И. Гусаковского и 399-и тяжелый танкосамоходный полк полковника Д. В. Кобрина прорвались к Бугу немного южнее Сокаля. Здесь оборона противника оказалась сравнительно слабой.

– Начинаем форсировать реку, – доложил мне И. И. Гусаковский.

Посоветовавшись с М. А. Шалиным, мы решили нанести главный удар на участке бригады Гусаковского. Туда спешно перебрасывались основные силы армии. Уже 17 июля Буг был форсирован, и армия вошла в сражение в полосе 10 километров на глубине 40 километров от бывшего переднего края обороны противника.

Далось это, разумеется, нелегко. В районе Перета – Вышув – Тартакув нашему 8-му гвардейскому механизированному корпусу пришлось вести упорные бои. Но все же части армии, искусно маневрируя, прорвали две оборонительные полосы противника, отбросили главные фашистские силы – танковые и пехотные – и

вышли на государственную границу.

Войска 1-го Украинского фронта, как я уже говорил, наступали на львовском направлении. Но там продвижение шло значительно медленнее. А поскольку у нас обозначился значительный успех, правому крылу фронта нужно было как можно быстрее продвигаться вперед на запад.

Продолжая наступление, 1-я гвардейская танковая уже 18 июля установила взаимодействие с конно-механизированной группой В. К. Баранова, что, по существу, и предрешило окружение бродской группировки врага, позволило расколоть, смять фашистские силы, противодействующие 1-му Украинскому фронту. Горячие бои разгорелись на рубеже Сокаль – Крыстынополь. Но и здесь мы сломили сопротивление гитлеровцев и, преследуя их, двинулись к берегам реки Сан, к древнему городу Ярославу. Общевойсковые армии за танковыми бригадами, закрепляя развитый успех, отрезали пути отхода немецким дивизиям, засевшим под Бродами.

На долю нашей армии, таким образом, выпала роль танкового тарана, который пробил брешь в обороне противника, проходящей по советско-польской границе. В эту брешь и устремились общевойсковые армии фронта.

19 июля бродская группировка противника в составе восьми дивизий была окружена, а 22 июля полностью уничтожена. В те же дни наши танки, продолжая двигаться на запад, к исходу 22 июля передовыми отрядами вышли к реке Сан севернее и южнее города Ярослава, оторвавшись от соединений 13-й армии на 50–55 километров.

Мы вступили на территорию Польши, и это обстоятельство выдвинуло перед нами ряд серьезных проблем, с которыми до сих пор не приходилось сталкиваться.

На освобожденных советских землях сразу начинали действовать органы Советской власти, с которыми мы устанавливали контакты. Какая же власть будет функционировать на освобожденной территории Польши? Этот вопрос волновал командиров и политработников. Правда, мы уже знали, что опубликовано заявление Народного комиссариата иностранных дел об отношении СССР к Польше.

В этом заявлении, во-первых, говорилось, что Польша будет восстановлена как независимое демократическое государство; во-вторых, Советское правительство не намеревалось устанавливать на ее территории органы советской администрации.

Вскоре мы получили ответ на волнующий нас вопрос: на освобожденных от гитлеровцев территориях стал действовать Польский комитет национального освобождения, с органами

которого у нас установились хорошие деловые контакты.

Вскоре Польский комитет национального освобождения обратился к Красной Армии с просьбой: не разрушать без крайней военной необходимости промышленные объекты, жилые дома, оберегать имущество нового государства. Военный совет 1-й гвардейской танковой армии принял все меры, чтобы выполнить эту просьбу польских властей.

Итак, перед нашими частями лежал Ярослав. С моего КП древний город хорошо просматривался в стереотрубу. Над купами садов торчали острые шпили костелов, виднелись покатые черепичные крыши. Видно было, как по единственной дороге, ведущей к городу, пыталась прорваться группа танков. Это действовали разведчики Подгорбунского. Но противник открыл плотный заградительный огонь. Каким-то чудом машинам удалось выйти из-под обстрела без единой вмятины.

Впоследствии я узнал, что Подгорбунский, как всегда, проявил находчивость. Пробравшись со своими разведчиками к реке, он зажег несколько шашек и под покровом густого дыма переправил на противоположный берег две лодки с автоматчиками. Гитлеровцы пытались выбить бойцов с крохотного плацдарма, но меткий огонь танков с нашего берега сорвал все их попытки.

Разведчики продержались до наступления темноты, а ночью подошло подразделение 6-го мотоциклетного полка и переправилось на противоположный берег.

Плацдарм был расширен. Гитлеровцы бросили в бой огромное количество авиации. Наша истребительная авиация не могла действовать из-за большого удаления аэродромов от района Ярослава, и, пользуясь этим, «Юнкерсы» и «Хейнкели» с утра до ночи бомбили переправы. Но танки 1-й гвардейской армии упрямо перебирались вброд на противоположный берег и, оставляя мокрый зубчатый след на траве, с ходу устремлялись в бой.

Иногда бой возникал прямо на воде. Немецкие автоматчики поливали очередями наших мотострелков, переправлявшихся на плотах, бревнах, плетнях. Те отвечали дружным огнем. Вода пенилась и закипала от взрывов. Шлейфы черного дыма поднимались над рекой. Это химики полковника В. И. Рязанова ставили у переправ дымовые завесы. В ночь на 24 июля нам удалось навести два моста и переправить на плацдарм часть артиллерии 8-ю гвардейского механизированного корпуса. Однако днем фашистские стервятники разбомбили мост. Только к исходу 24 июля Сан был форсирован севернее и южнее Ярослава главными силами армии.

После четырех дней упорных боев 27 июля 1944 года соединения нашей и 13-й армий очистили от противника Ярослав.

Город можно было взять и раньше, но я запретил вести артиллерийский огонь по его древним стенам, чтобы сохранить исторические памятники. Конечно, это осложняло положение частей, но зато старинные памятники архитектуры Ярослава остались в целости.

Когда закончился жестокий бой за город, мы увидели, как польское население радовалось приходу советских войск. Местные жители, главным образом женщины, не дожидаясь, когда их попросят, направлялись на повозках на поле только закончившегося боя, помогали нам собирать раненых и отвозить их на сборные медицинские пункты.

Во время преследования гитлеровцев в междуречье – от Западного Буга к Сану – блестяще действовала 1-я гвардейская танковая бригада. Командовал ею полковник А. М. Темник, сменивший В. М. Горелова, который был назначен заместителем командира 8-го гвардейского механизированного корпуса.

До войны А. М. Темник служил политработником, участвовал в боях на Халхин-Голе. До выдвижения на должность комбрига Темник командовал в корпусе полком и в этой роли зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. Я остановился на его кандидатуре при выборе командира 1-й гвардейской бригады еще и потому, что Темник окончил курсы усовершенствования при Академии механизации и моторизации Красной Армии.

Уже первый бой у реки Сан показал, что я не ошибся в своем выборе. Воспользовавшись темнотой. Темник пристроился со своими танками в хвост отходящей немецкой колонны и расстреливал на ходу фашистские боевые машины. Гитлеровцы на огонь наших гвардейцев не отвечали. Они просто не могли понять, что происходит. 1-ю танковую гвардейскую бригаду они приняли за свои отходящие части. Немцы лишь прибавляли скорость, чтобы выйти из-под огня, но и гвардейцы 1-й танковой бригады не отставали от них. Большой урон нанесли они фашистам, сами при этом не потеряв ни одного человека, ни одной машины. Когда мы узнали о боевой хитрости А. М. Темника, в бригаду немедленно выехал Н. К. Попель и прямо на поле боя вручил командиру 1-й гвардейской орден Красного Знамени.

Учитывая, что форсирование нашей армией реки Сан и выход в глубокий тыл врага имеют огромное значение для всей операции, командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев еще 24 июля приказал помочь 3-й гвардейской

танковой армии, наступавшей на город и крепость Перемышль. Я выделил для этой цели 11-й гвардейский танковый корпус, действовавший на левом крыле армии. Как развивались события под Перемышлем, мне известно лишь со слов А. Л. Гетмана. Он доложил, что утром 27 июля передовой отряд корпуса – 44-я гвардейская танковая бригада – овладел северной частью города, и вскоре совместными ударами соединений 3-й гвардейской танковой армии, 13-й армии, 1-го гвардейского кавалерийского корпуса с востока и 11-го гвардейского танкового корпуса с запада Перемышль был взят. За успешные действия в районе этого города бригада И. И. Гусаковского была награждена орденом Ленина.

В тот же день Иван Степанович Конев позвонил мне и поставил танковой армии новую задачу: передать занимаемый рубеж 13-й армии, к утру 29 июля сосредоточиться в районе Лежайска, откуда нанести удар в направлении Майдан Баранув, форсировать с ходу Вислу и к утру 1 августа захватить плацдарм на западном берегу в районе Богорья, создав тем самым условия для успешной переправы войск правого крыла фронта.

С Шалиным и Никитиным опять уточняем обстановку, намечаем пути выхода к Висле. Срок на подготовку к повой операции был нам дан предельно сжатый – одни сутки. Да он, собственно говоря, и не был нужен. Операция как бы вытекала из предшествующих боевых действий и служила их продолжением.

В районе Сандомира было два моста: один – для колесного транспорта, другой – километрах в пяти ниже по течению – железнодорожный.

– Ясно, что немцы взорвут эти мосты, – говорил Шалин. – И тогда войска застрянут надолго. Форсировать надо там, где противник нас не ждет.

Решаем отправить вперед 6-й мотоциклетный полк В. И. Мусатова. Я ставлю ему задачу: расчистить подходы к Висле, переправиться через реку в районе Баранува, захватить плацдарм и удерживать его до подхода передовых отрядов корпусов. Учитывая, что командир полка еще молодой и недостаточно опытный, я направил в помощь ему А. М. Соболева.

На правом фланге армии наступал 11-й гвардейский танковый корпус, выделивший в передовой отряд 44-ю гвардейскую танковую бригаду, а на левом фланге действовал 8-й гвардейский механизированный корпус, имевший в передовом отряде 1-ю гвардейскую танковую бригаду. В резерве я оставил 64-ю гвардейскую танковую бригаду.

Итак, совершив в течение 28 июля 90-километровый марш, армия сосредоточилась в районе Лежайска. В 8 часов утра 29

июля к Висле двинулся 6-й мотоциклетный полк с частью понтонного парка Н2П. В 10 часов 30 минут выступила 1-я гвардейская танковая бригада, в 12 часов – 44-я. Основные силы армии начали движение по четырем маршрутам в 18 часов.

К этому времени, преодолевая сопротивление мелких групп противника, разведчики уже выходили к реке, овладев Макувом и Баранувом. Спешно подготовили несколько плотов, но повисшая в небе «рама» вызвала по радио авиацию. Бомбы посыпались в тот момент, когда бойцы начали переправу. Плоты были разбиты. Разведчикам пришлось все начинать сначала.

В числе первых к Висле пробился разведывательный дозор, которым командовал В. Н. Подгорбунский (в состав разведдозора входили танк Т-34, два бронетранспортера и взвод автоматчиков). Гвардейцы захватили небольшой паром и к 22 часам 29 июля переправили на противоположный берег взвод автоматчиков. Решительно действовали и другие разведывательные подразделения. К полуночи на западном берегу вели бой уже 200 человек из мотоциклетного полка и разведдозора В. Н. Подгорбунского. Вскоре к реке подошли передовые отряды корпусов. Мотопехота, используя подручные средства, приступила к форсированию реки, ширина которой в этом районе достигала 400 метров, а глубина – 4 метров. Оба плацдарма удалось расширить до 3 километров по берегу и до 2–3 километров в глубину. Положение осложнялось тем, что на захваченных пятачках не было ни танков, ни тяжелых орудий, ни даже сорокапяток. Ночью 29 июля к Висле подошли передовые части 13-й армии, но и они вынуждены были переправляться на подручных средствах без артиллерии. Дело в том, что понтонный парк армии Пухова попал под бомбежку и вышел из строя. Только к вечеру подошла понтонная часть 1-й гвардейской танковой армии, и к 3 часам ночи удалось навести 50-тонный паром. Первыми по нему прошли машины разведроты Подгорбунского.

Итак, мост на ту сторону Вислы в районе Баранува был переброшен. Большую помощь оказало войскам польское население. Жители приречья везли доски, бревна – все, чем были богаты. Нашлись даже лодки, спрятанные от фашистов.

А кто-то из местных старожилов провел разведчиков к таким местам, где имелись естественные спуски к воде, по которым еще в первую мировую войну переправлялись русские войска. Это значительно облегчило дело, во всяком случае, избавило нас от земляных работ, на которые надо было затратить уйму сил и времени.

С самого начала переправа через Вислу шла успешно. Танки и пушки, оставшиеся на восточном берегу, вели огонь, уничтожали

прибрежные укрепления врага, а наша мотопехота и стрелки 350-й стрелковой дивизии, входившие в состав 13-й армии, переправлялись на западный берег, закреплялись там. Через некоторое время подошли главные силы и еще один понтонный парк. Сразу были спущены на воду паромы, и танки и пушки переправились на левый берег Вислы.

Во второй половине 31 июля удалось слить в один общий плацдармы корпусов. Теперь мы занимали на западном берегу участок местности размером 15 километров по фронту и до 10 километров в глубину.

Поздно ночью сидели мы с Шалиным и Соболевым над картой, пытаясь разгадать контрмеры врага.

– Как вы думаете, – спрашиваю у начальника разведки, – что предпримет противник?

– Попытается отрезать плацдарм ударом восточнее реки. Это его излюбленный прием – бить под корешок, – Соболев делает движение карандашом с севера и юга к переправе. – Этим они хотят убить не двух, а даже трех зайцев: ликвидировать плацдарм, оттеснить нас от реки и выиграть время для переброски резервов к Сандомиру. Откуда он может перетащить дивизии?

Для нас совершенно очевидно, что командующий группой армий «Северная Украина» генерал Гарпе часть своих дивизий перебрасывает в мелецкие леса, чтобы нанести удар во фланг нашим войскам, когда их первый эшелон окажется за Вислой, а второй будет сосредоточен для переправы. В таких действиях противника ничего неожиданного нет, тем более, что маневр мы совершаем днем, не пытаясь его скрыть, а враг примет контрмеры.

Какие же дивизии Гарпе может нацелить на наш левый фланг? Сколько их? Когда ждать удара? Ждать долго не пришлось.

Уже 1 августа гитлеровцы приняли активные меры.

В район населенного пункта Мелец для усиления действовавших здесь частей 42-го армейского корпуса они подтянули танковую и пехотную дивизии, нацелили с ближайших аэродромов бомбардировочную авиацию. По всей вероятности, противник поставил подброшенному подкреплению задачу нанести контрудар по советским войскам на правом и левом берегах Вислы, перехватив горловину нашего прорыва, ликвидировать захваченный нами на левобережье плацдарм и создать здесь более прочную оборону.

Сложной и запутанной стала обстановка в районе Сандомира. Захватив за Вислой небольшой плацдарм севернее этого города,

13-я армия генерала Пухова наступала на запад. Наши корпуса в районе западнее Сандомира стремились соединиться с ней и захлестнуть около 30 тысяч гитлеровцев. Но и противник все еще надеялся ударами из района Сандомира и с запада окружить нашу армию и ликвидировать плацдарм. Таким образом, мы стремились окружить противника, а он нас.

Прежде всего фашисты нанесли удар с воздуха. Вражеские пикирующие бомбардировщики обрушились на наши переправы. Затем сильный артиллерийский и минометный огонь по берегам Вислы. Положение создалось тревожное. Большая часть армии находилась на левом берегу, часть переправлялась, а штаб с небольшими резервами еще не оставил правобережья.

За правый фланг, где действовал корпус генерал-майора А. Л. Гетмана, я был спокоен: у комкора хватит сил и опыта отразить натиск врага. А вот левый фланг?.. Отсюда гитлеровцы наседают особенно упорно, пытаясь разрезать пробитый нами клин в обороне и соединиться с северной группой.

Я решил укрепить левый фланг 64-й гвардейской бригадой И. П. Бойко, находившейся в резерве, и мотоциклетным полком, приказав им держать оборону левого фланга до подхода армии П. С. Рыбалко.

Как всегда, И. Н. Бойко перехитрил противника. Узнав из сообщений разведки, что вражеские танки двигаются к Кольбушево, он спрятал свои машины в садах, за скирдами сена, в сараях. Немецкая разведка, прогрохотав по мостовым, радировала своим частям, что город пуст. Танки противника без опасений вошли в город. Но на восточной окраине они вдруг попали в густую дымовую завесу. Стремясь проскочить ее, водители увеличили скорость и, вырвавшись из дыма, попали под огонь танковых орудий Бойко. Пока машины противника метались в дыму, теснились в узких улочках, наскакивая одна на другую, гвардейцам удалось поджечь 16 танков.

Противник отступил из Кольбушево и, перегруппировав свои силы, 3 августа ударил по баранувской переправе. Над удачно начатой операцией нависла угроза.

Но в самую трудную минуту подоспела 3-я гвардейская танковая армия генерал-полковника П. С. Рыбалко. Эта армия совершила обходный марш-маневр, чтобы отрезать пути отхода львовской группировке противника на реке Сан и тем самым вынудить гитлеровцев оставить Львов. 28 июля Конев поставил им задачу выйти к Висле и овладеть плацдармом. Прямо с марша танкисты ринулись в бой и помогли отогнать противника от Баранува. Плацдарм удалось расширить до 35 километров по фронту.

Мы ожидали выхода армии П. С. Рыбалко несколько левее. Но командарм решил перебраться на сандомирский плацдарм бок о бок с нами по баранувской переправе. Мы предоставили ему паромы из своего парка. Следом на тех же паромах двинулась 5-я гвардейская армия генерала А. С. Жадова, а севернее – передовые дивизии армии генерала В. Н. Гордова. Совместными усилиями мы разгромили мелецкую группировку врага, и опасность срыва задуманной операции миновала.

Когда мы с помощью командования фронта обрели достаточную силу, саперы приступили к строительству постоянного моста через Вислу. Гитлеровцы, естественно, пытались разбить его с воздуха. Но все обошлось благополучно. Опять выручил фронт, подбросив к реке значительные зенитные средства. Да и сами саперы не сплоховали. Они поставили дымы на большом участке реки, так что с воздуха и не разберешь, где же сооружается мост. И вскоре он был готов, и на сандомирский плацдарм потоком пошли боевые машины, пушки и боеприпасы.

После ликвидации мелецкой группировки врага бои переместились на левобережье Вислы. Из штаба фронта пришел приказ: «1-й и 3-й гвардейским танковым армиям и 13-й общевойсковой армии совместными ударами разгромить сандомирскую группировку противника. 1-й танковой армии с утра 6.8.44 г. нанести удар в направлении Властув – Стодолы – Ожарув, разгромить противника в районе Опатув и в дальнейшем овладеть Ожарувом».

Шалин вертел в руках пакет с приказом.

– Все ясно. Наступление на запад пока откладывается. Главное сейчас уничтожить нависшую над нами с севера сандомирскую группировку, – комментировал начальник штаба приказ фронта.

Группировка эта была немалая. Кроме дравшейся против нас 4-й танковой армии немецкое командование подбросило сюда подкрепление: 3-й танковый корпус из Кракова, 4 пехотные и танковые дивизии из Германии и с других фронтовых участков. Мы перемалывали в упорных боях эту вражескую армаду, но 11 августа нас неожиданно контратаковали еще две свежие немецкие танковые дивизии и одна пехотная. Особенно тяжелые бои пришлось тогда вести 5-й гвардейской армии. В течение четырех суток она отражала сильнейшие удары противника.

Гитлеровское командование прекрасно понимало стратегическое значение сандомирского и захваченного нашими войсками севернее магнушевского плацдармов. В эти дни Соболев ознакомил меня с приказом Гитлера, попавшим к нашим разведчикам в числе других трофейных документов. В этом

приказе, в частности, говорилось:

«Три года мы бились с Советами. Армия проявила г линий воинский дух. Настал решающий час войны. Мы не можем позволить русским наступать дальше. Потеря Кельце означала бы утрату важнейшего опорного пункта на подступах к Восточной Германии и поставила бы под угрозу окружения радом-сандомирскую группировку. Лишившись этого крупного узла железных и шоссейных дорог, мы дали бы Красной Армии свободный выход на оперативный простор Левобережной Польши и поставили бы под угрозу Лодзинский промышленный район и Верхне-Силезский угольный бассейн.

Приказываю группе армий «Северная Украина» ликвидировать русские плацдармы в районах Баранув и Магнушев.

А. Гитлер»..

Фашистское командование предпринимало лихорадочные усилия, чтобы предотвратить неотвратимое. В бой под Сандомиром бросались не только все новые и новые части, но и новая усовершенствованная боевая техника. Именно в эти дни мне впервые довелось увидеть тяжелый танк T-VIБ, так называемый «Королевский тигр». Гитлеровская пропаганда на все лады расхваливала достоинства этого танка, надеясь то ли запугать противника, то ли поднять с каждым днем падающий боевой дух немецких солдат.

Танк действительно являл собой эффектное зрелище: тяжелый (вес 68 тонн), внушительных размеров, с лобовой броней 180 миллиметров, с бортовой – 80 миллиметров. Но, как прежде, наши гвардейцы на своих тридцатьчетверках били обыкновенные «Тигры», так и теперь столь же успешно били и «Королевские», ибо 85-миллиметровой пушке, которая теперь устанавливалась на Т-34, не была страшна толстостенная броня. К тому же «Королевскому тигру» не хватало одного из главных качеств – маневренности (скорость его не превышала 35 километров в час).

Однако вернусь к боевым действиям.

14 августа приказом фронта наша армия вместе с 13-й армией генерала Пухова поворачивалась на восток и юго-восток с тем, чтобы соединиться с войсками генерала В. Н. Гордова и окружить сандомирскую группировку противника. Реализуя этот приказ, мы тем самым окружали лучшие дивизии противника, дравшиеся у Сандомира.

– Легко сказать – окружить! – ворчит Шалин, ознакомившись с приказом. – А как окружить, когда линия фронта увеличивается на десятки километров, а число танков и артиллерийских стволов

тает с каждым днем?!

– Балька бояться – в лес не ходить, – пытался я утешить Шалина, хотя в душе был согласен с ним: действительно, в минувших боях армия понесла ощутимые потери и в людях, и в технике. Да и со снабжением дела обстояли неважно. Узкий коридор, по которому пробирался транспорт с продовольствием, боеприпасами, запчастями, простреливался с двух сторон.

Посоветовавшись с Шалиным, решили оставить на внешнем фронте 1-ю гвардейскую, 6-й мотоциклетный полк, бригаду Ф. П. Липатенкова. Генерал Пухов выделил для этой же цели две стрелковые дивизии. Все эти части и соединения должны были держать жесткую оборону. Остальные силы армий поворачивались на юго-восток, чтобы окончательно окружить и уничтожить сандомирскую группировку врага.

На следующий день 21-я механизированная бригада А. М. Темника совместно с частями армии Пухова перерезала последнюю дорогу, соединяющую Сандомир с западом. Теперь окруженные войска противника могли снабжаться только по воздуху.

Еще почти неделю совместно с частями 3-й и 13-й армий мы сражались, пока не обескровили вражескую группировку. Но главный результат этих боев расширение плацдарма на левом берегу Вислы. Теперь по фронту он простирался на 75 километров, да и от уреза реки мы продвинулись на 50 километров вперед.

Однако в ходе боев на сандомирском плацдарме произошла нелепость, которая запомнилась мне на всю жизнь.

Помню, мы сильно обстреливали один район левобережья. Огонь по этому участку по заявке командира 8-го гвардейского механизированного корпуса И. Ф. Дремова вел дальнобойный артиллерийский дивизион на тракторной тяге. Еще во время подготовки к Висленской операции я специально выпросил у командующего фронтом этот дивизион для огневой поддержки.

Его орудия и сосредоточили огонь по опорному пункту фашистской обороны, сильно мешавшему продвижению частей механизированного корпуса. Дальнобойные били, вздымая клубы дыма и огня над вражеским опорным пунктом… И вдруг телефонный звонок. В трубке голос маршала И. С. Конева:

– Катуков, прекратите огонь по квадрату такому-то.

– Почему, товарищ маршал? – вырвалось у меня.

– В этом квадрате находятся войска Гордова.

– Этого не может быть, товарищ маршал, – пытался возразить я. – Там немцы.

– Гордов только что заверил меня, что в этом квадрате его

войска.

– Это ошибка!

– Хорошо, – закончил разговор Иван Степанович, – вышлите туда разведку и уточните положение.

Нам и без разведки было ясно, что тут какое-то недоразумение. Но приказ есть приказ. Я вызвал из механизированного корпуса командира разведроты В. Н. Подгорбунского и поставил ему задачу на разведку. Предупредил, что на этом участке засели немцы, а поэтому надо быть осторожным. И. Ф. Дремову командиру корпуса – тоже объяснил, в чем дело, приказав следить за продвижением Подгорбунского и помогать ему.

Обо всем, что произошло в этот день с Подгорбунским и его товарищами, я узнал из доклада полковника Соболева.

Подгорбунский повел танки в разведку. Долго искал он лазейку через линию фронта в расположении врага, но не нашел ее. Тогда он решил пробиться стремительным броском. Под утро группа внезапно атаковала противника на фольварке Бугай. Впереди шел танк, за ним бронетранспортеры, один из них с пушкой на прицепе. Замыкали колонну броневички. Разведчики открыли огонь. Расчет оправдался: противник был сбит. Танк на большой скорости ворвался в соседнее село Лукавка. Гитлеровцы бросились врассыпную. Дальше железная дорога. Танк взобрался на полотно, но остальные машины не смогли. Враг тоже не дремал и подтянул против разведчиков шесть танков и до батальона пехоты. Подгорбунский приказал командиру танка младшему лейтенанту Дубинину идти вперед, соединиться с нашими и таким образом прорвать «горловину». Остальным составом он принял бой. Лейтенант Каторкин тремя выстрелами из пушки поджег два танка, но и наша пушка вышла из строя. Вспыхнули броневички.

Подгорбунский был дважды ранен: сперва в ногу, потом в бок, но продолжал руководить боем. Немцы стремились взять разведчиков живыми. Кто мог держать оружие и бросать гранаты, продолжал сражаться. Солдаты противника залегли, поджидая танки. Воспользовавшись этим, Подгорбунский приказал командирам машин скорее скрыться в овраге и отходить к своим. Но в овраг спустился только один бронетранспортер, в котором находился Владимир Подгорбунский. Остальные машины были разбиты. Володя послал бойцов к подбитому бронетранспортеру, чтобы взять из него живых и мертвых.

С полкилометра разведчики ехали по оврагу вне обстрела, а когда выскочили в поле, опять попали под огонь. В одном месте, метрах в ста от машины, из окопа выскочили фашисты и открыли

стрельбу. Подгорбунский поднялся, метко обстрелял бежавших солдат, заставил их залечь. Потом рядом с машиной разорвался снаряд, ударной волной ее чуть отбросило в сторону, и в этот момент Володя упал, сраженный осколками. Так погиб славный разведчик нашей армии Герой Советского Союза Владимир Николаевич Подгорбунский. Поздно ночью удалось нам вынести с поля боя его обгоревшее, искромсанное осколками снарядов тело.

Позвонил я тогда командующему фронтом. Излил свой гнев на Гордова, поделился печалью утраты одного из лучших воинов 1-й танковой. И сейчас не пойму, почему Гордов допустил такую неточность в докладе. Ведь мы, танкисты, знали, что его войска в час гибели Подгорбунского еще только по переправам переходили на левый берег Вислы.

На сандомирском плацдарме каждый километр земли обошелся нам очень дорого. Под селом Кихары, севернее Сандомира, где разыгрался жесточайший танковый бой, погиб командир бригады С. И. Кочур – человек большой отваги. Он пришел к нам в армию из партизанского отряда. Сражался чуть ли не с первых дней в глубоких немецких тылах, в Карпатах. Вернулся в армейские ряды танкистов после того, как освободили от фашистов Северную Буковину. Тогда группа партизан спустилась с Карпатских гор, и среди них был С. И. Кочур.

В боях под тем же селом Кихары 19 августа был тяжело ранен и другой наш талантливый танковый военачальник А. Х. Бабаджанян.

Сандомир был окружен. Его блокировали части 13-й армии Пухова и 11-го гвардейского корпуса А. Л. Гетмана.

Зажатые со всех сторон остатки 72-й и 291-й пехотных дивизий, штурмового полка 4-й танковой армии, части 18-й артиллерийской дивизии и танковый батальон противника продолжали сопротивление в городе.

Положение гитлеровских войск было безнадежно. Учитывая это, политуправление фронта обратилось к войскам противника с предложением о капитуляции: «За кем вы последуете, – гласило оно, – за 12 тысячами погибших в мясорубке на сандомирском плацдарме или за 1550 сдавшихся в плен и сейчас спокойно ожидающих конца войны и возвращения на родину? Ваши товарищи сделали правильный выбор. Даем вам на размышление не более десяти часов, после чего наши войска приступят к уничтожению ваших частей».

Надо сказать, 1-я гвардейская армия понесла серьезные потери и с трудом отбивала атаки гитлеровцев на внешнем кольце окружения. Части Бабаджаняна подвергались непрерывным бомбардировкам. Гитлеровцы сбрасывали

кассетные бомбы. Мне пришлось отправить на помощь ему даже инженерные батальоны, снятые со строительства моста через Вислу. Не лучше было положение и у дивизий генерала Пухова. Вероятно, противник догадывался о нашем состоянии. Во всяком случае, гитлеровцы даже пытались острить. Немецкое радио передало нам ответ на ультиматум: «Мы в кольце, и вы в кольце – посмотрим, что будет в конце».

Гитлеровское командование предприняло последнюю попытку прорваться к окруженным войскам с севера. На позиции Бабаджаняна атаки следовали одна за другой.

Пришлось просить помощи у фронта. Нам подтянули батальон только что отремонтированных танков, а генерал Пухов выдвинул на угрожаемый участок стрелковую дивизию. Вызванная мною фронтовая авиация обрушила мощный бомбовый удар на позиции окруженных частей противника.

Но пока гитлеровцы оттесняли поредевшие части Бабаджаняна, бригада Гусаковского сумела продвинуться немного к югу и взять Кихары, однако коридор между внешним и внутренним кольцом фронта остался прежним.

Насколько кровопролитными были бои под Сандомиром, свидетельствует такой факт. От танкового батальона А. П. Иванова, вошедшего в Кихары, осталось всего четыре танка. В других частях положение было не лучше.

В ночь на 18 августа истекал срок нашего ультиматума вражеским войскам. Северная окраина Сандомира полыхала пожаром. Окруженные части непрерывно атаковали, пытаясь пробиться к своим войскам, наступавшим с севера. Атака следовала за атакой. Дело иногда доходило до рукопашных схваток.

18 августа 1944 года сопротивление врага в городе было сломлено, последние гитлеровские автоматчики были выбиты из своих гнезд. Когда я въехал в Сандомир, меня удивило, что большинство его зданий цело: вероятно, занятые упорной обороной, гитлеровцы не успели взорвать их.

Старинный город сохранил многие черты средневековья: узкие улочки, стрельчатые арки и острые шпили костелов. Серые стены и черепичные крыши замков, брусчатые мостовые – от всего этого веяло глубокой древностью. К сегодняшнему дню возвращали развалины, порванные ряды колючей проволоки, дымившиеся танки и разбитые машины.

А вскоре Совинформбюро передало последнюю сводку о боях в этом районе: «20 августа севернее города Сандомир наши войска завершили ликвидацию окруженной группировки… ввиду отказа сдаться, большая часть окруженных войск противника

уничтожена…».

За 35 дней боев 1-я гвардейская танковая армия во взаимодействии с другими армиями уничтожила и пленила свыше 34 тысяч гитлеровцев, подбила и захватила 461 танк и штурмовых орудия, 187 бронетранспортеров и бронемашин, 887 орудий и минометов, 683 автомашины, 864 пулемета, 88 самолетов.

В столь ожесточенном сражении нашей армии не приходилось участвовать со времени Курской битвы…

Когда шли бои под Сандомиром, и мы шаг за шагом расширяли плацдарм, мой командный пункт находился в польской деревне, недалеко от города. Жил я в хате Яна Игнатьевича, фамилии которого не помню. Знаю только, что он в свое время служил солдатом в императорском лейб-гвардии стрелковом полку. Стоял этот полк под Петербургом, в Царском Селе, поэтому хозяин хаты хорошо говорил по-русски.

Появится пауза между боями, оторвусь на минуту от телефонных аппаратов – Ян Игнатьевич ко мне с разговорами и расспросами. Рассказал он нам, как польские крестьяне жили во время фашистской оккупации. Жизни-то совсем не было. Одно издевательство и глумление. Польские помещики с германскими фашистами заодно. Сноха Яна Игнатьевича была беременна и не могла ходить на помещичьи поля копать картошку. Помещик пожаловался фашистскому начальству, и жандармы избили женщину нагайками. Да что там говорить!

Ян Игнатьевич ненавидел фашистов, да и своих помещиков, но зато о главе лондонского польского правительства Миколайчике он был весьма высокого мнения. Вот-де вернется Миколайчик на родину – и вздохнет польский народ полной грудью. Напрасно разубеждал я хозяина, что Миколайчик – ставленник тех же польских помещиков, которые подняли жандармскую нагайку на его сноху. Убедить польского крестьянина было трудно. Активная пропаганда сделала свое дело. Часть полков, находясь под фашистским игом, искренне верила в радужные обещания этого лидера так называемой «крестьянской партии» и выдвиженца польской земельной буржуазии.

Я пытался, как мог, растолковать крестьянину сущность политики Советского государства. Он спрашивал: верно ли, что в России все церкви закрыты, что верующих преследуют самым жестоким образом? Пришлось разъяснить Яну Игнатьевичу, как в действительности обстоит дело. Старый лейб-гвардеец слушал внимательно. И в конце наших бесед неизменно повторял: «Много у нас всякого вранья про большевиков. Но и раньше я в это не

верил. Жил я среди русских и знаю, что они за люди». Расстались мы с Яном Игнатьевичем друзьями.

20 августа 1-я гвардейская танковая армия после жестоких боев на сандомирском плацдарме была выведена во второй эшелон в резерв фронта на восточный берег Вислы. Снова мы укрывались в лесах, получали пополнение, приводили подразделения и части в порядок. Здесь и провели последние летние дни сорок четвертого года.

…Второй эшелон всегда обещает не только отдых, но и встречи с посланцами страны. Приехал к нам в гости фронтовой филиал Московского Малого театра. Возглавлял его режиссер Сергей Петрович Алексеев. Спектакли филиал давал в школе польского села. Было много и других встреч, пока мы стояли во втором эшелоне в лесах, принадлежавших в прошлом графу Потоцкому.

Из этих лесов выходили один за другим партизанские отряды поляков. Представители этих отрядов прибывали к нам в штаб, спрашивали: какую задачу им выполнять дальше в борьбе с фашистскими оккупантами? Кто они, эти партизаны, какого политического направления придерживаются, разобраться было нелегко. Выполняя установку, все лесные отряды направляли в Войско Польское.

29 августа 1-я гвардейская танковая армия была выведена в резерв Ставки Верховного Главнокомандования, оставаясь во втором эшелоне фронта. К 10 сентября мы перебазировались на восток и расположились тоже в лесах, возле небольших украинских городов Немиров, Яворов, что северо-западнее Львова.

Забот опять прибавилось. Началось то, что обычно происходит, когда армии надлежит готовиться к новым очередным операциям. Соединения получали пополнение, доукомплектовывались экипажи. Пришли к нам новые танки, пушки и другое вооружение.

Боевая и политическая подготовка, борьба с бандеровскими шайками – вот чем занимались мы в последние месяцы сорок четвертого года.

Тревога за тревогой. Получаем сообщение, что в одном селе расположилась крупная бандеровская банда. Посылаем туда на машинах мотопехоту. Короткая схватка – и окруженные бандеровцы уничтожены.

Приближался последний военный год – 1945-й. Мы значительно пополнились, обрели готовность к новым боевым операциям и простились с 1-м Украинским фронтом. Захват сандомирского плацдарма имел громадное стратегическое

значение. С этого плацдарма войска 1-го Украинского фронта нанесли удар на силезском направлении и вышли на подступы к Берлину с юго-востока.

Глава 17. У старых границ рейха

Три месяца 1-я гвардейская танковая армия находилась в резерве Ставки Верховного Главнокомандования. Во второй половине ноября мы получили директиву Ставки войти в подчинение 1-го Белорусского фронта и сосредоточиться в районе юго-восточнее Люблина.

От района западнее Львова и до Люблина напрямик 300 километров, а по извилистым дорогам – более 500. Перебросить на такое расстояние огромную массу людей и техники и, главное, перебросить скрытно, незаметно для вражеской наземной и воздушной разведки чрезвычайно трудно. Но для штаба 1-й гвардейской танковой армии, во главе которого стояли такие опытные командиры, как М. А. Шалин и М. Т. Никитин, скрытная переброска войск – дело не новое. Целыми днями колдуют они над картами, на которых переплетаются красные и черные прожилки дорог. Из десятка дорог нужно выбрать такие, которые, во-первых, идут к цели кратчайшим путем, во-вторых, пролегают вдали от населенных пунктов, в-третьих, имеют по соседству леса для стоянок машин и для укрытия войск, в-четвертых, дороги должны быть проезжими… Много других соображений приходилось учитывать штабистам.

В директиве фронта указывалось, что армия должна двигаться в новый район сосредоточения комбинированным способом. Танки, самоходки, орудия, тягачи словом, все тяжелые грузы надлежало отправить по железной дороге; войска – своим ходом.

В конце ноября армия совершила марш и в точно установленное время сосредоточилась в лесах юго-восточнее Люблина. Темные осенние ночи способствовали скрытности передвижения.

Сразу по прибытии на новое место поехали представиться Г. К. Жукову, недавно вступившему в должность командующего 1-м Белорусским фронтом.

Г. К. Жуков занимал небольшой двухэтажный особняк под черепичной крышей. У маршала было хорошее настроение, и принял он нас приветливо. Поинтересовался, как обстоят дела в армии, готова ли она к предстоящим боевым действиям.

– Помню первую танковую по прежним боям, – сказал он, – поэтому специально выпросил вас у Верховного. Готовьтесь как следует – дела предстоят большие.

Но весь размах будущей операции мы поняли, когда командование фронта устроило военную игру на картах. На нее

были приглашены командующие армиями, начальники штабов, члены военных советов армий, которым предстояло участвовать в операции, называвшейся тогда Варшавско-Лодзинско-Познаньской.

За все годы войны нам впервые пришлось участвовать в столь представительных встречах. Обычно в боевых условиях иногда месяцами воюешь бок о бок с людьми, а познакомиться с ними как следует не удается – не хватает времени. А тут впервые я видел и сумел поговорить по душам со многими генералами, с которыми не раз приходилось решать совместные боевые задачи.

В огромном зале вдоль стен были расставлены столы, за которыми сидели командармы, члены военных советов и начальники штабов всех армий 1-го Белорусского фронта. Неподалеку от нас с Н. К. Попелем и М. А. Шалиным шелестел картами командующий 2-й гвардейской танковой армией генерал-полковник Семен Ильич Богданов, рослый, широкоплечий.

Мы уже знали, что Г. К. Жуков решил пустить в прорыв наши армии одновременно, причем для танкистов С. И. Богданова прорыв должна осуществлять 5-я ударная армия Н. Э. Берзарина, для нас – 8-я гвардейская В. И. Чуйкова.

Первым выступил на совещании начальник штаба 1-го Белорусского фронта М. С. Малинин. Он кратко охарактеризовал военно-политическую обстановку, сложившуюся в Европе к концу 1944 года.

– На сегодняшний день, – говорил он, водя указкой по большой карте, – не только территория Советского Союза полностью очищена от противника, но и освобождена из-под фашистского ига значительная часть польских земель. Совершенно очевидно, что гитлеровская Германия находится при последнем издыхании; она не только израсходовала свои материальные и людские ресурсы, но и осталась воевать в одиночестве – блок фашистских государств развалился. Правда, гитлеровская верхушка изо всех сил пытается оттянуть агонию. 16 декабря немецкие части перешли в контрнаступление на западном фронте, прорвали линию обороны противника и поставили четыре армии перед угрозой уничтожения. Английские и американские войска отступают к реке Маас.

М. С. Малинин сообщил новость, которая всех нас обрадовала и взволновала: войскам 1-го Белорусского фронта, а также 1-му Украинскому выпала честь воевать на главном направлении и водрузить Знамя Победы над Берлином.

Как же должно проходить это одно из последних и крупнейших наступлений?

Общий замысел операции раскрыл маршал Г. К. Жуков.

– Первому Белорусскому фронту, – сказал он, – предстоит нанести удар в общем направлении на Познань, а Первому Украинскому ставится задача разгромить кельце-радомскую группировку врага и затем продолжать наступление на Бреслау.

Конкретизируя задачу фронта, маршал пояснил, что он планирует прорвать оборону противника на двух направлениях, разгромить варшавско-радомскую группировку и выйти к Лодзи, чтобы в дальнейшем наступать до рубежа Бромберг – Познань. На этом рубеже 1-й Белорусский фронт должен был войти в тактическую связь с войсками 1-го Украинского.

– Дело в том, – продолжал командующий фронтом, – что мы намечали наступление на вторую половину января, но в связи с тяжелым положением союзников в Арденнах Ставка торопит нас и требует начать наступление раньше. Сроки наступления еще не определены, о них вам будет сообщено дополнительно.

Несколько дней проходили военные игры. Огромная по своему размаху операция терпеливо анализировалась командующими во всех деталях; вырабатывались наиболее рациональные варианты ударов, изучался рельеф местности, отрабатывалось взаимодействие родов войск.

Особенно внимательно исследовалась система оборонительных рубежей противника. Дело в том, что на главном, берлинском направлении, по данным разведки, гитлеровцы создали глубоко эшелонированную оборону из семи рубежей общей глубиной до 500 километров. Линии обороны проходили главным образом по рекам Нида, Пилица, Нейсе, Варта. Гитлеровцы рассчитывали, что советские войска, наступая, должны напороться и увязнуть в Померанском и Мезеритцком укрепленных районах. Немалую роль в фашистской оборонительной системе играли крупные города-крепости, такие, как Модлин (Новогеоргиевск), Торн (Торунь), Бромберг (Быдгощ), Шнайдемюль (Пила), Познань, Кюстрин (Костшин), Бреслау (Вроцлав).

Прорвать эту оборону можно только с помощью мощных артиллерийских и авиационных ударов. Это прекрасно понимали и в Ставке, и в штабе фронта. Вот почему армии для прорыва получили большое количество артиллерии. На каждый километр прорыва фронта планировалось свыше 220 стволов – по орудию на каждые 4–5 метров.

Необычайно плотным было построение танковых и стрелковых частей. Стрелковая дивизия, строившаяся в три эшелона, теснилась на фронте от 2,5 до 3 километров. На каждый километр фронта приходилось по 35 танков. Такого мощного

сосредоточения войск на узком участке фронта нам не приходилось видеть за многие месяцы войны. Теперь Красная Армия обладала численным превосходством над противником во всех видах оружия.

Оборонявшуюся на главном стратегическом направлении группу гитлеровских армий «А» войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов превосходили в живой силе в пять с лишним раз, в орудиях и минометах – почти в семь раз, в танках и самоходно-артиллерийских установках – в шесть раз.

Именно на этом, завершающем этапе войны было особенно очевидно, насколько недооценила гитлеровская разведка экономический потенциал нашей страны, сумевшей в короткий срок создать вооруженные силы в таких масштабах и такого совершенства, которые не могла создать вся промышленно развитая Европа, работавшая на военную машину Гитлера.

Вернулись мы с игр в приподнятом настроении. Сразу приступили к подготовке войск к наступлению. Прежде всего с такой же тщательностью проиграли операции на картах с командирами корпусов и бригад, с начальниками служб, начальниками политотделов и начальниками родов войск.

Тысячи самых разнообразных вопросов встают перед командующим армией и его штабом накануне операции, особенно столь грандиозной, как Висло-Одерская. Пополнение должно вступить в бой хорошо обученным: боеприпасы, горючее, продовольствие вовремя завезено, размещено и укрыто так, чтобы не попало под вражеские бомбы; боевая техника должна быть в полной исправности; дороги и рельеф местности хорошо изучены; нужно предусмотреть, чтобы танки были хорошо укрыты, а маршруты тщательно разведаны; взаимодействие с другими родами войск отработано; колонные пути через минные поля – свои и противника – расчищены и многое, многое другое. Успешно выполнить задачу – значит все предусмотреть, ничего не упустить из виду…

Итак, 2 января 1945 года наша армия получила директиву Военного совета фронта. В ней говорилось: «Стремительным выходом на северный берег реки Пилица, а в дальнейшем к реке Бзура в район Ловича обеспечить успех 1-го Белорусского фронта по окружению и уничтожению варшавской группировки противника: уничтожить подходящие с запада резервы и не допустить их на соединение с окруженной варшавской группировкой. С выходом армии в район Кутно занять исходное положение для развития наступления на Познань».

От рубежа, с которого нам предстояло входить в прорыв, до конечного пункта наступления, оговоренного директивой фронта,

нам предстояло пройти с боями 180–190 километров. На этот бросок отводилось всего четыре дня.

– Темп небывалый! – говорит Шалин. – Помните, Михаил Ефимович, под Львовом и Сандомиром мы делали по двадцать пять, и это казалось рекордом. А тут мыслимое ли дело – сорок пять километров!

Невозмутимый начштаба возбужденно потирал руки. Впрочем, возбуждены все: и работники штаба, и командиры – работенка предстоит горячая.

К началу января 1-й Белорусский фронт объединял огромные силы. На линии фронта от Сероцка до Юзефова протяженностью 230 километров сосредоточилось восемь общевойсковых армий, в том числе 1-я армия Войска Польского, две танковые, одна воздушная, два отдельных танковых и два кавалерийских корпуса.

Самые горячие точки фронта – это отвоеванные у противника плацдармы южнее Варшавы: магнушевский (45 километров по фронту и 18 километров в глубину) и пулавский (30 километров по фронту и 10 километров в глубину).

Нам предстояло входить в прорыв с магнушевского плацдарма, который обороняла 8-я гвардейская армия генерала В. И. Чуйкова.

Перед наступлением я перенес свой КП на этот плацдарм. Солдаты вырыли небольшой блиндаж, установили железную печурку. Поскольку задерживаться мы здесь не собирались, устраивались по-походному. Плацдарм весь перепахан траншеями, ходами сообщения, воронками от бомб. То там, то здесь зарыты в землю танки. Под каждым кустом или деревцем замаскировано орудие, миномет или зенитка. За четыре месяца обороны гвардейцы 8-й гвардейской армии превратили этот клочок земли в неприступную крепость.

Сам командарм – воплощение анергии. Перед началом наступления он носится по плацдарму в своем вездеходе и не дай бог, если заметит непорядок: несдобровать нерадивцу. О требовательности, иногда даже крутом нраве командарма хорошо известно всем. Но за внешней грубоватостью В. И. Чуйкова скрывается любовь к простому солдату, к своему военному ремеслу. Генерал дорожит репутацией армии, и его требовательность, горячность объясняются прежде всего стремлением выполнить поставленную задачу как можно лучше.

– У нас здесь так тесно, – говорю я командарму, – что любая, даже случайная бомба и та куда-нибудь попадет.

– Ну нет, – возразил Чуйков, – залететь к нам на плацдарм не так-то просто. Насчет защиты с воздуха мы побеспокоились

заранее. Тут на каждом шагу зенитки. Так что немецкие асы не очень-то любят наведываться к нам в гости.

Гвардейцы В. И. Чуйкова произвели на меня приятное впечатление: солдаты хорошо одеты и обуты, выглядят бодрыми. На вооружении автоматы, снайперские винтовки.

– Да, это вам не пехота сорок первого, – заметил Василий Иванович, когда я поделился с ним своими наблюдениями. – Теперь солдат знает, что победа недалеко, и это сказывается на его моральном и физическом состоянии.

Неожиданно мне пришлось временно выключиться из подготовки к наступлению и на несколько дней покинуть армию. Это случилось примерно дней за десять до начала наступления, когда меня срочно вызвал к себе маршал Г. К. Жуков.

– Вот что, Катуков, – сказал он без всяких предисловий, – тебе придется срочно выехать в Киев.

– Зачем? – вырвалось у меня.

– Тебя приглашают на первую сессию Верховного Совета Украины. Ты должен сделать доклад о боевых действиях нашего фронта, освобождавшего земли Украины от фашистской оккупации.

– Но как же подготовка к наступлению, товарищ маршал?

– Ничего, поручи это Шалину. Если будет нужно, поможем мы.

Приказ был неожиданным, и мной овладели противоречивые чувства. С одной стороны, радовала возможность побывать в Киеве, с другой – бросать армию в столь ответственное время… Но что поделаешь: отказаться нельзя, тем более что, посылая меня на сессию, товарищи по 1-му Украинскому оказали мне большую честь.

Еду в тыл, но снаряжаюсь по-фронтовому. Дело в том, что ближайшие районы полностью не освобождены от вражеских банд. Поэтому прихватываю с собой бронетранспортер с двумя пулеметами, отделение автоматчиков и транспортную машину, груженную горючим и продовольствием из расчета, чтобы нам хватило и того и другого в оба конца.

В Киеве первая радостная встреча с представителем исполкома горсовета, радостная потому, что им неожиданно оказался бывший сослуживец первых дней войны товарищ Мокеенко. В 20-й танковой дивизии он был инструктором политотдела. Мы вместе делили страдные дни, отступая в Южное Полесье. Ну, конечно, расспросы: где боевые товарищи, как сложилась их фронтовая судьба? И времени-то как будто прошло совсем немного – всего три с половиной года, а казалось, целая вечность отделяет нас от той поры, когда мы пошли на учебных

старых танках в атаку против фашистской стальной армады.

Выступал на сессии с докладом, пользуясь материалами и схемами, подготовленными штабом 1-го Украинского фронта. Материал был подробный, точный и интересный. Так что то исключительное внимание, с которым депутаты Верховного Совета выслушали доклад, не плод моего ораторского искусства, а большая заслуга офицеров штаба фронта, сумевших обобщить и раскрыть со всей глубиной героические страницы пройденного боевого пути.

До глубины души тронул меня подарок депутатов. Товарищ Корниец вручил мне автомат, сделанный на одном из киевских заводов, уже вошедших в строй после недавней оккупации. Ну как тут не воскликнуть – до чего же замечательные советские люди! Как они быстро, поистине титаническим трудом поднимают из руин и пепла города, села, фабрики, заводы!

Сессия закончилась. Заехал в исторический музей к товарищу Бондарю И. В, а затем отправился по Брестскому шоссе в 1-ю гвардейскую танковую армию.

Вернувшись из Киева, я сразу окунулся в горячку боевых дел. В армии только и разговоров было, что о предстоящем наступлении. Политработники проводили в частях и подразделениях митинги.

– Вы вступаете на землю Германии, – объясняли они солдатам, – не как мстители, а как ее освободители от ужасов фашизма. Помните, что далеко не все немцы – фашисты.

В штабе в последний раз изучали маршруты, по которым первыми в прорыв войдут бригады И. И. Гусаковского и А. М. Темника. Командующий артиллерией И. Ф. Фролов уточнял с комкорами и комбригами вопросы артиллерийского обеспечения в момент ввода передовых отрядов в прорыв.

Наступление войск 1-го Белорусского фронта началось 14 января.

Темная ночь перед наступлением мне запомнилась навсегда. В эту ночь на плацдарме никто не спал. Время от времени темноту неба прочерчивали разноцветные ракеты. Согнувшись, сновали по траншеям посыльные. Спешили провести последние партийные собрания политработники.

Над плацдармом тишина. Закутавшись в бурку, пытаюсь задремать у печурки. И вдруг тишину нарушает мощная говорящая установка. На весь плацдарм разносится мелодия «Катюши».

– Что это такое? – спрашиваю сидящего рядом А. М. Соболева.

– Военная хитрость, товарищ командующий. Решили фрицев

песней поразвлечь, чтобы не слышали рева танковых моторов.

Так всю ночь и гремела на плацдарме мощная говорящая установка. «Катюшу» сменил «Вечер на рейде», а затем «Огонек», потом военные марши. А в это время запищала рация: командиры корпусов докладывали, что передовые отряды вышли на исходные позиции.

В 8 часов 30 минут земля затряслась, как от мощных подземных толчков. Огневые хвосты пламени заметались по серому утреннему небу. Эхо раскатами грома покатилось по плацдарму – заработала фронтовая артиллерия.

У В. И. Чуйкова непрерывно звонили телефоны, пищали рации – командарм отдавал последние приказания. Воздух наполнился пронзительным свистом. Небо расчерчено оранжево-голубоватыми полосами – это вступили в дело «Катюши». Где-то впереди пляшут языки пламени, вьются упругие клубы дыма.

Артиллерия между тем переносит огонь в глубь вражеской обороны. Грохот становится глуше. В неожиданно наступившей тишине грозно, неотступно нарастает тяжелый гул моторов. Совсем низко откуда-то из-за Вислы несутся звенья наших штурмовиков. Они пролетают над позициями противника, и видно, как из фюзеляжей отрываются и косо летят вниз бомбы. И снова земля ходит ходуном.

Но вот В. И. Чуйков бросает в трубку телефона несколько коротких фраз, которые я не могу расслышать из-за грохота, и на белом поле появляется черная россыпь пехоты. Командарм почти не отрывается от бинокля – для него сейчас наступили самые решающие минуты. Что ждет его гвардейцев там, за ничейной полосой? Как будет проходить наступление?

Но меня, танкиста, интересует не первая полоса обороны: ее прорвет общевойсковая армия. Главное для меня – знать, что сможет предпринять противник в глубине, там, где будут действовать передовые бригады А. М. Темника и И.И. Гусаковского. Пока, по данным разведки, мне известно, что в 30 километрах от передовой в резерве у противника затаились 19-я и 25-я танковые дивизии – примерно 150 танков. Где и когда враг бросит в контрудар эти дивизии? Сумеют ли Темник и Гусаковский проскочить невредимыми между этими дивизиями, не собьют ли фашисты темпы нашего наступления?

Вместе с начальником оперативного отдела М. Т. Никитиным и начальником разведки А. М. Соболевым пробираемся к передовым отрядам. Танки бригады полковника И. И. Гусаковского и самоходки артполка подполковника П. А. Мельникова вытянулись в длинную колонну. Еще издали я увидел худую фигуру Бабаджаняна. Он нервно покусывал губы.

– Как корпус?

– Готовы к бою, товарищ командующий.

– Кто идет первым?

– Батальон Карабанова. Двинется вслед за третьим эшелоном пехоты.

Комбат майор А. А. Карабанов невысокого роста. У него простое скуластое лицо. Новенький комбинезон ладно пригнан, сапоги начищены до блеска.

– Задача ясна, товарищ Карабанов?

– Так точно, товарищ командующий. Форсировать реку Пилицу и захватить плацдарм на противоположном берегу.

– Желаю успеха!

Я крепко обнял комбата. Что ни говори, быть первыми в бою – трудная роль. Им достаются первые выстрелы противотанковых пушек и фаустников, первые мины. Они переправляются в самых неблагоприятных условиях через реки и речушки. Словом, первых опасность поджидает на каждом шагу.

Батальон А. А. Карабанова поставили в голове колонны не случайно: старший лейтенант показал себя бесстрашным, умелым командиром и в боях за Бердичев, и под Львовом, и на сандомирском плацдарме. Теперь ему предстояло проложить корпусу путь к Одеру.

Никогда не забыть волнующую торжественность последних часов перед вводом армии в прорыв. Впереди грохочут выстрелы орудий, трещат пулеметы. А позади люди вроде заняты мирными будничными делами: кто копается в моторе – проверить лишний раз не мешает, кто торопливо пишет письмо. Молодой танкист стоит перед группой своих товарищей – его принимают в партию. Но чем бы ни были заняты в эти часы бойцы и командиры – нервы у всех напряжены до предела. Волнение, как бы оно ни скрывалось, чувствовалось.

Танкисты Темника выстроились у своих машин. Сам комбриг и его замполит пронесли вдоль строя Знамя бригады. Солдаты и офицеры поклялись донести это Знамя до Берлина. Когда торжественный церемониал был закончен, мы подошли к гвардейцам. А тут еще подкатила походная кухня – в бригаде начали раздавать обед. Вместе с Н. К. Попелем подсели к бойцам, поели из солдатского котелка, поговорили по душам. Потом попрощались, пожелав друг другу удачи.

Итак, 1-я гвардейская танковая изготовилась к прыжку на запад. Правда, армии В. И. Чуйкова в первый день не удалось справиться со своей задачей и обеспечить нам чистый прорыв. Мы выступили на 6 часов позже, чем предписывала директива фронта.

Но вот наконец генерал Чуйков доложил командующему фронтом, что 8-я гвардейская вышла на указанный рубеж, и на моем КП раздался долгожданный телефонный звонок. Говорил Г. К. Жуков:

– Начать игру!

Это была условная фраза, означавшая, что можно вводить армию в прорыв. Я в свою очередь отдал приказ командирам корпусов А. Х. Бабаджаняну и И. Ф. Дремову.

Взревели сотни моторов – и танки устремились в прорыв. В стрелковые части, которые находились впереди, передана команда: «Освободить дороги! Танки идут!». Величественная и грозная это картина, когда лавина бронированных машин устремляется вперед.

Армия вводилась по четырем маршрутам в одноэшелонном оперативном построении. На правом фланге наступал 11-й гвардейский танковый корпус, на левом – 8-й гвардейский механизированный.

Надо отметить героическую работу саперов генерала Ф. И. Харчевина: в ночь перед наступлением они обезвредили тысячи мин. Поэтому танки благополучно прошли минные поля.

Уже первые донесения как от наших частей, так и от соседей говорили о том, что танкисты мощными ударами дробят и крушат вражескую оборону. 11-й гвардейский корпус А. Х. Бабаджаняна стремительно продвигался к реке Пилица севернее Нове-Място, а 8-й гвардейский механизированный И. Ф. Дремова, не ввязываясь в мелкие бои, устремился на Лодзь.

Маршруты движения обоих корпусов представляли собой двойную дугу, один конец которой упирался на плацдарм, а другой – отрезал варшавскую группировку противника.

Километрах в пятидесяти правее вас наступала 2-я гвардейская танковая армия генерала С. И. Богданова; левее, километрах в тридцати, – 11-й танковый корпус генерала И. И. Ющука.

Уже к 18 часам первого дня наступления стало ясно, что корпус А. Х. Бабаджаняна с передовым отрядом И. И. Гусаковского успешно захлестывает петлю вокруг вражеской группировки. Левее двигался 8-й гвардейский механизированный корпус И. Ф. Дремова. Только на следующий день пришло сообщение от А. М. Темника: после трехчасового боя его бригада разгромила части 19-й танковой дивизии противника.

1-я гвардейская танковая продолжала стремительно двигаться к реке Пилица.

В тот день на мой КП привели первого пленного – молодого, высокого, подтянутого офицера.

– Кто вы такой? – спросил я через переводчика. В душе офицера идет борьба, но, видимо решив, что молчать бесполезно, он отвечает:

– Командир первого батальона семьдесят третьего моторизованного полка девятнадцатой танковой дивизии.

– Ну и дивизия! – вырывается у Соболева. – Сколько ее громили, и все воюет!

Как выясняется, весь моторизованный батальон противника сдался почти без боя дозору лейтенанта В. К. Балюка. Офицер из этой группы пленных.

19-я танковая знакома нам с сорок первого. Ее били под Москвой, в районе Ярцева и Вязьмы, Спас-Демянска и Кантемировки, под Белгородом. Во время Казатинской операции в боях с нашей армией она потеряла почти все боевые машины. Получив пополнение, была брошена гитлеровским командованием под Одессу, но и там понесла тяжелые потери. В Голландии ее укомплектовали почти заново и опять отправили на восточный фронт – сначала на реку Нарев, а затем на магнушевский плацдарм.

– Как случилось, – спрашиваю я пленного, – что почти весь моторизованный батальон сдался без боя?

То, что показал гитлеровец, представляло не только военный, но и психологический интерес.

В его части резко упала дисциплина. Солдаты собирались группами и совещались тайком от офицеров. Были случаи, когда они из-за угла стреляли в своих командиров. Все это убедило офицера, что моральный дух германских армий подорван и дальнейшее сопротивление бесполезно. Вот почему вместе со своим батальоном он сдался в плен.

– Да, – задумчиво протянул А. М. Соболев, – если бы все гитлеровцы были такими умными, давно бы конец войне.

Но меня тогда не столько интересовало моральное состояние врага, сколько тревожила судьба передовых отрядов. Сумеют ли они выскочить к Пилице раньше противника и захватить мосты?!

Наконец вечером 16 января А. Х. Бабаджанян доложил: «Гусаковский вышел к реке». От Темника донесение еще оптимистичнее: «Захватили мосты целыми». Однако несколько часов спустя выяснилось, что мост через Пилипу все же взорван. В чем дело? Почему столь противоречивы сообщения командиров бригад?

Уже впоследствии по рассказам А. М. Соболева и других товарищей удалось восстановить картину происшедшего. В ночь на 16 января передовой отряд подошел к реке Пилица у Нове-Място. Следом подошел авангардный батальон 19-й гвардейской

механизированной бригады. Для захвата моста командиры бригад создали отряд в составе трех танков и четырех САУ под командованием гвардии лейтенанта В. К. Балюка. Танкистов поддерживали мотострелки. Отряд вырвался к реке Пилица как раз в тот момент, когда к мосту подходила колонна грузовиков противника под охраной нескольких «Пантер» и «Тигров». Напасть на колонну В. К. Балюк не решился: «Пантеры» и «Тигры» могли встать в засаду, и рассчитывать на успех в бою с ними до подхода главных сил было трудно.

Быстро сгущались ранние январские сумерки. Балюк приказал своей группе свернуть в лесную просеку и выйти к голове вражеской колонны. Балюк понимал, что, как только колонна пройдет, в дело вступят саперы-подрывники противника. Он решил во что бы то ни стало предотвратить взрыв моста.

В колонне появился разрыв. Тридцатьчетверки и САУ пристроились в хвост грузовикам и заняли место в длинной веренице машин. Полевым жандармам, дежурившим на мосту, и в голову не пришло, что мимо них проходят русские танки и САУ. Да разве можно по синим подфарникам в темноте разобраться, чьи это машины?!

Переправившись через мост, Балюк свернул на обочину, пропустил колонну. Мотострелки в это время скрытно перешли через реку по льду. Вдруг Балюк увидел группу автоматчиков противника у опор моста. Решив, что это подрывники, гвардии лейтенант открыл по ним огонь из пулеметов. В колонне противника поднялась паника. И тут раздался взрыв – несколько пролетов моста взлетели на воздух и рухнули в реку, подняв столб воды. Оказалось, саперы противника находились на противоположном берегу. Теперь уже ничего не оставалось, как принять бой. Тридцатьчетверки налетели на вереницу машин и принялись давить их гусеницами. Грузовики загорелись. Солдаты противника кинулись врассыпную. Курсовые пулеметы косили их на бегу. Танкисты и мотопехотинцы ворвались в Нове-Място. Первым на улицах города появился танк лейтенанта А. Ф. Боброва.

Не сразу гитлеровцы сообразили, что имеют дело лишь с тремя танками и четырьмя САУ, а когда опомнились, бросили в бой «Пантеры» и «Тигры». Им удалось подбить машину лейтенанта Бодрова. Мужественный танкист был убит. Туго пришлось бы Балюку, если бы главные силы бригады А. М. Темника не пришли вовремя на помощь и не завершили разгром противника. При этом танкам пришлось форсировать Пилицу вброд южнее Нове-Място, а мотопехотинцам – по льду. К середине 16 января гвардейцы Темника очистили Нове-Място от

фашистов.

Среди трофеев, доставшихся Темнику, был автобус оперативного отдела штаба 9-й полевой армии противника. Добыча оказалась ценной: в документах нашли перечень частей армии, схему обороны, приказы ставки Гитлера и командующего армией.

Во второй половине 17 января вся армия переправилась на противоположный берег Пилипы. Первой по-прежнему двигалась бригада И. И. Гусаковского. Она обходила Варшаву с юго-запада.

Во время Висло-Одерской операции, как, впрочем, и в других крупных операциях, мы создавали оперативную группу штаба армии. В нее входили: я, член Военного совета, командующий артиллерией, начальник оперативного отдела. Эта группа на двух-трех вездеходах двигалась вслед за наступающими частями, чтобы быстрее и эффективнее оказывать влияние на ход боевых действий. Штаб армии во главе с М. А. Шалиным оставался на месте до тех пор, пока не обобщит всех данных о положении войск и не сообщит эти данные в штаб фронта. Только после этого он перебирался на новое место.

И на этот раз наша оперативная группа решила двинуться в Нове-Място, чтобы быть ближе к войскам. Вездеходы еле-еле пробирались по дороге. Она забита тылами наших корпусов и передовыми частями стрелковых дивизий. На обочинах раздавленные повозки, остовы обгорелых машин, танков, орудий. Да, хорошо поработали наши танкисты и мотострелки. Невольно вспоминается донесение В. И. Мусатова: «Полк разгромил колонну противника общей длиной до 5 километров». Правда, встречаются и наши застывшие танки, но их не так уж много. К тому же большинство еще можно вернуть в строй.

Оперативная группа расположилась на окраине Нове-Място, на восточном берегу Пилицы. Пытаемся разобраться в обстановке. Через Пилицу наведен понтонный мост. Лед взорван, и мост проложен в образовавшемся водном коридоре. Танки, артиллерия и мотострелки 8-го гвардейского мехкорпуса, переправившись по этому мосту, стремительно двинулись на Лодзь. У переправы осталась только саперная часть. Данные разведки говорили, что противник стремится вывести из-под танкового удара остатки разбитых дивизий и посадить их в оборону на заранее подготовленных рубежах. Наша задача – не допустить этого.

Пытаемся связаться со штабами корпусов. Куда, на какой рубеж они вышли? Что делают? Но рации молчат. Видимо, бригады ушли за пределы их досягаемости.

А между тем из штаба фронта каждые четверть часа поступают запросы: где войска? Особенно достается М. А.

Шалину; на его голову сыплются и упреки и угрозы.

– Какой парадокс, – жаловался он мне потом, – чтобы иметь связь с войсками, надо подойти к ним ближе.

Но штаб фронта не разрешает этого сделать, пока не доложим, где войска. А чтобы узнать, где они, надо подойти ближе…

Пока пытались установить связь с бригадами, дозоры сообщили, что под ударами 2-й гвардейской танковой армии и корпуса Бабаджаняна, наступавших правее нас, по обоим берегам Пилицы на наш правый фланг отходят потрепанные части противника из варшавской группировки. Один такой блуждающий котел силою до тысячи пехотинцев с артиллерией и танками пробивается с боями прямо на Нове-Място.

Посылаю М. Т. Никитина с группой офицеров уточнить обстановку и выяснить, что делается на западном берегу Пилицы. С севера доносятся гул артиллерийской канонады, пулеметные очереди. Сам я с группой офицеров вышел на берег реки. Прямо над нами, пристроившись в хвост нашим истребителям, кружат два «Мессера». Они то ныряют в облака, то появляются в голубых просветах.

Внезапно на берегу реки раздался взрыв, и по льду ударило что-то тяжелое. Скорее смутное беспокойство, чек любопытство заставило меня предложить штабным офицерам:

– Пойдемте посмотрим, что там.

На льду реки, несколько выше по течению, лежал трак. Видимо, одна из наших машин нарвалась на мину. Удар этого трака о лед мы и услышали.

Но едва мы подошли к месту падения трака, как два сильных взрыва снова потрясли землю. Оказалось, «Мессеры» успели сбросить «кисть бомб». Бомбы угодили в мост и разметали у берега понтоны, часть их попала в то самое место, где мы только что стояли. Осколками убило двух саперов и ранило пятерых бойцов из армии Чуйкова, подошедших к мосту. В который раз меня и моих товарищей спасла случайность.

Вскоре подбежал запыхавшийся Никитин:

– Противник атакует Нове-Място! Его сдерживает рота мотоциклетного батальона старшего лейтенанта Байкова. У него шесть танков, а у противника семнадцать.

– Все за мной! – командую я. – В цепь! М. Т. Никитин собирает взвод охраны, связистов, шоферов. На помощь лейтенанту Байкову я отправляю танки командования армии.

Весь пригород к востоку от Нове-Място усеян вражеской пехотой. Впереди движутся, стреляя на ходу, несколько «Пантер» и самоходок. Наши танки бьют из засад. Вспыхивает настоящий

бой. Группа гитлеровцев прорвалась на окраину города и наткнулась на две наши радиостанции, в кабине которых находились девушки-связистки. Открыв дверцы, немцы убили девушек. Бессмысленное убийство безоружных радисток возмутило наших бойцов, и они дрались особенно яростно.

Потеряв две машины, гитлеровцы откатываются, но вскоре снова поднимаются в атаку. Пытаюсь связаться с бригадой И. Н. Бойко, оставшейся в резерве. Она должна быть где-то неподалеку от Нове-Място. Радист долго крутит ручку настройки. Наконец в наушниках раздается хорошо знакомый хрипловатый бас комбрига. Объясняю ему сложившуюся ситуацию.

– Есть! Скоро буду!

Между тем фашисты предпринимают атаку за атакой. Сознавая безвыходность своего положения, они прут напролом. Полдюжины «Пантер» уже застыли на поле, а гитлеровцы все пытаются прорваться через Нове-Място то с одной, то с другой стороны. Снаряды рвутся совсем рядом с КП. Цепи мотострелков редеют с каждой минутой.

– Бойко! Танки Бойко! – раздался наконец крик наблюдателя.

Действительно, прямо по шоссе с востока двигались тридцатьчетверки. Они шли быстро, покачивая стволами пушек. Вероятно, и противник заметил шедшее к нам подкрепление: огонь его артиллерии вдруг прекратился. Пехота заметалась по полю, попав под перекрестный огонь наших артиллеристов и танковых пушек бригады Бойко.

Фашистам так и не удалось прорваться через Нове-Място. Часть их полегла на поле боя у этого городка, другая сдалась в плен.

Армия продолжала продвижение вперед. Она еще не знала столь стремительных темпов наступления.

Когда 18 января нам наконец удалось соединиться с бригадой И. И. Гусаковского, она уже обошла сильный узел обороны гитлеровцев Раву-Мазовецку, форсировала реку Равка вброд и была в Скерневице. В тот вечер передовой батальон этой бригады под командованием Карабанова захватил Лович. Промерили курвиметром расстояние на карте – 120 километров прошел И. И. Гусаковский за сутки. Стоило ли удивляться, что войти в связь с ним было так трудно?

Между тем в штаб армии пришел приказ, которым нам предписывалось двигаться не на север, а от Равы-Мазовецкой круто повернуть на запад – на Згеж, обойти Лодзь и к исходу 17 января выйти на реку Нер – приток Варты. Вскоре из штаба фронта прибыл командующий бронетанковыми и механизированными войсками генерал Г. Н. Орел, чтобы

проверить, как этот приказ доведен до войск…

Но к этому времени передовые части И. Ф. Дремова уже вышли к западному предместью Лодзи. Командир корпуса, преследуя отступающего противника, повернул на запад и тем самым упредил приказ фронта. 2-я гвардейская танковая армия С. И. Богданова уже отрезала пути отхода варшавской группировке противника, и на нашу долю выпала роль щита, который преградил пути подхода резервов гитлеровцев с запада.

К утру 18 января основные силы 8-й гвардейской армии выбили противника из Равы-Мазовецкой, в которой засели два эсэсовских полка. Хотя к этому населенному пункту И. И. Гусаковский подошел на целые сутки раньше, он благоразумно решил его обойти и не ввязываться в затяжные уличные бои, а стремительно двигаться дальше.

К январю сорок пятого мы накопили достаточно опыта, чтобы усвоить истину: освобождение населенных пунктов – отнюдь не главная задача танковых войск. Перерезать коммуникации противника, внести хаос в его оборону, вызвать панику в тылах, перекрыть пути отхода его передовых частей или пути переброски резервов – вот задача, которую мы ставили в первую очередь.

В условиях, когда танковые части действуют в тылу врага и выполняют роль первопроходчиков, очень многое зависит от способностей командира. Речь идет не только о личной храбрости и находчивости. Танковому командиру или даже командующему приходится действовать в условиях быстро меняющейся обстановки. Не всегда вовремя он может иметь точные данные о силах противника. Ситуация меняется молниеносно. Неожиданность, особенно когда он действует в оперативной глубине, подстерегает его на каждом шагу. И важно, чтобы в быстро меняющейся обстановке он умел столь же быстро принимать решения.

Не будет преувеличением сказать, что многие командиры 1-й гвардейской танковой армии добивались успеха в боевых условиях зачастую не за счет превосходства в силах, а именно благодаря тому, что обладали талантом – именно талантом – быстро и точно оценивать тактическую обстановку.

Однако вернемся к боевым действиям 1-й гвардейской танковой армии в период Висло-Одерской операции.

Итак, передовые отряды 8-го гвардейского механизированного корпуса И. Ф. Дремова вышли к предместью Лодзи. Все эти дни корпус не встретил сколько-нибудь организованного сопротивления со стороны противника. Лишь разведотряды сбивали мелкие вражеские заслоны.

В ночь на 18 января 19-я гвардейская механизированная

бригада ворвалась в Згеж. Но город, как оказалось, был подготовлен к обороне: улицы перегорожены баррикадами, каменные дома превращены в дзоты, повсюду вырыты «волчьи ямы», тщательно замаскированные сетями. Один из батальонов бригады, шедший первым, попал под огонь противотанковых пушек. К тому же две машины провалились в «волчьи ямы». Комбриг Ф. П. Липатенков выпрыгнул из машины и направился в головной батальон. Здесь он встретил лейтенанта Петра Молчанова. Тот беседовал с местными жителями – они указали незаминированные проходы через город. Отдав приказ Молчанову наметить бригаде путь ракетами и трассирующими пулями, Липатенков стал за танк и пытался по рации связаться с командирами батальонов. В это время в танк ударил снаряд. Осколками сразило командира бригады. Мы потеряли еще одного отважного командира…

Тем временем отряд 8-го гвардейского механизированного корпуса под командованием старшего лейтенанта В. Бочковского, посланный нами в Лодзь, беспрепятственно вошел в город. По улицам проходила колонна фашистских войск, торопившаяся скорее через Лодзь уйти на запад.

Я запретил Бочковскому вести бои в городе. Старинный город ткачей был бы разрушен, а с ним и фабрики – это нанесло бы большой ущерб Польше. Напугав выстрелами гитлеровцев, Бочковский перешел к параллельному преследованию по северной окраине Лодзи и вышел к Александруву-Лудзки, а затем направился за 19-й гвардейской механизированной бригадой на Згеж и далее на Коле – Конин Познань.

Останавливаюсь на лодзинском эпизоде еще и потому, что после войны появилось немало печатных трудов, в которых части 8-й гвардейской, 69-й армии, а также 9-го и 11-го танковых корпусов показаны в роли единственных освободителей крупного польского промышленного города. Да, верно, эти войска вошли в Лодзь, но уже после того, как отряд Бочковского ворвался в город. Возможно, конечно, частям вышеупомянутых армий и корпусов пришлось вступить в бой с отдельными частями лодзинского гарнизона. Но обычно сколько-нибудь серьезного сопротивления эти деморализованные части врага не оказывали. Так, если строго следовать правде, надо отметить, что в освобождении Лодзи большой вклад смелого танкиста Бочковского и его передового отряда.

Итак, гитлеровцы не успели ни взорвать лодзинские фабрики, ни эвакуировать их на запад, как обычно они поступали с предприятиями городов, которые им приходилось оставлять. Обычно эвакуацией занимался специальный представитель из

Берлина.

С одним таким представителем мне пришлось беседовать. В штабной комнате сидел, ссутулившись, холеный генерал с впалыми щеками, седыми кустистыми бровями. На нем была голубая подбитая мехом шинель с черным бархатным воротником.

– Вот познакомьтесь, – кивнул полковник А. М. Соболев, – представитель самого Геринга.

– А вы не преувеличиваете?

– Никак нет. Проверили документы.

– Как же вы его захватили?

– Да очень просто, – ответил Соболев. – Он ехал в Лодзь из Познани на машине с небольшой охраной. На мосточке через Варту ребята его и сцапали. Покончить с собой, как подобает истинному слуге фюрера, не пожелал, поднял руки. Видимо, не знал, что наши уже взяли Лодзь.

Незадачливого представителя Геринга я приказал отправить в штаб фронта.

В эти дни мне пришлось еще раз услышать имя рейхсминистра авиации. Сразу же после освобождения польского города Скерневице я направился в корпус А.Х. Бабаджаняна. В этом местечке было полно вилл высокопоставленных чиновников фашистской Германии, в том числе и самого Геринга: он любил наезжать в эти места на охоту.

Кто-то из офицеров штаба корпуса повел меня на дачу рейхсминистра. Большой двухэтажный особняк был забит старинной мебелью, коврами, дорогой посудой, картинами. Все это было награблено в разных европейских музеях. Мое внимание привлекла огромная коллекция охотничьих ружей. Геринг, как известно, был завзятым охотником. Я бродил по особняку и, глядя на всю эту кричащую роскошь, думал, что пройдет совсем немного времени, и мы предъявим счет толстому жуиру, его бесноватому фюреру и всей фашистской камарилье.

– Девятая армия противника разбита в первые три дня, – говорит Шалин, обводя карандашом по карте район среднего течения Вислы. – Девятой армии больше не существует.

Старый знакомый противник – эта девятая армия. Летом 1943 года советские войска ее здорово потрепали на курско-орловском направлении. На следующий год, и тоже летом, она попала в котел на Березине. В январе сорок пятого ее раздробил на мелкие части мощный удар советской артиллерии и танков. По данным разведки, гитлеровское командование собирало свои последние резервы: из Югославии – горноегерский корпус, из-под Берлина – запасный армейский. Вновь созданному войсковому объединению

в четвертый, последний раз было присвоено наименование 9-й армии.

Во главе этой армии стояли лучшие генералы вермахта – Модель, фон Бок, Фроман. Ее последний командующий фон Лютвиц торжественно объявил, что его девиз – руководить, находясь впереди своих войск: «Я руковожу только тогда, когда нахожусь впереди».

Если учесть, в каком направлении двигалась армия, то у фон Лютвица положение было явно незавидное.

В результате разгрома 9-й армии и отхода ее частей на север и юг в обороне противника образовался незащищенный коридор. Обороняясь небольшими группами, гитлеровцы надеялись посадить подкрепления на одну из линий обороны и задержать паше наступление. О том, что противник поспешно выдвигает резервы на линию Копин – Коло, мы уже знали из показаний пленных, захваченных танкистами Гусаковского. Сюда спешно перебрасывались 10-я моторизованная дивизия и дивизия «Бранденоург».

Я приказал А. Х. Бабаджаняну и И. Ф. Дремову передовыми отрядами как можно скорее выйти на рубеж Конин – Коло, чтобы не дать гитлеровцам организовать прочную оборону. В противном случае пришлось бы прогрызать эту оборону и нести тяжелые потери.

На пятый день наступления 11-й гвардейский корпус А. Х. Бабаджаняна, с боями преодолев около 200 километров, подошел к реке Варта – шестому рубежу немецкой обороны. В том месте, куда вышла передовая бригада Гусаковского, Варта текла строго на север. Потом у города Коло она круто сворачивала на запад и, дойдя до Познаньского меридиана, снова направлялась на север. Я приказал Бабаджаняну и Дремову обойти вражеские резервы, сосредоточенные в восточном колене реки, и взять в клещи познаньско-варшавскую автостраду. Форсировав Варту и оставив немецкую группировку на фланге за рекой, оба корпуса устремились на Познань. Вражеская группировка в этих условиях оказалась обреченной на бездействие. Она уже не могла воспрепятствовать дальнейшему продвижению наших войск.

Бригаде Гусаковского удалось освободить и сохранить почти в неприкосновенности старинную резиденцию польских королей из династии Пястов город Гнезен (Гнезно). Согласно легенде именно в этом городе возвышался древний дуб, в густых ветвях которого жил белый орел – национальный символ Польши. На окраине Гнезена были захвачены подвалы с редкими и дорогими сортами вин, принадлежавшие одному из польских магнатов. Подвалы тянулись на многие сотни метров. Я приказал

Бабаджаняну выставить у входа в подвалы усиленную охрану.

Еще на подходе к Познани наши разведчики во главе с А. М. Соболевым провели глубокую разведку этого города-крепости. Очень многое, что касалось системы обороны города, прояснил захваченный в плен нашей разведгруппой немецкий подполковник Флакке. В компетентности этого старшего офицера сомневаться не приходилось: он был заместителем командира укрепрайона.

Флакке начертил подробный план крепости Познань со всеми ее фортами, железобетонными капонирами и другими фортификационными сооружениями.

Круговая оборона Познани состояла из трех обводов. Первый проходил по окраине города, второй – по улице Пильна до Зокач и третий, центральный, включал старую часть города и цитадель.

По окраинам города все здания были приспособлены к обороне: в стенах пробиты бойницы, окна заложены мешками с песком, подвалы соединены ходами сообщения. Гарнизон крепости, по словам Флакке, насчитывал 20 тысяч человек. Впоследствии выяснилось, что в крепости засело 65 тысяч гитлеровцев.

– Познань, – охотно рассказывал Флакке, – главный узел обороны по рубежу Варты. Западнее проходит еще один – по реке Обра, еще дальше – мощный укрепленный район, называемый Мезеритцким. Междуречье Варты и Одера сплошь состоит из оборонительных сооружений и именуется укрепленным четырехугольником.

Когда увели пленного, А. М. Соболев развернул карту Познани, испещренную пометками. Как следовало из доклада начальника разведотдела, гитлеровцы имели в городе довольно крупную оборонную промышленность: три завода боеприпасов и стрелкового оружия, пять самолетостроительных заводов, из которых один был построен недавно, два авторемонтных, аккумуляторный и много других предприятий.

– В городе паника, – докладывал Соболев. – Немецкое население частично бежит на запад, другая часть мобилизуется в фольксштурм. Партийная верхушка драпает в Германию.

Познань была типичной танковой «душегубкой». На ее узких, хорошо подготовленных к обороне улицах немцы выбили бы у нас все машины.

Я приказал А. Х. Бабаджаняну и И. Ф. Дремову обойти Познань с севера и юга, замкнув кольцо, перерезать все коммуникации и не дать уйти на запад гитлеровскому гарнизону.

25 января бригады обоих корпусов в третий раз форсировали Варту и окружили Познань. Вокруг города танкисты И. Ф.

Дремова захватили несколько аэродромов, на которых стояло огромное количество самолетов.

Когда мне сообщили их число – 700, я усомнился: такого количества самолетов мы еще не захватывали.

– Не преувеличивают ли дремовцы? – высказал я свое сомнение Шалину. Знаете, бывает в горячке. Давайте уменьшим цифру хотя бы до пятисот.

Как я и предполагал, ошеломляющая цифра трофейных самолетов произвела соответствующее впечатление в Москве. Ставка направила для проверки этого необычного сообщения специальную комиссию, и та подтвердила первоначальную цифру: трофейных самолетов действительно оказалось свыше 700.

Кроме самолетов танкисты захватили склад с медицинским оборудованием для хирургических и зубоврачебных кабинетов.

С востока Познань прикрывалась крутым обрывом берега Варты. Неожиданность нападения отступающих частей противника отсюда была исключена. Поэтому с востока я поставил только посты наблюдения.

С запада, севера и юга я оставил небольшое прикрытие: два спецбатальона плавающих автомобилей, механизированную бригаду 8-го гвардейского мехкорпуса и артиллерийскую противотанковую истребительную бригаду. Остальные части армии продолжали стремительно двигаться на запад.

Под Познанью произошел трагический случай, который болью отозвался в сердце каждого бойца 1-й танковой. В результате нелепой случайности погиб один из талантливейших командиров Герой Советского Союза Владимир Михайлович Горелов.

Горелов стал заместителем командира корпуса в 34 года. Высокого роста, с красивым, еще мальчишеским лицом, он был человеком необыкновенной личной храбрости. Когда он возглавлял 1-ю гвардейскую танковую бригаду, она всегда шла впереди корпуса. Горелов выходил целым и невредимым из сложнейших боевых операций. И вот шальная пуля оборвала жизнь этого замечательного человека…

Мой командный пункт находился в имении графа Домбровского, западнее города.

Сам граф, как нам стало известно, во время войны уехал в Америку, а в имении остались лишь слуги и рабочие. И как только мы обосновались в графских строениях, установили в одном из флигелей телеграфные и телефонные аппараты, развернули по соседству радиостанцию, ко мне пришла группа рабочих-поляков. Рассказали, что в имении есть контрольный

колодец, внутри которого лежит подземный кабель связи, идущий из Познани в Берлин.

Я поблагодарил рабочих и приказал немедленно разрушить колодец. После этого блокированная Познань могла держать связь с Берлином лишь по радио.

Как только наша армия блокировала Познань, командующий фронтом сообщил мне, что взятие города поручается 8-й гвардейской и 69-й общевойсковым армиям В. И. Чуйкова и В. Я. Колпакчи. Мы же получили новый приказ: выйти на реку Обру, привести войска в порядок, получить горючее и боеприпасы и готовиться к прорыву Мезеритцкого укрепленного района и захвату плацдарма на западном берегу Одера. А пока действовать передовыми отрядами.

Я тут же дал телеграмму командующему фронтом: «Передовые отряды не справляются с задачей, прошу ввести в действие главные силы армии».

Г. К. Жуков ответил, что он утверждает мое решение.

Измерили по карте расстояние до Одера – 150 километров по прямой. Через четверо суток мы должны быть на Одере.

Но беспокоило нас не расстояние, а этот укрепленный Мезеритцкий район, или одерский треугольник, как его еще называли. Еще до войны Германия построила два укрепленных района: один на западе – линию Зигфрида, другой на востоке – одерский треугольник. Оборонительные валы в годы войны пришли в упадок. Но сразу же после Сталинградской битвы немцы приступили к модернизации обеих систем обороны. Мезеритцкий укрепрайон, главный на пути к Берлину, был переоборудован по последнему слову инженерной техники. Целый город из железобетона и стали с подземными железными дорогами, заводами и электростанциями, он мог вместить в своих недрах по крайней мере армию. Бронированные шахты уходили на 30–40 метров в глубину, а на поверхности дорогу преграждали пени надолб, протянувшиеся на многие километры. Десятки низких куполов дотов щетинились орудиями и пулеметами. Системы плотин на соседних озерах были сконструированы таким образом, что в случае необходимости можно было затопить любой участок этого укрепленного района.

Военная история еще не знала примеров, когда мощный укрепленный район прорывала танковая армия. Обычно укрепления такого рода разрушались огнем тяжелой артиллерии и с воздуха авиацией, а уж потом саперы и стрелковые части завершали уничтожение дотов и дзотов.

Нелегкую задачу нам поставил фронт! В других условиях приказ показался бы невыполнимым, но сейчас наступательный

порыв войск был настолько высоким, что любая самая сложная задача казалась по плечу танкистам.

Правда, дело осложнялось тем, что при столь стремительных темпах продвижения тылы все время отставали с подброской горючего. Но и тут нашли выход. П. Г. Дынер предложил использовать для колесных машин трофейный спирт, а дизельное топливо тыловые части успели нам подбросить.

Перед прорывом укрепрайона собрали совещание работников штаба армии совместно с командирами корпусов и бригад. Доклад о Мезеритцком укрепрайоне сделал А. М. Соболев.

– На основании данных разведки, – неторопливо пояснил он, – гитлеровское командование не успело посадить в укрепрайон крупные силы. Пока его занимают главным образом фаустники – примерно две тысячи человек. Но есть сведения, что фашисты срочно перебрасывают из Югославии пятый горнострелковый корпус СС. Если мы не успеем прорвать укрепрайон до подхода этого соединения, сопротивление врага будет упорным.

27 января 11-й гвардейский танковый корпус вышел к реке Обра. Корпусу А. Х. Бабаджаняна пришлось вести жестокие бои: по реке Обра проходила польско-германская граница, установленная после первой мировой войны. Мы ожидали, что гитлеровское командование изо всех сил будет пытаться задержать на реке Обра наши части, чтобы выиграть время и посадить в Мезеритцкий укрепрайон войска. Я поставил соединениям задачу не допустить этого любой пеной.

Как только А. Х. Бабаджанян сообщил мне, что главные силы его корпуса находятся в 5 километрах от Мезеритцкого укрепрайона, я приказал ему в ночь на 28 января 1945 года форсировать реку Обра в направлении Хохвальде. Однако лишь в ночь на 29 января передовой отряд корпуса А. Х. Бабаджаняна форсировал реку Обра, сломал упорное сопротивление частей армейского корпуса немецкого генерала Пертпеля и сосредоточился в районе Ширприга. Вечером того же дня и 11-й гвардейский танковый корпус выступил двумя колоннами. По правому маршруту двигалась 40-я гвардейская танковая бригада, усиленная самоходными установками, и 27-я гвардейская мотострелковая бригада. По левому маршруту двигалась 44-я гвардейская танковая бригада И. И. Гусаковского совместно с 1454-м самоходно-артиллерийским полком под командованием П. А. Мельникова. Следом за ней шла 45-я гвардейская танковая бригада.

Днем 44-я бригада приблизилась к району Хохвальде. Неожиданно к Гусаковскому прибежал командир группы саперов

из передового дозора.

– Товарищ полковник, – торопливо доложил он, – наши бойцы обнаружили, что шоссейная дорога перекрыта рельсами. Они вставлены в специальные колодцы.

– А можно эти рельсы вытащить? – спросил Гусаковский.

– Можно, товарищ комбриг.

– Немедленно расчистить шоссе.

Гусаковский принял смелое решение, которое, по существу, и определило судьбу Мезеритцкого укрепрайона: не дожидаясь подхода главных сил корпуса, под покровом темноты прорваться через укрепленный район.

Вечером саперы и автоматчики, выбив деревянные клинья из колодцев, вытащили рельсы. Шоссе оказалось незаминированным. Видимо, гитлеровцы довольно слабо защитили эту дорогу на случай, если их танки пойдут в контратаку.

Низкие, быстро бегущие тучи заволокли небо. С берегов Балтики дул порывистый, влажный ветер. Ледяная корка на дорогах подтаяла, и в лужах блестела вода. С высотки у Хохвальде доносились пулеметные очереди – это противник обстреливал дозоры бригады.

Гусаковский построил бригаду в боевой порядок. Первым пошел 3-й батальон майора А. А. Карабанова.

Нужно отдать должное изобретательности саперов, чьи имена мне, к сожалению, неизвестны. Саперы расставили вдоль шоссе цепочку бойцов с фонариками у поясных ремней. Бойцы стали спиной к противнику, лицом – к своим. Световой пунктир дороги был обозначен. Танки ринулись в проход. Заслышав рев моторов, гитлеровцы подняли беспорядочную стрельбу из орудий и минометов.

Мчась на полной скорости, бригада вела огонь из пушек и пулеметов по вспышкам выстрелов. Рывок этот был настолько стремительным, что уже к 3 часам 30 января бригада проскочила укрепрайон и вышла в район Мальсова, не потеряв ни одного танка.

И. И. Гусаковский организовал круговую оборону и выслал разведку на пути вероятного движения вражеских частей. К утру разведчики заметили, что со стороны Одера к Хохвальде движется большая колонна врага. Танкисты атаковали ее из засады. Гитлеровцы потеряли несколько автомашин с пехотой, десять бронетранспортеров и две противотанковые батареи.

В то время когда Гусаковский прорывался через укрепрайон, передовой отряд корпуса – 45-я гвардейская танковая бригада Н. В. Моргунова – пытался найти проход несколько севернее, в

районе Нинтера. Но мощный огонь противотанковой артиллерии противника заставил Моргунова отступить. Два часа спустя после того, как последний танк Гусаковского миновал укрепрайон, 45-я бригада спустилась южнее вдоль линии обороны и вышла на ту же дорогу.

Но немцы уже успели вставить рельсы в колодцы. Они встретили бригаду сильным огнем. Моргунову ничего не оставалось делать, как отступить.

Вся эта разрозненность в действиях комбригов может показаться современному читателю следствием недостаточной организованности… Но дело заключалось в том, что танковые рации тех времен имели дальность действия не более чем на 30–35 километров. При стремительных темпах движения даже комбриги часто вовремя не могли договориться друг с другом по радио. Другие средства связи не всегда можно было использовать, когда танки действовали в оперативной глубине противника.

Но разумеется, теперь, анализируя действия Гусаковского, нельзя не заметить в его решении просчета. Он обязан был оставить у прохода в укрепрайон хотя бы небольшой заслон, который помешал бы противнику снова установить заграждения. Конечно, спустя много лет критиковать командиров легко. Гораздо труднее было в то боевое время найти правильное решение.

Гусаковский оказался отрезанным от основных сил не только армии, но и корпуса. И. Ф. Дремов был втянут противником в тяжелые бои за город Либенау, расположенный значительно южнее Мезеритпа (Мендзыжеча).

Положение у Гусаковского сложилось драматическое. Гитлеровцы вот-вот должны подтянуть резервы, и комбрига ожидал неминуемый разгром: 44-я бригада была отделена от нас 30 километрами мощной системы обороны.

Было совершенно очевидно, что передо мной тот самый случай, когда «промедление смерти подобно». Можно было бы, конечно, подбросить армейские средства усиления, создать штурмовые группы, но на это потребовалось бы целых три дня. За это время противник смог бы подтянуть резервы, привести в порядок отходящие части и очистить свой тыл от бригады Гусаковского.

Я приказал основным силам 11-го корпуса двигаться по маршруту Гусаковского. Но вместе с тем создал передовой отряд, который должен был прощупать огневую систему укрепрайона, найти брешь и повести за собой корпуса, а затем, если возникнет необходимость, и всю армию. Передовой отряд, в который вошли 6-й мотоциклетный полк В. И. Мусатова, танковый полк

подполковника Ярецкого и средства усиления, должен был возглавить А. М. Соболев.

Днем 30 января передовой отряд выступил в поход. О его действиях я знаю по докладам А. М. Соболева.

Погода в этот день выдалась скверная. Густой снег сменялся то дождем, то ледяной крупой. По непролазным от слякоти дорогам не только мотоциклисты, но и танки, надсадно урча, продвигались с трудом. Грузовики застревали, и солдатам приходилось толкать их вперед.

В сумерках отряд добрался до Швибуса (Свебодзин), где части 69-й и 33-й армий и 8-го гвардейского механизированного корпуса только что разгромили подвижной котел противника. Гитлеровцы безуспешно пытались пробиться на запад. В городе полыхали пожары, с грохотом рушились стены. С обеих сторон Швибуса вражеские танки и артдивизионы вели заградительный огонь. Осветительные ракеты вспыхивали в темном небе то розовым, то нежно-салатовым светом.

Подполковник Ярецкий доложил Соболеву, что танковая атака невозможна: впереди широкий канал, мост через который взорван.

– В бой втянулись все силы корпуса, – рассказывал Соболев, – но без танкового удара сбить заслон противника невозможно.

Начальник разведотдела принял правильное решение: он свернул с основной магистрали по проселочной дороге в поисках переправы через канал. По заснеженным дорогам мотоциклисты пробиться не смогли, им пришлось оставить машины. К тому же кончился бензин.

В 35 километрах севернее Швибуса головной отряд вышел к каналу. По ту сторону сквозь утреннюю мглу просматривались черепичные островерхие крыши деревни. Окна были закрыты глухими ставнями.

Соболев вылез из танка и сличил схему укрепрайона с картой. И в этом районе у противника – железобетонные гнезда, доты, массивные надолбы.

Пробравшись ползком к каналу, саперы обнаружили мост, который с помощью каких-то хитроумных блоков был забран на противоположный берег, облицованный гранитом. Только торчит железобетонная плита. Выдвини ее – и проезд через канал готов.

На противоположном берегу тишина. Что это, ловушка? Или там действительно нет войск?

Бойцы подогнали танк, закинули трос на противоположный берег, зацепили его за плиту. Танк попятился назад, и плита легла поперек канала. Первыми перебрались на другую сторону три бронетранспортера. Потом прошел танк и утопил

противоположный конец плиты своей тяжестью в гнездо.

Поскольку с противоположной стороны враг не обнаруживал себя, танкисты осмелели и сгрудились у канала в поисках выхода. Но в это время из крайнего дома, казалось, вымершей деревни, пригнувшись, выбежал человек в серой, волочившейся по снегу шинели. Он остановился у берега канала и, что-то выкрикивая по-немецки, замахал руками.

– Он предлагает опустить мост, – догадался кто-то ив танкистов.

Вскоре немец покрутил утопленную в лунке лебедку, и через канал лег мост. Гулко урча, по нему двинулись танки, а затем колесные машины.

Из разговора с неожиданным помощником выяснилось, что еще вчера вечером в деревне находились две роты гренадеров, но ночью, заслышав рев тридцатьчетверок, вражеские солдаты покинули позиции. Таким образом, отряду удалось перебраться через канал без единого выстрела.

Колонна пробивалась по снежной целине. Во второй половине дня она подошла к небольшому городку Лагов, приютившемуся между холмами и окаймленному двумя озерами. В городке тишина, мирно вьется дымок над черепичными крышами.

Машины разворачиваются в боевой порядок. Пушки готовы открыть огонь, но неожиданно над ратушей поднимается, полоскаясь на ветру, белый флаг – знак капитуляции. На улицах толпы народа. Сквозь гул моторов доносятся радостные крики.

Оказалось, что в городке французские, американские, английские военнопленные. Охрана убежала из лагеря, и узники, разоружив в Лагове небольшой отряд фаустников, вышли встречать советских воинов. Каким-то образом они узнали про русский обычай – встречать гостей хлебом-солью. Из толпы выбежала женщина и подала на полотенце буханку черствого хлеба и солонку.

Но корпусу Дремова все же не удалось воспользоваться успехом передового отряда: по снежной целине, по которой прошли мотоциклисты и средние танки, тяжелые машины пробиться не смогли. Ему самостоятельно пришлось прорываться через укрепрайоп у Швибуса. Тяжелые САУ и танки били по бронированным колпакам. Если даже их снаряды и не попадали в амбразуры, а разрывались рядом, то взрыв их был настолько губительным для его защитников, что те глохли от ударов, выходили из своих убежищ контуженными, из ушей у них текла кровь…

Остальные бригады корпуса Бабаджаняна,

перегруппировавшись в районе Швибуса, обошли Мезеритцкий укрепленный район с тыла…

Новый КП, куда я перебрался за частями 8-го гвардейского механизированного корпуса, обосновался в Швибусе. Отсюда отправился к Бабаджаняну. Командира корпуса нашел в небольшой деревушке и узнал от него подробности боев в Мезеритцком районе.

Лицо Амазаспа Хачатуровича было черным то ли от копоти, то ли от смертельной усталости. Мы обнялись по-братски.

– Бригада Гусаковского, – рассказывал Бабаджанян, – оказавшись отрезанной от основных сил корпуса, дралась по-гвардейски. Все бойцы действовали смело, изобретательно. Когда, например, нужно было уничтожить пулеметный дот, водители закрывали амбразуры танком, а саперы подбирались к дымовому ходу дота и спускали туда взрывчатку.

Особенно много хлопот доставляли артиллерийские капониры с толстыми железобетонными стенами, которые не брали даже снаряды 85-миллиметровых орудий. Но опытные башенные стрелки били по амбразурам – взрыв заклинивал орудие.

Гусаковский разгромил окрестные гарнизоны. Командир батальона подполковник Боритько разбил эшелон с танками; Алексей Карабанов ликвидировал подрывную команду на плотинах.

– Погиб Карабанов, – устало доложил Бабаджанян. Алексея Карабанова любили не только в бригаде Гусаковского, но и во всем корпусе. И действительно, не восхищаться этим 25-летним пареньком было нельзя. Это был отчаянный и смелый танкист. Гусаковский высылал его всегда впереди бригады.

– Как он погиб?

– Была у него привычка все время открывать люк: перископ его, видите ли, не устраивал, не тот обзор. Ну и фаустник…

Последние жертвы войны… Чем ближе день Победы, тем острее, больнее воспринималась каждая потеря…

Гусаковский форсировал Вислу с четырьмя комбатами – Карабановым, Ивановым, Усановым, Боритько. Остался в живых один – Боритько. Усанов погиб на Сандомире, Иванов выбыл по ранению, и вот теперь настала очередь Карабанова…

В тот же день я приказал начальнику отдела кадров армии оформить наградные листы на этих замечательных офицеров. Впоследствии все три командира танковых батальонов, участвовавшие в прорыве Мезеритцкого района, были удостоены звания Героя Советского Союза (А. А. Карабанов – посмертно).

А 44-й гвардейской танковой бригаде, усиленной

самоходным полком, дивизионом гвардейских минометов, легким артиллерийским полком, понтонно-мостовым батальоном, я поставил новую задачу: в качестве передового отряда корпуса в 8 часов 1 февраля выступить по маршруту Тауэрциг – Поленциг Гритц и к исходу дня форсировать Одер, захватить плацдарм на его западном берегу в районе Рентвейн – Лебу и обеспечить переправу главных сил корпуса.

1-я гвардейская танковая армия продолжала победоносный марш. Мощный гул советских танков заставил содрогнуться врага. Мой «старый знакомый» по Орлу и Мценску генерал-полковник Гудериан, ставший к тому времени начальником штаба германских сухопутных войск, обратился к своим войскам с воззванием. Он заклинал их лечь костьми, но остановить движение русских танков. «Солдаты восточного фронта! – взывал он. – Вторую неделю мы ведем тяжелую борьбу с продвигающимся вперед противником. Глубокие вклинения Советов возникли благодаря продвижению бронированных боевых групп. Они должны быть немедленно устранены. Не дайте обмануть себя потерей территорий! У командования есть ясный план. Оно держит в руках управление всеми соединениями и определит время контрнаступления. Нужно повсюду и немедленно положить конец сталинским танкам. Т-34 не является непреодолимым! Докажите всему миру, что немецкая воля к сопротивлению не сломлена. Вся Германия смотрит на вас!».

Но немецкие войска уже не могли «положить конец» наступлению советских танков. И, конечно, Гудериан явно выдавал желаемое за действительное, утверждая, что германское командование держало в руках управление своими разбитыми войсками. Еще оставались немецкие силы в отдельных узлах обороны, еще высились «зубья дракона» на отдельных рубежах, но подлинными хозяевами положения были советские войска.

Танки и пехота подходили к Одеру, от которого до Берлина оставалось всего 70 километров. Согласованными ударами 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов группа армий «Центр» противника была рассечена на три части. Чтобы как-то выправить положение, германское командование бросило из-за Одера навстречу наступающим частям Красной Армии до 200 боевых подразделений различной численности. На берлинское направление Гудериан спешно выставил свежие дивизии «Гросс-адмирал Дениц», «Дебериц», «Берлин» и другие. С западного фронта, из Центральной Германии, Норвегии и Северной Италии, на восток ускоренным маршем двигались танковые и моторизованные дивизии. Все усилия германского штаба были направлены на то, чтобы любой ценой остановить натиск Красной

Армии и не дать русским выйти к Одеру.

Но инициатива наступления была в руках советского командования. Советские танки были всюду. Они седлали дороги, обтекали отдельные узлы обороны, появлялись в тылу вражеских войск, перерезали решающие коммуникации врага и, наращивая удары, убивали в зародыше все возможные контрмеры противника.

Впереди был Одер! Эта ночь перед решающим броском к главному рубежу немецкой обороны по степени напряженности была близка той январской ночи, которая предшествовала вводу танковых войск в прорыв. Шел 18-й день наступления. В час выхода танковых соединений на исходные рубежи записывается цифра на спидометрах всех машин. Хотя по прямой от Вислы до Одера 500 километров, спидометры танков показывали 700 километров: далеко не всегда боевая обстановка позволяла идти по прямой. Гвардейцы своим бесстрашием и искусством сломали обычные нормы, повысив живучесть боевой техники. Как ни устали люди, но если бы командирам передовых отрядов, составляющих острие танкового клина, сказали, что их сменят, что другие части совершат этот бросок за Одер, – они кровно обиделись бы!

В этом неукротимом, стремительном движении людьми руководили не только смелость, воинское мастерство и опыт, но и законное стремление завершить победой навязанную нам войну, ускорить день возвращения на Родину, вернуть миру мир.

Итак, надолбы и «панцерверке» Мезеритцкого укрепрайона позади. Два дня непрерывных боев – и 1-я гвардейская вышла в его тылы, причем с минимальными потерями. Миллионы марок, истраченные за 15 лет на строительство этой, казалось бы, неприступной линии обороны, были выброшены на ветер.

Впоследствии соединения 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова разгромили гарнизоны укрепрайона в полосе своего наступления.

Корпус И. Ф. Дремова, пройдя Мезеритцкий укрепрайон, подошел почти вплотную к Франкфурту-на-Одере. Но неожиданно в полутора километрах от этого города наткнулся на тот самый 5-й горнострелковый корпус СС, который запоздал занять укрепления мезеритцкого вала и теперь пытался задержать наши части у Кунерсдорфа.

Впереди 8-го гвардейского механизированного корпуса, как обычно, шла бригада А. М. Темника. Столкнувшись с передовыми отрядами эсэсовцев, комбриг решил, что перед ним какая-то мелкая группировка врага, и после короткой стычки двинулся дальше. Но едва наша и вражеская колонны разминулись,

гитлеровцы развернули основные силы на запад и север, и Темник со своей бригадой попал в полуокружение.

Положение ее осложнилось тем, что комбриг, торопясь скорее выйти к Одеру, недозаправил машины горючим, надеясь, что вот-вот подойдут тылы.

На рассвете 1 февраля батальон В. А. Бочковского ворвался в Кунерсдорф. Уничтожив несколько грузовиков с пехотой, Бочковский обратил внимание, что убитые солдаты и офицеры одеты в форму СС. Едва подошли остальные батальоны, как послышался рев моторов: к деревне подходили «Пантеры» и самоходки. Потом показались цепи эсэсовцев. В воздухе появилась авиация противника и подвергла бригаду жестокой бомбардировке.

Темник оказался в тяжелом положении. Но он принял неравный бой. В этом бою большую помощь бригаде оказал дивизион «Катюш». Они били по скоплению фашистов прямой наводкой и помогли отразить несколько атак. Поле вокруг Кунерсдорфа было усеяно обгорелыми трупами гитлеровцев. Танкисты, в машинах которых кончилось горючее и боеприпасы, открывали люки и отбивались от наседавших эсэсовцев гранатами.

Многим танкистам 1-й гвардейской танковой бригады запомнился подвиг сапера Сычева. В боевых машинах роты капитана Духова кончилось горючее. Они стояли на окраине города и представляли собой отличные мишени для вражеских пушек. Саперу Сычеву поручили заминировать подступы к танкам. Но едва он начал закапывать мины, как невдалеке появились три вражеские «Пантеры» и четыре «фердинанда».

Экипаж одного из вражеских танков, заметив сапера, устроил за ним погоню, намереваясь раздавить его гусеницами. Но в тот момент, когда «Пантера» настигала его, Сычев швырнул под гусеницу мину. Взрывной волной сапера отбросило в сторону. Когда он пришел в себя, то увидел, что «Пантера» стоит, а экипаж ее выскакивает из люка и удирает. Остальные танки и самоходки остановились, ведя огонь с места. Двигаться вперед они не решались: видимо, танкисты противника думали, что перед ними минное поле.

Сычев выпустил автоматную очередь по убегавшим гитлеровцам и спрятался в подбитый вражеский танк. Он развернул башню танка и в упор расстрелял две самоходки. Остальные машины повернули назад.

Этот редкий в боевой практике случай помог спасти танки роты Духова. Вскоре подошли главные силы корпуса, и гитлеровцы были рассеяны. Но 1-я гвардейская танковая бригада

понесла в этом бою тяжелые потери.

Этот самый трудный за всю Висло-Одерскую операцию бой произошел на том поле, где 1 августа 1759 года во время Семилетней войны русский полководец Петр Салтыков наголову разбил превосходящие силы прославленного в те времена полководца прусского короля Фридриха II. В этом бою впервые проявил себя тридцатилетний полковник Суворов. Именно здесь, как говорят, Фридрих II произнес знаменитые слова: «Русского солдата мало убить, его еще повалить надо». Гвардейцы 1-й танковой доказали в бою под Кунерсдорфом, что Фридрих II нисколько не преувеличивал достоинства русского солдата.

Повседневные боевые заботы властно требовали к себе внимания. Операция подходила к своему кульминационному моменту. Севернее Франкфурта-на-Одере И. И. Гусаковский овладел городом Геритц и вышел к Одеру.

Это сообщение я получил в 8 часов утра по местному времени 2 февраля. Гусаковский опоздал с выполнением приказа на 12 часов. Это произошло не по его вине – тылы опоздали с подвозом горючего.

Одер был скован льдом. На противоположном берегу виднелись траншеи, ряды колючей проволоки, зубья надолб. Почти одновременно с И. И. Гусаковским к Геритцу подошла 27-я мотострелковая бригада К. К. Федоровича.

Комбриги решили форсировать реку совместно. Они подтянули к берегу САУ, реактивные установки и всю остальную артиллерию. После массированного огневого удара по позициям противника на противоположном берегу цепи мотострелков спустились на лед. Быстро переправившись через реку, они при поддержке артиллерии с восточного берега сбили мелкие заслоны гитлеровцев и захватили плацдарм 5 километров по фронту и 4 километра в глубину. Мотострелковые батальоны вышли на рубеж Рейтвейн – Вуден.

Получив сообщение, что Гусаковский и Федорович форсировали Одер, я приказал А. Х. Бабаджаняну перебросить на помощь передовым отрядам все силы корпуса, наладить переправы и расширить плацдарм. Но по паромной переправе успели перейти на плацдарм только семь танков из бригады Гусаковского. Дело в том, что я получил новый приказ: армия перебрасывалась в Восточную Померанию, в район севернее города Ландсберг (Гурово-Илавецке). Ей ставилась новая задача.

Мы сдали плацдарм подошедшим частям 8-й гвардейской армии. Танки, перебравшиеся на западный берег Одера, и мотострелки вернулись в свои части.

Так закончилась для нас Висло-Одерская операция. Но тут же

началась другая – Восточно-Померанская.

Во второй половине дня я приехал в Кунерсдорф. Там еще дымились подбитые танки и пылали пожары. На одной из узких улочек я разыскал А. М. Темника. Он стоял у танка. Его горбоносое, усатое лицо было мрачным.

– Погиб Ружин, – еле выговорил он.

– Ружин?! – Я не поверил своим ушам. – Как же так?

– Штаб попал в окружение. Я послал его спасать Знамя. Угодил под бомбежку… осколком его…

Антон Тимофеевич Ружин был начальником политотдела бригады с самого момента ее рождения в Прудбойских лагерях. Ветеран 1-й гвардейской, он прошел с ней длинный и тяжкий путь. И вот погиб у Одера.

Бывает, человека уважают за храбрость, за яркие, необычные подвиги. Ружина уважали за человечность, простоту и внимание к солдатам. Не помню случая, чтобы он повысил на кого-нибудь голос. Он принадлежал к тому счастливому типу партийных работников – не по должности, а по призванию, – к которым тянутся люди. Эта любовь к нему в бригаде выразилась в его кличке – «дедушка».

Хоронили Ружина в Кунерсдорфе со всеми воинскими почестями. Все, кто был свободен от боевых действии, шли за гробом. Прощаясь с Антоном Тимофеевичем, я думал, что, чем ближе желанный час Победы, тем реже ряды ветеранов 1-й гвардейской бригады. Я бросил горсть земли в могилу, грянул салют…

До Берлина оставалось 70 километров. Как следовало из донесений разведки, противник лихорадочно закреплялся по Одеру, перебрасывал сюда с запада все новые и новые соединения. Одновременно в Померании готовилась к контрудару гитлеровская группа армий «Висла».

Угроза нависла с севера…

Глава 18. Бутылка морской воды

Итак, Висло-Одерская операция завершилась. В результате стремительного наступления советских войск в стратегическом фронте фашистской Германии на востоке образовалась брешь. На западном берегу Одера наши войска захватили несколько важных плацдармов. Казалось, путь на Берлин открыт. Еще один удар, и можно завершить разгром фашизма, и страны Европы обретут наконец долгожданный мир.

Насколько мне известно, сначала Ставка и командование фронта, используя успех, намеревались овладеть Берлином после кратковременной подготовки. Но все же дальнейшее наступление на Берлин пришлось временно отложить. И вот по каким соображениям. Во-первых, тылы нашего фронта отстали; во-вторых, за спиной у нас еще не сложили оружия гарнизоны осажденных городов Шнайдемюль, Познань, Кюстрин, Бреслау. И самое главное – в начале 1945 года гитлеровское командование начало сколачивать в Восточной Померании сильную группировку, во главе которой фюрер поставил своего наиболее фанатичного последователя рейхсфюрера СС Гиммлера.

Нетрудно было разгадать замысел руководителей вермахта. Они намеревались ударить по правому флангу вырвавшегося вперед 1-го Белорусского фронта, перерезать сто тыловые коммуникации и тем самым сорвать наступление на Берлин.

Следовательно, нужно было прежде всего разгромить восточно-померанскую группировку, которая состояла из 2-й и 11-й полевых армий группы армий «Висла». К 20 февраля в их состав входили 22 пехотные, 6 танковых, 3 моторизованные дивизии и много других частей общей численностью 450 тысяч человек. Командование группировки располагало 500 боевыми самолетами. В ее распоряжении находилось свыше 1000 танков и около 5 тысяч орудий и минометов. А если учесть, что группировка опиралась на прочные, заранее оборудованные рубежи, на развитую дорожную сеть и морские коммуникации, то реальность угрозы, которую она создавала войскам 1-го Белорусского фронта, станет особенно очевидной.

Наступление против восточно-померанской группировки наш северный сосед 2-й Белорусский фронт под командованием маршала К. К. Рокоссовского начал еще 10 февраля. Однако, не располагая достаточными силами, особенно танковыми, командование 2-го Белорусского вынуждено было перейти к обороне. Воспользовавшись паузой, фашисты 16 февраля нанесли несколько серьезных ударов по войскам правого крыла 1-го

Белорусского фронта. В результате часть советских войск, действовавших на берлинском направлении, вынуждена была отражать эти удары.

Нужно было покончить с восточно-померанской группировкой. Ставка разработала новый план наступления в Восточной Померании. Суть этого замысла сводилась к тому, что к разгрому группы армий «Висла» привлекались войска не только 2-го Белорусского, но и большая часть сил 1-го Белорусского фронта. По новому плану ударная группировка наших северных соседей должна была наступать из района Восточное Линде на Кезлин, а достигнув этого города – на Штольп Лауенбург – Данциг. Словом, нашим соседям предстояло расчленить и уничтожить войска противника и освободить Восточную Померанию. Что касается нашего фронта, то в его задачу входило: прорвать оборону врага севернее Арнсвальде и, развивая наступление на Кольберг и Каммин, выйти к побережью Балтийского моря. В прорыв вводились наша и 2-я гвардейская танковая армии. Они должны были разрезать группировку противника на две части.

В рамках этого плана командование нашего фронта приказало 1-й танковой продвижение на запад временно приостановить, чтобы прежде всего ликвидировать угрозу с севера. По приказу фронта мы должны были войти в сражение в полосе 3-й ударной армии генерала Н. П. Симоняка. 2-я гвардейская танковая армия С. И. Богданова вводилась в прорыв левее, в полосе 61-й армии.

В последних числах февраля мы совершили перегруппировку в районе Берлинхена, запаслись горючим, боеприпасами и приготовились к прыжку на север.

В лесочке, где-то в окрестностях Арнсвальде, встретились с генералом Н. П. Симоняком, который оказался энергичным человеком и хлебосольным хозяином. Говорил он с сильным украинским акцентом.

– Ну шо, танкисты? Поможете нимцев турнуть? – Он широко улыбнулся.

– Поможем, не волнуйтесь.

– Та мы не шибко волнуемся. Но, конечно, когда танкисты рядом, оно как-то веселее.

Договорились с командиром, что передовые отряды наших корпусов помогут пехоте допрорвать оборону противника.

Я был уверен, что наступление должно развиваться успешно. Во-первых, на сравнительно узком, 16-километровом участке прорыва командование 1-го Белорусского сосредоточило большие танковые силы – примерно 70 танков на 1 километр фронта. Да и

«хозяйство» Симоняка было не из бедных: перед наступлением ему передали для непосредственной поддержки пехоты 9-й танковый корпус и три самоходно-артиллерийских полка.

Правда, в эти дни, предчувствуя неизбежный конец, гитлеровцы дрались с невероятным упорством. Но и танкисты научились обходить узлы обороны врага и стремительно продвигаться вперед. В этом меня убедил опыт боев в Польше. Больше всего беспокоило разгулявшееся непогодье. Снег сменялся мокрым дождем. В низинах стоял плотный туман. Дороги превратились в месиво грязи. Но и бездорожье было для нас не новостью. Так или иначе, но я не сомневался, что задачу, поставленную командованием фронта, мы выполним. А она состояла в следующем: в первый день наступления главными силами овладеть районом Гросс-Зее, Вангерин, Цейнике, а передовыми отрядами выйти на рубеж Драмбург Лабес – Рекков (30 километров от передовой). В дальнейшем с целью развития успеха нам предписывалось наступать строго на север – на Бельгард и Кольберг, а 2-й гвардейской танковой армии генерала С. И. Богданова – на Штеттин.

Утром 28 февраля меня вызвал маршал Г. К. Жуков. Я застал его на КП, оборудованном в богатом поместье.

Адъютант командующего фронтом провел меня в большую комнату, увешанную картинами и охотничьими трофеями. Георгий Константинович был один. Он зябко поеживался, поправляя движением плеча сползавшую шинель. Нетрудно было заметить, что маршал в дурном расположении духа. Из беседы с ним я понял, что его тревожит, сумеют ли танковые армии вовремя выполнить приказ Ставки.

– Слякоть, дорог на север почти нет. Одна-единственная с твердым покрытием… Как по ней пройдет такая масса войск? Между тем на всю операцию отпускается четверо суток. До Балтийского моря сто километров. Это значит, что вы должны проходить по двадцать пять километров в день. Справитесь?

– Не волнуйтесь, товарищ маршал, армия свою задачу выполнит в срок.

Жуков хмуро поглядел на меня.

– Не подведете?

– Никак нет. Во время Висло-Одерской не такие расстояния преодолевали.

– Ну, смотрите. Держите меня в курсе дела. Если нужна будет помощь, звоните.

Мне показалось, что командующий фронтом несколько повеселел. Во всяком случае, простился он уже приветливо, пожелав нам удачи.

К утру 1 марта армия сосредоточилась в исходном районе – в боевых порядках пехоты Н. П. Симоняка. Я взобрался на КП, оборудованный на колокольне кирхи. Сквозь утренний туман с трудом различал танковые колонны, притаившиеся в низине, в полутора километрах от передовой. Прямо с КП позвонил Г. К. Жукову и доложил, что армия к наступлению готова и через несколько минут начнется артподготовка.

– Действуйте! Ни пуха ни пера! – пожелал маршал необычно теплым для него тоном.

И вот оранжевые всплески пламени осветили туманное утро. Задрожала колокольня кирхи, загудели ее колокола. Били по укрепленным пунктам противника 122-миллиметровые гаубицы, со свистом вычерчивали огненные дуги «Катюши».

Я спустился с колокольни и пробрался на КП Симоняка, когда пехота 3-й ударной поднялась в наступление. Обычно спокойного командарма нельзя было узнать: он кричал в трубку телефона, отдавая приказы офицерам связи, кого-то нетерпеливо выслушивал, кого-то распекал. Для него наступили самые критические минуты.

– Ну, как пехота? – спросил я. – Как там царица полей?

– А что царица? – огрызнулся он. – Вперед! И только вперед! Правда, немцы бежать не собираются. Дерутся, бисовы дети. Эх, танкист, – вздохнул генерал, – трудно сейчас царице…

Действительно, враг ожесточенно сопротивлялся. Он оборонял каждый дом, каждую высотку, каждый перекресток дорог. Местность помогала ему: кругом реки, озера, болотистые леса… А тут еще распутица, туман… Трудно, очень трудно приходилось пехоте. К середине дня враг предпринял несколько контратак и контрударов. Наступление 3-й ударной могло захлебнуться.

В это время позвонил Г. К. Жуков и приказал ввести в действие передовые отряды нашей армии – 1-ю гвардейскую и 44-ю бригады. Двумя колоннами они выбрались из низин и устремились вперед. За комбрига 44-й И. И. Гусаковского я был спокоен – «ходить во главе» ему не впервой: не было еще случая, чтобы он не выполнил задания. Комбриг 1-й гвардейской А. М. Темник тоже отличный командир, в его бригаде много опытных танкистов.

Поступившие вскоре донесения подтвердили мою уверенность в успешном исходе дела: ввод в бой двух бригад ускорил продвижение 3-й ударной. Уже на рубеже Клайн-Шпигель – Фалькенвальде передовые отряды оторвались от пехоты и, минуя опорные пункты врага, устремились на Драмбург и Рекков. К 5 часам вечера они прорвали всю тактическую зону

обороны противника и продвинулись на глубину до 15 километров.

Нужно было срочно развить этот успех. Поэтому уже в полдень я приказал командирам корпусов выдвинуть из исходного района основные силы армии. Мощный удар танков расширил горловину прорыва. Сломив сопротивление врага на рубеже Габберт – Фалькенвальде, части 11-го гвардейского и двигавшегося правее 8-го гвардейского механизированного корпусов продвинулись на глубину до 25 километров.

Танкистам, вырвавшимся вперед, в большинстве случаев пришлось вести бои с разрозненными группами гитлеровцев. По пути наступления мы освободили лагерь военнопленных, а также людей, познавших ужасы фашистской неволи. Здесь были солдаты и мирные жители почти всех стран Европы – поляки, французы, датчане, голландцы, сербы. Голодные, больные, они жили в нетопленных бараках. Многие из них были так изможжены, что были похожи на скелеты, обтянутые кожей.

Армия направила в освобожденный лагерь весь свой медицинский персонал. Многие воины, вызволенные из фашистского плена, пройдя первую санитарную обработку и немного окрепнув, вступили в 1-ю танковую армию. Многие из них геройски сражались во время Берлинской операции.

Танковые бригады продолжали продвигаться на больших скоростях к Кольбергу. Нужно было как можно скорее выйти к берегам Балтики, чтобы перерезать единственный путь отхода и снабжения фашистских войск, находившихся в Восточной Пруссии, Данциге, Гдыне.

В тот же вечер А. Х. Бабаджанян доложил мне, что он достиг южной окраины Неренберга. На подступах к городу завязались тяжелые бои.

– Обойди город! – приказал я ему.

– Не могу, – ответил комбриг. – Озера, кругом озера.

Всю ночь шли бои за Неренберг. И только в средине дня бригада И. И. Гусаковского овладела городом. Впереди еще один город, преграждающий путь к Балтике, – Вангерин. Но 44-я и 45-я гвардейские бригады обошли его с запада и востока, подоспели части 3-й ударной армии и на рассвете 4 марта овладели городом.

Гитлеровцы, сознавая, что над ними нависла опасность окружения, предпринимали отчаянные попытки пробиться на запад. В результате не только войскам, но и штабу армии приходилось отбивать атаки фашистов. Однажды ночью мы остановились в каком-то большом имении. Оно было брошено на произвол судьбы, работники разбежались. В пустых домах этого

имения мы и заночевали. Но ни на минуту не пришлось сомкнуть глаз.

Только расположились, как выставленная охрана сигналит: «Немцы идут». Все мы сразу в цепь, быстро создали круговую оборону. Сил у нас немного: зенитная батарея, три танка командования армии, рота охраны и офицеры штаба. Гитлеровцы нажимают. Одну атаку отбили мы, через несколько минут новая большая группа фашистов пытается ворваться в имение. Но бьют наши танки, зенитные пушки. Офицеры штаба, находясь в цепи, поливают фашистов свинцовыми очередями. И опять немцы отброшены.

Не удалось гитлеровцам в ту мартовскую ночь пробиться на нашем участке. Потери при этом мы понесли самые незначительные. Выручило нас прежде всего то, что каждый офицер штаба усвоил боевую истину. Уж коли танковые войска совершают рейд по тылам противника, фронт для нас ежечасно, ежеминутно может быть не только впереди, но и вокруг, на все 360 градусов. Бдительности только не теряй…

Не случайно все штабники кроме положенного пистолета всегда имели при себе автомат или винтовку. Сам я кроме маузера всегда возил в машине карабин.

Разрозненные группы фашистов нападали не только на штаб армии, но и на наши тылы. Так, в эти дни полевая почта, редакция армейской газеты расположились в одном населенном пункте. Неожиданно на них напала группа фашистов в 200 человек. Сотрудники редакции отошли к лесу. Началась перестрелка. Гитлеровцы сожгли машину редакции. В перестрелке была убита машинистка редакции Зинаида Груздева.

После тяжелого боя за Вангерин корпус А. Х. Бабаджаняна совместно с войсками 3-й ударной армии овладел городами Лабес, Штольценберг, Гросс Естин. Не менее успешно действовал и корпус И. Ф. Дремова, наступавший левее 11-го гвардейского. Преодолев межозерное дефиле южнее Драмбурга, 19-я гвардейская бригада полковника И. В. Гаврилова обошла город с запада. Боясь попасть в окружение, противник отступил.

А танки продолжали идти к морю. Генерал Шадин и полковник Никитин получали краткие донесения по радио от наступающей впереди 45-й гвардейской танковой бригады полковника Н. В. Моргунова. Один из его батальонов уже подошел к Кольбергу.

Н. В. Моргунов уже четвертый год командовал бригадой. Это был опытный и храбрый командир. Но в этот раз он допустил оплошность, вернее, проявил нерешительность. Оторвавшись от основных сил на 20–25 километров, он решил выждать и

замедлил темп наступления. Противник опомнился от первого удара и успел организовать оборону города. Все последующие атаки Н. В. Моргунова с целью захватить город оказались безуспешными.

Но подходили другие части нашей армии. Левее Н. В. Моргунова пробилась к Кольбергу 40-я бригада полковника М. А. Смирнова. Передовой отряд корпуса И. Ф. Дремова подошел к Шторгарту. Словом, на фронте протяженностью 80 километров части нашей армии выходили к Балтийскому морю. Таким образом, широкая полоса отделяла теперь восточную группировку противника от центральных районов Германии.

Вечером 4 марта я находился в штабе, когда мне доложили, что прибыл офицер связи из корпуса Бабаджаняна. В комнату вошел усталый молодой лейтенант.

– Разрешите доложить, товарищ командующий. От полковника Смирнова. – Он распахнул плащ-палатку и протянул мне бутылку с мутной жидкостью.

– Что это? – не понял я. Офицер довольно улыбнулся:

– Вода, товарищ командующий. Балтийская. Полковник Смирнов зачерпнул собственноручно и приказал доставить вам. Можно сказать, это его боевое донесение.

Я взял бутылку, посмотрел ее на свет и обнял офицера.

– Передайте командиру благодарность. Лучшего рапорта он представить не мог.

Теперь не оставалось сомнения, что 1-я танковая армия свою задачу выполнила. И не безуспешно.

Но все это, разумеется, благодаря огромному мужеству танкистов. Примеров героизма не счесть. Вот один из них.

Лейтенант Аникаев, ведя свои танки в передовом отряде, сражался с вражескими засадами, обходил опорные пункты врага и настойчиво пробивался к берегам Балтики. Чего только не пришлось ему испытать, пока танки не подошли к окраине города! А тут задержка. Немцы непрерывно контратакуют. Укрывшись на окраине среди разбитых зданий, танкисты выдержали шквал огня сухопутной и корабельной артиллерии врага.

Вот что рассказал лейтенант. С командиром бригады проводной связи не было. Изредка переговаривались по радио. Неожиданно подбежал к нему командир орудия старший сержант Биашвили, волнуясь, крикнул: «Немцы в пятидесяти метрах! Они заняли соседние дома, готовятся к атаке… Что делать?». Стараясь сохранить спокойствие, Аникаев ответил: «Разве не знаешь, что делать? Ты же гвардеец!».

Аникаев приказал командиру батареи, находившейся рядом,

не жалея снарядов, обстрелять дома, в которых засели гитлеровцы. Артиллеристы разнесли дома в щепки, уничтожив до 200 фашистов.

Пять дней маленькая группа танкистов и артиллеристов сражалась с фашистами. Особенно тяжело пришлось им 8 марта. Боеприпасы были на исходе. Многие наши бойцы погибли, многие были ранены. Убиты были командир танка Рябов, механик-водитель Лютиков. Аникаев пошел на хитрость: вызвав по радио заместителя командира бригады подполковника Горбунова, он повел с ним открытый разговор: «Говорит Аникаев. Докладываю обстановку. Отбил четыре контратаки. Значительно превосхожу противника силами. Будьте спокойны. Немцев не пропустим».

Хитрость, как видно, удалась. Гитлеровцы больше группу Аникаева не атаковали, отойдя километра на два влево.

Тяжелые бои пришлось держать и другим танкистам-гвардейцам. Младший лейтенант Бабич расположился со своим взводом в засаде на западной окраине Кольберга. До берега Балтийского моря оставалось не более 300 метров. Под прикрытием засады взаимодействующие с танкистами автоматчики подползли к морскому берегу и набрали в бутылку воды…

Подошли части Войска Польского. Они и завершили освобождение Кольберга. В этом полуразрушенном портовом городе я получил приказ Ставки Верховного Главнокомандования: 1-й гвардейской танковой армии после сдачи своих боевых участков соединениям 1-й польской армии временно выйти из подчинения 1-го Белорусского фронта и с 12 часов 8 марта поступить в распоряжение командующего войсками 2-го Белорусского фронта.

В тот же день я приехал на вспомогательный пункт управления 2-го Белорусского фронта. Немецкий домик, как-то особенно причудливо покорябанный осколками снарядов. Прохожу в комнаты. Константин Константинович, как всегда, по-военному собранный, обаятельный, поднялся мне навстречу, крепко обнял, спросил:

– Ну как, дружище, есть еще силенки?

– Силенки есть, – ответил я, – танки, пушки и все прочее. Но прошли мы с боями от Вислы на запад, потом повернули на север, к морю. Семьсот километров, а может, и больше. По всем инструкциям надо в боевых машинах масло менять. А на это уйдет часов двенадцать, не меньше. Ну, а потом…

Константин Константинович задумался. Помолчал с минуту, подвел меня к карте. Карандашом провел по рубежам, показывающим, куда вышли войска 2-го Белорусского фронта, а

затем прошелся тем же карандашом по витой линии, обозначающей на карте реку Лупов-Флисс.

– Видишь, какое дело, дружище, – сказал Рокоссовский. – Река может сыграть роковую роль в ходе дальнейших событий. Немцы уйдут за нее, укрепятся, спиной упрутся в Балтийское море, и нам придется пролить немало крови, прежде чем удастся ликвидировать вражескую группировку.

Смотрю на карту. Да, дело может принять серьезный оборот. Прав Константин Константинович. Сегодня время упустишь, завтра на той же реке положишь немало пехоты, танков. Так как же быть? Инструкцию надо выполнять. А не вернее ли, учитывая обстановку, сегодня в каких-то деталях ее нарушить?

Константин Константинович продолжает стоять перед картой, молчаливый, задумчивый.

– Дайте нам два часа, и мы подготовимся к наступлению. Масло в танках менять не станем, а только дольем его. Пока я получу от вас задачу, в войсках это сделают. Вернусь в армию, все будет готово.

К. К. Рокоссовский оживился:

– Вот так будет правильно.

И тут же, опять водя по карте карандашом, стал мне ставить задачу: с утра 9 марта начать выдвижение в направлении Штольп – Лаценбург и к исходу дня выйти к реке Лупов-Флисс; передовыми отрядами форсировать реку Леба, захватить плацдарм на противоположном берегу.

Показал мне Константин Константинович два моста на той же реке:

– Захватить бы с ходу, прежде чем немцы их подорвут.

Мосты эти, как объяснил Рокоссовский, крайне нужны для того, чтобы наши войска с утра 10 марта могли стремительно продвигаться на Лаценбург, Нойштадт и к 12 марта выйти на берег Данцигской бухты на участке от Гдыни до Путциса.

Докладываю командующему фронтом, что у меня стоят наготове 19-я самоходно-артиллерийская бригада, которой командует полковник В. И. Земляков, и 6-й армейский мотоциклетный полк под командованием подполковника В. И. Мусатова. Командиры они способные, энергичные, не раз показали себя в боях с самой лучшей стороны. На них вполне можно положиться. Плацдармы и мосты захватят до подхода главных сил танковой армии и других войск.

Но, думаю, надо все-таки поддержать высокий боевой дух этих товарищей. Ведь они воюют, можно сказать, без передышки. Спрашиваю маршала Рокоссовского: могу ли от его имени заверить Землякова и Мусатова, что при успешном выполнении

этой задачи они будут представлены к званию Героя Советского Союза?

– Обещаю, – ответил Рокоссовский, – захватят мосты и плацдарм – представлю к званию Героя Советского Союза.

Я тут же позвонил начальнику штаба армии М. А. Шалину. Объяснил, какую задачу надо немедленно поставить Землякову и Мусатову. Приказал, чтобы они выступили сразу, без задержки, действовали молниеносно. Сказал М. А. Шалину, чтобы он передал этим командирам обещание командующего фронтом. А сам, не теряя времени, организовал в соединениях подготовку к наступлению. Масло в боевые машины необходимо долить, заправить их горючим. Вернусь – подробно поставлю задачу. А пока нужно довести до людей приказ маршала Рокоссовского нанести удар на восток.

Когда я вернулся в штаб армии, передовые отряды уже продвигались ускоренным темпом к реке Лупов-Флисс, а главные силы подготовились к наступлению.

Земляков и Мусатов оправдали наши надежды. Лихим броском они упредили гитлеровцев: раньше противника выдвинулись к реке Лупов-Флисс, переправились и вскоре захватили мосты и плацдарм и на реке Леба. А через несколько часов по тем же мостам уже переправлялись главные силы армии. Путь наш, обозначенный на оперативной карте большой красной стрелой, остриём был нацелен в балтийский порт Гдыня.

Чем ближе мы продвигались к конечной цели наступления, тем упорнее сопротивлялись фашисты. С 14 марта 1-я гвардейская танковая армия в тесном взаимодействии с подошедшей 19-й армией генерала В. З. Романовского начала наступление на Гдыню. Эта крепость имела мощные укрепления, хорошо приспособленные к сильно пересеченной, лесисто-болотистой местности. Лишь к 23 марта мы пробились к последнему рубежу обороны противника. Попытки с ходу ворваться в город успеха не имели. Нас встретили плотный огонь противотанковых орудий, истребители танков, мины, металлические «ежи»… Но помог случай.

В одной из деревушек неподалеку от Гдыни к командиру 8-го гвардейского мехкорпуса И. Ф. Дремову подошла молодая, красивая полька и подала ему карту. Внимательно рассмотрев ее, Дремов понял, что в его руках карта крепости Гдыня, на которой нанесена вся огневая система противника.

Дрсмов раздумывал: счастливый это случай или фашистская провокация?

Мешая польские слова с русскими, женщина пояснила, где наиболее уязвимые места крепости, с каких сторон ее лучше

атаковать. Забегая вперед, скажу, что именно эта карта (она оказалась подлинной) помогла нам овладеть Гдыней малой кровью.

Много лет мы не знали, кто она, наша неожиданная помощница. Кем она была послана? И только много лет спустя, после войны, ко мне заехал польский корреспондент из газеты «Жешувски Новины». В разговоре я вспомнил о том случае. Скоро в польской газете появилась статья о подвиге польской патриотки, а через месяц я получил письмо из Гдыни от сотрудников одного из научно-исследовательских институтов. В письме говорилось, что женщина, принесшая Дремову карту Гдыни, была членом подпольного Комитета сопротивления и действовала по его указанию.

Итак, Гдыня перед нами. На ее окраинах танкисты и пехотинцы взламывали вражескую оборону, и вот-вот мы должны были ворваться на городские улицы. Я находился на КП и руководил боевыми действиями. В это время раздался телефонный звонок Константина Константиновича Рокоссовского. Командующий фронтом сказал, что он удовлетворен действиями 1-й гвардейской танковой армии, но впереди еще одна трудная задача. Бои на улицах города, а 1-я гвардейская танковая не приспособлена к этому. Крупному оперативному танковому объединению нужен простор для широкого маневра. А для боя внутри города требуются танки поддержки пехоты, а у нас их нет. Как быть?

Отвечаю, что это не беда. Мы уже имеем за плечами опыт уличных боев и будем вместе с пехотой штурмовать Гдыню.

Организуем тут же штурмовые отряды из мотострелковых батальонов, включаем в каждый из них роту танков, батарею САУ, дивизион 76-миллиметровых орудий, батарею 152-миллиметровых гаубиц, взвод М-13, взвод М-31, взвод бронетранспортеров и роту саперов. И вот уже штурмовые отряды в ожесточенных боях освобождают дом за домом, квартал за кварталом. Тем временем к Гдыне подошла танковая бригада Войска Польского. Она присоединилась к нам. Вместе пробивались мы к центру города. А вот и набережная бухта голубеет. Фашисты спасаются бегством на косу Нерунг. Теперь наша задача – преследовать огнем удирающих в море на пароходах, баржах, лодках гитлеровцев.

Сначала обстрел судов вроде не удается. Расстояние до целей на воде обманчиво для наводчиков, привыкших вести огонь по сухопутью. Но постепенно и танкисты, и артиллеристы приноравливаются. Выстрел, разрыв – и опрокинулась, пошла ко дну лодка с фашистами… Еще выстрел, другой – и загорелась,

накренилась баржа… А вот под разрывами снарядов и пароход перевернулся килем вверх.

Какой-то части гитлеровцев все же удалось убежать на косу Нерунг. Но и там они не нашли спасения. Скоро и до них добралась наша пехота.

Так с 24 февраля по 31 марта 1945 года было окончательно ликвидировано основное ядро восточно-померанской группировки врага. В результате этой операции 2-й и 1-й Белорусские фронты значительно улучшили свое оперативное положение. К этому времени пали Познань и другие города-крепости. Дороги и мосты на освобожденных территориях приведены в порядок, подтянулись ближе к войскам тылы.

Теперь у советского командования были развязаны руки. Началась подготовка к последнему решающему штурму.

Глава 19. И грянул залп победы

Закончив бои в Гдыне, 1-я гвардейская танковая армия вернулась на 1-й Белорусский фронт. Мы расположились в лесах на правобережье Одера, восточное плацдарма, захваченного в свое время гвардейцами-танкистами И. И. Гусаковского и расширенного армиями В. И. Чуйкова и Н. Э. Берзарина. Получили пополнение.

Но прежде чем вести речь о подготовке к Берлинской операции, хотелось бы рассказать вот о чем. Перед вступлением на территорию Германии Военный совет армии обратился к личному составу с призывом – вести себя на вражеской территории достойно, как подобает советским воинам.

Это обращение было необходимо, поскольку ненависть к врагу у наших людей была огромная. Редко у кого из бойцов не было в семье тяжелых утрат. У многих близкие были убиты, угнаны фашистами в неволю, а родные города и села разрушены. Это, естественно, вызывало чувство мести.

Но эта месть не должна быть направлена против мирного населения Германии. Военный совет разъяснял, что Красная Армия уничтожает фашизм и германский милитаризм, сурово наказывает гитлеровских преступников. Командиры и политработники рассказывали воинам, как надо себя вести на занятой вражеской территории.

Проделанная воспитательная работа дала свои плоды. Военный совет в дальнейшем не сталкивался с фактами недостойного поведения наших бойцов по отношению к мирному населению германских городов и сел. Но на поле боя воины-гвардейцы били гитлеровцев беспощадно.

Вернусь к событиям, предшествующим Берлинской операции. В эти дни громадную работу проделал П. Г. Дынер. Его ремонтники и бойцы тылов служб собрали на пути армии от Вислы до Одера поврежденную боевую технику и быстро ввели ее в строй.

Перед штурмом Берлина армия была пополнена новыми боевыми машинами. Кроме того, нам передали 11-й танковый корпус, которым командовал генерал-майор И. И. Ющук. Словом, перед началом Берлинской операции мы имели в строю 854 боевые машины. Такого количества танков и САУ у нас не было за все время войны.

Как и всегда, в дни подготовки к ответственной операции в бригадах ежедневно проводились занятия с офицерами и солдатами. Упор на этих занятиях наши командиры делали на

отработку вопросов организации взаимодействия танков и САУ с пехотой, артиллерией, саперами при атаке отдельных опорных пунктов противника, а также способов и методов ведения уличных боев. Накопленный опыт, в том числе и гдыньский, очень помог нам в этом отношении.

Я детально разработал инструкцию о том, как должны сражаться на берлинских улицах штурмовые отряды и группы. Большую помощь нам оказали также топографы штаба фронта. Они сделали в нескольких экземплярах точный макет Берлина. Один из таких макетов был прислан нам. Все без исключения танкисты, пехотинцы, артиллеристы, включенные в штурмовые группы, проводили на макете занятия, прослеживая каждый шаг своего будущего продвижения по улицам и кварталам германской столицы. Учитывали, где, в каких местах могут они столкнуться с той или иной опасностью, какие контрмеры в таких случаях надо предпринять. Отрабатывали на том же макете и вопросы связи, боевого обеспечения – все, из чего складывались позже боевые действия в пригородах и в центре Берлина.

Огромную работу при подготовке к операции проделали политорганы армии. В ходе партийно-политической работы особое внимание уделялось новому пополнению. Во всех частях были проведены торжественные митинги, на которых выступили ветераны армии, рассказавшие молодым воинам о замечательных боевых традициях армии. Были организованы встречи молодых воинов с мастерами своего дела, опытнейшими солдатами и сержантами. В подразделениях с личным составом проводились политические занятия, девизом которых был приказ Верховного Главнокомандования: «…стремительным натиском… в кратчайший срок сокрушить гитлеровскую Германию». Политработники организовали лекции и беседы, посвященные 75-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина.

5 апреля штаб фронта собрал совещание командармов, начальников штабов, членов военных советов, командующих артиллерией армий и командиров отдельных корпусов. Нам сообщили подробные данные о противнике и поставили боевые задачи каждому соединению.

Нам стало известно, что, пока мы воевали в Померании, англо-американские войска продвигались на восток, почти не встречая сопротивления со стороны противостоящих им 60 немецких дивизий. Хотя западный фронт Германии фактически распался, гитлеровцы не сняли с восточного ни одной дивизии. Более того, в конце марта и начале апреля наша разведка зафиксировала, что фашисты перебросили с запада 9 дивизий. Таким образом, перед началом берлинского наступления

гитлеровское командование держало на Восточном фронте 214 дивизий.

Войска, оборонявшие Берлин, были объединены в две группы армий – «Висла» и «Центр». В их состав входило в общей сложности 48 пехотных, 4 танковые и 10 моторизованных дивизий, а также большое число отдельных бригад, полков и разных частей усиления.

Общая численность войск противника, предназначенных для защиты подступов к Берлину и самого города, согласно данным нашей разведки, составляла примерно 1 миллион человек. Войска противника были к тому же хорошо вооружены. Они имели свыше 10 тысяч орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов.

Нетрудно догадаться, что последние бои не обещали быть легкими!

На берлинском направлении советские войска имели 6200 танков и САУ, 7500 боевых самолетов, более 42 тысяч орудий и минометов от 76-миллиметровых и выше и 2,5 миллиона человек личного состава. На направлении главного удара по Берлину было сосредоточено по 270 орудий на 1 километр.

Во время проведенной после совещания командной игры на картах и макете Берлина, нам стало совершенно очевидно, что местность благоприятствует оборонительным действиям. Болотистые реки и речушки, каналы, озера – выгодный рельеф, где можно не только сковать, но и перемолоть наступающие части.

Были и другие трудности для нас, танкистов. Западный берег Одера – болотистая пойма. А следом за поймой – Зееловские высоты. Они неминуемо нависнут над нами отвесными скалами. Кроме того, с севера на юг, на восточных окраинах Зееловских высот, по глубокому каньону проходит железная дорога. Тоже серьезное препятствие.

Гитлеровцы провели громадную работу по укреплению будущего района боев. Что ни шаг – бетонированная или деревоземляная огневая точка! Словом, всю землю и сам город они превратили в сплошную зону обороны.

Между Одером и Зееловскими высотами находилась первая оборонительная полоса фашистов. С главными силами врага мы должны были столкнуться на Зееловских высотах.

Просматривая на макете и на карте подступы к германской столице, мы сразу поняли, что повторить на этой местности висло-одерский вариант глубокого прорыва не удастся: нет условий для широкого танкового маневра. Придется шаг за шагом вести упорную борьбу, прогрызая оборону гитлеровцев в

кровопролитных схватках.

Однако мы не сомневались, что в любом случае сметем все укрепления противника, прикрывающие подступы к столице. И эта уверенность зижделась на основе тех побед, которые одержали советские войска в минувших сражениях.

На этом совещании маршал Жуков вручил мне вторую Золотую Звезду Героя Советского Союза за Висло-Одерскую операцию. В штабе фронта я узнал, что второй Звездой Героя награждены И. И. Гусаковский и первой – В. И. Земляков и В. И. Мусатов, части которых, как помнит читатель, совершили стремительный марш-бросок на гдыньском направлении, обеспечив успешные действия нашей и других армий 2-го Белорусского фронта.

12 апреля мы получили директиву Военного совета фронта. Она предписывала вывести армию на плацдарм за Одером, так называемый кюстринскпй, и быть готовой войти в прорыв в полосе наступления 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова. Севернее нас, из района Каленциг – Кюстрин, должна была наступать 2-я гвардейская танковая армия С. И. Богданова. Прорыв для нее по-прежнему осуществляла 5-я ударная армия.

По замыслу командования фронта наша армия должна была войти в прорыв, как только пехота 8-й гвардейской армии достигнет рубежа Зеелов – Дольгелин Альт-Малиш, и, развивая наступление в западном направлении, на второй день операции овладеть восточными пригородами германской столицы. Предполагалось, что в дальнейшем армия нанесет удар на юго-запад, чтобы обойти Берлин с юга и овладеть его южными и юго-западными пригородами.

При общей глубине фронтовой операции 160 километров глубина операций 1-й и 2-й танковых армий не превышала 80–90 километров, ибо в качестве конечной цели им ставилось овладение северо-западной и юго-западной частями Берлина. Среднесуточный темп наступления планировался 35–37 километров.

Совершенно очевидно, что главная задача танковых армий, сформулированная в директиве фронта, – борьба за Берлин. Таким образом, возможности маневра танковых армий, особенно нашей, с самого начала были ограничены. Боевой же опыт, накопленный нами к тому времени, свидетельствовал, что все преимущества, которыми обладают танки, действующие на оперативном просторе, резко падают в населенных пунктах, особенно крупных.

После войны мне довелось прочесть немало исторических исследований, авторы которых ставили вопрос: правильно ли

поступило командование 1-го Белорусского фронта, сначала бросив обе танковые армии на неподавленную оборону противника в районе Зееловских высот, а затем заставив их вести уличные бои в самом Берлине?

Да, действительно, обеим танковым армиям в Берлинской битве пришлось играть не свойственную им роль. Армиям в этом сражении так и не удалось оторваться от пехоты и вырваться на оперативный простор. Но значит ли это, что танковые армии были использованы неправильно?

Вряд ли можно дать правильную историческую оценку упомянутому решению командования 1-го Белорусского фронта без учета тех условий, в которых оно принималось, и тех стратегических целей, которые оно преследовало.

На Крымской конференции главы союзных стран приняли решение, согласно которому Берлин должен был войти в зону операций советских войск. Но уже к апрелю 1945 года Верховному Главнокомандованию стало известно, что реакционные круги США и Англии развили активную закулисную деятельность. Они ратовали за то, чтобы Берлин взяли англо-американские войска, упредив русских.

Советское правительство опасалось, что союзники могут заключить с фашистским правительством сепаратное соглашение. В результате гитлеровское правительство сможет избежать безоговорочной капитуляции и добиться приемлемого для себя послевоенного устройства Европы. Подобные опасения, как стало ясно из опубликованных после войны документов, имели вполне реальную основу.

Будучи прекрасно осведомлено о закулисной деятельности союзников, Советское правительство решило ускорить взятие Берлина и тем самым положить конец намечавшемуся сговору реакционеров Англии и США с гитлеровцами.

Рассматривая замысел Берлинской операции, нельзя не заметить, что главное, к чему стремилась Ставка, разрабатывая план наступления на столицу третьего рейха, – это стремительность и мощь наступления, которые лишали гитлеровское командование возможности маневрировать своими силами.

На войска фронтов, наступавших на Берлин, была возложена высокая историческая миссия – раз и навсегда покончить с гнездом фашизма. В этих условиях использование командованием 1-го Белорусского фронта 1-й и 2-й гвардейских танковых армий в Берлинском сражении представляется не только целесообразным, но и исторически оправданным.

По приказу командования фронта в ночь на 16 апреля 1-я

гвардейская танковая армия должна была выйти на заодерский плацдарм на участке Альт-Малиш – Дольгелин – Зеелов, где в это время находились части 8-й гвардейской армии В. И. Чуйкова.

Вместе с Н. К. Попелем и М. А. Шалиным в последний раз объехали части и соединения армии, которые укрывались в лесу на правом берегу Одера. За короткий срок саперы возвели здесь целый городок: повсюду сквозь деревья виднелись сборные домики, дорожки, посыпанные песком, машины и орудия, укрытые маскировочными сетями, ветками. На полянах проводились политзанятия, у танков возились механики – проверяли готовность машин к бою.

Просмотрев подготовленный М. А. Шалиным график переправы частей, места размещения их на левом берегу, я вместе с М. Т. Никитиным отправился на заодерский плацдарм. Разбитая дорога пробиралась по аллее тополей, уже покрывшихся весенней листвой. По обе стороны шоссе зеленели поля озимых. Впереди слышны то близкие, то далекие глухие взрывы, которые вспугивали грачей. Взлетев и неистово крича, они долго кружили над верхушками тополей. В обочинах и воронках мутно блестели талые воды. Казалось, все должно быть подчинено суровым законам войны, но нет, природа осталась им неподвластна, она брала свое.

Тесен был зависленский плацдарм, но заодерский оказался еще теснее. Все дороги забиты частями 8-й гвардейской. Повсюду рвы, траншеи, блиндажи. Под каждым кустом замаскирована боевая техника, ящики с боеприпасами. Хорошо, что наша авиация господствует в воздухе. Массированный налет гитлеровской авиации нанес бы частям тяжелый урон.

Чуйков взад-вперед расхаживал по блиндажу. Он явно нервничал.

– Ну, как прорыв? Обеспечите вовремя?

– Прорыв, прорыв… – командарм покусал нижнюю губу, – вряд ли с ходу возьмешь эти чертовы высоты. Вы только посмотрите, что немцы тут понастроили.

Командующий развернул на столе жесткие листы бумаги. Это были аэрофотопланшеты Зееловских высот. На снимках отчетливо видно густое переплетение траншей, ходов сообщений, противотанковых рвов. Нетрудно догадаться, что ряды темных пятен – это танковые капониры, эскарпы, площадки. Их скопление особенно густо вдоль оврагов, прорезающих высоты с востока на запад.

– Да, легко эти высоты нам не достанутся, – согласился я. – Пока пехота не взберется хотя бы на гребень, с танками сюда соваться нечего.

– Самое главное, – озабоченно продолжал Чуйков, – немецкие позиции отсюда снизу не просматриваются, и разбить их нашим артиллеристам будет нелегко. Они могут вести огонь не по целям, а только по площадям.

Мы не сомневались, что последние бои будут особенно тяжелыми. Разговор с командармом только укрепил меня в этом мнении. Противник понимал, что исход битвы за Берлин, по существу, зависит от сражения на Одере.

В ночь на 16 апреля наша армия под покровом темноты по заранее подготовленным переправам перебралась на левый берег Одера без каких-либо серьезных помех и буквально втиснулась в отведенный на плацдарме участок.

По замыслу Г. К. Жукова штурм позиций противника должен был начаться ночью. Командующий фронтом решил ослепить врага лучами прожекторов. Незадолго до наступления мне пришлось участвовать на учениях, где на специальном полигоне проводилась атака с подсветкой. Это было эффектное зрелище.

16 апреля в пять утра оглушительный грохот тысяч орудий возвестил о начале последнего, решающего наступления советских войск на столицу рейха. В небе не смолкал гул наших бомбардировщиков. После артиллерийской подготовки вспыхнуло 140 прожекторов, и вся низина за Одером осветилась голубоватым светом, в котором колыхались клубы дыма от разрывов тысяч снарядов, мин, авиационных бомб. Дым этот был настолько плотным, что даже сильные зенитные прожекторы не смогли его пробить.

Пехота Чуйкова поднялась в атаку. Цепи миновали ничейную полосу и быстро заняли первую и вторую позиции противника. Но когда дивизии Чуйкова подошли ко второй полосе, они натолкнулись на такой плотный огонь противника, что вынуждены были замедлить продвижение.

Прорыва не получилось.

Чуйков приказал провести повторную артиллерийскую подготовку. Круто вздымая стрелы «Катюш», артиллерия катит огневой вал к высотам. Вплотную за валом наступают пехота и танки. В воздух поднялись эскадрильи наших бомбардировщиков и штурмовиков.

Перед высотами атакующие попали под сильный огонь. Только в направлении Дольгелина пехоте удалось вклиниться во вторую полоса обороны. Но противник развернул из резерва свежую моторизованную дивизию «Курмарк» и оттеснял наших пехотинцев в долину.

Противник повсюду оказывал нашим войскам ожесточенное сопротивление. По донесениям авиаразведки, он ввел в бой

вторые эшелоны корпусов. Кроме того, к Зееловским высотам на главном направлении нашего удара подходили колонны двух мотодивизий и еще две – в районе Шведта.

– Невероятный случай! – комментировал обстановку М. А. Шалин. – Противник вводит резервы в дело во время боя за вторую полосу обороны. Вот, – подал он мне перевод листовки, – ознакомьтесь.

Это было обращение командира танкового корпуса СС Кляйнхерстеркампа к своим солдатам: «…12 апреля, – прочитал я, – наш дорогой фюрер заявил: как никогда раньше, Германия имеет реальную возможность остановить наступление Красной Армии, так как у нас огромное количество артиллерии и танков! Имеются все предпосылки, что грядущая гигантская битва на Одере принесет поворот в войне».

Нашу беседу прерывает звонок ВЧ. В трубке хорошо знакомый голос командующего фронтом. Последовал неожиданный приказ: не дожидаясь полного прорыва вражеской обороны, ввести в бой 1-ю гвардейскую танковую армию с задачей совместно с частями 8-й гвардейской завершить прорыв тактической зоны обороны противника.

Хотя перспектива бросать машины на неподавленные огневые точки врага и не радовала, я понимал, что в сложившейся ситуации у командующего фронтом иного выхода не было, за 9 часов непрерывных атак пехота Чуйкова смогла вклиниться во вторую полосу обороны противника только на отдельных участках. Под угрозой срыва оказалась вся наступательная операция фронта. К тому же нам было выгодно, чтобы противник вывел резервы из Берлина сюда, в открытое поле. Даже на Зееловских высотах громить их было удобнее, чем в самом Берлине.

Я немедленно приказал развернуть все три корпуса на плацдарме. На правый фланг направил 11-й танковый корпус генерала И. И. Ющука, в центр – 11-й гвардейский танковый корпус полковника А. Х. Бабаджаняна, а слева – 8-й гвардейский механизированный генерала И. Ф. Дремова.

Теснота на плацдарме, бесчисленные рвы, минные поля резко ограничивали маневренность танков. Поэтому одновременно ввести в бой основные силы армии не удалось.

Со своего КП я видел, как танки Бабаджаняна, лавируя между разрывами и рвами, устремились в атаку. Подняться по крутым склонам Зееловских высот они не смогли. Гвардейцам пришлось искать узкие дефиле, но противник по-прежнему прикрывал их плотным огнем.

Остаток дня не принес радостных сообщений. С большим

трудом, неся тяжелые потери, танкисты вгрызались в оборону противника и не продвинулись дальше позиций, занятых пехотой. Нелегко приходилось и стрелковым дивизиям В. И. Чуйкова, с которыми командиры танковых корпусов тесно взаимодействовали.

Наступила темная, беззвездная ночь. Густой туман заволок приодерскую низину. Над высотами то и дело вспыхивали зарницы разрывов. Над ничейной полосой небо прочеркивали зеленоватые пунктиры трассирующих пуль. Наши дежурные батареи лениво отвечали одиночными выстрелами.

По узкой траншее я пробрался в штаб. Под сапогами противно чавкала жижа. В штабе кроме М, А. Шалина застал начальника разведки А. М. Соболева.

– Ну, что поделывает ваше войско?

– Обороняются, как черти. Полосы дивизий в среднем по пять километров, а на батальон приходится только восемьсот метров по фронту.

– Да, плотность большая. Обычно дивизии у немцев оборонялись на пятнадцати километрах. Сколько же «вы» наскребли резервов?

– Пока нам известны восемь дивизий, из них пять моторизованных, одна танковая. Кроме того, в Берлине сформировано до двухсот батальонов фольксштурма, много зенитных частей и специальных батальонов самого различного назначения.

Да, эти силы, посаженные в укрепления, могут оказать серьезное сопротивление. Как избежать лишних потерь, лишнего кровопролития? Этот вопрос занимал все мои мысли.

Шалин развернул фотоплашпет и карту крупного масштаба. Мне бросилось в глаза, что севернее Зеелова местность для танков более удобна, да и оборона у фашистов не так насыщена, как на самих высотах.

– Да, – согласился со мной Шалин, – наступать по всему участку, как мы сейчас это делали, мало толку.

– Надо подбросить побольше артогня и авиации правофланговым соединениям, пусть они попытаются прорваться на своем направлении. В случае успеха следом за ними пустим всю армию.

Лишь к исходу 17 апреля Бабаджанян доложил, что его бригадам во взаимодействии со стрелковыми соединениями удалось завершить прорыв второй полосы и продвинуться вглубь фашистской обороны. Я вызвал по рации И. Ф. Дремова и приказал ему оставить одну бригаду в качестве заслона, а главными силами войти в узкую брешь, проделанную танкистами

Бабаджаняна, и помочь ему развить успех. В ту же брешь я ввел 64-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду И. Н. Бойко, два самоходно-артиллерийских полка и другие части.

Но враг принял срочные контрмеры. С левого фланга он перебросил свежие силы. Бабаджанян оказался в трудном положении: ему приходилось не только наносить фронтальные удары, но и отражать контратаки противника с левого фланга. Тогда я усилил бригаду И. Н. Бойко ствольной артиллерией и дивизионом РС и поручил ему отразить удары пехоты и танков врага с левого фланга. Я не сомневался, что такой волевой и находчивый командир как Бойко справится с этой задачей. И действительно, комбриг надежно прикрыл фланг Бабаджаняна и сорвал фашистскую контратаку.

Несколько быстрее продвигался 11-й танковый корпус И. И. Ющука. Здесь оборона у гитлеровцев была значительно слабее, и соединению генерала Ющука удалось вклиниться в оборону противника на 10 километров. В этом же районе, несколько севернее, удалось продвинуться километров на десять и соседней 5-й ударной армии Н. Э. Берзарина.

18 апреля бои на Зееловских высотах достигли наивысшего накала. Противник бросал в бой все новые и новые дивизии, батальоны фольксштурма, команды истребителей танков, сформированные из членов «гитлерюгенда». На танкоопасные направления он поставил зенитные батареи, так что каждый шаг вперед требовал от наших войск огромных усилий. Приходилось буквально выковыривать неприятеля из глубоких окопов и траншей, подавлять его железобетонные огневые точки, разбивать металлические колпаки и закопанные танки. Поэтому 17 и 18 апреля танкисты продвигались не более 4 километров в сутки.

На моем КП все время находился командир авиационного корпуса генерал И. В. Крупский. Как только я получил от командиров корпусов и бригад донесения, что в таком-то квадрате они наткнулись на мощный узел обороны врага, я тотчас же передавал их заявку Крупскому, и его экипажи срочно вылетали в «горячую точку». Позиции противника подвергались удару с воздуха. Это была очень эффективная поддержка. Должен сказать, что если наши войска прорвали оборону Зееловских высот за одни-два дня, а не за больший срок, то в этом, безусловно, большая заслуга штурмовиков И. В. Крупского. Совместно с наземными войсками они пробили коридор в мощной системе вражеских оборонительных сооружений.

Между тем соединения 1-й гвардейской танковой в тесном взаимодействии с войсками генерала Чуйкова продолжали рваться вперед. Корпус А. Х. Бабаджаняна, обойдя Зеелов с

севера, к вечеру 17 апреля помог пехотинцам полностью очистить этот город от фашистов. Штаб нашей армии перебрался на его окраину. Все улицы, перекрестки Зеелова загромоздили машины, танки, самоходные установки. Артиллерия противника еще обстреливала город, в небе еще вспыхивали воздушные бои, но Зеелов был наш. Донесения Бабаджаняна свидетельствовали о том, что особенно упорные бои шли за город Мюнхеберг, находившийся примерно на полпути между Зееловом и Берлином. Эсэсовские части дрались в этом городе отчаянно; не раз бросались в контратаки. Город трижды переходил из рук в руки. Солдаты мотоциклетного батальона лейтенанта Байкова захватили на аэродроме под Мюнхсбергом 38 исправных самолетов.

Итак, в течение первых четырех дней операции 1-я и 2-я гвардейские танковые армии фактически выполнили задачу непосредственной поддержки пехоты. Теперь, когда известны все подробности прорыва Зееловских высот, становится очевидным, что командование фронта допустило ряд существенных просчетов. Во-первых, оно не учло мощи второй полосы обороны противника, проходившей по Зееловским высотам. В ходе наступления выяснилось, что на обороне Зееловских высот противник сосредоточил свои основные усилия. Кроме того, сюда же гитлеровское командование перебросило значительную часть сил и средств с первой полосы.

В результате стремительного наступления не получилось. Войска фронта медленно «прогрызали» одну за другой оборонительные позиции противника.

Сложность нашего наступления заключалась еще и в том, что левый фланг частей, выдвинувшихся ближе к Берлину, оставался открытым. А между тем левее нас находилась сильная франкфуртская группировка гитлеровцев. М. А. Шалин получал тревожные сообщения от наших разведчиков: у немцев под Франкфуртом до сотни тысяч человек. Для фланговых контратак – силы солидные.

Мы рассчитывали, что с франкфуртской группировкой врага расправятся войска 1-го Украинского фронта, наступавшие левее 1-го Белорусского. Но они, оказывается, еще не подошли, и гвардейскому механизированному корпусу И. Ф. Дремова приходилось распылять свои силы. Его бригады не только продолжали продвигаться к внешнему обводу Берлина, но и непрерывно отражали фланговые контратаки. Гитлеровцы напористы, настойчивы, и нам приходилось вводить в бой, перебрасывать на левый фланг и другие части, которые мы могли бы с успехом использовать для развития наступления на Берлин.

Кроме того, силы 1-й гвардейской танковой армии были ослаблены еще и тем, что ее 11-й танковый корпус после прорыва был передан в подчинение 5-й ударной армии.

Контратаки гитлеровцев не ослабевали. Если так будет продолжаться и дальше, то трудно рассчитывать, что механизированный корпус уйдет далеко вперед. Надо было что-то предпринимать. Я позвонил Г. К. Жукову, объяснил обстановку, просил прислать какие-нибудь войска, чтобы на них возложить прикрытие левого фланга и высвободить корпус Дремова.

В телефонной трубке молчание. Командующий фронтом ищет выход из положения.

– В резерве у меня есть кавалерийский корпус. Сейчас дам команду. Конники придут к вам. – И тут же предупреждение: – До прихода корпуса держите жесткую оборону фланга. Иначе не только танковой армии, но и другим войскам фронта не поздоровится.

Резервный кавалерийский корпус не заставил себя долго ждать. Вскоре он сменил на фланге бригады механизированного корпуса и значительно облегчил его положение. Когда мы приблизились к внешнему обводу Берлина, сюда подошли и войска 1-го Украинского фронта. Установили связь с наступающей левее нас 3-и гвардейской танковой армией генерала П. С. Рыбалко.

Вечером 20 апреля в штаб армии поступила радиограмма командующего фронтом: «Катукову, Попелю.

1-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача – первой ворваться в Берлин и водрузить Знамя Победы. Лично вам поручается организовать исполнение. Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу не позднее 4 часов утра 21.4 любой ценой прорваться на окраину Берлина.

Жуков, Телегин».

Выполнить приказ фронта я поручил лучшим бригадам армии – 1-й и 44-й. Путь к Берлину проходил через леса. Это была единственная дорога: на флангах простиралась цепь озер.

Леса горели, дым пожарищ мешал дышать и ограничивал видимость. Тщательно замаскированные орудия противника и притаившиеся фаустники поджидали танкистов на каждом шагу.

Впереди бригад двигались мотострелки и уничтожали засады. За ними, подминая кустарники и деревья, прокладывали путь к Берлину танки.

В ночь на 21 апреля бригады продвинулись на 25 километров и, наступая через Эркнер, завязали бой на внешнем обводе германской столицы. Корпус Бабаджаняна обошел Карлсхорст, а

корпус Дремова вместе с пехотой генерала Чуйкова ворвался в Кепеник. Это уже были предместья германской столицы. Одновременно к северным окраинам Берлина прорвались танкисты С. И. Богданова и пехота Н. Э. Берзарина.

Во время боев под Эркнером мне позвонил Бабаджанян:

– Тут у меня японцы, товарищ командующий.

– Какие японцы? – не понял я. – Откуда они взялись?

– Говорят, дипломаты. Из посольства Японии в Берлине.

– Доставьте их ко мне.

Через час на моем КП появилась целая дипломатическая миссия. Дипломаты непрерывно кланялись и улыбались. Чувствовалось, что они вовсе не были уверены в теплом приеме с нашей стороны. Да и пока они переходили линию фронта, видимо, натерпелись страху. Один из дипломатов, довольно высокий, сносно говорил по-русски. Он рассказал, что сотрудники японского посольства, не выдержав ужасов войны, решили искать помощи и защиты у русского командования.

– Мы хотим вернуться свой… родина.

Хотя помогать представителям страны, которая в то время была союзником нашего противника, я не испытывал большого желания, пришлось все же во избежание дипломатических осложнений предоставить беженцам транспорт и отправить их в штаб фронта.

Позже, во время уличных боев в Берлине, у меня произошел еще один дипломатический инцидент.

Бойцы бригады Гусаковского пробирались подвалами и подземными ходами к зданию, откуда гитлеровские пулеметчики вели шквальный огонь. В одном из погребов они наткнулись на ящики с минеральной водой «Брамбах» и опорожнили несколько бутылок. Солдаты были разгорячены боем, и, естественно, мучались от жажды. Как выяснилось впоследствии, минеральная вода была собственностью посольства одного нейтрального государства. И сотрудники этого посольства не поленились сочинить целую ноту протеста. В результате мне пришлось давать объяснение командованию фронта.

Я был изрядно удивлен мелочностью «дипломатов», пожалевших несколько бутылок воды для солдат, которые каждую минуту рисковали жизнью во имя спасения человечества от фашизма.

Бои завязались на внешнем обводе германской столицы. Нам приходилось преодолевать в огненном смерче систему дотов, дзотов, всевозможных противотанковых препятствий, заграждении и ловушек. Мы шли через минные поля, завалы по такой местности, где гитлеровцы приспосабливали к обороне

каждое строение.

Тяжкий труд выпал на долю наших саперов. Отступая, противник разрушал мосты, и в районе, изобилующем реками, озерами, каналами, то и дело приходилось восстанавливать переправы под непрекращавшимся огнем.

Но ничто не могло поколебать наступательного духа советских воинов. Напрасно гитлеровцы разбрасывали с самолетов листовки, пытались как-то устрашить наших бойцов. Так, в одной из листовок говорилось; «От Берлина вы недалеко. Но вы не будете в нашей столице. В Берлине до 600 тысяч домов, и каждый – это крепость, которая будет для нас могилой».

Но вражеские листовки разлетались по ветру, и с каждым днем таяла под мощными ударами советских войск пресловутая неприступность последних, берлинских рубежей фашистов.

Сколько советских воинов мечтало дойти до Берлина! Скольких мечта не осуществилась! И вот она, столица рейха – до нее рукой подать. Теперь уж не встретишь указателей до Берлина «100… 70… 50 км». На одном из перекрестков я прочел надпись, торопливо начерченную мелом: «До рейхстага – 15 км».

Но какие это были километры!

В Берлине свыше 500 зданий, превращенных в опорные пункты. Они взаимно прикрывают друг друга огнем, связанные между собой ходами сообщения и таким образом объединенные в узлы сопротивления, в оборонительные рубежи, полосы и секторы.

По существу, нам предстояло взять крепость с гарнизоном свыше 300 тысяч защитников. Город обороняли отборные фашистские соединения и часть населения, фанатично верившая в Гитлера.

Берлин в то же время олицетворял собой фашизм во всей его звериной сущности. Бойцы и офицеры рвались в этот город, чтобы раз и навсегда покончить с теми, кто принес неисчислимые страдания нашему народу.

Мне докладывали, что многие легкораненые бегут из госпиталей, игнорируя запреты врачей. Их можно было понять! Кому же не хочется участвовать в штурме германской столицы!

Поздно ночью вместе с опергруппой я добрался до Кепеника. Город горел. Немцы непрерывно его бомбили, пытаясь помешать сосредоточению наших войск.

Впереди последняя водная преграда – река Шпрее. Успеют ли разведчики захватить мост? 23 апреля КП Ивана Федоровича Дремова я нашел в подвале полуразрушенного здания неподалеку от набережной. Лицо комкора было темным от усталости. Он доложил, что мост через реку взорван. Созданы специальные

отряды, которые форсируют реку и прикроют саперов, когда те будут наводить переправу.

– Ну а сейчас подбросим огоньку на тот берег. А то уж очень упрямые гитлеровцы там сидят. Стреляют изо всех видов оружия. На набережную не сунешься. Упрямые черти – явно эсэсовцы.

Дремов снял трубку полевого телефона, вполголоса переговорил со своими артиллеристами, и вскоре грохот усилился. Я подошел к окну полуподвала. На противоположном берегу, поднимая облака пыли, оседали стены зданий, бушевало пламя, поднимались клубы дыма.

Дремов прислушивался к этому грохоту, и лицо его при этом оставалось совершенно спокойным. Он вообще был человеком, не любившим проявлять своп чувства, воевал просто, без рисовки. Война для него была делом будничным, и говорил он даже о самых невероятных делах своих гвардейцев так, что они представлялись чем-то обычным.

В подвал вошел лейтенант, запыхавшийся, весь в пыли. Он перевел взгляд с Дремова на меня, видимо не зная, кому из нас докладывать.

– Товарищ командующий, – узнал он меня, – разрешите…

– Докладывайте…

– Девятнадцатая гвардейская мехбригада форсировала Шпрее…

Мы с Дремовым переглянулись.

– Где? В каком месте?

– Через железнодорожный мост, немного севернее Адлерсхофа.

Это было приятное известие. Я тут же приказал часть сил корпуса направить в сторону железнодорожного моста, а остальные части переправить по мосту, который должны навести саперы после того, как сопротивление на противоположном берегу будет подавлено.

Таким образом, почти все соединения 1-й танковой переправились через Шпрее и вышли в район пригорода Берлина – Шеневейде – Адлерсхоф.

– Через два-три часа мост соорудим и продолжим наступление, – заверил меня Дремов.

В ночь на 24 апреля все части 1-й гвардейской танковой и 8-й гвардейской армий переправились через реку Шпрее. В результате обе армии вышли в район Адлерсхоф – Бонсдорф и заняли выгодное положение для дальнейшего наступления к центру Берлина с юго-востока. Кроме того, теперь была возможность установить локтевую связь с 3-й гвардейской танковой армией 1-го Украинского фронта.

Итак, начались берлинские уличные бои. Как я уже говорил, до этого мы наступали в одной полосе с армией В. И. Чуйкова, и он по приказанию Г. К. Жукова был старшим. Но в городе иная обстановка. И я попросил командующего фронтом, чтобы он дал танковой армии самостоятельную полосу наступления в Берлине. Георгий Константинович согласился с моим предложением. Однако приказал выделить для танковой поддержки 8-й гвардейской армии 64-ю отдельную гвардейскую танковую бригаду и армейский тяжелый танкосамоходный полк. Пришлось расстаться с этими частями. До конца боев в Берлине они воевали вместе с 8-й армией.

Ось нашего наступления проходила по улице Вильгельмштрассе, упиравшейся в парк Тиргартен, что неподалеку от имперской канцелярии и рейхстага. Очень мешали нам фаустники. Засядет иной в канализационном колодце или в подвале дома и бьет по вырвавшимся на улицу танкам. Выпустит фаустпатрон – и машина запылала.

Но гитлеровцы забыли, что всякое оружие можно направить и против его создателей.

Во время Восточно-Померанской операции мы захватили 4500 фаустпатронов. Примерно 1500 истратили на полигонах, когда, готовясь к Берлинской операции, проводили занятия с мотопехотой, учили действовать ее в штурмовых группах. А 3000 фаустпатронов специально приберегли для боев в Берлине.

Забегая вперед, скажу, что в разгар боев в городе мы успешно применяли фаустпатроны. Бывало, никаким огнем не выкуришь из здания засевших автоматчиков. И тогда, маскируясь в завалах, подбираются мотострелки с фаустпатронами. Выпустят два-три в окна полуподвалов – и в здании пожар, валит клубами дым. А наши гвардейцы поднимаются в атаку.

Были в Берлине большие дома старинной кладки, которые не подвергались разрушению даже при самом интенсивном огне танковых пушек и полевой артиллерии. В них, как правило, находились наиболее крупные фашистские опорные пункты. Как с ними быть?

Я попросил Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, чтобы для борьбы с гитлеровцами, засевшими в этих «неуязвимых» зданиях, нам передали более мощную артиллерию. И командующий фронтом прислал артиллерийский дивизион 305-миллиметрового калибра. По старым исчислениям это была двенадцатидюймовая осадная артиллерия.

И вот когда орудия большой мощности заговорили полным голосом, дела у нас сразу поправились. Достаточно было выпустить по дому старой кладки один-два 305-миллиметровых

снаряда, как здание рушилось и хоронило под обломками немецкий гарнизон.

Непосредственно в Берлине, как я уже говорил, оборонялось свыше 300 тысяч гитлеровцев. Дрались они упорно. Каждое строение ощетинивалось на нас шквалом огня. Тяжело приходилось не только танкистам и мотопехоте, вгрызавшимся в городскую оборону фашистов, но и штабистам на командных пунктах. Командиры корпусов и бригад неотступно следовали за своими частями и не раз подвергались нападению с флангов и тыла. Казалось, улица очищена, но нет, где-то в переулках неожиданно появлялись гитлеровцы, вооруженные автоматами и фаустпатронами, и били по выдвинувшимся вперед штабам. К тому же нередко штабы попадали под огонь немецких батарей и удары авиации.

Возвращаясь к событиям 23 апреля, хочу рассказать читателям еще один эпизод. В этот день я получил приказ командующего фронтом создать специальную группу и в течение ночи захватить берлинские аэропорты Адлерсхоф и Темпельхоф. Дело в том, что, по данным разведки, на этих аэродромах кроме бомбардировочной авиации находились личные самолеты верхушки гитлеровского рейха и нацистской партии, в том числе личный самолет Гитлера, приготовленный к побегу фюрера.

Захватить Адлерсхоф не представлялось делом особенно трудным – он лежал в полосе нашего наступления, километрах в четырех от линии фронта. Гораздо труднее было подобраться к Темпельхофу. Он находился почти в центре города, километрах в трех от рейхсканцелярии.

Посоветовались с Иваном Федоровичем Дремовым. Оп предложил поручить захват Адлерсхофа группе разведчиков отдельного разведывательного батальона майора В. С. Графова. Комбат недавно отличился в боях за Эркнер и был представлен к званию Героя Советского Союза. Я знал молодого майора как отважного воина и согласился с предложением комкора.

Наиболее сложную часть задания – прорыв к центру Берлина и захват правительственного аэродрома добровольно взял на себя командир батальона 23-летний майор В. А. Жуков – ветеран 1-й гвардейской танковой бригады, не раз участвовавший в разведывательных рейдах и зарекомендовавший себя находчивым командиром.

Разведгруппы должны были уничтожить самолеты на аэродромах и держаться до подхода главных сил. Расчет строился так, что в суматохе боев под покровом темноты танкисты и мотострелки сумеют пройти хотя бы часть маршрута неопознанными. Разведчики тщательно изучили по карте улицы и

кварталы, через которые им придется пробираться к аэродромам.

Примерно в час ночи саперы под прикрытием сильного артиллерийского огня навели переправу через закованную в гранит Шпрее. Первой перебралась на противоположный берег группа Графова. Через час она благополучно достигла цели, неожиданно нагрянула на аэродром Адлерсхоф и уничтожила 70 самолетов. Правда, после этого разведгруппа, попав в окружение, вынуждена была вести бои с превосходящими силами противника. Но на помощь ей уже спешили бригады А. М. Темника и В. И. Анфимова.

В более сложном положении оказался майор Жуков. Оп привел своих разведчиков к каналу Тельтов, с боем переправился через него и вышел к аэродрому с южной стороны. Между тем Графов, дождавшись подхода бригады Темника, тоже поспешил на помощь товарищам. Но едва оба отряда соединились на аэродроме, как гитлеровцы опомнились и бросили против них танки и мотопехоту.

Двое суток дрались разведгруппы на аэродроме, отбивая бесчисленные атаки превосходящего противника. Разведчикам удалось продержаться до подхода наших войск. К сожалению, в этом бою погиб В. А. Жуков.

Квартал за кварталом отвоевывали мы у гитлеровцев. В 10 часов 30 минут 24 апреля я получил радиограмму от командира мотоциклетного полка В. И. Мусатова: «Достиг пригорода Тельтов. На канале встретил танкистов Рыбалко. Мусатов».

Это было радостное известие, и мы поспешили сообщить его командующему фронтом.

– А вы уверены, что это так? – усомнился он.

– Только что получили радиограмму от командира полка.

– Срочно проверьте данные на месте.

Я выслал в указанный район специальную группу штабных офицеров. Они не только подтвердили точность донесения Мусатова, но и привезли еще одно радостное известие. Передовые отряды 4-й танковой армии генерала Д. Д. Лелюшенко уже подошли к Потсдаму и вот-вот соединятся с частями 47-й и 2-й гвардейской танковой армий. Таким образом, два фронта – 1-й Белорусский и 1-й Украинский – замкнут кольцо окружения вокруг германской столицы. Кроме того, главные силы 9-й и 4-й танковой армий противника, составлявшие франкфурт-губенскую группировку, оказались отрезанными от столицы и были окружены советскими войсками в лесах юго-восточнее Берлина. До падения Берлина оставались считанные дни! А его капитуляция – в этом никто не сомневался – положит конец войне. Да, радостное известие привезли наши офицеры!

Но пока фашистские главари предпринимали судорожные усилия к тому, чтобы предотвратить неминуемое. Тяжелые бои пришлось вести частям И. Ф. Дремова в районе Ангальтского вокзала. На КП комкора я узнал, что смертельно ранен командир 1-й гвардейский бригады полковник А. М. Темник. На следующий день он умер в армейском госпитале.

А произошло это так. Обычно саперы и автоматчики прокладывали путь танкам, предварительно выкурив из щелей фаустников. Попытки применять танки без прикрытия приводили лишь к большим потерям от огня артиллерии и фаустников. Но автоматчиков в бригаде было мало, и танкистам часто самим приходилось расчищать себе дорогу. По узким улицам одновременно могли продвигаться только две машины. Первые танки вели огонь, а следующие стояли на очереди. Если одна из машин выходила из строя, на ее место становилась другая. Так, метр за метром, подавляя огневые точки противника, гвардейцы прорубали себе путь в плотной обороне противника.

Когда совсем поредел строй автоматчиков и саперов, Темник собрал работников штаба и, приказав всем вооружиться автоматами, лично возглавил штурмовую группу. Целый час комбриг действовал как рядовой автоматчик. Уже удалось очистить от врага один квартал. Но тут неподалеку разорвалась мина. Темник был ранен в живот. Абрама Матвеевича отправили в госпиталь. Но спасти его не удалось.

Похоронили комбрига Темника в Берлине у рейхстага, у памятника советским воинам, погибшим в этой последней битве…

Много смертей я видел в годы Великой Отечественной войны, но каждый раз, когда узнавал о новой потере, глубоко страдал. К смерти не привыкают. Тех, кого уже нет с нами, нельзя забыть…

Итак, в полдень 25 апреля берлинская группировка противника была полностью окружена. В это время она состояла из шести дивизий 9-й армии, одной охранной бригады СС, различных полицейских подразделений, десяти артиллерийский дивизий, одной зенитной дивизии, одной бригады штурмовых орудий, трех танкоистребительных бригад, шести противотанковых дивизионов, нескольких батальонов фольксштурма. Все эти соединения и части усиливались за счет местного населения, которое иногда оказывало помощь своим войскам в качестве разведчиков, снайперов, подносчиков боеприпасов, санитаров, саперов и т. д.

Советские войска, действовавшие в столице (47-я, 3-я и 5-я ударные, 8-я гвардейская армии, часть сил 28-й, 1-й, 2-й, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий), обладали огромным

превосходством в силах. Каждому здравомыслящему государственному деятелю было бы ясно, что дальнейшее сопротивление бесполезно, что оно приведет лишь к ненужным жертвам и разрушениям. Но Гитлер все еще пытался продлить агонию рейха.

Наши бойцы и командиры понимали, что война приближается к концу. Каждому хотелось жить, чтобы видеть финал войны с проклятым фашизмом. Но и в эти часы и минуты нельзя сказать, что кто-то из наших гвардейцев проявлял излишнюю осторожность, дабы только сохранить свою жизнь. И танкисты, и пехотинцы дрались на берлинских улицах с неослабевающим упорством, дерзко, смело, не задумываясь, что в уличных боях на каждом шагу поджидает смерть из-за угла.

Утром 27 апреля я собрался поехать на командный пункт 11-го гвардейского танкового корпуса. В это время на КП пришел писатель Михаил Брагин. Поговорили накоротке.

– Возьмите меня на КП корпуса, – попросил Брагин.

Я пробовал его отговорить.

– Стоит ли туда ехать писателю? Там чересчур жарко.

Но Брагин настаивал на своем.

– Ну что делать, поедемте.

Переезд в километраже совсем не велик. Но такая проклятущая дорога любому человеку в сотню верст покажется. Ни одной спокойной улицы. Над машиной то и дело свистят снаряды, болванки, пули…

Наконец доехали. Штаб 11-го гвардейского танкового корпуса помещался в подвале какого-то учреждения. На месте застали начальника штаба. Полковник Нил Григорьевич Веденичев – ветеран 1-й гвардейской танковой армии, старый знакомый, с которым уже не раз приходилось делить опасности войны. Не успели поздороваться, как на голову посыпалась штукатурка. Это пронеслись и сбросили бомбы немецкие самолеты-штурмовики.

– Черти проклятые, покоя не дают, – проворчал Нил Григорьевич, – каждые десять минут налетают… По три-четыре самолета, и аккуратно бьют, прямо по нашему зданию. Видно, пронюхали, что здесь в подвале находится штаб. Надо срочно перебираться в другое место…

Через несколько минут дежурный офицер доложил Веденичеву:

– В результате налета убито пять человек, повреждено два орудия в зенитной батарее.

Только Веденичев принял доклад – опять раздался взрыв страшной силы. Подвал содрогнулся, будто ходуном пошел. Мы упали на пол. На нас рухнули шкафы, полки, груды штукатурки.

С трудом выбрались из-под завала. Стоим молчим, смотрим друг на друга, ощупываем товарищей, стоящих рядом. Вроде все целы и невредимы. Но лица у всех черные, только зубы блестят.

Когда немного пришли в себя, поняли, что произошло. Оказалось, вражеская авиабомба пробила стену здания и разорвалась в одной из комнат подвала. Не уйти бы нам отсюда живыми, если бы не канцелярские шкафы, стоявшие вдоль стен подвальной комнаты. Хранились в них карточки, папки с делами. Под этот хлам мы и попали в момент взрыва. Они-то нас и прикрыли.

Почистились. Стали думать, почему гитлеровцы упорно бомбят этот дом. Их назойливость показалась мне подозрительной.

– Не иначе, где-то тут корректировщик, – сказал я Веденичеву. – Немцы, видимо, знают, что здесь штаб. Прикажите обыскать здание.

Комендант штаба с группой бойцов тщательно осмотрели здание. Бойцы пробрались в самые отдаленные отсеки подвала и обнаружили человека с радиопередатчиком, немца в цивильном платье. Из допроса выяснилось, что перед нами заместитель директора этого учреждения, член нацистской партии. Притаившись в укромном отсеке здания, он по рации наводил на нас «Мессершмитты».

Веденичев развернул передо мной карту Берлина. Красные стрелы упирались в центральный железнодорожный узел. 11-й гвардейский корпус во взаимодействии с 29-м гвардейским стрелковым корпусом вел бой в кварталах, примыкающих к этому району.

– Здесь, – докладывал Веденичев, – обороняются остатки танковой дивизии «Мюнхенберг». Кроме того, нам сильно досаждают фольксштурмовцы.

Доклад Веденичева был прерван появлением Бабаджаняна. Он ввалился в штаб, как всегда, шумный, решительный – весь сгусток энергии.

– Ну как, Армо, горячо приходится!

– Не то слово, товарищ командующий. Ад кромешный. Сегодня фашисты прямо-таки озверели. Пять раз переходили в контратаки. И кто среди них воюет – мальчишки! А то и старики! Совсем плохи дела у Гитлера!

– О Гитлере потом. Расскажи, как дела у тебя.

– Все атаки отбиты. Продвигаемся вперед. Но мешают завалы и баррикады на улицах. Ни танку, ни пушке не продвинуться. А саперам к завалам не подойти: фашисты их держат под огнем. Правда, хорошо помогает пехота Чуйкова: выкуривает гадов

огнеметами…

Несмотря на все трудности, 11-й гвардейский танковый корпус совместно с 29-м гвардейским стрелковым овладел центральным железнодорожным узлом.

Штаб корпуса перебазировался на новое место, поближе к передовым частям.

В эти дни гитлеровцы сражались не только на земле и в воздухе, но и под землей. Мы знали, что в германской столице есть метро. Но в горячке боя или забыли об этом, или просто недооценили с военной точки зрения значения подземных коммуникаций. А между тем они давали фашистам отличные возможности для маневра. Пользуясь метро, гитлеровцы могли наносить удары с тыла по советским войскам, уже прорвавшимся к центру города.

Так однажды и случилось. Но мы тут же спохватились и приняли нужные меры взяли под контроль все выходы из метро, а кое-где устроили завалы. В общем, парализовали «подземные маневры врага».

Приняли мы меры и к тому, чтобы усилить контроль за безопасностью в освобожденных от врага районах города. Выделили для этой цели артиллерийско-самоходную бригаду, которой командовал В. И. Земляков, получивший звание Героя Советского Союза за Гдыньскую операцию. Воины самоходной бригады патрулировали по улицам, наблюдали за порядком, предупреждали коварные происки врага. В то же время бригада входила в мой резерв.

На захваченных железнодорожных путях берлинских вокзалов стояли груженые эшелоны. Что в них находилось, мы не знали. Но, патрулируя железнодорожные пути, воины-самоходчики заметили, что местные жители таскают из вагонов мешки с мукой.

Земляков приказал взять груженые эшелоны под охрану: содержимое их растащат, а ведь нам предстояло кормить мирное берлинское население.

Войска Красной Армии медленно, но неотвратимо приближались к центру города. 27 апреля части 8-й гвардейской и нашей армии были отделены от парка Тиргартен – конечной цели нашего наступления – расстоянием в 1 километр. Бои начались в самом центре Берлина, там, где располагались военные и правительственные учреждения Германии, штаб обороны города и бункер Гитлера. Теперь вражеская группировка была зажата на узкой полосе шириной 3–5 километров, длиной 16 километров. Вся эта территория находилась под непрерывным огневым воздействием нашей артиллерии и авиации. В

довершение всего противник лишился обоих аэропортов – Темпельхоф и Адлерсхоф. Правда, он подготовил запасную площадку на Шарлотенбургштрассе в Тиргартене, но она находилась под особым контролем 16-й воздушной армии.

Положение войск берлинского гарнизона стало катастрофическим. Но гитлеровцы дрались с отчаянием обреченных.

Тогда в кипении оглушающего боя трудно было вести счет героическим подвигам офицеров и солдат 1-й гвардейской танковой армии. Позднее, перелистывая страницы политдонесений из бригад и частей, я с волнением вникал в судьбы многих танкистов, стрелков, артиллеристов, чьи боевые дела овеяны бессмертной славой.

Политдонесения воспроизводят картину боев в Берлине в самых разнообразных деталях. Нахожу страницы, показывающие бесстрашные действия наших мотострелков, расчищавших в лабиринте разбитых улиц дорогу танкам.

Отважно сражался с фашистами пулеметный расчет сержанта Колесникова. Вот что рассказал рядовой Кудряшов, один оставшийся в живых из всего расчета: «В полдень 29 апреля немцы перебежками накапливались в здании, что находилось от нас не более чем в пятидесяти метрах. Судя по всему, они решили, что правый фланг нашего мотострелкового батальона оголен, и есть возможность зайти к нам в тыл. Сидим в засаде, выжидаем. Гитлеровцы пошли вперед, и, когда до них осталось метров тридцать, не больше, мы открыли огонь. Фашисты разбежались, оставив на подступах к нашей позиции много трупов.

Но мы помнили гвардейское правило: если расчет обнаружил себя, на старой позиции оставаться нельзя. Перетащили пулемет в другой отсек дома. Фашисты опять подготовились к атаке. Очевидно, для гарантии забросали здание фаустпатронами. Мы молчим. А когда противник кинулся в нашу сторону, изрешетили его пулеметными очередями. Гитлеровцы оставили много трупов. Но в бою ранены Колесников и подносчик патронов. Ложусь за пулемет. Враг опять атакует, веду огонь, но в это время кончились патроны. Положение отчаянное. Немцы лезут к нашему укрытию. У меня под рукой всего шесть гранат. И вдруг вижу; наш раненый командир поднимается, кладет в карман гранату и, выйдя из укрытия, бежит навстречу фашистам. Немцы на несколько секунд прекратили огонь, видимо полагая, что советский воин бежит к ним, чтобы сдаться в плен. А я лежу за умолкшим пулеметом и вижу, что Колесников уже едва передвигает ноги, шатается, держится за грудь.

Еще две-три секунды – и из-за угла наперерез Колесникову бросились три фашиста. Дыхание у меня перехватило. И тут же раздался взрыв. Фашисты, не успев схватить нашего израненного командира, взлетели на воздух. Погиб и Колесников, уничтожив трех гитлеровцев».

Разве можно без волнения читать эти строки из политдонесений, ставшие в наши дни далекой историей? Перелистывая дальше страницы, я находил все новые и новые эпизоды, показывающие беспредельную преданность советских воинов нашей партии, советскому пароду, своим гвардейским знаменам.

Вот строки, посвященные сержанту Прижимову, человеку непревзойдённой храбрости, которого можно поставить в один ряд с такими героями, как Лавриненко, Самохин, Бурда, Подгорбунский. Обычно он выполнял самые трудные и ответственные задания. Нужно тщательно разведать, что делается у противника, взять «языка» – посылали на задание сержанта Прижимова. Во время одного из боев танковое подразделение подошло к железнодорожному вокзалу. Фашисты встретили наши машины ураганным артиллерийским огнем. Танкисты остановились и открыли огонь с места. Однако стоять долго – значит быть расстрелянными гитлеровцами. Надо выяснить, откуда бьет артиллерия врага и подавить ее. С таким заданием направился гвардии сержант Прижимов с группой бойцов. Пробираясь железнодорожными путями, Прижимов увидел вражеский бронепоезд. Не иначе, как он вел огонь по нашим танкам. Прижимову удалось незамеченным проникнуть в бронепоезд. Очередями из автомата и гранатами прикончил отважный гвардеец команду бронепоезда, а затем навел одну из пушек на притаившуюся недалеко немецкую пехоту и открыл по ней огонь. Воспользовавшись этим, наши танкисты ворвались на железнодорожный вокзал и захватили его почти без потерь.

Однако вернемся к рассказу о боях в центре Берлина. В последних числах апреля гитлеровское командование предприняло лихорадочные попытки деблокировать город. Три группы пытались пробиться на помощь осажденному Берлину: с севера – генерала Штейнера, с запада – Венка, с юго-востока – франкфурт-губенская группировка. НЬ все они были или разбиты, или полностью уничтожены.

Еще 25 апреля 5-я гвардейская армия генерала Жадова, входившая в состав 1-го Украинского фронта, на Эльбе встретилась с 1-й американской армией. Таким образом, территория фашистской Германии, как, впрочем, и ее вооруженные силы, оказалась разрезанной на две части.

Положение берлинского гарнизона стало катастрофическим.

Как же шли боевые дела у моих танкистов?

28 апреля корпус Бабаджаняна во взаимодействии с 9-м стрелковым корпусом 5-й ударной армии, наступавшим с востока, полностью очистил от противника Ангальтский вокзал. Корпус Дремова с соединениями 8-й гвардейской армии наступал в северо-западном направлении навстречу 3-й ударной армии, выходившей в район рейхстага.

В этот день вечером мне позвонили из штаба фронта и предупредили; по рейхстагу огня не открывать, к нему уже вышли части генерал-полковника В. И. Кузнецова.

Обидно, конечно, что честь водрузить Знамя над рейхстагом досталась не нам, но, с другой стороны, мы радовались каждому успешному шагу наших товарищей навстречу победе.

29 апреля я поставил командирам корпусов последнюю задачу: И. Ф. Дремову во взаимодействии с частями 8-й гвардейской армии захватить зоологический сад, А. Х. Бабаджаняну – Потсдамский вокзал и имперскую канцелярию. Оба корпуса к 1 мая должны были соединиться с частями армии Кузнецова и Богданова. С верхнего этажа полуразрушенного здания, в котором находился мой КП, уже видны Бранденбургские ворота – рубеж нашей встречи с боевыми товарищами.

На этом КП мы находились несколько часов, имея возможность просматривать близлежащие районы. Но черная пелена дыма постепенно застлала все вокруг. Пришлось переместиться ближе к зоологическому саду – к одной из последних точек нашего берлинского штурма.

Шалин, Никитин, начальник артиллерии армии генерал Фролов не знали отдыха. Особенно много забот у И. Ф. Фролова. Ему приходилось то и дело перенацеливать артиллерию с одного объекта на другой, а у Шалина и Никитина – бесконечные уточнения приказов, распоряжений.

29 апреля, когда штаб армии переместился ближе к зоосаду, пришло донесение из 19-й гвардейской механизированной бригады, сражавшейся с гитлеровцами на Урбанштрассе. Эта улица как раз и вела к городскому зоологическому саду. Один из батальонов бригады прорвался на близкие подступы к этому объекту. Дальше наступление приостановилось. Немецкие фаустники и автоматчики, засевшие в домах, поставили на пути гвардейцев мощную огневую завесу. Командующий артиллерией немедленно обрушил на эти здания огонь всей артиллерии. Но сопротивление гитлеровцев не ослабевало. Нужно было предпринять какие-то другие меры.

Первое слово, как всегда, за разведкой. Гвардии старшина

Никаноров с разведчиками Ивановым, Апанасюковым, Добровольским вызвались пробраться в одно из зданий, занятое фашистами, огонь из которого особенно досаждал нашим штурмовым группам. Укрываясь среди развалин, разведчики проникли в дом и как снег на голову свалились на фашистский гарнизон.

Опорный пункт гитлеровцев умолк. Танки батальона продвинулись по Урбанштрассе еще на 100–200 метров.

Никаноров с разведчиками, очистив здание от фашистов, поспешил за мотострелками. На пути старшина увидел наш танк, застывший неподвижно среди улицы. Из его люка шел дым, пробивалось пламя. Судя по всему, экипаж тридцатьчетверки погиб. Надо спасти хотя бы машину.

Но к танку не подойдешь. Его держат под огнем немецкие автоматчики, засевшие неподалеку. Никаноров приказал разведчикам Апанасюкову и Добровольскому завязать с фашистами перестрелку, отвлечь на себя их внимание.

Прием удался. Завязалась отчаянная перестрелка. Гитлеровцы танк оставили в покое. Тогда Никаноров и Иванов бросились к нему через улицу. Иванов забрался в люк и погасил пламя внутри машины, проверил агрегаты. Оказалось, что танк поврежден лишь частично. Мотор и ходовая часть в порядке. Отважный старшина сел за рычаги управления и вывел тридцатьчетверку из зоны обстрела.

Прошу радиста соединить меня с Бабаджаняном. Начальник штаба полковник Веденичев докладывает, что Бабаджанян принял решение наступать не только по земле, но и под землей – тоннелями метро. Штурмовые группы ведут тяжелые бои за каждый дом. Однако от попытки прорваться к имперской канцелярии по тоннелям метро Бабаджаняну пришлось отказаться: Гитлер приказал открыть шлюзы на Шпрее, и в тоннель хлынула вода.

У Бабаджаняна тяжелые потери в мотострелках. Чтобы как-то помочь корпусу, пришлось направить к нему последний резерв – роту охраны штаба армии, в составе которой находились в основном пожилые люди, участники империалистической и гражданской войн. Тяжело было идти на этот шаг, но война все еще требовала жертв.

Зоологический сад, за которым виднеется зеленый массив парка Тиргартен, обнесен железобетонным забором двухметровой высоты. В самом парке возвышались железобетонные бункера, а каменные здания были заранее подготовлены к обороне. Все улицы, ведущие к зоосаду, были перекрыты баррикадами, которые простреливались артиллерийско-пулеметным огнем.

Гарнизон сада насчитывал до 5 тысяч человек. Ликвидировать этот последний узел обороны нам предстояло совместно с гвардейцами 39-й стрелковой дивизии.

Под прикрытием сильного артиллерийского огня и дымовой завесы саперы подобрались к кирпичной стене зоосада, подложили под нее взрывчатку и проделали в нескольких местах бреши. Пехота, танки, артиллерия, укрываясь за развалинами и завалами, накапливались у зоосада. Огонь открыт из всех орудий. Зоосад заволокло пылью и гарью. В этой страшной какофонии даже не слышен рев моторов наших бомбардировщиков, хотя проносились они совсем низко и, развернувшись над зоосадом, обрушивали на него бомбовый удар.

И вот сигнал к атаке. Автоматчики, саперы, мотострелки устремились в проделанные проходы и овладели районом аквариума. Но захватить железобетонные бункера не удалось. Фашисты защищали их с упорством и отчаянием обреченных. Тогда на прямую наводку поставили 152-миллиметровые орудия и с дистанции 200–300 метров ударили из них по бункерам. Не помогло! Бункеры продолжали огрызаться огнем, тяжелые снаряды не пробили их толстых стен.

Командир дивизии полковник Марченко приказал подрывать входные двери. Это позволило ворваться в бункеры и к 1 мая овладеть всей территорией зоопарка. Впоследствии мы узнали, что в одном из бункеров зоосада находился командный пункт и узел связи командующего обороной Берлина генерала Вейдлинга. Незадачливому генералу пришлось перейти на другой узел связи.

В этом бою отличились мотострелки и танкисты батальонов майоров Шестакова и Гаврилюка.

В ночь на 1 мая я приехал на командный пункт В. И. Чуйкова – боевого нашего соратника. Но едва утрясли мы свои дела насущные, как на КП появился начальник генерального штаба немецкой армии генерал пехоты Кребс. Он пришел, чтобы передать советскому командованию «особо важное сообщение».

Позднее мы узнали, что «Кребс передал нашему командованию сообщение о самоубийстве Гитлера, список нового имперского правительства, а также обращение Геббельса и Бормана к Советскому Верховному Главнокомандованию с предложением о временном прекращении поенных действий в Берлине с целью создания условий для ведения мирных переговоров между Германией и СССР».

Как только эти намерения гитлеровской верхушки стали известны советскому командованию, штурм Берлина усилился. В 18 часов 1 мая грохот канонады снова потряс воздух. Гвардейцы 1-й гвардейской танковой совместно с пехотой В. И. Чуйкова

ринулись в последнюю атаку на Тиргартен. Навстречу им пробивались части 3-й ударной армии генерала Кузнецова и 2-й гвардейской танковой генерала Богданова. Вечером того же дня, уничтожая последние очаги сопротивления, передовые отряды четырех армий ворвались в Тиргартен. Он был завален обуглившимися деревьями, загроможден разбитыми автомашинами, перерезан траншеями, изрыт воронками от авиабомб и снарядов.

Солдаты и офицеры бросились в объятия друг друга. Какие-то считанные километры отделяли бойцов двух армий! Но с каким трудом, с какими тяжелыми потерями дались эти километры!

Судьба берлинского гарнизона была предрешена. В 6 часов 2 мая на командный пункт В. И. Чуйкова явился комендант города генерал Вейдлинг, а утром туда был доставлен и последний член гитлеровского правительства – Фриче. Оба руководителя согласились издать приказ о капитуляции берлинского гарнизона: «30 апреля фюрер покончил жизнь самоубийством и, таким образом, оставил нас, присягавших ему на верность, одних. По приказу фюрера мы, германские войска, должны были еще драться за Берлин, несмотря на то, что иссякли боевые запасы, и несмотря на общую обстановку, которая делает бессмысленным наше дальнейшее сопротивление.

Приказываю: немедленно прекратить сопротивление.

Вейдлинг, генерал артиллерии, бывший командующий зоной обороны Берлина».

По всем телефонам тут же был отдан приказ армии немедленно прекратить огонь.

Город горел. Черные клубы дыма поднимались к весеннему небу. Кое-где еще слышался треск автоматных очередей, но все громче и отчетливее в постепенно наступающей тишине слышались голоса, усиленные мощными громкоговорящими установками. Это непрерывно зачитывали текст приказа о прекращении огня на русском и на немецком языках. По улицам медленно проезжали машины с офицерами штаба Чуйкова и Вейдлинга, они доводили до немецких частей приказ коменданта бывшего командующего обороной города.

Из подвалов, подземных туннелей и метро начали вылезать гитлеровские солдаты – остатки берлинского гарнизона. Худые, небритые, в грязных шинелях, они вереницами потянулись к пунктам сдачи оружия. Какой жалкий конец армии, четыре года назад победно прошедшей по многим странам Европы!

Итак, поставлена последняя точка в гигантской берлинской эпопее. Враг капитулировал. Я посмотрел на часы. Было 15 часов 2 мая 1945 года.

В тот же день мне неожиданно пришлось встретиться с генералом Вейдлингом, и встреча оживила в памяти многое.

Это было вблизи имперской канцелярии. Мимо дымившихся развалин понуро, в полном молчании, брела колонна пленных. Впереди колонны медленно вышагивала группа генералов. Мне показалось, что один из них – грузный, с воспаленными глазами, в фуражке с высокой тульей и погонами генерал-полковника – задержал свой взгляд на стоявшем танке с ромбом на башне, и в его бесцветных глазах промелькнула какая-то тень воспоминания. Генерал скользнул взглядом по рядам танкистов и, опустив голову, зашагал дальше.

– Кто этот генерал? – поинтересовался я у стоявшего рядом Соболева.

– Вейдлинг… Генерал-полковник Вейдлинг…

Эту фамилию я слышал не раз. Свою карьеру на восточном фронте Вейдлинг начал в чине подполковника. Он был одним из тех, кто командовал гитлеровскими ордами, рвавшимися к Москве со стороны Волоколамского шоссе. Вот тогда-то ему и пришлось впервые узнать силу и мужество танкистов 1-й гвардейской танковой бригады. Возможно, именно тогда Вейдлинг впервые почувствовал, что против них бессильна знаменитая немецкая формула боя «умфассен, эйншлиссен, фернихтен» – охват, окружение, уничтожение.

Вторая встреча Вейдлинга с 1-й гвардейской армией произошла на Курской дуге. В то время он командовал уже дивизией, наступавшей в первом эшелоне. Напрасно «Тигры» и «Фердинанды», направляемые Вейдлингом, пытались таранить нашу оборону на Обоянском шоссе. Так и не сумев прорваться к Курску, они остались ржаветь на полях и дорогах грудой закопченного, бесформенного металла.

А что касается формулы «охват, окружение, уничтожение», то весь подлинный ее смысл Вейдлинг понял летом сорок четвертого, когда, будучи уже генералом, командующим 9-й армией, он угодил со своими поисками в бобруйский котел. Советские танки перерезали коммуникации 9-й армии и чуть было не захватили в плен штаб Вейдлинга. Сам он чудом вырвался из котла.

Под Берлином произошла третья, последняя и решающая встреча 1-й гвардейской танковой армии с 56-м немецким танковым корпусом Вейдлинга, входившим в состав 9-й армии. Корпус Вейдлинга был разбит советскими войсками, а его командир с остатками частей отступил в город. И вот он шагает в колонне пленных. В его военной судьбе, как в зеркале, отразилась судьба всей германской армии.

В конце дня я с Никитиным и Шалиным поехал осматривать дымившийся в руинах город. На улицах творилось невообразимое. Радость солдат и офицеров по случаю капитуляции берлинского гарнизона выплеснулась наружу и затопила все улицы. Повсюду объятия, поцелуи, смех, песни. Взвиваются разноцветные ракеты, трещат автоматные очереди – первые мирные очереди. Около танков плотное кольцо бойцов: в кругу дробный стук каблуков. Четыре долгих, кровавых года люди ждали этого часа. И вот дождались! Победа! Над рейхстагом развевается красный флаг.

На одном из перекрестков Шалин схватил меня за руку:

– Смотрите!

На фонарных столбах, склонив голову набок, болтались трупы в немецкой военной форме.

– Фольксштурмовцы, – пояснил Шалин. – Жертвы гестапо. Уклонялись от бессмысленной борьбы. И вот результат. Их повесили на видном месте для устрашения.

Самая распространенная тема тогдашних разговоров – это судьба Гитлера. Где он? Версия о том, что фюрер покончил с собой, не убеждала. Многие считали, что гитлеровское окружение выдвинуло ее, чтобы помочь ему замести следы. Уж очень многим хотелось поймать Гитлера живым и устроить над ним публичный суд. Мне не раз приходилось слышать, как бойцы предлагали всевозможные варианты казни главаря фашизма. Но сколь чудовищный способ ни предлагался, он все равно не устраивал бойцов. Казалось, что нет такой меры возмездия этому демону зла, которая могла бы удовлетворить жажду мести простых солдат.

Естественно, заговорили о фюрере и мы. И вдруг Никитин предложил: поедемте посмотрим его бункер в имперской канцелярии.

У входа нас встретил комендант имперской канцелярии полковник В. Е. Шевцов.

– Где Гитлер? Показывайте!

– Удрал, сукин сын, – сказал Шевцов. – На тот свет, правда, но все равно удрал. Только труп обгорелый остался.

По крутым лестницам спустились вниз. В нос ударил смрадный запах. Вошли в длинный коридор, свернули вправо, затем влево и оказались перед массивной дверью, похожей на дверь несгораемого сейфа.

– Вот тут он и жил! – Шевцов пропустил нас вниз.

Осмотрели все четыре комнаты, которые занимал Гитлер. Одна из них служила приемной, другие – спальней, столовой, ванной. Шевцов рассказал, что непосредственно над квартирой

Гитлера лежала огромная железобетонная плита, которая делала ее совершенно неуязвимой для авиационных бомб и снарядов.

Все эти годы мы давали клятвы, что доберемся до фашистского логова. И вот это совершилось! Это было действительно логово. Жильем бункер назвать было нельзя.

Мы прошли в соседнее помещение. На полу лежал труп военного в генеральской форме.

– Начальник генерального штаба сухопутных войск генерал пехоты Кребс, – кивнул головой Шевцов.

Кребс… Он был вестником, который утром 1 мая принес в бункер сообщение о том, что советское командование согласно лишь на немедленную и безоговорочную капитуляцию берлинского гарнизона и отвергает какие-либо переговоры с гитлеровцами. Это сообщение вызвало целую волну самоубийств. Покончил с собой и Кребс. Мы поблагодарили Шевцова и покинули бункер. Уличные бои в Берлине закончились. Соединения и части армии построились на плацу.

По приказу нам предстояло покинуть город, передислоцироваться в новый район – Берлин уже жил мирной жизнью, но на других участках советско-германского фронта еще шла война. Советские войска вели бои с армиями Шернера, Мантейфеля и других нацистских генералов. Численность этих армий превышала полтора миллиона человек.

Каждый день приходили сообщения, что целые соединения гитлеровцев сдаются в плен союзникам, но с фанатичным упорством дерутся с нашими войсками.

Утром 3 мая мы хоронили боевых друзей, отдавших свои светлые жизни в последних боях за Берлин. В скорбном молчании обнажили головы гвардейцы. Вырастали могильные холмы у Бранденбургских ворот и в Трептов-парке. Венки, нежные весенние цветы…

Итак, Берлинская операция закончилась. Но уверен, что она еще многие годы будет волновать воображение писателей, историков как высшее проявление военного духа, морального потенциала народа, вложившего в последний, решающий удар всю свою страсть, всю жизненную силу, твердую волю и упорство.